

ΠΑΡΑ ΤΟ ΦΩΣ ΙΔΕΙΝ

V. V. ZELCHENKO

QUINQUAGENARIO

Petropoli

a. d. VII. Kal. Oct.

a. D. MMXXII

viro doctissimo et ingenuosissimo

VSEVOLODO VLADIMIRI f.

ZELCHENKO

cohors discipulorum et amicorum

e variis terrae partibus

diem natalem L. gratulatur

laetaque memoria retinendum exoptat

luce refulget precipua frons sacra viro

ΚΡΙΤΙΚΑ

<i>Tatiana Kostyleva. Sappho Fr. 96,8 Neri: Why the Moon Lost a Syllable</i>	5
<i>Alexander Nikolaev. Hdt. 4.79: διεπρήστευσε</i>	7
<i>Нина Александровна Алмазова. Soph. OT 809: оскорбление или покушение на убийство?</i>	16
<i>Зоя Анатольевна Барзах. Чувства: оксюморон (О некоторых особенностях эмоциональной лексики в трагедиях Софокла)</i>	26
<i>Carlo Lucarini. Coniectures sur le text du De fluviis et des Parallela minora du Ps.-Plutarque</i>	34
<i>Александра Александровна Пименова. Под Урожайной Луной: жизнь селенитов глазами греческих философов</i>	38
<i>Сурен Арменович Тахтаджян. Об одном исправлении Кораиса (Isoc. Nic. 22)</i>	44
<i>Елена Владимировна Желтова. Qui pro quo в «грамматургии» Плавта</i>	48
<i>Дарья Дмитриевна Кондакова. О пинтах, свитках и не всегда удачных шутках</i>	58
<i>Alexander Kirichenko. The Reception of Hellenistic Love Poetry in Rome</i>	64

ΠΑΠΥΡΟΛΟΓΙΚΑ ΚΑΙ ΕΠΙΓΡΑΦΙΚΑ

<i>Елена Юрьевна Чепель. Новое греческое имя египетского бога в римском Мемфисе</i>	76
<i>Елена Леонидовна Ермолаева. Письмо Луция (P.Mich.inv. 5594)</i>	81
<i>Андрей Юрьевич Виноградов. Необычные значения греческих слов на восточной периферии византийского мира: παραθήκη, κατοίκησις, συνοδία</i>	86
<i>Арсений Анатольевич Ветушко-Калевич. Епископ Педер Йенсен и родословие лундских эпиграфических каталогов</i>	89

ΑΝΑΓΕΝΝΗΤΙΚΑ

<i>Григорий Михайлович Воробьев. Итальянские названия животных под видом латинских неологизмов у Феодора Газы</i>	95
<i>Алексей Владиславович Белоусов. О Таллусе Джовани Пасколи (монолингвальный комментарий)</i>	100

ΡΩΣΙΚΑ

<i>Михаил Михайлович Позднев. «Но тих был наш бивак открытый...»: несколько слов об источниках лермонтовского вдохновения</i>	113
<i>Михаил Владимирович Шумилин. Латинская переписка Ф. Е. Корша и Г. Э. Зенгера</i>	121
<i>Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский. Еще раз о переводах Вячеслава Иванова из «Новой жизни» Данте</i>	129
<i>Алексей Игоревич Любжин. Марк Алданов – эрудит серебряного века</i>	138
<i>Виктория Талгатовна Мусбахова. Мотив Прометея в поздних воронежских стихах Мандельштама. набросок</i>	143

ΠΟΙΗΤΙΚΑ

<i>Hava Brocha Korzakova. English poems</i>	154
<i>Зоя Анатольевна Барзах. ΔΕΞΙΟΝΙ</i>	157

ΔΙΔΑΚΤΙΚΑ

<i>Софья Кондратьевна Егорова. Dum docemus... ludimus</i>	162
<i>Александра Костюковская. Жили два слона</i>	165

Sappho Fr. 96,8 Neri: Why the Moon Lost a Syllable

Tatiana Kostyleva

νῦν δὲ Λύδαισιν ἐμπρέπεται γυναί-
 κεσσιν ὥς ποτ' ἀελίῳ
 δύντος ἃ βροδοδάκτυλος σελάννα 8
 <-->
 πάντα περ<ρ>έχοις' ἄστρα·

8 βροδοδάκτυλος perg. : ἀργυροδ- Hindley 2002 | σελάννα Schubart 1902 : μήνα perg. : <κε> μήνα Privitera 2008, 2009a

A life ago, last spring, attending Vsevolod Zeltchenko's Sappho class when fr. 96 was read and discussed, the author idly promised herself (a promise soon forgotten) to try to discover how the corruption of σελάννα to μήνα arose. An explanation offered here suggested itself one day; it's a simple explanation, with the error stemming originally from *dictation interne* and dominated not by the 'moon', but by its attribute. However unsuccessful this idea should prove, let the soft light of Sappho's moon simile, now that the sun of yesteryears is gone from our dire lives forever, bring, against all odds, some hope of a new morn, which, or so the author presumes, once found its unwarranted way into Sappho's text.

The *crux* in line 8, all but effaced from the text of the most recent critical edition of C. Neri (his text and apparatus criticus above), lies in the absence of a convincing *ratio corruptelae* for the substitution of a rare, and above all, unmetrical (metrum cr 3gl ba (Voigt) requires a three-syllable word of a pattern $\cup - -$) Homeric μήνα of PBerol. 9722 for Aeolic commonplace σελάννα, the word Sappho uses in similar scenes in fr. 34, 154 (each time in verse-end bacchius). Promptly and easily corrected by W. Schubart in his *editio princeps* of 1902, the conjecture σελάννα, palmary in itself, had a weakness of being ungrounded, with Schubart himself refraining from any attempt at its defense. It has proved difficult ever since to explain just how a rare unmetrical word could have ousted a metrical common one. Giving a brief outline of the scholarly effort that followed, which, to my mind, has somewhat run out of road, I then suggest shifting attention to the adjective βροδοδάκτυλος.

D. Page was the first to voice doubt and obelise the whole phrase †ἃ βροδοδάκτυλος μήνα†, and then μήνα (thus 96 L–P), without accepting σελάννα either.¹ Putting explanations of a simple one-word marginal gloss² aside, one is left with either mechanical corruption or some kind of complex involvement of the conscious or semi-conscious mind of the scribe or a number of them with the text and any marginal exegetical material. R. Janko suggests a haplographic error with further elements

¹ Page 1955, 87, 90.

² Heitsch 1967, 391, suggesting that μήνη, by that time a ubiquitous poetic word, could be required as a gloss not for σελήνη, but for σελάννα; Bolling 1961, 155, suggesting Attic provenance, with μήνα an Acc. of μείς.

of conscious conjecturing or “intelligent misreading” on part of the (very intelligent) scribe,³ while C. Neri seems to fancy this explanation as well,⁴ but prefers to consider μήνα a gloss of a more complex provenance, stemming from certain marginal notes on dialect, Sapphic scholia, and synonyms, later epitomised, and the result crammed to ἄλλοι σελήνη, τινὲς δε μήνα, further abbreviated to σελήνη μήνα.⁵ Neri, in fact, comes close to the idea suggested below, but still seems to consider glossing to be the initial cause, with μήνα then prevailing as a variant in its own right, and more pleasing to the ear of those who still had the rhythm of the Homeric clausula βροδοδάκτυλος ἠώς on their minds.⁶

Let us now turn to this very adjective βροδοδάκτυλος and voice a point of difference with the above. Deemed (wrongly⁷) unsuitable as an attribute of the moon, its corruptive potential has not, as it transpires, been given enough attention, while the fact that obtrusive unmetrical μήνα is disyllabic could offer a welcome hint. What I would suggest is that the dactylic (and together with the article forming 2da) Homeric adjective βροδοδάκτυλος with its fixed position in the fifth foot (see LfgrE s. v.), the very own epithet of disyllabic ἠώς, prevailed over the Sapphic context altogether. Before the ultimate scribe became ignorant of any meaning whatever – thus Schubart commenting on the quality of the Pberol. 9722 dated between 6th and 7th CE – the Sapphic texts were long held in the hands of people who knew their Homer, and ἠώς could have thus directly found its way in the text ousting σελάννα and making the line more dactylic than it should be (it is a phalecian) in what could be treated as a semi-conscious instance of *dictation interne*. Later on, in a more conscious moment, another scholarly scribe realised that the context required the moon, and changed the insidious ἠώς to equimetrical μήνα (or, indeed, μήνη), thus preserving – or so he thought – the metre and restoring the sense.

References

- Bolling, G. M., Textual Notes on the Lesbian Poets, *The American Journal of Philology* 1961, Vol. 82, No. 2, 151–163.
- Heitsch, E., Zum Sappho-Text, *Hermes* 1967, 95. Bd., H. 4, 385–392.
- Janko R., Sappho Fr. 96,8 L-P: A Textual Note, *Mnemosyne* 1982, Fourth Series, Vol. 35, Fasc. 3/4, 322–324.
- Lobel E., Page D., *Poetarum Lesbiorum fragmenta*, OUP, 1963.
- Neri C., In margine a Sapph fr. 96,8 V., *Eikasmós* 2001, Vol. 12, 11–18
- Neri, C. (crit., comm.), Saffo, testimonianze e frammenti, DeG, 2020.
- Neri, C., Saffo e i ‘secondi pensieri’ (ancora sul fr. 96), *Athene e Roma* 2018, 24–34.
- Page, D.L., *Sappho and Alcaeus*, OUP, 1955.
- Schubart, W., Neue Bruchstücke der Sappho und des Alkaios, *SPAW* 1902, 195–206.

³ Janko 1982, 323.

⁴ Neri 2018, 28: “possono in effetti aver partorito questo miracolo lunare”.

⁵ Neri 2001, 11–18; Neri 2018, 31–33, a lengthy reiteration of 2001 with minor additions.

⁶ Neri 2018, 34, in small print.

⁷ See LfgrE s. v.; West 1978, ad v. 610.

Hdt. 4.79 διεπρήστευσε*

Alexander Nikolaev

According to Herodotus (4.78–80)⁸, Skyles was the illegitimate child of the Scythian king Ariapithes; his mother taught him the Greek language and he was much given to Greek customs. When he succeeded his father and became king, he started taking frequent trips to Olbia, a Milesian colony of the Borysthenites, which seems to have been a Scythian protectorate at the time⁹: there he would leave his retinue outside the city, shed his Scythian attire, change into Greek clothes and enjoy the Greek way of life for a few weeks before returning home. He was able to get away with his double life for some time, built a splendid house in Olbia, guarded by sphinxes and griffons in white marble, and even took a Greek woman (γυναῖκα ἐπιχωρίην) as his second wife. However, this cross-cultural experience did not end well for Skyles: he was initiated into the rites of Dionysus¹⁰, but when a group of Scythians was able to secretly observe their king dancing through the streets in a state of Dionysiac madness, they — predictably — viewed this as a blatant transgression of Scythian religious practices. On the way back to Scythia, Skyles’ people revolted against him, and he ended up beheaded by his own brother.¹¹

In the middle of this fascinating story there is a problem of considerable textual and linguistic interest, namely, the second verbal form in the following sentence:

ἐ

παίτε δὲ ἐτελέσθη τῷ Βακχείῳ ὁ Σκύλης, διεπρήστευσε τῶν τις Βορυσθενεϊτέων πρὸς τοὺς Σκύθας λέγων· Ἡμῖν γὰρ καταγεῤατε, ὦ Σκύθαι, ὅτι βακχεύομεν καὶ ἡμέας ὁ θεὸς λαμβάνει· νῦν οὗτος ὁ δαίμων καὶ τὸν ὑμέτερον βασιλέα λελάβηκε, καὶ βακχεύει τε καὶ ὑπὸ τοῦ θεοῦ μαίνεται. εἰ δέ μοι ἀπιστέετε, ἔπεσθε, καὶ ὑμῖν ἐγὼ δέξω (Hdt. 4.79).

“As soon as Skyles was initiated, one of the Borysthenites διεπρήστευσε to/at the Scythians and said ‘you, Scythians, laugh at us because we celebrate Bacchus and the god takes possession of us. Well, now the same divinity has taken possession of your own king so that he is engaged in Bacchic frenzy and is driven mad by the god. If you do not trust me, follow me and I will show you’.”

* I would like to record my gratitude to Roberto Batisti, Stefan Höfler, Craig Melchert, Sergio Neri, Norbert Oettinger, Dmitry Panchenko and David Sasseville; responsibility for any errors is, of course, mine alone. I also gratefully acknowledge support from Alexander von Humboldt Foundation.

⁸ On Hdt. 4.78–80 in general, including the Dionysiac element of the story, see e.g. Henrichs 1994, 47–51; S. West 2007, 85–91; Hinge 2008; Agnolon 2020.

⁹ See Vinogradov 1980, 77–78; 1989, 81–109.

¹⁰ On the possible relationship between this story and the bone tablets from Olbia (*SEG* 28.659) see M. West 1982, 25; for “Orphism” in Olbia in general see e.g. Vinogradov 1991; Zhmud’ 1992; Vinogradov 2000, 329–330.

¹¹ Herodotus’ story may bear an uncanny resemblance both to the story of Anacharsis (Hdt. 4.76–77) and to the tragic tale of king Pentheus in Euripides’ *Bacchae*, but the historicity of king Skyles has found archeological support: around 1935, a golden signet ring bearing his name was found a few miles south of Istros (according to Herodotus, the birth place of Skyles’ mother), see Vinogradov 1981; Dubois 1996, 11–13. In addition, bronze coins bearing the letters ΣΚΥΛ(E) and datable to 450 BCE have been found in the remains of the ancient city of Niconium (see Zaginailo and Karyshkovskii 1990; Dubois 1996, 11). The inscription on the ring can be dated to early-to-middle fifth century (Vinogradov 1981, 12); Hornblower (2000, 132) dates the Skyles episode to about 460 BCE based on the synchronism with the Thracian dynasty of Teres and Sitalces. The Scythian aversion to Greek cults — as described by Herodotus — has likewise found archeological confirmation in the letter discovered in Olbia and dated to 550–530 (see Ivantchik 2005, 102 n. 160; A. V. Buisikh *apud* Braund 2007, 46 n. 31) in which a Greek priest complains to his colleague in Olbia that the locals (οἱ θηρευταὶ τῶν ἵππων – nomads?) had destroyed Greek altars (Dubois 1996, 55–63). On the general veracity of Herodotus’ Scythian logos, see e.g. the response by Pritchett (1993, 37–38, 191–226) to Hartog (1988, 62–84), as well as Bähler 2011 and Ivantchik 2011.

The verb διαπρήστεύω is only attested here and its precise meaning is unknown¹²; it is obelized by Rosén and Wilson, as well as by Bernabé (*OF* 563T).¹³ And yet, a form of this verb likely stood in the archetype of our Herodotean manuscripts¹⁴: according to Wilson’s *app.crit.*, διεπρήστευσε is transmitted in **D**, **R** and other mss. of the Roman family, while **A** (Laur. plut. 70.3, often hailed as the best manuscript of Herodotus) as well as **B** and **C** of the same Florentine family, have ἐπρήστευσε.¹⁵ The purpose of this note is to clarify the form, meaning and etymology of this Herodotean *hapax*.

There have been two ways of interpreting the form: some scholars have taken it to refer to an act of speech (the Borysthenite giped at the Scythians as they were unaware that their king was participating in Greek rituals¹⁶), while others have sought here a verb of motion (the Borysthenite went to the Scythians to report that their king was participating in Greek rituals).¹⁷ Both groups of scholars proposed a variety of conjectures, some of them *addenda lexicis* and none of them commanding immediate acceptance.¹⁸ The standard lexica reflect this uncertainty: Powell (1938, 88) lists

¹² Cf. Wesseling *apud* Schweighäuser 1820, 429: “de famoso ἐπρήστευσε sive διεπρήστευσε neque scio quid dicam aut coniectem”; Stein (1868, 239 n. 13): “das unverständliche διεπρήστευσε” (same formulation in Abicht 1886, 2.70); Stein (1883, 103): “das idiotische διεπρήστευσε”.

¹³ As well as by P. Maas in his annotated copy of Hude’s edition, see Wilson 2011, 64; διεπρήστευσε is printed without daggers by Bähr and Hude.

¹⁴ Macan 1895, 55 aptly describes διεπρήστευσε as a “ἄπαξ λεγ., but almost certainly the true reading”.

¹⁵ Ms. **S** (Cambridge, Emmanuel College 30) has διεπίστευσε which is in all likelihood a gloss, possibly by the scribe himself (Andronicus Callistus); the form was, however, chosen by Passow (1841–1857, 1.657) as the true reading.

¹⁶ Stein 1893, 75 n. 13 “höhnern, spotten”; Godley 1920–1924, 2.281 “scoffed at the Scythians”; How & Wells 1928, 1.330 “giped at”; Horneffer 1971, 281 “sagte höhnend”; Marg 1985, 346 “wollte irgendein Borystheneite den Skythen eins auswischen (viz. to get back at them – A. N.) und sagte”; Grene 1987, 310 “made a joke of the matter”; Strassler 2007, 314 “taunted the Scythians”.

¹⁷ Rawlinson 1880, 69 “went and carried the news”; Legrand 1932–1954, 4.96 “alla faire de gorges chaudes chez les Scythes” (for the “gorges chaudes” see below n. 29); Powell 1949, 304 “hastened without”; Braun 1985, 301 “lief ein Borysthenit zu den Skythen hinaus”; Waterfield 1998, 261 “hurried off”; Mensch 2014, 229 “went to the Scythians and said”; Frascchetti in Asheri et al. 1993, 95 “si recò furtivamente”.

¹⁸ The conjectures of which I am aware are listed below in chronological order. *Verbum loquendi vel sim.*: (1) διεπρέσβευσε ‘acted as an ambassador’ (Gale *apud* Wesseling 1763, 318, and, independently, Allen 1939, 45; but the Greek was not an envoy on an official mission); (2) διεπερίσσευσε ‘nimia loquacitate rem effutiit’, viz. ‘boasted’ (Reiz 1808, xviii, with a very forced translation of an unattested verb); (3) διεθρήσκευσε ‘divulged the sacred rites’ (Riemer 1823, 453: “Allein von Überlaufen ist dort gar nicht die Rede, sondern von Verrath u. Ausschwätzen religiöser Mysterien”, but the Scythians were unlikely to be interested in the details of the Greek ritual; the verb is unattested and the proposed meaning is utterly contrived); (4) διέπρησσε ‘transegit’, viz. ‘traded (information)’ (Negris 1833, 343; syntactically difficult (with πρὸς) and semantically strained); (5) διεπρίσσευσε ‘irritated’ (Badham 1869, 32; but πρίω is not found in figurative use until Menander, and the meaning ‘to gnaw, to chew on oneself’ is not quite the same as ‘to annoy someone’). *Verbum movendi*: (1) διέπεσε / διέπιπτε ‘escaped’ (Valckenaer *apud* Wesseling 1763, 318, endorsed by Schweighäuser 1820, 429, and Gaisford 1824, 3.486, even though the conjecture provides no paleographical account of the presumed corruption); (2) διεδρήστευσε ‘ran, fled’ (Schneider 1819 [1797], 326, followed by Schweighäuser 1824, 87; Dietsch(–Kallenberg) 1903–1906, 1.356 print impf. διεδρήστευε; the unattested form is posited on the strength of Hsch. δ 2371 δρήσται δραπέται. ἢ δυνατοί where Latte and, following him, Cunningham, have emended the first *interpretamentum* to οἰκέται, thus eliminating the noun *δρήστης ‘runner’, cf. aor. (ἀπ)ἔδρᾶν, although δρηστήρ and δρηστis ‘fugitive’ are attested in Hellenistic poetry); (3) διέπέσπευσε ‘hurried across’ (Dietsch 1853, 412: “hatte daher ein Borystheneite nichts eiliger zu thun als den Skythen zu sagen”; but this conjecture is best suited to explain the marginal reading διεπίστευσε, see above n. 15; Dietsch gave this idea up in his own Teubner editions in which he printed διεπρήστευσε of the paradosis in 1882 and conjectured διέδρη in 1876; in the revised edition Kallenberg printed Schneider’s conjecture, see above); (4) διεκπερήσας ἔσπευσε ‘went out hurriedly’ (Gebhardt 1857, 9; *non vidi*, cited from Rosén 1987, 1.396); (5) διεπρήστευσε ‘crawled across, *perreptavit*’ (Stein 1868, 239 n. 13; the prefixed verb is unattested, but ἔρπω is indeed a verb of motion and ἐρηπστής ‘crawling animal, reptile’ is found in Nicander); (6) διέδρη ἐντεῦθεν ‘ran across from there’ (Abicht 1886, 2.70; it is uncertain why such a familiar form as ἐντεῦθεν should have been garbled in the transmission); (7) διεπεράτευσε (Scheer 1880; *non vidi*, cited from Stein 1881, 103, but it is unclear why the

διεπρήστευσε with a meaning ‘hurry across’ but labels the word as “dubious”, the editors of the *DGE* similarly register their doubts and offer a tentative translation ‘montar en colera’ (ride in hot rage)¹⁹, while Bailly and the editors of the *LSJ*⁹ thought that the transmitted form must be emended to (otherwise unattested!) διαδρηστεύω or διαδρηπετεύω (see n. 18 above).²⁰ Montanari (*GI*), in a nifty bit of sleight of hand, has two entries, both citing Hdt. 4.79 as the only source: “διαδρηστεύω fuggire” (to flee) and “διαπρηστεύω infiammarsì” (to catch fire); in the second lemma the phrase in question is translated as “si prese la briga di andare a dire” (he took the trouble to say).²¹ The problem clearly warrants a re-examination.

In my opinion, it is prudent to accept the manuscript authority for (δι)επρήστευσε. As has been observed before, the hapax (δια)πρηστεύω is likely to be a colloquial Ionic verb.²² It is therefore not unreasonable to speculate that we are dealing with a familiar verb that underwent a special semantic development.

To echo Wilson (2015, 82), the key question is, what root is (δι)επρήστευσε supposed to derive from. In order to answer this question, we should analyze the morphological structure of the form which is in fact unproblematic. Even though originally verbs in -εύω were derived from agent nouns in -εύς (cf. ἀριστεύω ‘be the best, be the victor’ ← ἀριστεύς ‘the leader, the victor’ ← ἄριστος ‘best’), it is, in fact, unnecessary to posit a nominal stem *πρηστεύς: in post-Homeric Greek -εύω spread far beyond its original domain and encroached on the functions of denominative -έω.²³ Therefore, a variety of nominal stems can be envisaged as the derivational basis of (δια)πρηστεύω: *πρήστης (cf. δυναστεύω ‘hold power’ ← δυνάστης ‘person with power’), *πρηστός (cf. πιστεύω ‘trust’ ← πιστός ‘trustworthy’), or — actually attested — πρηστήρ (cf. μνηστεύω ‘woo’ ← μνηστήρ ‘suitor’).²⁴ The -σ- in these nominal forms does not need to belong to the root (as it does e.g. in ξεστός ‘hewn’, ξέστης ‘jug’ from ξέω ‘shape, carve’): it may be “paragogic”, taken over from the tense stems that contained an -s-, such as aor. in -σ(σ)α, fut. in -σ(σ)ω, aor. pass. in -σθην and perf. mid. in -σμαι,²⁵ it may come from the underlying s-stem verbal noun (cf. τελέστης ‘officiating priest’ ← τέλος ‘offering, rite’ or γελαστός ‘laughable’ ← γέλως / *γέλας ‘laughter’) or it can originate in the combination of the final *d or *d^h of the verbal root (or stem) with a dental consonant of the suffix, e.g. θαυμαστός ‘wonderful’ < *-d-to- (cf. θαυμάζω ‘to wonder’), or πιστός ‘trustworthy’ < *-d^h-to- (cf. πείθω ‘persuade, convince’).²⁶

verb derived from πέρας ‘limit’ and probably meaning something like ‘to complete’, cf. Hsch. π 1545 περατεύει ὅρ[γ]ίζει, στέλλει, τελεῖ, should have the meaning ‘ἔφη’ in Herodotus; Scheer was probably misled by the last *interpretamentum* λέγει in Schmidt’s edition, correctly emended to τελεῖ already by Ruhnken, based on transposition of capital T and Γ); (8) διεδρηπέτευσε ‘ran, fled across’ (Dindorf 1887, vii, 206, commended by Blaydes 1901, 71 and Wilson 2015, 82; simplex δρᾶπετεύω ‘flee’ is attested, but the meaning is not a good fit, since the verb is mostly used of runaway slaves and the Greek informant is not a fugitive from Olbia). Cf. Schuckburgh 1906, xxx: “[t]he sense required seems to be ‘to go in haste’ [...] but the corrections are none of them convincing”, echoed by S. West 2007, 90 n. 40: “[n]one of the various emendations suggested is very convincing”; see also Abicht 1870, 25–27, with critique of Valckenaer’s, Reiz’s and Negris’ conjectures; Dovatur et al. 1982, 319 n. 477; Vinogradov 1989, 102.

¹⁹ See Adrados 1980–, s.v.

²⁰ See Bailly 2000, 468; *LSJ*⁹ 393 (no revisions in the 1996 *Supplement*). The *Intermediate Greek-English Dictionary* (the “Middle Liddle”) followed *LSJ*⁹ in cross-referencing the entry “διαπρηστεύω” with the one for “διαδρηστεύω”; its replacement, the *Cambridge Greek Lexicon*, does not include the form, even though Herodotus is otherwise covered: presumably the difficult form is omitted because it has been obelized in the editions.

²¹ Montanari 1995, 496, 514 (for English translations see Montanari 2015: 485, 504).

²² Stein 1893, 75 n. 13 “ein sonst nicht bekanntes Wort, wahrscheinlich aus der derben Volkssprache”, followed by Howells 1928, 1.330; Legrand 1932–1954, 4.96 n. 2: “probablement un mot d’usage local et familier”.

²³ See Fraenkel 1906, 172–224, esp. 205–208; Schwyzler 1939, 732; Risch 1974, 333.

²⁴ Historically μνηστεύω may be best analyzed as a semantic causative to μνηστός ‘wedded’, but synchronically the speakers were likely to make a direct connection between μνηστεύω and μνηστήρ.

²⁵ Schwyzler 1939, 500 (-στης “mit unetymologischem σ”), 503 (-στός), 524 (-σμα “nach Verbalformen”), 775.

²⁶ Another example showing -στ- from *-d^ht- is ἄλαστος which must have originally meant ‘impossible to forget’ (cf. λήθω ‘forget’) but eventually became specialized in a negative sense (the expression πένθος ἄλαστον may have been the starting point) and came to mean ‘terrible, insufferable’ (see Cassio 2007, 30–31).

The purpose of this linguistic exercise is to identify the root of verb (δια)πρηστεύω as πρη-. There is only one root of this structure in Greek, namely, the root of πίμπρημι, πρήθω, (ἐν)έπρησα, etc., and the derivation of (-)πρηστεύω from πρήθω- (via πρηστήρ) provides a neat explanation for the -σ-, cf. πιστεύω ← πιστός < *b^hid^h-to-, mentioned above.²⁷ The realization of this root connection must have been responsible for such translations of (δια)πρηστεύειν as ‘(to be) in hot haste’ (Schuckburgh 1906, 174²⁸), ‘to catch fire’ (*GI*) or ‘to ride in hot rage’ (*DGE*).²⁹ Indeed, the familiar meaning of πίμπρημι and πρήθω is ‘to burn, to put on fire; to be inflamed’: the dreadful Capaneus’ battle-cry at Aesch. *Sept.* 434 is πρήσω πόλιν ‘I will burn the city’, at Soph. *Ant.* 201 Polyneices similarly sought to burn his city from top to bottom (ἠθέλησε μὲν πυρὶ / πρήσαι κατ’ ἄκρας) and at Ar. *Lys.* 341 the chorus of women is praying to Athena Polias to not see their comrades burned to coal (γυναῖκας ἀνθρακεύειν ... (ῥ)πιμπραμένας). The same meaning ‘to burn’ is found among the derivatives, e.g. ἔμπρησις ‘setting on fire’ or πρηδών ‘inflammation’.³⁰ But the semantics of ‘burning’ will not be of much help with the Herodotus’ passage, as the strained translations cited above have shown, and the preposition πρὸς adds a further syntactical difficulty.³¹

However, ‘to burn’ is not the only meaning of πίμπρημι and πρήθω, nor is it historically the primary one. The original meaning of the verbal root was ‘to blow’ (of the wind), ‘to swell from blowing’, well-attested in Greek texts, cf. *Il.* 1.481 (≅ *Od.* 2.427) ἐν δ’ ἄνεμος πρήσεν μέσον ιστίον ‘and the wind blew into the middle of the sail’, and the blast of Hephaestus’ bellows is described as εὖπρηστος αὐτμή (*Il.* 18.471). The semantics of blowing clearly underlies the noun πρηστήρ ‘hurricane; bellows’ (cf. Hes. *Th.* 846 πρηστήρων ἀνέμων), as emphasized by Lebedev 2014, 339, in his discussion of Heraclitus fr. 44 (= B 31 A Diels–Kranz). Following Buttmann 1865, 99–105, C. P. de Putter (*Lfgre* 3.1533) posits ‘durch Blasen expandieren lassen’ as the original meaning of Greek πρη-, whence ‘verbrennen’ via ‘jaillir, herausschlagen von Flammen’. The etymology of the verb confirms this conclusion: Hittite *parāi-*, reduplicated *parip(p)arāi-* means ‘to blow’ (e.g. a wind instrument).³² The meaning ‘to blow’ has long been on the books for πίμπρημι and πρήθω, but it seems to have escaped the attention of Herodotean scholars.

I agree with Abicht³³ and other authorities, cited above, that we need a verb of rapid motion at Hdt. 4.79 (the Greek informant would have been in a hurry to make sure that the Scythians arrive

²⁷ The -θ- in πρηθ- is originally an intransitivizing suffix, cf. πίμπλημι ‘fill’ vs. πλήθω, Old Avestan *frāda-* ‘become full’.

²⁸ “It may be connected with the root seen in πρηστήρ (πίμπρημι)”.

²⁹ In fact, the last two translations, at least, may have been inspired by P. Chantraine’s remark: “πρηστεύειν dérive-t-il [...] de la racine de πίμπρημι” (*apud* Legrand 1932–1954, 4.96 n. 2; Chantraine does not mention the Herodotean hapax in his etymological dictionary). Legrand continues: “et est-il dit ici de quelqu’un qui est tout enflammé, tout brûlant, tout fumant, no pas de colère, mais de malice impatiente”. He compares πρημονάω (Herod. 6.8) which seems to mean ‘to puff, ‘to seethe (with anger)’ (Cunningham 1971, 163), but in any event it is far from clear why the inhabitant of Olbia should have been angry at the fact that Scyles was initiated into the mysteries.

³⁰ But Ar. *Nub.* 336 πρημαίνουσας τε θυέλλας refers to ‘gale-blast storms’; the translation ‘to suffer violently’ (Montanari 2015, 1739) is unlikely: Aristophanes’ choice of πρημαίνω may have been inspired by immediately preceding Τυφῶ who was believed to generate storm-winds (cf. Hes. *Th.* 869).

³¹ The problem was succinctly formulated by A. Corcella: “the (δι)επρήστευσε of the mss. in a *hapax* which can only have the meaning of ‘to inflame’ [...] A verb is needed which denotes a stealthy movement” (Asheri et al. 2007, 639).

³² Another cognate is the Plautine hapax *exprētus*, compared to **preh₁*- by Klingenschmitt 1989: Plaut. *Bacch.* 446 *it magister quasi lucerna uncto expretus linteo* “the teacher goes like a lamp, extinguished, when the wick is still drenched” (trans. de Melo); the best way to extinguish an oil lamp is by blowing at it (cf. Ar. *Ran.* 1098 φυσῶν τὴν λαμπάδα). Slavic **para*, Old Church Slavonic *para* ‘vapor, ἀτμός’ probably belongs to the same root, combining the meanings of ‘hot’ and ‘blown air’ (**para* < **porh₁-eh₂*- with expectable *Schwebeablaut*; despite the outer similarity with the Slavic form, Hitt. *parā-* ‘breath; blown air’ is probably of inner-Hittite coinage). Russian *pret* ‘perspire’ is customarily taken from **preh₁-je/o-*, too. Finally, the semantics of inflammation may in fact be fairly old with this root: Heidemanns (1993, 206–7) plausibly compared isolated Old High German *frat* ‘foul, purulent’ (< PGmc. **frada-* ‘inflamed’).

³³ Abicht 1870, 26: “Ratiocinandi necessitas requirit fugiendi verbum, quo scriptor indicet, Borysthenitam inter muri custodes elapsam ad Scythas transfugisse”.

in time to witness their king in the state of $\mu\alpha\nu\acute{\iota}\alpha$) and I think that $\pi\rho\eta$ - ‘to blow’ can conceivably have developed just this meaning in colloquial use. A welcome parallel is found in Russian *dut’* (∂ymb) ‘to blow’ for which the authoritative dictionary of the Russian language offers the meaning “4. *intrans. colloq.* to move fast; to dash, to rush”.³⁴ Modern English *blast* can refer to a variety of loud or forceful actions (including quick motion), but its Old English forebear *blæstan* (etymologically related to *blow* and Latin *flāre*) is attested in just two meanings: ‘to blow’ and ‘to move impetuously’. As a general parallel for the connection between blowing (of the wind) and the idea of rapidity compare Lat. *vēlōx* ‘fast’ < *‘wind-like’ from the root **h₂ueh₁-* ‘to blow’³⁵ (Greek $\alpha\eta\mu\iota$, Latin *ventus*).³⁶

Interestingly, the polysemy ‘to blow’ ~ ‘to move (fast)’ may be observed among other descendants of **preh₁-*, the PIE root of Greek $\pi\rho\eta$ -. While the usual meaning of Hittite *parai-* is ‘to blow’,³⁷ including, just as in (Proto-)Greek, ‘to ignite fire by blowing’,³⁸ the form *parāi* is twice used to denote motion of insects, e.g. KUB 8.1 ii 16–7 KUR-*e anda mašaš parāi* BURU₁₄.H.A *karāpi* “The locust will *parāi* in the land and devour the crops”. The verb *parāi* may be translated here as ‘will blow in’, especially because a swarm of locusts can easily be visualized as a cloud. Most authorities have assigned the meanings ‘to blow’ and ‘to move’ to two different (and unrelated) Hittite verbs,³⁹ but some have treated this range of meanings as a real polysemy,⁴⁰ in which case it may serve as another typological parallel to the semantic development ‘blow’ > ‘move’ posited here for Greek $\pi\rho\eta$ -.⁴¹

³⁴ See Gorbachevich–Gerd 2004–, 5.441. There are other parallels to be found in Russian dialects, e.g. *pořukat’* (*поřукать*) recorded in Vologda in the meaning ‘to dash’ and derived from (onomatopoetic) *fukat’* ‘to blow’.

³⁵ The Indo-European root **h₂ueh₁-* ‘to blow’ may, perhaps, provide another parallel for ‘blow’ > ‘move (rapidly)’: this root made a participle **h₂uh₁-ent-* ‘blowing’ (> Hittite *huwant-* ‘wind’), a derivative of which is the widespread word **h₂ueh₁-nt-o-* ‘wind’ (> Latin *ventus*, Vedic *vāta-*, Tocharian B *yente*, English *wind*); next to it, we find a very similar root **h₂eyh₁-* that means to ‘run’ in Anatolian (Hittite *huwai-*, Luwian */hwiya-*) but ‘run to help’ > ‘succor’ (Vedic *avⁱ-*, *ūtā-* ‘to help’, Latin *iuuāre* ‘id.’) or ‘run to’ > ‘long for’ (Latin *auēre* ‘to desire’, Welsh *ewyllys* ‘appetite, lust’, Greek (Doric) $\alpha\tau\alpha\varsigma$ ‘eromenos’, $\epsilon\nu\eta\eta\varsigma$ ‘friendly’) in Core Indo-European, see García Ramón 2012. It is quite possible, in my opinion, that these two roots are related, with **h₂eyh₁-* ‘run’ back-formed to **h₂ueh₁-* ‘blow’ (note the participle **h₂uh₁-ent-* as a possible *Scharnierform*), see Oettinger 2022. However, the *opinio communis* is that **h₂eyh₁-* and **h₂ueh₁-* are etymologically distinct, see e.g. Rix 2001, 243–244, 274, 287; García Ramón 2016, 72 n. 49.

³⁶ Another Latin parallel may be found in the verb *a(d)spīrāre* which usually means ‘to breathe; to blow’ but is also attested in the meaning ‘to move near; to approach’ (lit. ‘to blow toward’), e.g. Lucil. 842 Marx *qui prope ad ostium aspiraverint* “any who have moved close to the door”; Cic. *Fam.* 33 Shackleton Bailey *ab eo ad quem ceteri, non propter superbiam eius sed propter occupationem, adspirare non possunt* “whom other people — not because of his pride, but of his many engagements — cannot venture to approach”; Sil. 5.442–423 *aspirare viro propioremque addere Martem / haud ausum cuiquam* “none dared to approach him (viz. Othrys) or fight him at close quarters”.

³⁷ E.g. KBo 24.106 ii 22 ^{LÚ}BALAG.DI *šauwatar 2-ŠU parāi* “the harpist blows the horn twice”; KUB 2.3 ii 30 *šawatarr=a 3-ŠU pariyanzi* “[they] blow the horn thrice”; KUB 43.58 i 16 *arḫa=ma=at dān pariyan* “but it (viz. stew in a bowl) is blown off (viz. cooled off) for a second time”.

³⁸ E.g. KBo 34.38 i 3 *paḫḫur parāi* “he fans fire”, KUB 10.88 i 8 *paḫḫurr=a pariyanzi* “and they fan fire”.

³⁹ See Güterbock–Hoffner 1997, 134. The form *parannaš* cited under *parai-B* is now read as *kurannaš*, see van den Hout 2010, 400.

⁴⁰ See Puhvel 2011, 109–112. There may be evidence for a related verb of motion in other Anatolian languages but it is even more uncertain: in the Palaic version of the ritual for a disappearing deity (KUB 35.168, 3’) we read *n]=an šīt nit=kuwat parāi[t* “(the eagle) pressed him (the god), (but) he (the god) did not *parai-* at all”. In hieroglyphic Luwian texts we find *ARHA para-* which seems to mean ‘to disappear’ (< ‘to blow away?’).

⁴¹ While I am hesitant to project the semantics of motion back to Proto-Indo-European **preh₁-*, I would still like to signal Old Icelandic *farri* (m.) ‘wanderer’, attested in skaldic poetry. A connection with the verb *fara* ‘to go, move’, German *fahren*, may seem straightforward, but the geminate would be without an explanation

The proposed solution to the problem of the Herodotean hapax (-)πρηστεύω is thus as follows: this colloquial verb (or even possibly Herodotus' own *Augenblicksbildung*) goes back to the same root as πίμπρημι and πρήθω in the original meaning 'to blow' and shows a semantic development from 'blowing' to 'moving (impetuously)', supported by a range of parallels. It is possible to theorize that (-)πρηστεύω was formed directly from πρηστήρ 'hurricane', based on pairs like ληστεύω 'to be a pirate; to pillage' : ληστήρ 'plunderer' or μνηστεύω 'to woo' : μνηστήρ 'suitor' (which, as mentioned above, do not necessarily represent historically correct morphological derivation but may have easily been reanalyzed by the speakers as valid derivational chains).

As Vinogradov (1989, 102) noted, the prefix δια- is important. In Herodotus' story, Scyles is the only one who moves freely between the Scythian camp (ἐν τῷ προαστίῳ) and the town of Olbia, but the Greek and the Scythian spaces are separated: Scyles' practice was to have the gates locked (Hdt. 4.78 καὶ τὰς πύλας ἐγκλήσειε) while the Borysthenites kept watch (τὰς δὲ πύλας ἐφύλασσον, μή τις μιν Σκυθῶν ἴδοι ἔχοντα ταύτην τὴν στόλιν).⁴² The resident of Olbia who was keen to inform the Scythians as soon as possible that their king was dancing in the streets in a state of Dionysiac madness, would therefore have to circumvent these measures by escaping the town, possibly over the wall (δια-). If (-)πρηστεύω is analyzed as a verb of swift motion, as argued above, the Herodotean phrase διεπρήστευσε τῶν τις Βορυσθενεϊτέων πρὸς τοὺς Σκύθας can be translated as "one of the Borysthenites blasted over to the Scythians" or, in Russian, "дунул к скифам".

References

- Abicht C. *De codicum Herodoti fide atque auctoritate*. Berlin, Calvary, [1870].
- Abicht K. *Herodotos für den Schulgebrauch erklärt, nebst Einleitung und Übersicht über den Dialekt*. Leipzig, Teubner, ³1886.
- Adrados F. R. (ed.) *Diccionario griego-español*. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1980–.
- Agnolon A. Cosmopolitanism and Contingency in Herodotus: Myth and Tragedy in the Book IV of the *Histories*, in: Th. Figueira and C. Soares (eds.) *Ethnicity and Identity in Herodotus*. London; New York, Routledge, 2020, 159–177.
- Allen T. W. *Adversaria V. RPh* 1939, 13, 44–46.
- Asheri D., Corcella A., Fraschetti A., Medaglia S. (ed., trans., comm.) *Erodoto. Le storie*. Vol. 4 : *La Scizia e la Libia*. Milan, Mondadori, 1993.
- Asheri D., Lloyd A. B., Corcella A. *A Commentary on Herodotus: Books I-IV*, ed. by O. Murray and A. Moreno. Oxford, OUP, 2007.
- Bäbler B. Das Land der Skythen — ein Wolkenkuckucksheim Herodots? in: N. Povalachev and V. Kuznetsov (eds.) *Phanagoreia, Kimmerischer Bosphorus, Pontos Euxeinos*. Göttingen, Cuvillier, 2011, 103–142.
- Badham Ch. *Adhortatio ad juventutem academicam Sydneensem*. Sydney, Gibbs, 1869.
- Bailly A. *Dictionnaire grec-français, rédigé avec le concours de E. Egger, édition revue par L. Séchan et P. Chantraine*. Paris, Hachette, ⁴2000.
- Blaydes F. H. M. *Adversaria in Herodotum*. Halle (Saale), Waisenhaus, 1901.
- Braun Th. (trans.) *Herodot. Das Geschichtswerk*. Berlin, Aufbau Verlag, ²1985.
- Braund D. Greater Olbia: Ethnic, Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC, in: D. Braund and S. D. Kryzhitskiy (eds.) *Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD*. (Proceedings of the British Academy 142). Oxford, OUP, 2007, 33–77.
- Buttmann Ph. *Lexilogus oder Beiträge zur griechischen Worterklärung hauptsächlich für Homer und Hesiod*. Berlin, Mylius, ⁴1865.

(Martinet 1937, 178, takes it as expressive, which is a counsel of despair; Germanic has no regular change *-rn- > -rr-, so the origin of the geminate in the *n*-stem inflection is unlikely). Holthausen (1948, 57) compared the word with the root of πίμπρημι, Hittite *parai-*: PIE **porh₁-ó-* → **porh₁-en-* will in fact give Icelandic *farri* without a problem.

⁴² Cf. Gaisford 1924, 3.486 (in support of a hesitantly entertained emendation διέπεσε, also favored by Valckenaer): "debuit enim, dum portis oclulis sacris rex Graecanicis operaretur, insciis custodibus urbe delator elabi" (emphasis Gaisford's).

- Cassio A. C. Two Lead Tablets from Dodona, in: M. B. Hatzopoulos and V. Psilakakou (eds.) *Φωνής χαρακτήρ εθνικός. Actes du Ve congrès international de dialectologie grecque (Athenes 28-30 septembre 2006)*. Athenes : Kentron Hellēnikēs kai Rōmaikēs Archaioetētos, 2007, 29–34.
- Cunningham I. C. (ed., comm.) *Herodas. Mimiambi*. Oxford, Clarendon Press, 1971.
- Dietsch H. R. (ed.) *Herodoti Historiarum libri IX*, ed. by H. Kallenberg. Leipzig, Teubner, ²1903–1906.
- Dietsch R. Review of B. H. Lhardy (comm.) *Herodotos*. Leipzig, Weidmann, 1850. *Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik* 1853, 23, 399–414.
- Dindorf G. (W.) (ed., comm.) *Historiarum libri IX*. Paris, Didot, 1887.
- Dovatur A. I., Kallistov D. I., Shishova I. A. (trans. comm.) *The Peoples of our Country in Herodotus' Histories: Texts, Translations, Commentary* [Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota: teksty, perevod, kommentarii]. Moscow, Nauka, 1982.
- Dubois L. (ed., comm.) *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève, Droz, 1996.
- Fraenkel E. *Griechische Denominativa in ihrer geschichtlichen Entwicklung und Verbreitung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1906.
- Gaisford Th. (ed., comm.) *Herodoti Halicarnassei historiarum libri IX*. Oxford, Joseph Parker, 1924.
- García Ramón J. L. Vedic *indrotá-* in the Ancient Near East and the Shift of PIE **h₂eu_h₁-* 'run' → Core IE 'help, favor', in: D. Gunkel, J. T. Katz, B. Vine and M. Weiss (eds.) *Sahasram Ati Srajas: Indo-Iranian and Indo-European Studies in Honor of Stephanie W. Jamison*. Ann Arbor; New York, Beech Stave Press, 2016, 64–81.
- García Ramón J. L. From *run* to *desire*: Lat. *auēre* 'desire, be eager, long (for)' and **h₂eu_h₁-* 'run (to/for)', Lat. *accersere* 'go forth', 'fetch' and Toch. B *ñäsk-* 'desire', Ved. *aviṣ-yú-* 'greedy', in: V. Orioles (ed.) *Per Roberto Gusmani. Studi in ricordo*, vol. 2: *Linguistica storica e teorica*. Udine, Forum, 2012, 151–166.
- Gebhardt G. A. *Emendationum Herodotearum pars II*. (Programm des Gymnasiums in Hof). Hof a.d Saale, Mintzel, 1857 (*non vidi*).
- Godley A. D. (trans.) *Herodotus. The Persian Wars*. 4 vols. (Loeb Classical Library 117–120). Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1920–1924.
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.) *The Great Academic Dictionary of the Russian Language* [*Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo iazyka*]. Moscow; St. Petersburg, Nauka, 2004–.
- Grene D. (trans.) *Herodotus. The History*. Chicago, University of Chicago Press, 1987.
- Güterbock H. G., Hoffner H. A. (eds.) *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. P. Chicago, The Oriental Institute of the University of Chicago, 1997.
- Hartog F. *The Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History*, translated by J. Lloyd. Berkeley, University of California Press, 1988.
- Heidermanns F. *Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive*. Berlin; New York, de Gruyter, 1993.
- Henrichs A. Der rasende Gott: Zur Psychologie des Dionysos und des Dionysischen in Mythos und Literatur. *Antike und Abendland* 1994, 40, 31–58.
- Hinge G. Dionysos and Herakles in Scythia – the eschatological sting of Herodotos' Book 4, in: P. G. Bilde and J. H. Petersen (eds.) *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflicts and Coexistence*. Aarhus, University Press, 2008, 369–398.
- Holthausen F. *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen, Altnorwegisch-isländischen, einschliesslich der Lehn- und Fremdwörter sowie der Eigennamen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1948.
- Hornblower S. Personal Names and the Study of the Ancient Greek Historians, in: S. Hornblower and E. Matthews (eds.) *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. (Proceedings of the British Academy 104). Oxford, OUP, 2000, 129–143.
- Horneffer A. (trans.) *Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe*. Stuttgart, Kröner, 1971.
- How W. W. and J. Wells. *A Commentary on Herodotus*. Oxford, OUP, ²1928.
- Ivantchik A. I. *Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8.–7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte* [Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoi literaturnoi traditsii: fol'klor, literatura i istoria]. Moscow; Berlin, Paleograph, 2005 (in Russian).
- Ivantchik A. I. The Funeral of Scythian Kings: The Historical Reality and the Description of Herodotus (IV, 71–72), in: L. Bonfante (ed.) *The Barbarians of Ancient Europe: Realities and Interactions*. New York, CUP, 2011, 71–106.

- Klingenschmitt G. Altlateinisch *exprētus* (Plaut. Bacch. 446), in: K. Heller et al. (eds.) *Indogermania Europaea. Festschrift für Wolfgang Meid zum 60. Geburtstag*. Graz: Institut für Sprachwissenschaft, 1989, 79–100 (reprinted in: *Aufsätze zur Indogermanistik*, ed. by M. Janda, R. Lühr, J. Matzinger and S. Schaffner. Hamburg: Kovač, 269–283).
- Lebedev A. V. *Heraclitus' Logos: A Reconstruction of his Thought and Word* [*Logos Geraklita: Rekonstruktsiia mysli i slova*]. St.Petersburg, Nauka, 2014 (in Russian).
- Legrand Ph. E. (ed., trans., comm.) *Hérodote. Histoires*. 4 vols. Paris, Les Belles Lettres, 1932–1954.
- Macan R. W. (ed., comm.) *Herodotos: The Fourth, Fifth and Sixth Books*. London, Macmillan, 1895.
- Marg W. (trans.) *Herodot: Geschichten und Geschichte*. 2 vols. Zürich ; München, Artemis, 1985.
- Martinet A. *La gemination consonantique d'origine expressive dans les langues germaniques*. Copenhagen, Levin & Munksgaard, 1937.
- Mensch P. (trans.) *Herodotus. Histories*. Indianapolis, Hackett, 2014.
- Montanari F. *Vocabolario della lingua greca*. Milan, Loescher, 1995.
- Montanari F. *The Brill Dictionary of Ancient Greek*, ed. by M. Goh and C. Schroeder. Leiden; Boston, Brill, 2015.
- Negris A. (ed., comm.) *The History of Herodotus of Halicarnassus*. Edinburgh, Clark, 1833.
- Oettinger N. Οσοῶλλις als ‚Zeus Stratios‘ in Karien, lyk. *ese-* und heth. *huwai-ⁱ / hui-* ‚sich dahinbewegen‘. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 2022, 74 (in press).
- Passow F. *Handwörterbuch der griechischen Sprache*. Leipzig, Vogel, ⁵1841–1857.
- Powell J. E. *A Lexicon to Herodotus*. Cambridge, CUP, 1938.
- Powell J. E. (trans.) *Herodotus*. Oxford, Clarendon Press, 1949.
- Pritchett W. K. *The Liar School of Herodotus*. Amsterdam, Gieben, 1993.
- Puhvel J. *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 8: *Words Beginning with PA*. Berlin; New York, de Gruyter, 2011.
- Rawlinson G. (trans., comm.) *The History of Herodotus: A New English Version*. London, Murray, ⁴1880.
- Reiz F. V. (ed.) *Herodoti Halicarnassei historiarum libri IX*. Oxford, Cooke and Parker, 1808.
- Riemer F. W. *Griechisch-deutsches Wörterbuch für Anfänger und Freunde der griechischen Sprache*. Bd. 1: A – K. Jena, Frommann, ⁴1823.
- Risch E. *Wortbildung der homerischen Sprache*. Berlin; New York, de Gruyter, 1974.
- Rix H. *Lexikon der indogermanischen Verben*, ed. by M. Kümmel et al. Wiesbaden, Reichert, ²2001.
- Rosén H. B. *Herodoti Historiae*. Leipzig, Teubner, 1987.
- Schneider J. G. *Griechisch-deutsches Wörterbuch*. Leipzig, Teubner, ³1819.
- Schuckburgh E. S. *Herodotos IV: Melpomene*. Cambridge, CUP, 1906.
- Schweighäuser J. *Adnotationes in Herodoti Musas sive Historias*. Glasgow, Duncan, 1820.
- Schweighäuser J. *Lexicon herodoteum*. London, Valpy, 1824.
- Schwyzer E. *Griechische Grammatik*. Vol. 1. Munich, Beck, 1939.
- Stein H. (ed., comm.) *Herodotos*. Vol. 2. Berlin, Weidmann, ²1868.
- Stein H. Jahresbericht über Herodot für 1880. *Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthums-wissenschaft* 1881 [1883], 26, Jg. 9, 96–108.
- Stein H. (ed., comm.) *Herodotos*. Vol. 2. Berlin, Weidmann, ⁴1893.
- Strassler R. B. (trans.) *The Landmark Herodotus: The Histories*. New York, Pantheon, 2007.
- van den Hout Th. Randnotizen zu einigen Briefen aus Maşat Höyük, in: J. C. Fincke (ed.) *Festschrift für Gernot Wilhelm anlässlich seines 65. Geburtstages am 28. Januar 2010*. Dresden, ISLET, 2010, 395–402.
- Vinogradov J. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. *Chiron* 1980, 10, 63–100 (reprinted in: *Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz, von Zabern, 1997, 100–132).
- Vinogradov J. G. L’anello del re Skyles. Storia politica e dinastica degli Sciti nella prima metà del V sec. a. C. *Epigraphica* 1981, 43/1–2, 9–37 (reprinted in: *Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz, von Zabern, 1997, 613–633).
- Vinogradov J. G. Zur sachlichen und geschichtlichen Deutung der Orphiker-Plättchen von Olbia, in: Ph. Borgeaud (ed.) *Orphisme et Orphée : en l’honneur de Jean Rudhardt*. (Recherches et rencontres 3). Genève, Droz, 1991, 77–86.
- Vinogradov J. G. Review of Dubois 1996. *Gnomon* 2000, 72, 324–330.
- Vinogradov Iu. G. *The Political History of Olbia in the 7th-1st cent. BCE: A Historical-Epigraphic Study* [*Politicheskaia istoriia ol’viiskogo polisa VII–I vv. do n.e.: istoriko-epigraficheskoe issledovanie*]. Moscow, Nauka, 1989 (in Russian).

- Waterfield R. (trans.) *Herodotus. The Histories*. Oxford, OUP, 1998.
- Wesseling P., Valckenaer L. C. (ed., comm.) *Herodoti Halicarnassei Historiarum libri IX Musarum nominibus inscripti*. Amsterdam, Schovten, 1763.
- West M. L. The Orphics of Olbia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 1982, 45, 17–29.
- West S. Herodotus and Olbia, in: D. Braund and S. D. Kryzhitskiy (eds.) *Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD*. (Proceedings of the British Academy 142). Oxford, OUP, 2007, 79–92.
- Wilson N. G. Maasiana on Herodotus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 2011, 179, 57–70.
- Wilson N. G. *Herodotea: Studies on the Text of Herodotus*. Oxford, OUP, 2015.
- Zaginailo A. G., Karyshkovskii P. O. The Coins of the Scythian King Scyles [Monety skifskogo tsaria Skila], in: V. L. Yanin (ed.) *Numismatic Studies in the History of South-Eastern Europe* [Numizmaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi Evropy]. Kishinev, Shtiintsa, 1990 (in Russian).
- Zhmud L. Ia. Orphism and Graffiti from Olbia, *Hermes* 1992, 120, 159–168.

Soph. OT 809: оскорбление или покушение на убийство?

Н. А. Алмазова

Едва ли когда-либо стихнет спор о степени виновности главного персонажа трагедии «Царь Эдип» в глазах как Софокла и его публики, так и наших современников.⁴³ Можно сузить проблему, рассматривая ее в юридическом аспекте: как афинский суд расценил бы действия Эдипа на роковом перекрестке, если бы убитый не оказался его отцом? Дискуссия по этому вопросу показала, что и он не допускает однозначного решения.⁴⁴ Ситуация не подпадает ни под один известный случай, когда убийство было легальным.⁴⁵ Насколько можно судить, афинский закон не гарантировал права защищаться любыми средствами от того, кто нанес удар первым (ἀμύνεσθαι ἀρχόμενον χειρῶν ἀδίκων⁴⁶), такие случаи требовали судебного разбирательства, но необходимость самозащиты служила смягчающим обстоятельством и давала шанс на оправдание.⁴⁷ Цель этой статьи – подготовить экспертное заключение о том, виновен ли Эдип в превышении пределов необходимой обороны.

Картина убийства вырисовывается из показаний обвиняемого (правдивость которых в трагедии специально оговаривается⁴⁸), OT 802–813:

...ἐνταῦθά μοι κῆρύξ τε καὶ πωλικῆς
ἀνὴρ ἀπήνης ἐμβεβώς, οἷον σὺ φῆς,
ξυνηντίαζον κάξ ὁδοῦ μ' ὃ θ' ἡγεμῶν
αὐτός θ' ὁ πρέσβυς πρὸς βίαν ἤλαυνέτην. 805
κάγῳ τὸν ἐκτρέποντα, τὸν τροχλάτην,
παίω δι' ὀργῆς· καὶ μ' ὁ πρέσβυς, ὡς ὀρᾷ,
ὄχους παραστείχοντα τηρήσας, μέσον
κάρα διπλοῖς κέντροισί μου καθίκετο.
οὐ μὴν ἴσῃν ἔτεισεν, ἀλλὰ συντόμως 810
σκήπτρῳ τυπεῖς ἐκ τῆσδε χειρὸς ὕπτιος
μέσης ἀπήνης εὐθὺς ἐκκυλίνδεται·
κτείνω δὲ τοὺς ζύμπαντας.

807–808 sic interp. Kamerbeek 808 ὄχους Doderlein : ὄχου Ω{Λ} : ὄχον Stephanus 810 ἔτεισεν Nauck : ἔτισεν Ω | συντόμως] συντόνως Dobree

«...Там мне встретились глашатай и едущий на лошадях в повозке человек, такой, какого ты описываешь, и вожатый и сам старик стали силой гнать меня с дороги. И я в гневе ударил того, кто заставлял меня свернуть, возницу. А старик, как увидел это, выждал, когда я буду проходить мимо повозки, и ударил меня сверху двойным стрекалом/хлыстом в середину головы. Ну и

⁴³ Hester 1977 составил библиографию научных трудов, в которых Эдип признается виновным (Appendix A, p. 49–51) и невиновным (Appendix B–C, p. 51–56). См. обзор мнений по этому вопросу не протяжении веков: Lurje 2004.

⁴⁴ Что суд признал бы Эдипа виновным, считают Harris 2010, 139 (с примечанием, что это был бы сложный случай); Allan 2013, 187; что невиновным – Sheppard 1920, xxix; Bowra 1944, 165; Greiffenhagen 1960, 167; Dodds 1966, 43; Gagarin 1978, 118 n. 32; Sommerstein 2011, 103.

⁴⁵ См. перечень таких случаев: Gagarin 1978, 116–117; Harris 2010, 132–133; Harris 2012, 294. Ситуация, которую Демосфен обозначает как ἐν ὁδῷ καθελόν (Dem. 23, 53), не соответствует ссоре путников на перекрестке (расе Perrotta 1935, 189) – речь идет о засаде с заранее обдуманном намерением застать жертву врасплох и убить или взять в плен (Harris 2010, 132–133). Эдип, безусловно, не мог принять Лайя за разбойника с большой дороги: Gagarin 1978, 118 n. 32.

⁴⁶ Об этой формуле см. Gagarin 1978, 111 n. 1, 115 n. 19.

⁴⁷ Gagarin 1978, 117–120; R. Griffith 1992, 196; Sommerstein 2011, 105–110. Эвон был осужден большинством в один голос за убийство Беота в драке, хотя убитый нанес первый удар (Dem. 21, 71–76): см. Harris 2010, 133, 136; Sommerstein 2011, 106.

⁴⁸ OT 800: καὶ σοί, γύναι, τὰληθὲς ἐξερῶ. Текст приводится по изданию: Finglass 2018, 134.

поплатился он с лихвой: тут же получив от меня удар посохом, он выкатился прямо с середины повозки и упал навзничь. А я убил всех».

По современным представлениям, степень вины Эдипа зависит от того, была ли его жизнь под угрозой,⁴⁹ а это определяется тем, как интерпретировать действия Лайя: удар хлыстом оскорбителен, но не опасен, тогда как прицельный удар по голове остроконечной палкой мог оказаться смертельным. Между тем, под κέντροισι одни понимают стрекало,⁵⁰ а другие плеть.⁵¹

Прежде чем обратиться к толкованию этого слова, проверим, не указывают ли на необходимость самообороны какие-либо другие детали.

В *ОС* Эдип прямо заявляет, что Лай пытался убить его (992–994: εἴ τις σε τὸν δίκαιον ... κτεῖνοι παραστάς, πότῃρα πυνθάνοι' ἄν εἰ πατὴρ σ' ὁ καίνων ... ;) и он лишь отвечал насилием на насилие (271: παθὼν ... ἀντέδρων). Однако на это возражают, что неправомерно судить о ситуации в «Царе Эдипе» по «Эдипу в Колоне». Вторая трагедия написана много лет спустя, и нельзя было рассчитывать, что зрители вспомнят рассказ Эдипа из *ОТ* во всех деталях, так что если в *ОС* Софокл его не напоминает – значит, основывается не на нем.⁵² К тому же, в *ОС* уместно подчеркивать невиновность Эдипа, потому что объясняется происхождение его культа в Аттике.⁵³

Герой поразил своего оскорбителя не мечом, а дорожным посохом (σκήπτρῳ), который держал в руках. Эта деталь говорит о том, что он явно не собирался убивать Лайя, пока тот не напал на него, а возможно – даже после этого: смерть могла оказаться случайной, от нерасчитанно сильного удара или от падения с повозки.⁵⁴ Однако между заранее спланированным и непредумышленным убийством афинское законодательство не делало принципиального различия (то и другое рассматривалось как φόνοϛ ἐκ προνοίας);⁵⁵ смерть жертвы против желания ее виновника (φόνοϛ ἀκούσιος) составляла особый случай, но и за нее закон предусматривал кару, хотя и более легкую – изгнание (с возможностью вернуться, получив прощение от родственников убитого).⁵⁶

С другой стороны, против Эдипа может свидетельствовать его собственное признание, что его действия были серьезнее, чем те, что их спровоцировали (810).⁵⁷ Но то же самое можно сказать о всяком, кто убил нападавшего, а сам остался жив.⁵⁸ Кроме того, возмездие, превосходящее нанесенный ущерб, – практика, которая одобрялась обществом,⁵⁹ а нередко и предусматривалась законодательством.⁶⁰

⁴⁹ Действия Эдипа расценивают как оправданную самозащиту Günther 1885, 129; Wilamowitz-Moellendorff 1899, 55 (= 1972, 209); Sheppard 1920, xxix; Perrotta 1935, 188–189; Moore 1938, 56–57; Bowra 1944, 165; Greiffenhagen 1960, 167; Funke 1963, 56; Knox 1964, 158; Kitto 1966, 202; Vernant 1972, 110; Gagarin 1978, 118 n. 32; Hölsle 1984, 90–91; Sommerstein 2011, 112–113; как превышение пределов необходимой обороны – Sauer 1964, 57–59; R. Griffith (1992) 202; Gregory 1995, 145; Bernhard 2001, 117; Harris 2010, 136–137 (“deliberate homicide”), id. 2012, 294; Allan 2013, 184.

⁵⁰ Sommerstein 2011, 111: “double-pointed goad”. Gregory 1995, 145: “horse goad”. R. Griffith 1992, 201: “ox-goad”; Bernhard 2001, 117: “Stachel”.

⁵¹ Perrotta 1935, 188: “sferza”; Harris 2010, 135: “whip”; “two-pronged lash”. Finglass 2018, 417: “double whip”.

⁵² Sommerstein 2011, 110–111.

⁵³ Harris 2010, 139.

⁵⁴ Sommerstein 2011, 111.

⁵⁵ R. Griffith 1992, 197; Harris 2010, 131, 139.

⁵⁶ Harris 2010, 131.

⁵⁷ Harris 2010, 135, 136; Allan 2013, 176.

⁵⁸ Gagarin 1978, 118 n. 32: “if the victim ‘got more than he gave’ ... so did virtually every victim of homicide in self-defense”. Sommerstein 2011, 112: “If this proportionality argument had any force, it would have to follow that the only person who could legitimately kill his assailant would be one who was already dead (or perhaps dying) himself”.

⁵⁹ R. Griffith 1992, 201; Blundell 1989, 28; 30. Призыв платить за зло вдвойне: Hes. *OD* 709–711. Следует стремиться превзойти своих врагов, делая им зло: Xen. *Mem.* 2, 6, 35; 2, 3, 14; Isocr. 1, 26. С другой стороны, Антигона (Soph. *Ant.* 927–928) отстаивает принцип наказания не свыше вины.

⁶⁰ Finglass 2018, 418.

Таким образом, все прочие подробности не дают однозначного представления о том, изображен ли Эдип в *ОТ* жертвой нападения, защищавшей свою жизнь.⁶¹ Степень грозившей ему опасности зависит от того, каким орудием Лаий нанес свой удар.

Общее значение слова *кέντρον* – острое или остроконечный предмет (LSJ s. v.: “any sharp point”). В частности, оно может означать жало пчелы, осы, скорпиона, шпоры петуха, иглу дикобраза (см. LSJ s. v. 5), наконечник копья (Polyb. 6, 22, 4), острое трезубца (*Cycl. fr.* 7 p. 196 Be.). В *ОТ* 1381 *кέντρων τῶνδ’ οἷσθημα* сказано о фибулах (1268–1269: *εἰμάτων χρυσηλάτους / περόνας*), которыми Эдип выколол себе глаза. Применительно к вьючным животным это должно быть стрекало (бодец, рожон). С его помощью погоняют быков (Paus. *Lex.* β 15: *βουπλήξ· βοούκεντρον*), ослов (*Sept. Proverb.* 26, 3), слонов (Arrian. *Lib.* 182), но особенно часто упоминаются лошади.⁶² *Кέντρον* регулярно имеют при себе колесничие – как мифологические персонажи (Eur. *Hipp.* 1094; Soph. *El.* 716; Philostr. *Imag.* 2, 23, 1), так и возницы исторической эпохи (Xen. *Cyr.* 7, 1, 29; Dio *Or.* 36, 50). Сложнее интерпретировать пассажи, где речь идет о всадниках, поскольку среди прочего *кένтра* означает и «шпоры» (*AP* 5, 203; Suda μ 1430 s. v. *μύωψ*; Eustath. *Comm. Hom. II.* III, 89).

А. Sommerstein замечает, что знает лишь один пример, возможно, взятый из трагедии, где *кέντρον* указывает не на заостренный предмет: по свидетельству Гезихия (p 88), *ράκτηρίοις κέντροισιν* (Soph. *fr. dub.* 1140 Radt = fr. 802 Pearson) сказано о веслах. Но весло, как и стрекало, во всяком случае, не гнется, в отличие от гибкого хлыста. Его вывод – что Лаий метил в голову Эдипа стрекалом, а не плетью, иначе Софокл написал бы *διπλῇ μάστιγι*, а не *διπλοῖς κέντροισι*.⁶³

Однако двусмысленность при обозначении орудия, которым погоняют животных, все же существует и восходит, очевидно, к словоупотреблению гомеровских поэм.⁶⁴ В сцене конных ристалищ на похоронах Патрокла (*II.* 23) Аполлон выбивает из рук Диомеда *μάστιγα* (384), так что его лошади бегут *ἄνευ κέντροιο* (387), но Афина возвращает ему *μάστιγα* (390); Антилох пользуется *кέντρῳ* (430), но ниже тот же предмет поэт обозначает как *ἰμάσθλην* (582). В *II.* 5, 748 = 8, 392 Гера погоняет *μάστιγι* лошадей, которые тут же названы *κεντρηκεάας* (*II.* 5, 752 = 8, 396). Евстафий в своих комментариях несколько раз указывает на тождество *μάστιξ* и *кέντρον* у Гомера.⁶⁵ Ту же особенность воспроизводит Нонн: в *Dionys.* 38, 323–325 Фаэтон описан как *ἔχων πυρόεσσαν ἰμάσθλην* и *μαστίζων λόφον ἵππιον*, а его кони – как *кέντρον ὑποπτήσσοντες*; ср. 37, 379–380: *φείδεο σῆς μάστιγος, ἐπεὶ ταμείχροι κέντρῳ / σῶν ὁρόων ᾧκτεῖρα δέμας κεχαραγμένον ἵππων*. Представляется правдоподобным видеть в этих примерах расширение значения *кέντρον*, а не *μάστιξ*.⁶⁶ Схолиасты и лексикографы объясняют *кέντρον*

⁶¹ Что касается убийства людей Лаия, никто в трагедии, включая богов, не придает ему самостоятельного значения (Sommerstein 2011, 113: “It is very striking that after Oedipus has told his tale, neither he nor the others present speak or act as though he had confessed to a multiple murder”). По мнению Sommerstein (*ibid.*), после гибели главного из противников у Эдипа больше не было выбора – убежать он не мог, поскольку у них были лошади, а у него искалечены в детстве ноги (*ОТ* 718; 1032–1035).

⁶² Ср. эпитет *κεντρηκεάας ἵππους* у Гомера (*II.* 5, 752 = 8, 396); *Sch. Aristoph. Nub.* 450a = Suda κ 1344 s. v. *кέντρων*: καὶ τοὺς ἡνιόχους κεντροτύπους καλοῦμεν, τοὺς τοῖς κέντροις τοὺς ἵππους τύποντας.

⁶³ Sommerstein 2011, 112 n. 16.

⁶⁴ См. *Lfgre* s.v. *кέντρον* (Nordheider 1991b, 1382): “eigtl. *Stachel* zum Antreiben d. Gespanns, im *Ψ* ohne Untersch. zu *μάστιξ*, *ἰμάσθλη* ... ‘Geißel’ gebr.”; s.v. *ἰμάσθλη* (Nordheider 1991a, 1191): “ἰμάς, *кέντρον*, *μάστιξ* metr. versch., sonst anschl. ohne sachl. Untersch. gebr.”.

⁶⁵ Eustath. *Comm. Hom. II.* 2, 195: *Διὸ ἐπάγει «μάστιξε δ’ ἵππους», οὗς καὶ κεντρηκεάας μετ’ ὀλίγα φησὶν, εἰς ταὐτὸν ἄγων τὴν μάστιγα καὶ τὸ κέντρον*. См. также *ibid.* 4, 757 (где поясняется, что в собственном смысле *μάστιξ* и *ἰμάσθλη* – это ремень на деревянной рукоятке, а *кέντρον* – нечто остроконечное); *Comm. Hom. Od.* 1, 256.

⁶⁶ *Lfgre* s.v. *μάστιξ* (O’Sullivan 1993, 42): “it seems better to take *кέντρον* as a word of wider ref., incl. whip, than to take Diom.’s *μάστιξ* or Antil.’s *ἰμάσθλη* (both among the *μάστιγας* of *Ψ*362 with their *ἰμάσι*) as something other than whips”. В. Лиф (Leaf 1902, 500) предполагает расширительное значение у слова *μάστιξ*, которое изначально относилось к ремням на рукояти, известным по восточным образцам, но нетипичным для греков, употреблявших стрекало. Однако его версия не объясняет *ἰμάσθλην* в *II.* 23, 582 (эпитет в *II.* 8, 43–44 = 13, 25–26 *ἰμάσθλην χρυσεῖην* относится, конечно, к рукоятке божественных бичей). Я знаю только один очевидный пример обратной путаницы: в словаре Суды слово *μάστιξ* использовано для описания остроконечного предмета, а именно шпор (Suda μ 1430 s. v. *μύωψ*: λέγεται μύωψ καὶ ἡ μάστιξ τοῦ ἵππου, τὸ σιδήριον, ὃ ἐπὶ τοῦ ποδὸς φοροῦσι κεντοῦντες τοὺς ἵππους).

через μάστιξ, причем их пояснения касаются не только Гомера.⁶⁷ Это означает, что такое поэтическое словоупотребление было хорошо засвидетельствовано и не ограничивалось эпосом. Евстафий прямо говорит, что обозначать бич как κέντρον присуще трагедии.⁶⁸ Если так, для автора фрагмента, который приводит Гезихий, сходство весел с ῥακτηρίοις κέντροισιν состоит не в форме, а в функции: волны уподобляются коням, а весла – орудию, которым их бьет возница.⁶⁹

Кажется правомочным даже поставить вопрос, не следует ли всякий раз понимать κέντρον применительно к конной упряжке⁷⁰ как хлыст. Э. Дельбекк находит, что на практике бодец плохо подходит для управления лошадьми – во всяком случае, запряженными,⁷¹ и считает употребление в гомеровском эпосе слов κεντρέω, κέντρον, κέντρων, κεντρήνεκής в связи с конями отголоском той эпохи, когда пастухи гуртовали полуодомашненных лошадей на неогороженных пастбищах.⁷² А. И. Зайцев видит в этой лексике реминисценцию эпоса тех времен, когда легкая боевая колесница еще не была известна и вожди совершали церемониальные выезды на повозках, запряженных быками.⁷³ Однако Дж. К. Андерсон допускает, что древнегреческие возницы исторической эпохи погоняли лошадей стрекалом, и в подтверждение ссылается на вазовую живопись, где колесничие изображаются с палкой в руках.⁷⁴ Кроме того, в прозе можно найти упоминания о κέντρον в таком контексте, который склоняет к пониманию «бодца»: формулировка Платона предполагает, что κέντρα и μάστιξ в руках возничего – разные вещи (*Phaedr.* 254a: οὔτε κέντρων ἡνιοχῶν οὔτε μάστιγος), а Филон Александрийский (*Cong.* 158), объясняя, что нужно, чтобы заставить лошадей повиноваться, снабжает κέντρον эпитетом ὀξύ.⁷⁵

Таким образом, надо признать, что κέντρον у Софокла действительно может означать любое орудие, которым погоняют вьючных животных: как стрекало, так и хлыст. Для того чтобы решить, что именно было в руках у Лайя, требуются дополнительные аргументы.

Полученный Эдипом удар фигурирует еще в двух воспроизведениях сцены на перекрестке, но в обоих случаях его наносит не сам Лайй, а слуга. При этом на единственном известном изображении встречи Эдипа с Лаем⁷⁶ некий Сикон замахивается тонкой прямой палкой, но в схолии Пизандра (*Sch. Eur. Phoen.* 1760) сказано: ὁ ἡνίοχος ... ἔτυψε τῇ μάστιγι τὸν Οἰδίποδα.

В пользу стрекала могло бы говорить направление удара, обозначенное как μέσον κάρα: попасть ровно в середину головы острым предметом легче, чем плетью, особенно двухвостой.

⁶⁷ Hesych. κ 2233 κέντρον· δόρυ· μάστιξ. *Sch. Eur. Hipp.* 1194: ἐπῆγε κέντρον· ἀντὶ τοῦ· τὴν μάστιγα ἐπὶ τοὺς ἵππους μετήνευκεν. *Sch. Pind. Ol.* 1, 33a: ἀκέντητον ἐν δρόμοισιν· ἀμάστικτον.

⁶⁸ Eustath. *Comm. Hom.* II, 2, 93: Τοῦ δὲ «μάστιξε» περιφρασὶς ἀλλαγῶς τὸ «νόφ δ' ἐπέβαλλεν ἱμάσθλην». τὸ δὲ **τραγικὸν** περιφραστικώτερον ἐν τῷ «κέντρα πόλοις μεταφέρων ἰθύνει» (*Eur. Phoen.* 178). *Ibid.* 603: «μάστιγι θεῶς ἐπεμαίετο ἵππους», ὃ ἐστὶ περιφραστικῶς ἐμάστιζεν. **Εὐριπίδης** δ' ἂν εἴποι «κέντρον ἐπῆγεν ἵπποις».

⁶⁹ Пирсон отмечает нехарактерную для Софокла претенциозность в образе бодцов, которые не колют, а бьют (Pearson 1917, 41: “goads that smite instead of stabbing”). Она исчезает, если за κέντρον закрепилось общее значение «орудие возничего».

⁷⁰ Такое обозначение встречается и в прозе, например, Dio Chrys. *Or.* 36, 50; Xen. *Cyr.* 7, 1, 29; Ael. *NA* 15, 24. В двух последних случаях использовано выражение ἐξαμάττειν τῷ κέντρῳ, но ранить до крови можно как стрекалом, так и бичом.

⁷¹ Delebecque 1951, 232: “du haut du char, on ne peut que fouetter ses chevaux. Au contraire, pour aiguilloner un animal, il est nécessaire qu’il n’y ait aucun lien matériel unissant l’aiguillonneur et l’aiguillonné, de manière que celui-ci puisse céder, en augmentant la distance, à la piqure de celui-là; autrement la piqure deviendrait vite une blessure. Le fouet est l’instrument du cocher; l’aiguillon, celui du meneur, à pied ou à cheval, d’un animal ou d’un troupeau”.

⁷² Delebecque 1951, 232.

⁷³ Зайцев 2003, 262.

⁷⁴ Андерсон 2006, 125–126 с прим. 30. Анализ иконографических данных см. ниже.

⁷⁵ Эти примеры не бесспорны. В обоих пассажах перед нами тропы (с конями сравнивается человеческая природа), что позволяет ожидать в них поэтического словоупотребления. Кроме того, у Платона можно видеть гендиадис (ср. *Himer. Or.* 20 = Phot. *Bibl. cod.* 243, 373b12–13: ἄνευ κέντρον καὶ μάστιγος), а Филон тут же добавляет: ἐπεὶ **μάστιγι** μόλις <...> δαμασθῆναι <...> δύναται.

⁷⁶ Фрагмент аттического кратера, Adria, Museo Archeologico Nazionale BC104, ок. 450–440 г. (*BAPD* 213401; Crouwel 1992, pl. 29, 2; Андерсон 2006, илл. 22b).

Однако в стк. 808 мы имеем дело с эмендацией рукописного чтения ὄχου. Как замечает П. Финглас,⁷⁷ допустимо исправление на аккузатив как единственного, так и множественного числа, и сам он выбирает ὄχους лишь на том основании, что pluralis poeticus с большей вероятностью мог подвергнуться порче. Между тем, принимая ὄχον, определение μέσων можно отнести к нему, что, на мой взгляд, дает лучший смысл. Эффективность удара по голове не зависит от того, придется ли он именно по центру, так что со стороны Лайя было бы странно стремиться к подобной точности. Он дождался, когда Эдип поравняется с местом седока, расположенным в середине (ср. 812: μέσης ἀλήνης ἐκκυλίνδεται).

Обратимся, наконец, к иконографическим данным о том, чем погоняли вьючных животных. В руках у колесничих вне зависимости от того, мифологический перед нами сюжет или изображение современных художникам конных ристалищ (например, на Панафинейских амфорах⁷⁸), неизменно прут или палка.⁷⁹ Это оружие может быть более или менее длинным, иногда явно гибким, иногда скорее прямым. Трудно сказать, каким словом оно обозначалось. Предполагая, что это стрекало (κέντρον), исследователи в то же время допускают, что оно часто использовалось, чтобы ударять лошадей, а не покалывать.⁸⁰ Возможно, амбивалентность гомеровского словоупотребления и объясняется тем, что один и тот же инструмент применялся и, соответственно, назывался по-разному⁸¹ (если предположить, что слово μάστιξ подходит для всего, чем можно хлестнуть: не только для кнута, но и для гибкого прута). С другой стороны, мы встречаем и изображения бичей с ремнями, соответствующие представлению о μάστιξ: например, в руках у всадников на скачках⁸² или у пахаря, погоняющего быков⁸³ (то есть как раз в таких ситуациях, где стрекало, по мнению исследователей, было бы уместнее,⁸⁴ при близком контакте с животными⁸⁵).

Чтобы ограничить круг изображений, надо уточнить, на чем, собственно, ехал Лайй (802–803: ἐπὶ πωλικῆς ἀλήνης). Слово ἀλήνη не оставляет места двусмысленности: это удобная повозка с сиденьем, пригодная для длительного путешествия.⁸⁶ Что касается животных, М. Гриффит допускает, что Софокл подразумевал не лошадей, а мулов. Езда на них не умаляет достоинства мифических царственных особ и подходит персонажам зрелого возраста и женщинам: достаточно вспомнить Навсикаю (*Od.* 6, 68; 72–73; 83; 317) или Пелия (*Pind. Pyth.* 4, 93–95). А слово πῶλος применимо не только к лошадям:⁸⁷ так, во фрагменте комедии (Alcaeus fr. 169 K–A) встречается выражение πωλικὸν ζεύγος βοῶν. Запряженная парой мулов ἀλήνη была в Греции самым распространенным и комфортабельным видом пассажирского транспорта. Если же Софокл все-таки имел в виду, что царя везли лошади, в этом может сказываться тенденция изображать героев путешествующими более возвышенным образом, чем простые

⁷⁷ Finglass 2018, 418.

⁷⁸ См., например, панафинейские амфоры: British Museum B135, 2-я пол. VI в. (*BAPD* 4465); British Museum B606, сер. IV в. (*BAPD* 303121).

⁷⁹ Примеров слишком много, чтобы составить исчерпывающий список. См. *BAPD*, “Decoration description: charioteer”. Crouwel 1992, 51 утверждает, что колесничие используют кнуты «редко», но не приводит ни одного примера.

⁸⁰ Fougères 1896, 1152–1153: «une sorte d’aiguillon léger (κέντρον, aculeus) qui servait à cingler les chevaux, les mules ou les bœufs»; Андерсон 2006, 125 прим. 30.

⁸¹ Ср. Leaf 1902, 500: “It is from the combination of whip and goad that the use of μάστιξ in the Tragedians must be explained” (правда, Лиф имеет в виду прут с подвесками – см. ниже прим. 101 и илл. 3).

⁸² См. панафинейские амфоры 2-й пол. VI в.: British Museum B133 (*BAPD* 302964); Toronto, Royal Ontario Museum 350 (*BAPD* 302965); Metropolitan Museum 56.171.3 (*BAPD* 302966).

⁸³ Аттический килик Louvre F 77, сер. VI в. (*BAPD* 164; CVA Paris, Musée du Louvre 9, pl. (623) 82.7).

⁸⁴ Для всадников – Андерсон 2006, 126. Для быков – Зайцев 2003, 262.

⁸⁵ См. выше прим. 71.

⁸⁶ Об ἀλήνη см. Lorimer 1903, 142–144; Crouwel 1992, 79–82; Kratzmüller 1993, 82–85. Это, безусловно, не колесница (*pace* LSJ s. v. ἀλήνη 2; s. v. πωλικός; Kitto 1966, 202; Harris 2010, 135; id. 2012, 294 и др.).

⁸⁷ Ср. LSJ s. v. πῶλος: “freq. used by Poets generally for ἵππος” (*Soph. OC* 312; 1062; *El.* 705–706); “2. any young animal”; s. v. πωλικός: “of foals, fillies, or young horses”; *Soph. OT* 802 “drawn by young horses or (generally) by horses”; “2. of any young animal”.

смертные.⁸⁸ Таким образом, наиболее близкие параллели к способу передвижения Лайя надо искать среди изображений повозок с сидящими путешественниками, даже если их тянут мулы.

Увы, иконографические источники не вносят ясности: судя по ним, упряжку мулов погоняли как гибким прутом или прямой палкой⁸⁹ (такими же, как коней, запряженных в колесницу), так и двухвостым бичом (илл. 1).⁹⁰ Для возничего может быть предусмотрено место впереди пассажира,⁹¹ но нередко мулов контролирует персонаж, идущий пешком.⁹² Вожжи при этом не используются, но в руках у седока находится палка или кнут (даже если это женщина), а у погонщика может быть второе орудие.⁹³

Илл. 1. Халкидская амфора
British Museum B17

Эта практика объясняет, почему кέντρον в решающий момент оказывается у Лайя, а не у его возничего. Конечно, можно представить, что τροχλάτης отложил свой инструмент и

⁸⁸ M. Griffith 2006, 236–237. Об особенностях «героического» транспорта см. также Алмазова 2014, 15; 22; 26 прим. 43. В некоторых бытовых сценах в животных, запряженных в ἄλῃναι, пытаются видеть лошадей, а не мулов, но эти толкования не бесспорны: см. Crouwel 1992, 95 n. 492; Kratzmüller 1993, 86–87, 89; ср. Paus. V. 9, 2: ἡμιόνους ἀνθ' ἵππων ἔχουσα. На фрагменте кратера с изображением убийства Лайя (см. выше прим. 76) он едет на мулах, но повозка не сохранилась; по направлению вожжей предполагают, что их держит стоящий персонаж, и это дает основания говорить о колеснице (Matheson 1995, 262; Finglass 2018, 21), но я не знаю ни одного достоверного случая, когда мулов запрягали бы в колесницу. Еврипид (*Phoen.* 44) называет повозку Лайя ὀχήματα, а схолий Пизандра (*sch. Eur. Phoen.* 1760) – ἄρμα.

⁸⁹ **Палка**: аттический килик, Louvre 77 F, сер. VI в. (*BAPD* 164; *CVA* Paris, Musée du Louvre 9, pl. (623) 82.9; Crouwel 1992, Pl. 25:2; Griffith 2006, 217 fig. 11a). **Прут**: аттическая ойнохоя, British Museum B485, сер. VI в. (*BAPD* 300831; Crouwel 1992, pl. 24, 1; M. Griffith 2006, 218 fig. 12a). Аттическая амфора, Baltimore, Walters Art Gallery 48.2127, 3-я четв. VI в. (*BAPD* 340569; Crouwel 1992, pl. 25, 3). Аттический лекиф, New York Metropolitan Museum 56.11.1, кон. VI в. (*BAPD* 350478; Crouwel 1992, pl. 38, 39a-b; M. Griffith 2006, 219 fig. 12b). Беотийская амфора, Louvre CA 3279, кон. VI в. (*BAPD* 1009160; *CVA* Paris, Musée du Louvre 17, pl. (1154) 30.3–4; Crouwel 1992, pl. 27, 2). Ср. изображение гонки на мулах парой (ἀλῖνῃ) на наградной Панафинейской амфоре: British Museum B132, 2-я пол. VI в. (*BAPD* 303066).

⁹⁰ **Двухвостый бич**: терракотовый рельеф, фриз храма С в Метапонте, 600–580 г. (Adamesteanu 1974, 36–37; Crouwel 1992, pl. 34, 1). Псевдо-халкидская амфора, British Museum B17, ок. 520 г. (Lorimer 1903, 139 fig. 6; Crouwel 1992, pl. 28:1; M. Griffith 2006, 217 fig. 11b); интересно, что пассажира (хорошо одетого, с бородой, то есть зрелых лет, и с двумя сопровождающими, которые идут спереди и сзади) П. д'Анкарвиль (D'Hancarville 1766, 156–157 n. 76) интерпретировал как Лайя, который приближается к месту встречи с Эдипом, но это остроумное толкование недоказуемо (см. на сайте Британского музея: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1772-0320-5-, обр. 14.07.2022). Аттическая лекана, British Museum B80, 2-я пол. VI в. (*BAPD* 24390; *CVA* London, British Museum 2, pl. (65) 7.4b; Crouwel 1992, pl. 27, 1).

⁹¹ Амфора München, Antikensammlung 3185, 470–460 г. (Lorimer 1903, 142 fig. 8).

⁹² См. Crouwel 1992, 91; M. Griffith 2006, 234. Ср. Hyperid. 2, col. 4, 20–21: ὀρεσκόμων καὶ προηγήτην.

⁹³ Аттическая амфора, Boston, Museum of Fine Arts 1979.618, 550–540 г. (*BAPD* 41058; Crouwel 1992, pl. 24, 3): у седока короткая и длинная палка, у погонщика ничего нет. Аттический кратер, Firenze, Museo Archeologico Etrusco 3823, 2-я пол. VI в. (*BAPD* 46584; Crouwel 1992, pl. 26, 1): у обоих седоков палки, у погонщика ничего нет. Фрагменты терракотовой пинаки, Берлин, Antikensammlung F1814, F1823, 540–530 гг. до н. э. (*BAPD* 350493; Crouwel 1992, pl. 21, 1): повозка готовится к ἐκφορά, палку держит и мужчина, стоящий перед мулами, и пассажирка (Crouwel 1992, 94: “identified as female by her white-painted hand holding a goad or standard of some kind in a vertical position”). Терракотовый рельеф из Метапонта (см. выше прим. 90): у одного из седоков плетка, у погонщика ничего нет. Аттическая пиксида, Athens, National Museum 1630, IV в. (*BAPD* 431; Lorimer 1903, 133 fig. 1; Crouwel 1992, pl. 28, 3) – пара новобрачных в тележке, мулов ведет под уздцы слуга, стрекала нет ни у кого. Ср. килик Louvre F 77, где погонщик отстал и оказался сзади (см. ниже прим. 101).

спустился, чтобы прогнать встречного с дороги, или что он лишь кричал на прохожего и получил удар, не сходя с повозки, после чего пассажир выхватил у него кέντρον. Но если бы возница спешился, царю пришлось бы ждать его возвращения, чтобы ехать дальше (а как раз задержки они пытались избежать), а если нет – Эдипу было бы и неудобно, да и незачем бить его. Кроме того, в обоих случаях необходимость тянуться за стрекалом потребовала бы дополнительных секунд и позволила бы противнику насторожиться. Видимо, в повозке ехал один Лайй и потому сам держал кέντρον, а τροχηλάτης, он же κῆρυξ, он же ἡγεμών, шел впереди, кричал встречным «Прочь с дороги!» (ср. Eur. *Phoen.* 40: ἐκποδὼν μεθίστασο) и при необходимости брал животных под уздцы. Своего стрекала или кнута у него, очевидно, не было, раз Эдип не говорит, что он воспользовался им в ходе ссоры. Этой картине в точности соответствует описание у Софокла: в конфликт с героем вовлечены двое встреченных – κῆρυξ и ἀνὴρ οἶον σὺ φῆς (только о нем сказано, что он ехал в повозке: ἐμβεβώς), причем закономерно, что при первом упоминании они названы без артиклей; двое – ὁ ἡγεμών и αὐτὸς ὁ πρέσβυς – прогоняли его с дороги (ἤλαυνέτην); наконец, двоих он в гневе ударил – τὸν τροχηλάτην (τὸν ἐκτρέποντα) и затем самого старца, когда тот напал на него. Очевидно, что речь всякий раз идет об одном и том же слуге.⁹⁴ Сколько всего человек сопровождали Лайя, мы не знаем, но единственный намек на то, что там был еще кто-то кроме погонщика и выжившего свидетеля (которого Эдип не заметил – видимо, потому что тот непростительно отстал от повозки господина), содержится в словах κτείνω δὲ τοὺς ζύμπαντας (813). Не исключено, что число жертв не превышало трех.

Если представлять в руках Лайя гибкий прут или тонкую палку, надо признать, что удар ею не грозил жизни и здоровью – в таком случае посох Эдипа в самом деле, как замечает Р. Гриффит,⁹⁵ был более опасным оружием. Однако есть альтернатива: на одной из панафинейских амфор, запечатлевших гонки на мулах парой (ἀπλήνῃ), возница, несомненно, колет мула в круп,⁹⁶ так что перед нами именно борец (илл. 2). Правда, не удалось найти ни отчетливых изображений острия у палки возничего, ни упоминаний в текстах о стрекале из металла или с металлическим наконечником. Но это еще не значит, что их не было. У Эсхила в метафорическом контексте упоминается «обоюдоострое стрекало» (Aesch. *PV* 692: ἀμφήκει κέντρον) – этот эпитет оно делит с мечами (φάσγανον *Il.* 10, 256; ξίφος *Il.* 21, 118; *Od.* 16, 80; 21, 341; Eur. *El.* 688) и копьями (δόρυ Aesch. *Ag.* 1149; ἔγχος Soph. *Ai.* 286–287). Такое оружие могло оказаться смертоносным.

Илл. 2. Панафинейская амфора
British Museum B131

Ключ к толкованию кέντρον в нашем пассаже, как кажется, дает прилагательное διπλοῦς (809: διπλοῖς κέντροισι). Существование двойной плети хорошо засвидетельствовано как в

⁹⁴ Pace Dawe 1982, 174; Sommerstein 2011, 112: “the ἡγεμών and the driver are almost certainly different persons (the former being the herald, who evidently walked ahead of the carriage and who was the first person Oedipus saw)”.

⁹⁵ R. Griffith 1992, 201: “a deadlier weapon”.

⁹⁶ British Museum B131, кон. VI или нач. V в. (BAPD 303065; CVA London, British Museum 1, pl. (25) 1.2b; Crouwel 1992, pl. 23, 2; M. Griffith 2006, 220 fig. 13).

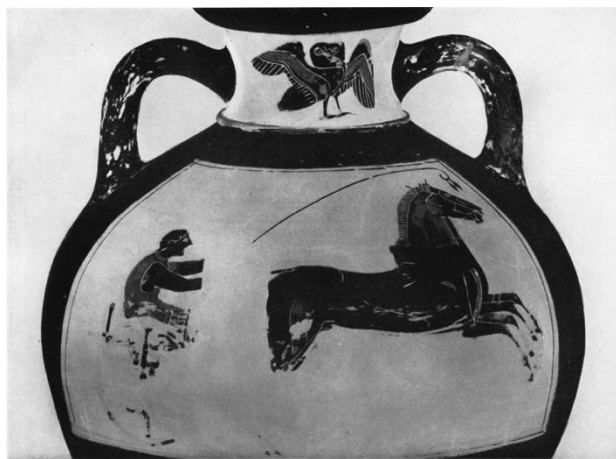
вазовой живописи,⁹⁷ так и в аттической драме: διπλῇ μάστιγι Aesch. Ag. 642 (метаф.), Soph. Ai. 242 (букв.); διπλῇ μάραγμα Aesch. Cho. 375 (метаф.); δίγονος μάσθλης в «Андромеде» Софокла (fr. 129 Radt) лексикографы объясняют как διπλοῦς ἱμάς (Phot. Lex. δ 509 s.v.). В «Птицах» Аристофана сикофант вместо пары крыльев получает удары керкирской плеткой (1464: μάστιγι), которую Писфетер издевательски называет Коркуραῖα τοιαυτὶ πτερὰ (1463), и схолиаст комментирует (sch. Aristoph. Av. 1464): ἴσως δὲ διπλῇ ἦν.

Что же касается «двойного стрекала», такое выражение помимо Софокла употребляют только Нонн (Dionys. 1, 329: διπλόα κέντρα) и Иоанн Хризостом (De Lazaro 48, 1023: διπλοῦν τὸ κέντρον) – оба в переносном смысле, говоря о двойной беде, и их словоупотребление легко объяснить тем, что κέντρον используется promiscue с μάστιγι.

Согласно схолиям к Софоклу, Лаий нанес Эдипу два удара (sch. Soph. OT 809: κέντροισι πληγαῖς δις ἔπαισέ με τοῖς κέντροις οἷς ἐκέντριζε τοὺς ἵπλους). Это толкование явно ошибочно: оно предполагает для κέντρον незасвидетельствованное значение «удар», причем схолиаст не придерживается его последовательно, а говорит далее об оружии, которым Лаий колот лошадей. В буквальном значении διπλοῖς κέντροισι καθίκετο могло бы означать «ударил двойным стрекалом» или «ударил двумя стрекалами»,⁹⁸ но никак не «дважды ударил стрекалом» (кроме того, Эдип едва ли дал бы нанести себе второй удар). Однако затруднения схолиаста свидетельствуют о том, что он не мог представить себе двойной бодец.

Соммерстейн доказывает существование “double-pointed” стрекала, ссылаясь на выражение ἀμφήκει κέντρον у Эсхила (PV 692).⁹⁹ Но «обоюдоострый» – не то же самое, что «двойной», как показывает применение этого эпитета к мечам и копьям.¹⁰⁰

Мне не известно ни одного изображения, упоминания или описания в специальной литературе вилкообразных бодцов с двумя остриями, для которых подходило бы определение διπλᾶ. Однако на вазах несколько раз встречается специфическое оружие: длинный стержень, на конце которого (прямом или загнутом) висят два предмета (илл. 3).¹⁰¹ Предполагается, что подвесками (возможно, металлическими) раздражали чувствительные уши животных.¹⁰² В самом деле, длина стержня во всех случаях такова, чтобы доставать до голов мулов.¹⁰³

Илл. 3. Панафинейская амфора
British Museum B130

⁹⁷ См. выше прим. 82; 83; 90.

⁹⁸ Ср. Soph. Ai. 959: διπλοῖ βασιλῆς, Phil. 793: διπλοῖ στρατηλάται.

⁹⁹ Sommerstein 2011, 112 n. 16.

¹⁰⁰ Применительно к стрекалу ἀμφήκες, очевидно, значит «заостренное с обоих концов».

¹⁰¹ Панафинейская амфора, British Museum B130, ок. 560 г. (BAPD 300828; CVA London, British Museum 1, pl. (25) 1.1b; Crouwel 1992, pl. 23, 1a–b). Аттический килик Louvre F 77, сер. VI в. (BAPD 164; CVA Paris, Musée du Louvre 9, pl. (623) 82.9; Crouwel pl. 25, 2). Аттическая амфора, Boston, Museum of Fine Arts 1979.618, 550–540 г. (BAPD 41058; Crouwel 1992, pl. 24, 3). Интересно, что при этом во всех случаях седок вдобавок держит короткую палку, достигающую только до крупа животных (на бостонской вазе от нее сохранился только конец: Crouwel 1992, 92): на амфорах – вместе со стержнем с подвесками, а на килике стержень несет человек, идущий позади повозки.

¹⁰² Crouwel 1992, 92.

¹⁰³ Dorigny 1873, 1511.

Допустим, что эти подвески можно было назвать διπλᾶ κέντρα. Но таким орудием Лаий не мог нанести удар Эдипу: оно длинное, а он подпустил его близко – ведь дорога была достаточно узкой (1399: στενωπός), иначе конфликт бы не возник.

Мы видим, что διπλοῦς не составляет труда объяснить применительно к бичу, но не удастся применительно к стрекалу.

Наконец, о том, что Эдипу было нанесено лишь бесчестье, а не увечье, говорит и исход столкновения: хотя Лаий не промахнулся (κάρα μου καθίκετο), герой не упал с пробитым черепом, а смог расправиться с численно превосходящими обидчиками.

Итак, во время ссоры на перекрестке Лаий действовал хлыстом и не пытался убить Эдипа – следовательно, тот виновен в превышении пределов необходимой самообороны.

Использованная литература

- Adamesteanu D. *La Basilicata antica. Storia e monumenti*. Cava dei Tirreni, Di Mauro, 1974.
- Allan W. 'Archaic' Guilt in Sophocles' Oedipus Tyrannus and Oedipus at Colonus, in: Cairns D. L. (ed.) *Tragedy and Archaic Greek Thought*. Swansea, Classical Press of Wales, 2013, 173–191.
- Bernard W. *Das Ende des Ödipus bei Sophokles. Untersuchung zur Interpretation des 'Ödipus auf Kolonos'*. München, Beck, 2001.
- Blundell M. W. *Helping Friends and Harming Enemies*. Cambridge, CUP, 1989.
- Bowra C. M. *Sophoclean Tragedy*. Oxford, OUP, 1944.
- Dawe R. D. (ed.) *Sophocles : Oedipus Rex*. Cambridge, CUP, 1982.
- Delebecque E. *La cheval dans l'Iliade*. Paris, Klincksieck, 1951.
- Dodds E. R. On Misunderstanding the *Oedipus Rex*. *G&R* 1966, 13 (1), 37–49.
- Dorigny S. Stimulus. *DAGR* 1873, IV/2, 1511–1512.
- Finglass P. J. (ed. with comm. and notes) *Sophocles. Oedipus the King*. Cambridge, CUP, 2018.
- Fougères G. Flagellum. *DAGR* 1896, II/2, 1152–1156.
- Funke H. *Die sogenannte tragische Schuld. Studie zur Rechtsidee in der griechischen Tragödie*. Köln, Diss., 1963.
- Gagarin M. Self-defense in Athenian Homicide Law. *GRBS* 1978, 19, 111–120.
- Greiffenhagen G. Der Prozess des Ödipus. *Hermes* 1966, 94 (2), 147–176.
- Griffith M. Horsepower and Donkeywork: Equids and the Ancient Greek Imagination. *CP* 2006, 101, 185–246.
- Griffith R. D., "Asserting Eternal Providence: Theodicy in Sophocles' Oedipus the King", *ICS* 17: 2 (1992) 193–211.
- Günther G. *Grundzüge der tragischen Kunst. Aus dem Drama der Griechen entwickelt* von G. G. Leipzig–Berlin, Friedrich, 1885.
- Harris E. M. Is Oedipus Guilty? Sophocles and Athenian Homicide Law, in: E. M. Harris et al. (eds.) *Law and Drama in Ancient Greece*. London, Duckworth, 2010, 122–146.
- Harris E. M. Sophocles and Athenian Law, in: K. Ormand (ed.) *A Companion to Sophocles* Malden, MA – Oxford, Chichester, Wiley-Blackwell, 2012, 287–300.
- Hester D. Oedipus and Jonah, *PCPS* 1977, NS 23, 32–61.
- Hösle V. *Die Vollendung der Tragödie im Spätwerk des Sophokles. Ästhetisch-historische Bemerkungen zur Struktur der attischen Tragödie*. Problemata 105. Stuttgart – Bad Cannstatt, Frommann–Holzboog, 1984.
- Kitto H. D. F. *Poiesis: Structure and Thought*. Berkeley, University of California Press, 1966.
- Knox B. M. W. *The Heroic Temper. Studies in Sophoclean Tragedy*, Sather Classical Lectures. Berkeley – Los Angeles, University of California Press, 1964.
- Kratzmüller B. Synoris – Apene. Zweigespannrennen an den Großen Panathenäen. *Nikephoros* 1993, 6, 75–91.
- Lurje M. *Die Suche nach der Schuld: Sophokles' Oedipus Rex, Aristoteles' Poetik und das Tragödienverständnis der Neuzeit*. München–Leipzig: Saur, 2004.
- Matheson S. B. *Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens*. Madison, The University of Wisconsin Press, 1995.
- Moore J. A. *Sophocles and Areté*. The Harvard Phi Beta Kappa Prize Essays. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1938.
- Nordheider H. W. ἰμάσθη, in: *Lfgre* 1991a, II, 1191.

- Nordheider H. W. κέντρον, in: *LfgrE* 1991b, II, 1382.
- O'Sullivan J. N., “μάστιξ”, in: *LfgrE* 1993, III, 42.
- Perrotta G. *Sofocle*. Messina, Principato, 1935.
- Sauer R. Charakter und tragische Schuld. Untersuchungen zur aristotelischen Poetik unter Berücksichtigung der philologischen Tragödien-Interpretation. *Archiv für Geschichte der Philosophie* 1964, 46, 17–59.
- Sheppard J. T. *The Oedipus Tyrannus of Sophocles*. Cambridge, CUP, 1920.
- Sommerstein A. H. Sophocles and the Guilt of Oedipus. *Cuadernos de Filologia Clasica. Estudios griegos e indoeuropeos* 2011, 21, 103–117.
- Vernant J.-P. Ambigüité et renversement. Sur la structure énigmatique d'Oedipe-Roi, in : J.-P. Vernant, P. Vidal-Naquet (eds.) *Mythe et tragédie en Grèce ancienne* I. Paris, Maspero, 1972, 99–131.
- von Wilamowitz-Moellendorff U. Excuse zum Oedipus des Sophokles. *Hermes* 1899, 34, 55–80 = *Kleine Schriften* VI. Berlin, Akademie-Verlag, 1972, 209–233.
- Алмазова Н. А. Колесница в Греции VII–IV вв.: некоторые наблюдения. *Philologia Classica* 2014, 9, 12–41.
- Андерсон Дж. К. Древнегреческая конница. Пер. с англ. М. Н. Серафимова. СПб: Издательство СПбГУ; «Акра», 2006. [Anderson J. K. *Ancient Greek Horsemanship*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1961.]
- Зайцев А. И. К предыстории микенской боевой колесницы, в: *Избранные статьи*. СПб., Филологический ф-т СПбГУ, 2003, 259–262.

Чувства: оксюморон. (О некоторых особенностях эмоциональной лексики в трагедиях Софокла)

З. А. Барзах

*Viele versuchten umsonst das Freudigste freudig zu sagen,
Hier spricht endlich es mir, hier in der Trauer sich aus.
Hölderlin, "Sophocles"*

*Многие радостных слов для радости втуне искали.
Ныне же Радость сама в скорби ко мне говорит.*

В марте 2013 года, почти десять лет назад, сделала я на факультетской конференции доклад под названием «Лексическое выражение мотивации в трагедиях Софокла». Суть доклада состояла в том, что герои Софокла подчас выбирают максимально неестественную, с точки зрения обыденного словоупотребления, лексическую форму для мотивировки своих действий: так, «выгодой» они могут мотивировать самопожертвование, а «удовольствием» – самоказнь. Вечером после доклада я позвонила сегодняшнему юбиляру, на нем присутствовавшему, и спросила его, как ему понравился доклад. Я знала по опыту, что Всеволод Владимирович не будет излишне придирааться, но и льстить не будет. Так и получилось. Мой собеседник сказал, что то, что я говорю о «выгоде» в «Аяксе» и «Антигоне», пожалуй, убедительно, а вот мои рассуждения об «удовольствии» в трагедиях об Эдипе слабее: я усложняю простое, фразу: «Мне доставило бы удовольствие, если бы меня убили» можно современным языком пересказать как: «Мне так плохо – пристрелите меня, пожалуйста!» Ничего необычного или неожиданного здесь нет.

Настоящая статья призвана компенсировать недостаток материала в тогдашнем моём докладе и показать, что употребление эмоциональной лексики вообще и слов семантического поля «радость» в частности у Софокла как минимум контринтуитивно и противоречит либо непосредственному контексту, либо обыденному словоупотреблению, либо и тому, и другому. В трагедии, вопреки жанровому предубеждению, иногда встречается и просто радость. Радость встречи и узнавания, облегчение после пережитой опасности, обманчивая радость гипохремы.¹ И такое естественное для греческой морали злорадство. Для классического эллина радоваться беде врага не зазорно – точно так же, как почётно и достойно «помогать друзьям и вредить врагам».² Именно этой «естественной» эмоцией наполнен пролог «Аякса», самой ранней из дошедших до нас трагедий Софокла – но уже здесь контекст и сила эмоции очень быстро превращают радость в оксюморон.

Аякс получает удовольствие, истязая животных, в которых он, в безумии своём, видит Атридов и Одиссея (51–52, 96, 106–107, 114, 265–275). Афина явно наслаждается местью (59–60, 118). Одиссей, по её мнению, тоже должен радоваться падению врага (79). В дальнейшем образ смеющихся злорадным смехом врагов будет мучать и Аякса, и Хор – и, вопреки тому, что уже знает зритель, в их число они включают и Одиссея (151–153, 379–382, 469). Эта чудовищная концентрация злорадства, помноженного на безумие, очень скоро становится невыносимой – и для зрителя, и для Одиссея, отказывающегося заразиться злорадством, и для всех, кто вынужден наблюдать безумия Аякса, и для него самого, как только к нему возвращается здравый рассудок. Радость становится невыносимой – и язык выворачивается, искажается, пытаясь поспеть за искаженной реальностью радостного безумия.

¹ О радости в трагедии см.: Visvardi 2020, 631.

² Blundell 1989, 62: "Help Friends / Harm Enemies expects and justifies ... such gloating pleasure in an enemy's misfortune".

Промежуточный случай между «нормальным» злорадством и оксюмороном – злая ирония. Таков садистический сарказм Аякса, принимающего, как он думает, в своём шатре Одиссея, дорогого гостя (105–106):

ἥδιστος, ὃ δέσποινα, δεσμώτης ἔσω
θακεῖ: θανεῖν γὰρ αὐτὸν οὐ τί πω θέλω.

Как отмечает в своём комментарии Фингласс, ирония этих слов заключается в том, что ἡδονή, разумеется, испытывает лишь Аякс, но отнюдь не Одиссей, и что сочетание ἥδιστος с δεσμώτης парадоксально.³

Несколькими десятками стихов ранее та же садистическая радость поименована в словах парадоксальных, оксюморонных (51–52):

ἐγὼ σφ' ἀπείργω, δυσφόρους ἐπ' ὄμμασι
γνώμας βαλοῦσα τῆς ἀνηκέστου χαρᾶς.

«Невыносимая мысль неизлечимой радости» настолько невыносима, противна и повседневному опыту, и обыденному словоупотреблению, что издатели и комментаторы прибегают к пунктуационным ухищрениям, чтобы как-то её смягчить, избежать. По свидетельству Джебба,⁴ уже в первопечатном издании «Аякса» (1502 г.) строки печатались со следующей пунктуацией:

ἐγὼ σφ' ἀπείργω, δυσφόρους ἐπ' ὄμμασι
γνώμας βαλοῦσα, τῆς ἀνηκέστου χαρᾶς.

Более того, по-видимому, так же понимал эти строки и древний схолиаст.⁵ В этом варианте смысл таков: «Я отвратила его от неизлечимой радости, бросив на очи его непреодолимое мнение» (то есть безумие, иллюзию).

Эту пунктуацию принимают Пирсон,⁶ Кэмербик,⁷ Стэнфорд,⁸ Доу,⁹ Ллойд-Джонс и Уилсон,¹⁰ Гарви,¹¹ и Фингласс.¹² Собственно, из авторитетных издателей и комментаторов отвергает ее только Джебб.¹³ В качестве аргумента в пользу гипербата приводят артикль τῆς перед ἀνηκέστου χαρᾶς, который может указывать только на то, что недавно упомянуто, то есть, по мнению защитников такой пунктуации, на планировавшееся Аяксом убийство ахейских вождей, которое обсуждается в ст. 43–50. Но убийство Аяксом животных тоже было только что упомянуто (39–42), так что артикль может указывать и на него. Преимущество же чтения без запятой очевидно: это более естественный порядок слов. Однако и эти лишние запятые, и многочисленные конъектуры указывают на странность, неожиданность конструкции и словоупотребления.

Невыносимая концентрация злорадства венчается внезапным выходом из его круга. Если эмоции Аякса просто слишком сильны и извращены божественным безумьем, то чувства Одиссея могли показаться зрителю Софокла парадоксальными. Ему бы порадоваться, полюбоваться на падение врага, как предлагает Афина. Но ему совсем не весело. С самого начала

³ Finglass 2011, 168 ad v. 105–106.

⁴ Jebb 1907, 19.

⁵ Brunck 1801, 9 = Dindorfius 1852, 198–199.

⁶ Pearson 1950, 5.

⁷ Kamerbeek 1953, 29.

⁸ Stanford 1979, 61–62.

⁹ Dawe 1975, 4.

¹⁰ Lloyd-Jones and Wilson 1990, 10, Lloyd-Jones 1994, 34–35.

¹¹ Garvie 1998, 129.

¹² Finglass 2001, 153–154. См. у него также внушительный список делавшихся к этим строкам конъектур.

¹³ Jebb 1907, 18–19.

он не желает, чтобы Афина выводила безумца из шатра ему на посмеяние (80). Уже это, возможно, не просто разумная осторожность, но отказ радоваться унижению другого. Далее этот мотив становится очевидным: вместо того, чтобы потешаться унижению врага, как того ожидает Афина, Одиссей идентифицируется с ним, признавая общую для обоих врагов человеческую природу с ее ограниченностью (121–126).¹⁴ Эта реакция, как ни естественна она для нас, для зрителя Софокла парадоксальна: катастрофа, постигшая врага, не должна вызывать иных эмоций, кроме радости.

В дальнейшем по ходу трагедии невыносимая интенсивность эмоций – на сей раз, страдания протагониста – вновь вырастает в парадоксальные чувства и их оксюморонные наименования. Понятно, что, когда Аякс, в унижении и горе своем, стремиться к смерти, тьма становится его светом (394–395: ἰὼ σκότος, ἐμὸν φάος). В этом еще нет ничего особо неожиданного, хотя вполне понятная мысль о смерти и выражена в нарочито парадоксальной форме. Но потом, после смерти Аякса, Текмесса, говоря о том, что он ушёл так, как хотел, находит для его предполагаемых эмоций парадоксальное выражение, снова включающее слово семантического поля «удовольствие» (966–968):¹⁵

ἐμοὶ πικρὸς τέθνηκεν ἢ κεῖνοις γλυκὺς,
αὐτῷ δὲ τερπνός: ὧν γὰρ ἡράσθη τυχεῖν
ἐκτήσαθ' αὐτῷ, θάνατον ὄνπερ ἤθελεν.

«Горький ли для меня или сладкий для них, он умер приятным для самого себя». Последние слова настолько не вяжутся с любым «нормальным» описанием и пониманием гибели Аякса, что здесь учёные вновь подвергают текст сомнению. Диндорфф,¹⁶ Радермахер,¹⁷ и Фингласс¹⁸ считают эти строки позднейшей интерполяцией, указывая как на синтаксические, так и на лексические и смысловые трудности; однако их подлинность убедительно защищают Стэнфорд,¹⁹ Ллойд-Джонс и Уилсон²⁰ и Гарви.²¹ Хорошо подготовленная парадоксальность шокирует не меньше.

Парадоксальные имена эмоций в финале трагедии отражают амбивалентные чувства зрителя: с одной стороны, горе по утрате «последнего из героев», чувство потери чего-то великого, усиленное сниженным тоном затянутого финального агона, с другой – очищающая радость об избавлении героя из мира перемен, в котором ему, с его упрямым постоянством, места не было.

В трагедии «Антигона» также звучит победительный, унижительный смех – но он причиняет боль прежде всего смеющемуся, а не объекту насмешки. Когда Исмена, в запоздалом горе своём о сестре, спрашивает её, «как же мне жить без тебя?», Антигона издевательски отвечает (549): Κρέοντ' ἐρώτα: τοῦδε γὰρ σὺ κηδεμών.

Мало кто из исследователей, любящих поискать “tragic flaw of character” даже у самых безупречных персонажей Софокла, упустил возможность уличить Антигону в излишней жестокости к сестре²². Симптоматично в этом контексте замечание Кирквуда: по его мнению, «нормальная женщина» (“a specimen of normal, gentle womanhood”) на месте Антигоны страдала бы от своего разрыва с сестрой, но Антигона, как представительница женственности «ненормальной», от этого не страдает.²³

¹⁴ Blundell 1989, 62–63.

¹⁵ О лексике семантического поля «удовольствие» в трагедии «Аякс» см.: Blundell 1989, 68–69.

¹⁶ Teste Ellendt 1841, 723.

¹⁷ Teste Stanford 1979, 184.

¹⁸ Finglass 2011, 414.

¹⁹ Stanford 1979, 184.

²⁰ Lloyd-Jones, Wilson 1990, 39.

²¹ Garvie 1998, 214.

²² См., напр., Brown 1987, 8, 136, Blundell 1989, 112–115, Carter 2012, 125, Flaig 2013, 85, Andújar, Nkoloutsos 2017, 21. Hahnemann 2019, 12.

²³ Kirkwood, 1958, 123.

Я не собираюсь ни спорить об этической оценке поведения героев Софокла (занятие скучное и контрпродуктивное), ни тем более рассуждать о «нормальной женственности» в мифическом прошлом, в V в. до н. э., в 50е гг. XX в. и в наше время (ещё более грустное занятие). Важнее другое: Антигоне больно, и она прямо говорит об этом. Когда Исмена говорит ей с упрёком (550): τί ταῦτ' ἀνιάς μ', οὐδὲν ὠφελουμένη; она отвечает (551): ἀλοῦσα μὲν δῆτ' εἰ γελῶ γ' ἐν σοὶ γελῶ.

Смех сквозь боль – это оксюморон. Смех по природе своей приятен. Стандартная формула, восходящая к Гомеру, звучит как ἡδὺ γέλ᾽ ας.²⁴ Да, возможность отвергнуть позднее раскаяние сестры – победа Антигоны, но эта победа причиняет боль прежде всего ей самой, делая её изоляцией абсолютной.

Чувства Антигоны вообще идеосинкретичны, находятся в противоречии с любым «нормальным». Об этом еще в прологе говорит Исмена – вновь избирая в качестве средства выражения оксюморон (88): θερμὴν ἐπὶ ψυχροῖσι καρδίαν ἔχεις. То, что должно «холодить» – мысль об остывшем трупе, леденящая душу мысль о нарушении запрета и казни – героиню «горячит», вызывает горячие чувства, горячее желание послушанья.²⁵

Эмоции говорящей тоже противоречивы. Как замечает Кэмербик, «слова Исмены полны восхищения и упрёка».²⁶ Всё это призвано вызвать противоречивую реакцию зрителя: восхищение героиней и ужас от того, что именно то, чем восхищается зритель, ведёт её к неизбежной (само)изоляции и гибели.

В трагедии «Электра» вновь звучит злорадство, но в нём уже не остаётся ничего естественного, так как это злорадство матери по поводу ложного известия о гибели сына. Это противоестественное злорадство вновь выражено нарочитым парадоксом. Орест, естественно, интересуется у Дядьки, как было принято дома ложное известие о его смерти (1344):

χαίρουσιν οὖν τούτοιςιν; ἢ τίνες λόγοι;
Тот отвечает оксюмороном (1345–1346):
τελουμένων εἴποισι' ἄν: ὥς δὲ νῦν ἔχει,
καλῶς τὰ κείων πάντα, καὶ τὰ μὴ καλῶς.

«Всё у них прекрасно – даже то, что безобразно». Безобразная радость Клитемнестры о гибели сына «прекрасна» для мстителей, так как делает её самоуверенной и неосторожной,²⁷ а им даёт конечное оправдание их деяния. Единственный комментатор, который понимает это иначе – Келлз.²⁸ Общая тенденция его комментариев – как можно ярче подчеркнуть преступность деяния Электры и Ореста и неоднозначность, открытость финала, ожидание Эринний. Поэтому, насколько и где это возможно, он стремится обелить Клитемнестру. Соответственно, его понимание этих строк таково: «У них всё очень плохо, потому что мать горюет о сыне. Но для нас это хорошо: из-за этого она потеряла бдительность». Такая интерпретация решительным образом зависит от понимания Келлзом предыдущих сцен, а именно реакции Клитемнестры на известие о смерти сына. И здесь, как мы увидим, стремление комментатора обелить Клитемнестру заводит его слишком далеко.

Только получив известие о гибели сына, Клитемнестра, действительно, удивляется самой себе: «Как это я не радуюсь, хотя известие для меня несет выгоду? Наверное, в материнстве есть какая-то удивительная сила, и это она мешает мне радоваться такой удаче!» (766–768: ὦ Ζεῦ, τί ταῦτα, πότερον εὐτυχῇ λέγω, / ἢ δεινὰ μὲν, κέρδη δέ; λυπηρῶς δ' ἔχει, / εἰ τοῖς ἐμαυτῆς τὸν βίον σφίζω κακοῖς. 770–771: δεινὸν τὸ τίκτειν ἐστίν: οὐδὲ γὰρ κακῶς / πάσχοντι μῖσος ὧν τέκῃ προσγίγνεται.) Келлз в предисловии к своему комментарию называет эти строки «ключевыми для понимания трагедии». Софокл здесь, по мнению комментатора, «мгновенно переносит

²⁴ Hom. II. XI, 378, XXI, 508, Theocr. VII, 128, Long. 4, 18, 1.

²⁵ Так понимает эти строки, например, Джебб (64 ad v. 88).

²⁶ Kamerbeek 1978, 51 ad v. 88: "Ismene's words are admiring and reproachful".

²⁷ Так это понимают Джебб (1900, 191), Кэмербик (1978, 176), Марч (2001, 217) и Финглас (2007, 495–496).

²⁸ Kells 1973, 213.

наши симпатии» на сторону Клитемнестры²⁹ (характерно, что Келлз приводит в качестве параллели Полиника в конце его короткой роли в «Эдипе в Колоне»: Полиник тоже ни в какой момент трагедии никаких симпатий не вызывает). Фингласс справедливо критикует Келлза за преувеличенное значение, которое он придает этим строкам: это короткая вспышка неоднозначных чувств, в течение которой Клитемнестра всё же думает главным образом о своей выгоде (707: *κέρδη*) и которая очень быстро сменяется откровенным злорадством. (Стоит сравнить эту реакцию с искренним горем Клитемнестры в «Хоэфорах» Эсхила, 691–699).

Итак, эмоции сначала неоднозначные, а потом прямо противоестественный. Одинока ли Клитемнестра в этом? Нет: её дочь и в этом на нее похожа.

Конечно, чувства Электры не противоестественны, как чувства ее матери: они – нормальная реакция на ненормальные обстоятельства. Они просто слишком сильны и то невыносимо спрессованы и противоречивы, то неестественно растянуты во времени, и, что тяжелее всего, героиня сама не приемлет их, чувствует стыд и ненависть к собственным чувствам (254, 307–309, 609).

Её горе настолько растянуто во времени и уже привычно, что стало радостью: она жалуется, что мать не дает ей плакать «столько, сколько ей было бы приятно» (286: *τοσόνδ' ὅσον μοι θυμὸς ἡδονὴν φέρει*). Когда же приходит неожиданная радость, она слишком похожа на привычную боль. Она сломлена, «побеждена радостью» (1272: *ἡδονῇ νικωμένην*), как другой был бы сломлен болью. У Предводительницы хора, заразившейся ее чувствами, слёзы радости на глазах (1230–1231: *ὁρῶμεν, ὦ παῖ, καὶ τὸ συμφωραῖσί μοι / γεγνηθὲς ἔρπει δάκρυον ὀμμάτων ἄλλο*), при том что слёзы естественнее ассоциируются с горем. Чувства зрителя тоже смешаны: конечно, узнавание приносит облегчение и радость, но зачем было столько тянуть с ним, ожидавшимся, как у Эсхила, в начале трагедии, зачем было мучать героиню сначала неведением, потом ложным горем? (Совсем уж немотивированной, садистической оттяжкой кажется требование Ореста отдать ему урну прежде, чем он откроется, в стихах 1205–1220: кажется, юноше просто очень хотелось посмотреть, как выглядит человек, лишенный всего, даже праха...).

Восторг героини на протяжении следующей сцены настолько экзальтирован, что Келлзу почудилось в нем безумие.³⁰ Оценка эта, конечно, преувеличена, но ее можно понять: Электра целует ноги старику-рабу (1357–1358), заявляет, что теперь не удивилась бы, увидев живым и здоровым отца (1316–1317). Орест упорно и безуспешно пытается унять этот поток восторгов (1236, 1238, 1259, 1271–1272), но его сестра уже не контролирует себя.

Когда молодой человек в очередной раз высказывает опасение, что радость Электры выдаст их – она не сможет скрыть свою радость при матери (1296–1300), ответ Электры до такой степени нелогичен, что породил попытки исправить его уже в древних рукописях. Электра говорит, что, во-первых, она настолько ненавидит мать, что не в состоянии будет радоваться в ее присутствии, а во-вторых, Клитемнестра примет слезы радости за слезы скорби (1308–1313):

ὁθούνεκ' Αἴγισθος μὲν οὐ κατὰ στέγας,
μήτηρ δ' ἐν οἴκοις: ἦν σὺ μὴ δείσης ποθ' ὥς
γέλωτι τοῦμόν φαιδρὸν ὄψεται κάρα.
μῖσός τε γὰρ παλαιὸν ἐντέτηκέ μοι,
κάπεί σ' ἐσεῖδον, οὗ ποτ' ἐκλήξω χαρᾶ
δακρυρροοῦσα.

Последнее предположение настолько противоестественно само по себе (как можно перепутать слёзы горя и слёзы радости!) и настолько не вяжется с предыдущим, что во всех рукописях в стихе 1312, вероятно, благодаря чьей-то древней конъектуре, стоит более логичное, но по смыслу куда более слабое *χαρᾶς*. Безупречная по своей экономности конъектура *χαρᾶ* была

²⁹ Kells 1973, 7–8.

³⁰ Kells 1973, 208–209. 214.

сделана в начале позапрошлого века Шэфером в одном из примечаний к его сочинению о текстологии Дионисия Галикарнасского³¹ и не осталась незамеченной исследователями Софокла: ее принимают все авторитетные комментаторы, в том числе Джебб,³² Кэмербик,³³ Келлз³⁴ и Финглас.³⁵ Но древнего переписчика, желающего пригладить текст, понять нетрудно, настолько неестественно сцеплены здесь скорбь и радость, внезапно обнаруживающие одни и те же симптомы.

Разумеется, эта переплетенность радости и скорби отражена и в чувствах зрителя в финале трагедии. Конечно, убийство Клитемнестры и Эгиста – это избавление (ср. 1508–1510), но также ясно, что избавление это обошлось убийцам слишком дорого, и Эриннии ждут за углом (ср. 1497–1498).

То, как в финале трагедии «Царь Эдип» употребляются слова, означающие «радость» или даже «удовольствие», в свое время навело нас на мысль об этой статье. То обстоятельство, что герой аргументирует своё самоослепление в терминах удовольствия, способно вызвать только шок. Ничто воспринимаемое зрением или слухом не могло бы теперь принести ему радость (1334–1335: τί γὰρ ἔδει μ' ὀρᾶν, / ὅτ' ὄρῳ μὴ δὲν ἦν ἰδεῖν γλυκύ; 1337–9: τί δῆτ' ἐμοὶ βλεπτὸν ἦ / στερκτὸν ἦ προσήγορον / ἔτ' ἔστ' ἀκούειν ἡδονᾶ φίλοι;). Это еще как-то сопоставимо с нормальным употреблением слов. Но далее, подробнее мотивируя деяние свое, повторив, что любое восприятие, здесь или в царстве Аида, было бы теперь для него мучительным (1371–1383), после страшных слов о том, что, если бы это было возможно, он лишил бы себя и слуха, чтобы полностью изолировать себя от внешнего мира (1386–1389), герой внезапно резюмирует (1390): «Сладко держать свой разум вне бедствий» τὴν φροντίδ' ἔξω τῶν κακῶν οἰκεῖν γλυκύ.

«Сладко»! То, что это слово в своем контексте является абсолютным оксюмороном, понятно и без комментариев. Однако Кэмербик добавляет важный штрих: само слово, выбранное здесь для понятия «разум», делает оксюмoron еще острее, ибо φροντίς в первичном своем значении означает «забота» и даже «тревога».³⁶

Тоньше всего лексику поля «удовольствие» в финале трагедии комментирует в своей статье Р. Кицинджер. Она пишет о том, что это немыслимое, с точностью до энантиосемии, семантическое искажение служит подчеркиванию непреодолимой дистанции, непроходимой бездны между героем, с одной стороны, и прочими персонажами на сцене и зрителями в зале, с другой. При этом сам герой употребляет для описания своих мотивов такие привычные и такие чудовищно неуместные слова именно потому, что хочет быть понятым в обычных человеческих терминах, включить свой опыт в сферу противящегося этому языка.³⁷

Эти противонаправленные векторы – стремление быть понятым и стремление к крайней самоизоляции – отражены и в реакции Предводителя Хора, который не в силах заставить себя даже глядеть не героя, но при этом стремится понять его, постичь смысл произошедшего (1303–1307: ἀλλ' οὐδ' ἐσθδὲν δύναμαι σε, θέλων / πόλλ' ἀνερέσθαι, πολλὰ πυθέσθαι, / πολλὰ δ' ἀθρῆσαι: / τοίαν φρίκην παρέχεις μοι.)

«Самоослепление Эдипа вызвано стремлением не видеть и быть невидимым, однако он настаивает на том, чтобы его страдание было увидено. Подобным образом, Хор привлечен зрелищем этих страданий, но оно столь ужасно, что Хор не может его вынести».³⁸ Эдип пытается быть понятым и понятным, выбирает слова, приближающие его к обычному человеческому опыту – но сам этот выбор слов подчеркивает невозможность такого перевода. Хор хочет понять – и не может видеть, настолько сильную боль причиняет это зрелище и сами эти попытки понять. На протяжении всей заключительной сцены Предводитель Хора спрашивает

³¹ Schaefer 1808, 113, note.

³² Jebb 1873, 45.

³³ Kamerbeek 1974, 172.

³⁴ Kells 1973, 70.

³⁵ Finglass 2007, 78, 490.

³⁶ Kamerbeek 1967, 252.

³⁷ Kitzinger 1993, 547–548.

³⁸ Cairns 2017, 54.

героя и слушает его, он хочет понять его – и хотел бы его не знать (1348). Слово, которое выбирает Предводитель Хора для описания своего переживания – *φρίκη* – включает в себя и физическое, почти рефлекторное содрогание,³⁹ и священный трепет,⁴⁰ и, что важнее, одновременно стремление отшатнуться в ужасе и самоидентификацию со страдающим.

Хор здесь является той самой внутренней аудиторией, которая помогает вербализовать эмоции внешней⁴¹ – зрителей и читателей.⁴² Зритель и читатель испытывает не только стремление понять, но и безграничное восхищение величием души героя – вместе с острым, доходящим почти до физической боли состраданием. Эти противонаправленные, разрывающие чувства могут побуждать бежать, закрыться – а могут парализовать, заставить застыть на месте, теряя границу между вымыслом и реальностью.

В трагедии «Эдип в Колоне» герой говорит о своих чувствах «в тот самый день» (*τὴν μὲν αὐτίχ' ἡμέραν*) в тех же выражениях, что и в финале трагедии «Царь Эдип» (433–436):

..... τὴν μὲν αὐτίχ' ἡμέραν,
ὁπηνίκ' ἔξει θυμός, ἡδιστον δέ μοι
τὸ κατθανεῖν ἦν καὶ τὸ λευσθῆναι πέτροις,
οὐδεὶς ἔρωτ' ἐς τόνδ' ἐφαίνετ' ὠφελῶν.

Ему было бы «приятнее всего» умереть, и даже – быть побитым камнями... И далее, о том же дне – или тех же днях – он говорит (766): *ὅτ' ἦν μοι τέρψις ἐκτεσεῖν χθονός*, «когда мне доставило бы удовольствие быть изгнанным из страны».

И сейчас, после всех страданий своих, он не просто стремится к смерти – его радует то, что у смертных вызывает ужас. Эриннии, чьё имя боятся произнести прочие, для него (106) «сладостные дочери древнего Мрака», *γλυκεῖαι παῖδες ἀρχαίου Σκότου*. Для него уход – избавление; для тех, кто любил его, после его ухода и в многолетней боли разделенного страдания видится радость (1699–1701):

πόθος τοῖ καὶ κακῶν ἄρ' ἦν τις.
καὶ γὰρ ὁ μηδαμὰ δὴ φίλον ἦν φίλον,
ὁπότε γε καὶ τὸν ἐν χεροῖν κατεῖχον.

И здесь странные отношения героев с болью и удовольствием отражают смешанные чувства зрителя или читателя: это мистическая радость о восхождении Эдипа в статус божества, радость избавления – и в то же время сострадание и боль потери.

«Дихотомия удовольствия и страдания – это, возможно, слишком просто».⁴³ Эта фраза из статьи по экспериментальной психологии отражает общую тенденцию современных наук о человеке. Способность переживать и осознавать смешанные эмоции, несводимые к удовольствию или страданию, трактуется сейчас этими науками как признак эмоциональной зрелости.⁴⁴ Многие исследователи подчеркивают, что литература, живопись и музыка вызывают такие смешанные эмоции и развивают способность их испытывать.⁴⁵ Впрочем, я не пытаюсь рекламировать трагедии Софокла в качестве инструмента эмоционального саморазвития. Скорее они – окно в ту часть реальности, где все привычные нам слова об удовольствии и страдании перепутываются, обращаются в свою противоположность и теряют смысл.

³⁹ Судя по этимологии – от *φρίξ*. «рябь на воде», и по употреблению в ранних медицинских текстах, значение физического содрогания, дрожи является первичным. См. Cairns 2013, 77–81, 2017, 55.

⁴⁰ О религиозных коннотациях *φρίκη* и их релевантности для финала трагедии «Царь Эдип», см. Cairns 2017, 59–60.

⁴¹ О Хоре как внутренней аудитории, моделирующей эмоции внешней, см.: Cairns 2017, 54–55, 71.

⁴² О совпадении в данном случае зрительских и читательских эмоций см.: Arist. *Poet.* 14. 1453 b 1–7, Cairns 2017, 61–6.

⁴³ Ellingsen, Klingelbach, Leknes 2019, 76: “A pleasure – displeasure dichotomy may... be too simple”.

⁴⁴ Ruff 2018, 398.

⁴⁵ Larsen, Green 2013, 1470, Ruff 2018, 398.

Литература

- Andújar R., Nkoloutsos K. Sophocles' *Antigone*, in: C. Morais, M. de Fátima Silva (eds.) *Portrayals of Antigone in Portugal*. Leiden, Brill, 2017, 13–26.
- Blundell M. W. *Helping Friends and Harming Enemies*. Cambridge, CUP, 1989.
- Brown A. (ed. with notes) *Sophocles, Antigone*. Warminster, Aris & Phillips, 1987.
- Brunck R. *Scholia Graeca in Sophoclem*. Oxonii, Ex typographeo Clarendoniano, 1801.
- Cairns D. A. Short History of Shudders, in A. Chaniotis & P. Ducrey (eds.) *Unveiling Emotions II. Emotions in Greece and Rome: Texts, Images, and Material Culture*. Stuttgart, Steiner, 2013.
- Cairns D. Horror, Pity, and the Visual in Ancient Greek Aesthetics, in D. Cairns, D. Nails (eds.) *Emotions in the Classical World*. Stuttgart, 2017, 53–78.
- Carter D. Antigone, In: Markantonatos, A., ed. *Brill's Companion to Sophocles*. Leiden, Brill, 2012, 111–128.
- Dawe R. D. (ed.) *Sophoclis Tragoediae. Tomus I*. Lipsiae, in aedibus Teubneri, 1975.
- Dindorfius G. *Scholia in Sophoclis Tragoedias Septem*. Oxonii, e typographeo Academico, 1852.
- Ellendt F. *A Lexicon to Sophocles*. Oxford, Talboys, 1841.
- Ellingsen D. M., Klingelbach M. L., Leknes S. A Neuroscience Perspective of Pleasure and Pain, in D. Bain, M. Brady, J. Corns, eds. *Philosophy of Pain: Unpleasantness, Emotion, and Deviance*. London and NY, 2019.
- Finglass P. J. (ed., introd., comm.) *Sophocles. Electra*. Cambridge, CUP, 2007.
- Finglass P. J. (ed., introd., comm.) *Sophocles. Ajax*. Cambridge, CUP, 2001.
- Flaig E. To Act with Good Advice: Greek Tragedy and the Democratic Public Sphere, in: Arnason, Johann, Raaflaub, K.A., Wagner, P. (eds.) *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley–Blackwell, 2013, 71–98.
- Garvie A. F. (ed., introd., comm.) *Sophocles. Ajax*. Warminster, Aris & Phillips, 1998.
- Hahnemann C. Broken Sisterhood: The Relationship between Antigone and Ismene in Sophocles' 'Antigone'. *Scripta Classica Israelica* 2019, 38, 1–16.
- Jebb R. C. (ed., introd., comm.) *The Electra of Sophocles*. Boston and Chicago, Allyn and Bacon, 1873.
- Jebb R. C. (ed., introd., comm.) *Sophocles. The Plays and Fragments, Part III. The Antigone*. Cambridge, Cambridge University Press. ³1900.
- Jebb R. C. (ed., introd., comm.) *Sophocles. The Plays and Fragments, Part VII. The Ajax*. Cambridge, Cambridge University Press, ³1907.
- Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Part I. The Ajax*. Leiden, Brill, 1953.
- Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Part V. The Electra*. Leiden, Brill, 1974.
- Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Part II. The Antigone*. Leiden, Brill, 1978.
- Kamerbeek J. C. *The Plays of Sophocles. Commentaries. Part V. The Oedipus Tyrannus*. Leiden, Brill, 1967.
- Kells J. H. (ed., comm.) *Sophocles. Electra*. Cambridge, Cambridge University Press, 1973.
- Kirkwood G. M. *A Study of Sophoclean Drama*. NY, Cornell University Press, 1958.
- Kitzinger R. What Do We Know? The End of Oedipus, in: R. Rosen, J. Farrell (eds.) *NOMODEIKTES. Greek Studies in Honor of M. Ostwald*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1993, 539–556.
- Larsen J. T., Green, J. T. Evidence for Mixed Feelings of Happiness and Sadness from Brief Period of Time, *Cognition and Emotion* 27(8), 2013, 1469–1477.
- Lloyd-Jones H. *Sophocles. Ajax. Electra. Oedipus Tyrannus*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1994.
- Lloyd-Jones H., Wilson, N. G. *Sophoclea. Studies in the Text of Sophocles*. Oxford, OUP, 1990.
- March J. (ed., comm.) *Sophocles. Electra*. Warminster, Aris & Phillips, 2001.
- Pearson A. C. (ed.) *Sophocles. Fabulae*. Oxford, Clarendon Press, 1950.
- Ruff C. D. Ideal End of Emotional Development, in: A. S. Fox et al., (eds.) *The Nature of Emotions*. Oxford, OUP, 2018.
- Schaefer G. H. *Meletemata criticorum specimen primum Dionysis Halicarnassensis Artem Rhetoricam tractans. Pars I*. Lipsiae, Teubner, 1808.
- Stanford W. B. (ed., introd., comm.) *Sophocles. Ajax*. NY, 1979.
- Visvardi E. Emotions in Euripides, in: A. Markantonatos, ed. *Brill's Companion to Euripides*. Leiden, Brill, 2020.

Conjectures sur le text du *De fluviis* et des *Parallela minora* du Ps.-Plutarque

Carlo Lucarini

Le *De fluviis* et les *Parallela minora* ont été écrits par le même auteur, dont nous ignorons le nom et qui a vécu probablement peu après la mort de Plutarque.¹ Dans cet article nous chercherons à corriger quelques passages corrompus dans la tradition manuscrite. Il faut se rappeler que le *De fluviis* a été transmis seulement par le *Palatinus Gr. Heidelbergensis* 398 (IXe siècle : P), tandis que les *Parallela minora* ont une tradition manuscrite plus complexe, à laquelle s'ajoutent parfois aussi Stobée et Jean le Lydien, qui offrent une rédaction plus proche de l'original.²

De fluv. 3, 4 (= Clitonymus, *FgrHist* 292 F 3) : γεννᾶται δὲ καὶ ἐν τῷ Παγγαίῳ ὄρει βοτάνη, κιθάρα καλουμένη.

Il est à mon avis manifeste, que l'auteur veut dire que sur le mont Pangeon pousse aussi la κιθάρα, pas que la κιθάρα pousse aussi sur le Pangée.³ Cfr. *De fluv.* 7, 3 (γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ καὶ λίθος ἀρουραφύλαξ καλούμενος) ; 14, 3 (γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ καὶ λίθος κρυστάλλῳ παρόμοιος) ; 18, 3 (εὐρίσκεται δ' ἐν αὐτῷ καὶ λίθος βηρύλλῳ παρόμοιος) ; 20, 3 (γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ καὶ βοτάνη ἄξαλλα καλουμένη) ; 21, 3 (φύεται δὲ καὶ βοτάνη ἡλιφάρμακος καλουμένη) ; 22, 3 (εὐρίσκεται δὲ καὶ λίθος) ; 23, 3 (καὶ λίθος δὲ γεννᾶται σικύωνος καλούμενος). Il faut donc faire une légère transposition et écrire : γεννᾶται δὲ ἐν τῷ Παγγαίῳ ὄρει καὶ βοτάνη.

De fluv. 9, 3 (= Archelaus Cappadox, *FgrHist* 123 F 9) : γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ [scil. Μαιάνδρῳ] λίθος κατ' ἀντίφρασιν σῶφρων καλούμενος, ὃν ἔαν βάλης τινὸς εἰς κόλπον ἐμμανῆς γίνεται.

σῶφρων est une correction de Maussac (P a τέφρων), basée sur ps.-Aristot. *De mirab. ausc.* 167 (p. 310 Giannini) : ἐν δὲ τῷ Μαιάνδρῳ ποταμῷ τῆς Ἀσίας λίθον φασὶ ἄφρονα καλούμενον κατ' ἀντίφρασιν. Il est évident que ἄφρονα est corrompu ; Estienne (suivi par Giannini) l'a corrigé en εὐφρονα, mais la correction qui a joui de la plus grande fortune est σῶφρονα, et la conjecture de Maussac au ps.-Plutarque s'appuie sur cette émendation. Il est d'ailleurs bien connu qu'en minuscule εὐ et α se confondent très facilement et Giannini a raison de suivre Estienne. Si nous acceptons εὐφρονα chez le ps.-Aristote, je crois que chez le ps.-Plutarque il sera préférable de corriger τέφρων καλούμενος en εὐφρων καλούμενος. En écriture capitale T et Y peuvent se ressembler.

De fluv. 10, 2 : ὁ ἀσκὸς Μαρσίου τῷ χρόνῳ δαπανηθεὶς καὶ κατενεχθεὶς ἔπεσεν ἀπὸ τῆς γῆς εἰς τὴν Μίδα κρήνην.

Hercher (1851, *ad loc.*) avait complètement raison de défendre χρόνῳ δαπανηθεὶς ("endommagé par l'usure du temps"), mais je trouve la coordination δαπανηθεὶς ... κατενεχθεὶς tout à fait étonnante. Je soupçonne que quelque chose a été omis soit après δαπανηθεὶς soit après καί.⁴

De fluv. 11, 1 : οὗτος γὰρ [scil. Παλαιστῖνος] πρὸς τοὺς ἀστυγείτονας ἔχων πόλεμον καὶ εἰς ἀσθένειαν ἐμπεσὼν τὸν υἱὸν Ἀλιάκμονα στρατηγὸν ἔπεμψεν· ὁ δὲ προπετέστερον μαχόμενος ἀνιέρθη. περὶ δὲ τῶν συμβεβηκότων ἀκούσας Παλαιστῖνος καὶ λαθὼν τοὺς δορυφόρους διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν ἔρριπεν εἰς ποταμὸν Κόνοζον.

La séquence περὶ δὲ ... δορυφόρους est problématique, parce que la coordination ἀκούσας ... λαθὼν n'est pas très logique; pour cette raison Duebner a supprimé καὶ après Παλαιστῖνος. Il y a toutefois une autre possibilité, c'est-à-dire d'écrire Παλαιστῖνος <ἡθύμησε>, καὶ λαθὼν ... Cfr. 17, 1

¹ Hercher (1851) 5-16 est encore digne d'être lu; voir aussi Calderón Dorda – De Lazzer – Pellizer (2003) 23-44.

² Les éditions dont il faut toujours tenir compte sont: Hercher (1851), Müller (1861), Bernardakis (1896), Calderón Dorda – De Lazzer – Pellizer (2003) pour le *De fluviis*; Bernardakis (1889), Nachstädt (1935), Babbitt (1936) De Lazzer (2000), Boulogne (2002) pour les *Parallela minora*. Voir aussi Poldomani (2016); Ibáñez Chacón (2017) et (2019).

³ Aussi Pellizer (2003, 133) comprend le texte de cette manière: «Nasce inoltre sul Pangeo una pianta chiamata kithara».

⁴ G. Liberman me suggère d'écrire δαπανηθεὶς <ἐσαθρόθη> καὶ κατ.

(κατηχηθείς περὶ τῶν συμβεβηκότων καὶ ἀθυμήσας, διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἔρριπεν ἑαυτὸν εἰς ποταμόν) ; 22, 1 (τῇ θυγατρὶ Κληστορίᾳ κατ' ἄγνοιαν συνερχόμενος καὶ ἀθυμία συσχεθεὶς ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμόν) ; 23, 1 (περὶ τῶν συμβεβηκότων κατηχηθείς καὶ ἀθυμία συσχεθεὶς ἑαυτὸν ἔρριπεν εἰς ποταμόν).

De fluv. 12, 2 (= Aretades Cnidius, *FgrHist* 285 F 3) :

τοῦτον τὸν λίθον ἔαν εὔρη τις σπανίως εὕρισκόμενον <τῶν> ἀποτεμνομένων οὐ ξενίζεται, ἀλλ' εὐνύχως φέρει τῆς παρὰ φύσιν πράξεως τὴν ὄψιν.

J'ai reproduit le texte de Calderón-Dorda, ainsi traduit par Pellizer : “questa pietra non è facile a trovarsi ; ma se colui che la rinviene è uno dei cosiddetti Evirati non considera più strana l'evirazione, ma sopporta di buon animo la vista di quell'atto contro natura”. Indépendamment du fait que Hercher avait à mon avis raison de transposer ἔαν εὔρη τις après εὕρισκόμενον, je crois qu'il y a une autre question qui mérite d'être discutée : avant ἀποτεμνομένων Hercher a ajouté <τῶν>, en faisant de cette manière de <τῶν> ἀποτεμνομένων un génitif partitif qui se rapporte à τις qui précède ; je n'exclus pas que cette solution soit correcte, mais il faut considérer aussi une autre possibilité. Si nous ajoutons <ὕπὸ τῶν> ἀποτεμνομένων, le texte signifie que qui trouve cette pierre n'est pas effrayé à la vue des hommes châtrés. Je ne vois pas de raison pour préférer à cette interprétation celle de Hercher : dans le paragraphe suivant (12, 3) nous lisons que Ballenaeus institua une fête après avoir vu son père châtré (τὸν γεννήσαντα θεασάμενος ἀποτεμνόμενον⁵).

De fluv. 14, 2 : γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ φυτὸν ἀλίνδα καλούμενον· παρόμοια δὲ ἔχει τὰ φύλλα κράμβης.

L'usage de notre auteur suggère d'émender παρόμοια ... φύλλα κράμβη{ς}, cfr. 1, 3 (παρόμοιος ἡλιτροπίῳ) ; 3, 3 (παρόμοιος ὀριγάνῳ) ; 6, 3 (χόνδρῳ παρόμοιος) ; 7, 3 (ἀργύρῳ παρόμοιος) ; 7, 6 (κισήρῳ παρόμοιος) ; 8, 2 (λόγχῃ παρόμοιος) ; 9, 5 ; 14, 5 ; 16, 2 ; 17, 2 ; 18, 3 ; 18, 13 ; 19, 2 ; 20, 4 ; 21, 2 ; 22, 2 ; 23, 5 ; 24, 4 ; 25, 3.

De fluv. 18, 8 : γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος κορύβας καλούμενος τῇ χροῇ κοραζός· ὃν ἔαν εὔρης καὶ ἔχῃς ἐν τῷ σώματι περικείμενον, κατ' οὐδὲν φοβῇ τὰς τερατώδεις ὄψεις.

Les lexiques que j'ai à ma disposition (Bailey, Lampe, LSJ, Montanari, Stephanus) ne connaissent pas περικεῖσθαι ἔν τινι, mais seulement περίκεισθαι τινι. Je suggère donc d'écrire ἔχῃς {ἐν} τῷ σώματι περικ.

De fluv. 22, 1 : Θέστιος, Ἄρεως καὶ Πεισιδίκης παῖς, διὰ τина περίστασιν οἰκιακὴν ἀποδημήσας εἰς Σικυῶνα καὶ ἱκανὸν χρόνον διατρίψας, ὑπέστρεψεν εἰς τὸ πατρῷον ἔδαφος.

“Thestios, das Kind von Ares und Peisidike, kehrte, nachdem er wegen einer häuslichen Angelegenheit nach Sikyon gegangen war und dort lange genug geblieben war, auf den Boden seiner Vorfahren zurück” (Brodersen). Je crois qu'il faut écrire χρόνον <ἐν>διατρίψας. Cfr. Plut. *De garrul.* 505 A (Σύλλας ἐπολόρκει τὰς Ἀθήνας, οὐκ ἔχων σχολὴν ἐνδιατρίψαι χρόνον πολύν) ; Diod. Sic. 19, 95, 3 (... ἐνδιατρίψαντες δ' οὐ πλείω χρόνον φυλακῆς ἐωθινῆς εὐθὺς ἀνέστρεψαν) ; Cassius Dio 16, 57, 39 (εἷς τε τὸ Καπιτώλιον ἀναβῆναι καὶ χρόνον τινὰ ἐνδιατρίψαι). La faute est facile à expliquer du point de vue paléographique, parce qu'en capitale et en onciale on (dernières lettres de χρόνον) et en se ressemblaient.

De fluv. 24, 1 (= *FgrHist* 296 F 3) : γενόμενος δὲ [scil. : Διόνυσος] ἐν τοῖς κατ' Ἀρμενίαν τόποις καὶ τὸν προειρημένον ποταμὸν διελθεῖν μὴ δυνάμενος ἐπεκαλέσατο τὸν Δία· γενόμενος δὲ ἐπήκοος ὁ θεός, ἔπεμψεν αὐτῷ τίγριν, ἐφ' ἧς ἀκινδύνως προσενεχθεὶς † εἰς τιμὴν τῶν συμβεβηκότων τὸν ποταμὸν Τίγριν μετωνόμασεν.

Il est évident que ἀκινδύνως προσενεχθεὶς † εἰς τιμὴν est corrompu. Bernardakis a corrigé προσενεχθεὶς en προενεχθεὶς, mais ce dernier verbe ne semble pas signifier “transporter quelqu'un”. Wytttenbach écrit πρόσω ἐνεχθεὶς, Hercher πέραν ἐνεχθεὶς. Je soupçonne que la faute s'est produite

⁵ ἀποτεμνόμενον est une conjecture absolument sûre de Wytttenbach au lieu de ἀποτηκόμενον du ms. d'Heidelberg.

à la suite d'un saut du même au même : peut-être l'auteur avait écrit quelque chose comme προσενεχθείς <εἰς τὴν ἀντιπέραν ὄχθη> εἰς τιμὴν ... Cfr. Xen. Cyr. 5, 4, 6 : εἰς λιμένα ἐκ χειμῶνος προσφέρεσθαι αὐτούς. Pour ἀντιπέραν ὄχθη, cfr. Plut. Anton. 18, 5 ; De fort. Roman. 325 B

De fluv. 25, 4 : οὗτος γὰρ [scil. Λίλειος] δεισιδαίμων ὑπάρχων καὶ μόνην σεβόμενος τὴν Σελήνην, νυκτὸς βαθείας ἐξετέλει τὰ μυστήρια τῆς προειρημένης.

ἐξετέλει est un conjecture de Wyttenbach pour ἐκτελεῖ du manuscrit d'Heidelberg. Cependant, si je ne m'abuse, on lit μυστήρια ἐκτελεῖν pour la première fois dans le Chron. Pasch. (p. 41, l. 9 Dindorf). Chez les auteurs classiques on lit μυστήρια ἐπιτελεῖν (cfr. Galen. vol. 14, 212, 16 Kuhn), μυστήρια συντελεῖν (cfr. Diod. Sic. 3, 55, 9), mais non μυστήρια ἐκτελεῖν. Je suggère d'écrire βαθείας ἐτέλει τὰ μυστήρια. L'expression μυστήριον τελεῖν est utilisée aussi dans un autre passage par notre auteur (Parall. min. 35 B a : μυστήριον τελεῖται). Cfr. aussi Philo De vita cont. 25 (μυστήρια τελοῦνται) ; Artemid. Onir. 4, 39 (τελεῖται τὰ μυστήρια). Il est possible que ἐκτελ- soit une assimilation à νυκτός qui précède.

Par. min. 309 D : καὶ Τεγεᾶται μὲν οὖν τοὺς Ῥηξιμάχου παῖδας, Φεγεᾶται δὲ τοὺς Δημοστράτου προυβάλλοντο. συμβληθείσης δὲ τῆς μάχης ἐφονεύθησαν τῶν Ῥηξιμάχου δύο· ὁ δὲ τρίτος τοῦνομα Κριτόλαος στρατηγῆματι περιεγένετο τῶν Δημοστράτου· προσποιητὴν γὰρ φυγὴν σκηψάμενος καθ' ἓνα τῶν διωκόντων ἀνεῖλε. καὶ ἐλθόντος οἱ μὲν ἄλλοι συνεχάρησαν, μόνῃ δ' οὐκ ἐχάρη ἡ ἀδελφὴ Δημοδίκη.

Je suggère d'écrire καὶ <ἐπαν>ελθόντος οἱ μὲν ἄλλοι, parce que chez Plutarque (et non seulement chez lui) ἐπανερχομαι est le verbe typique pour celui qui revient de la bataille ou de la guerre : cfr. Plut. Regum et imp. aporph. 203 E (ἐπανελθόντα δ' αὐτὸν ὁ Σύλλας ταῖς μὲν ἄλλαις τιμαῖς ἐδέξατο φιλοφρόνως καὶ Μάγνον προσηγόρευσεν) ; ibid. 197 E ; Aratus 28, 3 (ἐπεὶ δ' ἀπὸ τῆς διώξεως ἐπανελθόντες οἱ λοιποὶ χαλεπῶς ἔφερον, ὅτι τρεψάμενοι τοὺς πολεμίους καὶ πολὺ πλείονας ἐκείνων καταβαλόντες ἢ σφῶν αὐτῶν ἀπολέσαντες παραλελοίπασιν τοῖς ἡττημένοις στήσαι κατ' αὐτῶν τρόπαιον) ; Theseus 35, 8 ; Caesar 37 ; Aetia Rom. 264 E.

Par. min. 309 E (= Aristides Milesius, FgrHist 286 F 14) : Ῥωμαῖοι καὶ Ἀλβανοὶ πολεμοῦντες τριδύμους προμάχους εἵλοντο, καὶ Ἀλβανοὶ μὲν Κουρ<ι>ατίους, Ῥωμαῖοι δὲ Ὠρατίους.

Si je ne m'abuse, καὶ Ἀλβανοὶ μὲν Κουρ<ι>ατίους est corrompu ; De Lazzer traduit : "Romani e Albani, in guerra tra loro, si scelsero tre campioni gemelli : gli Albani i fratelli Curiazî, i Romani gli Orazî". Comme on le voit, le καὶ après εἵλοντο a été omis.⁶ Je crois que ce καὶ doit être supprimé : la faute résulte probablement de la répétition de καὶ Ἀλβανοὶ qui précède.

Par. min. 314 B : Θησεὺς δὲ πιστεύσας ἡτήσατο παρὰ Ποσειδῶνος ἀπολέσθαι τὸν Ἰππόλυτον, ἐκ τῶν τριῶν εὐχῶν ἃς εἶχε παρ' αὐτοῦ. ὁ δὲ παρ' αἰγιαλὸν ἐπὶ ἄρματος τυχόντι ταῦρον ἔπεμψεν.

Il s'agit ici de la célèbre histoire de Phèdre et Hippolyte. Si je ne m'abuse, ἐκ τῶν τριῶν ... παρ' αὐτοῦ est syntaxiquement inacceptable, et la chose n'a pas échappé à quelque copiste, du moment que ces mots ont été omis dans Σ. Cependant, il n'y a aucune raison de suivre Σ : c'est plutôt Stobée, qui nous indique le remède.⁷ Si je ne m'abuse, on doit lire Ἰππόλυτον, <μίαν> ἐκ τῶν τριῶν. Cfr. aussi De fluv. 18, 1 (μίαν τῶν Ἐρινύων).

Par. min. 314 D : λοιμοῦ κατασχόντος Φαλερίους καὶ φθορᾶς γενομένης χρησμὸς ἐδόθη λωφεῖσθαι τὸ δεινόν, ἐὰν παρθένον τῇ Ἥρᾳ θύωσιν κατ' ἐνιαυτόν. αἰὶ δὲ τῆς δεισιδαιμονίας μενούσης κατὰ κλῆρον καλουμένη Οὐαλερία Λουπέρκα †. σπασαμένη<ς> δὲ τὸ ξίφος ἀετὸς καταπτὰς ἤρπασε καὶ ἐπὶ τῶν ἐμπύρων ἔθηκε ράβδον μικρὰν ἔχουσιν σφύραν, τὸ δὲ ξίφος ἐπέβαλε δαμάλει τινὶ παρὰ τὸν

⁶ Voir aussi la traduction de Boulogne : "Rome et Albe étaient en guerre. Des triplés furent choisis pour champions, les Curiatii pour Albe, les Horatii pour Rome".

⁷ Stob. 4, 20, 75 (p. 474 Hense) : Θησεὺς δὲ ἐκ Θηβῶν ὑποστρέψας καὶ τὰς διαβολὰς ἀναγνούς, ἐκ τῶν τριῶν εὐχῶν ἃς εἶχε παρὰ Ποσειδῶνος μίαν εἰς τὸν υἱὸν ἐδαπάνησεν.

ναὸν βοσκομένη. νοήσασα δ' ἡ παρθένος καὶ τὴν βοῦν θύσασα καὶ τὴν σφῦραν ἄρασα, κατ' οἰκίαν περιῆλθε καὶ τοὺς ἀσθενοῦντας ἡρέμα πλήττουςα διήγειρεν.

Le texte est manifestement corrompu, comme montre le fait qu'il n'y a pas de verbe auquel Οὐαλερία Λουπέρκα puisse se rapporter. Le manuscrit E (*Par. Gr.* 1672, ca. 1350-1380) a ajouté <ἤγετο εἰς θυσίαν> après Λουπέρκα⁸ et au même endroit Pohlenz voulait ajouter <ἔμελλεν αὐτὴν τῷ θεῷ θύειν>. Babbitt a corrigé καλουμένη en λαχομένη et Boulogne, en acceptant cette dernière conjecture, écrit : ...κατὰ κλῆρον λαχομένη Οὐαλερία Λουπέρκα σπασαμένη {δὲ} τὸ ξίφος <ἤγετο εἰς θυσίαν>, ἀετὸς <δὲ> καταπτὰς ἤρπασε... À mon avis la lacune doit être plutôt supposée après κλῆρον, parce que καλουμένη⁹ montre qu'avant ce mot manque un substantif. Je suggère d'écrire κατὰ κλῆρον <ἔλαχε παρθένος> καλουμένη.¹⁰

En outre, je crois qu'il y a une corruption textuelle dans la dernière phrase que j'ai transcrit. Dans le texte parallèle de Jean le Lydien (*De mens.* 147) on lit : ... <ἄρασά τε> τὴν <σ>φ<ῦραν> πᾶσαν κατ' οἰκίαν <περι>ῆλθε. Il me semble presque certain que dans l'original des *Parall. min.* on lisait τὴν σφῦραν ἄρασα <πᾶσαν> κατ' οἰκίαν περιῆλθε, parce qu'il est improbable que Jean ait ajouté πᾶσαν de sa propre initiative, tandis que la chute de cet adjectif après ἄρασα s'explique bien ; voir aussi Diod. Sic. 19, 20, 2 (περιελθεῖν πᾶσαν τὴν Μηδίαν) ; Dio Chrys. 31, 149 (τὴν οἰκουμένην σχεδὸν ἅπασαν περιελθόν).

Bibliographie

- Babbitt F. C. Plutarch's *Moralia*, vol. IV, Cambridge, Mass. – London, 1936.
 Bernardakis G. Plutarchi Chaeronensis *Moralia*, vol. II, Lipsiae, 1889.
 Bernardakis G. Plutarchi Chaeronensis *Moralia*, vol. VII, Lipsiae, 1896.
 Boulogne J. Plutarque, *Œuvres morales*, vol. IV. Paris, 2002.
 Brodersen K. Plutarch, *De fluviis*. Speyer, 2022
 Calderón-Dorda E., De Lazzer A., Pellizer E. Plutarco, *Fiumi e monti*. Napoli, 2003.
 Delattre Ch. *Nommer le monde : origine des noms de fleuves, de montagne set de ce qui s'y trouve*, Ville-neuve-d'Ascq, 2011.
 Delattre Ch. L'alphabet au secours de la géographie : (dés)organiser le *De fluviis* du pseudo-Plutarque, *Polyminia* 2017, 3, 53–82.
 De Lazzer A. Plutarco, *Paralleli minori*. Napoli, 2000.
 Hercher R. Plutarchi *Libellus de fluviis*. Lipsiae, 1851.
 Ibáñez Chacón Á. Estudios sobre el texto de los *Parallela minora*: los *marginalia* de Amyot en la *editio Basileensis*, *Eikasmos* 2017, 28, 339–351.
 Ibáñez Chacón Á. Estudios sobre el texto de los *Parallela minora*: el Parisinus Gr. 1957 (F), *Byzantion* 2019, 89, 275–296.
 Müller C. *Geographi Graeci minores*, vol. 2. Parisiis, 1861.
 Nachstädt W. 1 Plutarchi *Parallela minora*, Lipsiae (in Plutarchi *Moralia*, vol. 2) 1935.
 Poldomani Ch. II *De fluviis* pseudoplutarcheo nella redazione del codice Paris, Bibliothèque Nationale de France, *Supplément grec 443A, Commentaria classica* 2016, 3, 57–82.

⁸ Pas après ξίφος, comme on lit dans l'apparat de Boulogne.

⁹ Ce participe ne doit pas être corrigé, cfr. e. g. *De fluv.* 9, 3; 19, 3.

¹⁰ Pour κατὰ κλῆρον λαγχάνειν cfr. Polyb. 3, 62, 8-9 (σπεύδων ἕκαστος αὐτὸς γενέσθαι τῶν λαχόντων. ἐπεὶ δ' ἐδηλώθη τὰ κατὰ τὸν κλῆρον); *Schol. in Apoll. Rh.* 1 308 b, p. 35, 14 Wendel.

Под Урожайной¹ Луной: жизнь селенитов глазами греческих философов

А. А. Пименова

Луна – это светило дневного и ночного неба, за которым с вниманием, любовью или страхом люди наблюдали на протяжении тысяч и тысяч лет. Для древних, в частности, для греков и римлян, Луна была своего рода зеркалом, отражавшим происходящие на Земле события. В античности Луна не просто служила хранителем времени, но и воспринималась как источник таких «земных» явлений, как погода, урожай, болезни, плодородие и фертильность.² В дополнение к своим размерам, меняющимся фазам и яркости, Луна уникальна тем, что является единственным небесным телом с поверхностью, черты которой видны невооруженным глазом.

В сухом климате, например, в Средиземноморье, эти черты видимы особенно ярко. Постоянно наблюдая за Луной, люди были способны различать её неровности, но при этом вряд ли могли понимать, что именно они видят. Это подтолкнуло наблюдателей к тому, чтобы видеть на лике Луны очертания лиц и людей. Видимо, изображение человекоподобных форм, которые различали греки, могло подтолкнуть их и на мысль об обитаемой природе Луны. А схожесть поверхности Луны с морями, горами и рельефами заставила греческих философов предполагать, что она обладает земными характеристиками.

Особой значимой фигурой в истории изучения Луны стал Анаксагор. К. ни Мхаллэй отмечает, что Анаксагор, следуя примеру Парменида, осуществил сдвиг от ‘метеорологической’ к ‘литической’ природе Луны, которая предстала в виде землистого, непрозрачного тела, а не состоящей исключительно из воздуха или огня, как полагали ранее.³ Тем самым он представил Луну пригодной для жизни, впервые постулировав, что это мир, подобный Земле и радикально отличающийся от инопланетных туманных или огненных объектов, которые предполагали его предшественники. Она не только была твердой, как Земля, но и имела общие черты с земным ландшафтом, такие как горы, ущелья и пещеры. Эту теорию разделял и философ-атомист Демокрит.⁴

К. ни Мхаллэй считает, что Анаксагор был первым, кто серьезно взялся за идею о лунной жизни.⁵ По сообщению Диогена Лаэртского, Анаксагор верил, что на Луне есть «жилища» (οἰκῆσεις), а это подразумевает обитание в них лунных существ.⁶ У. К. Ч. Гатри же считал, что, судя по фрагментам, Анаксагор действительно полагал, что Луна подобна Земле с ее горами и долинами, но при этом мог и не считать, что она обитаема. Впрочем, Гатри признавал, что даже такой рационально мыслящий философ, как Аристотель, рассуждал о живых существах огненной природы, живущих на Луне (*Gen. an.* 761b15-23).⁷

Кроме того, схожесть одинаковой природы Земли и Луны мог предполагать Диоген из Аполлонии (вторая половина V в. до н. э.). Диоген читал книгу Анаксагора и, впечатленный историей о падении метеорита в Эгоспотамах, отметил сильное сходство между рябой поверхностью метеорита и поверхностью пемзы. На основании этого наблюдения Диоген полагал, что Луна, Солнце и звезды сделаны из пемзы, а огонь из внешнего эфира проходит через поры

¹ В году бывает 12 или 13 полнолуний, по одному в каждый месяц, иногда за исключением февраля. В Северной Америке существуют разные традиции наименования полнолуний. Полнолуние в январе называется Волчьей Луной, февральское – Голодной Луной и т.д. На осеннее равноденствие (23 сентября) появляется Урожайная Луна. См.: Мортон 2021, 12. Эту заметку я дарю родившемуся под Урожайной Луной В. В. З. с любовью и благодарностью.

² Montgomery 1999, 12.

³ ní Mheallaigh 2020, 84.

⁴ См. также: DK 59 A 42, A 77. Демокрит: DK 68 A 90.

⁵ ní Mheallaigh 2020, 112.

⁶ D. L. 2.8: [Οὗτος ἔλεγε] . . . δὲ τὴν σελήνην οἰκῆσεις ἅλλὰ καὶ ἔχειν καὶ λόφους καὶ φάραγγας.

⁷ Гатри 2017, 515, особ. Сн. 1.

этой небесной пемзы и порождает свет каждого тела.⁸ С. Монтгомери утверждает, что тем самым Диоген первым предложил связь между Луной и вулканами – связь, которую в разное время отмечали такие ученые, как И. Кеплер, Я. Гевелий, У. Гершель.⁹ В античности пемзу активно использовали в повседневной жизни, в медицинских и эстетических целях,¹⁰ однако мне не удалось найти свидетельств о том, что ее вулканическая природа была в то время известна. Кроме того, С. Монтгомери ошибочно считает, что Диоген правильно связал происхождение кратеров на Луне с вулканической активностью. Сейчас известно, что кратеры на Луне ударного типа, т. е. образуются не из-за извержения на ней вулканов, а из-за падения метеоритов.

Пифагорейцы разработали наиболее подробные теории о лунной жизни. В их размышлениях на эту тему есть два направления: эсхатологическое и астробиологическое. По утверждению Явлиха, некоторые пифагорейцы верили, что Луна была временным пристанищем душ после смерти и что она была населена «духами» (δαίμονες), одним из которых был сам Пифагор.¹¹

Из доксографических свидетельств мы узнаем, что некоторые пифагорейцы, в том числе астроном Филолай, постулировали, что Луна была своего рода небесной Землей, с флорой и фауной, более крупной и замечательной, чем земная.

Аët. II, 30, 1 (DK 44 A20) τῶν Πυθαγορείων τινὲς μὲν, ὧν ἔστι Φιλόλαος, γεώδη φαίνεσθαι τὴν σελήνην διὰ τὸ περιουκεῖσθαι αὐτὴν καθάπερ τὴν παρ' ἡμῖν γῆν ζώοις καὶ φυτοῖς μείζονσι καὶ καλλίονσιν· εἶναι γὰρ πεντεκαίδεκακλάσια τὰ ἐπ' αὐτῆς ζῶα τῇ δυνάμει μὴδὲν περιττωματικὸν ἀποκρίνοντα, καὶ τὴν ἡμέραν τοσαύτην τῷ μήκει.

«Некоторые из пифагорейцев, в частности Филолай, приписывают ее [Луны] похожий на Землю внешний вид тому факту, что она населена повсюду, как и наша Земля, живыми существами и растениями, которые больше и красивее земных. Ведь живые существа на Луне в пятнадцать раз больше по силе и не производят никаких *остатков* (περιττωματικόν), и лунный день столь же большой по продолжительности [т.е. в пятнадцать раз длиннее земного дня].»

В первую очередь стоит обратить внимание на слово περιττωματικόν. Как отмечает К. Хафмен, идея о том, что селениты не производят экскрементов (περιττωματικὸν ἀποκρίνοντα), находит параллель у Аристотеля – в «Частях животных» (665b24) он, по-видимому, использует это выражение для обозначения экскрементов. Однако в «Истории животных» (511b9) слово περιττωματικόν относится к любому виду выделений: мокрота, желтая, черная желчь, экскременты. Термин περιττώματα является стандартным у перипатетиков для обозначения «выделений». Это видно из медицинской доксографии перипатетика Менона (IV в. до н.э.), разделившего болезни на два типа: те, что вызываются элементами, и те, что вызваны выделениями (Anon. Lond. 4, 26). Контекст сообщения о Филолае не исключает того, что он говорит о выделениях в более широком смысле: селениты не производят таких выделений, как желчь и мокрота, и экскременты.

Укажем на два устойчивых тропа, касающихся внеземной жизни. Во-первых, ожидалось, что для поддержания жизни требуется среда, подобная земной, которая, вместе с тем, не повторяет в точности условия на Земле: а именно, лунный день длится гораздо дольше (это действительно так), что, очевидно, сказывается на тамошних формах жизни.

Во-вторых, предполагалось, что внеземная жизнь напоминает земную жизнь в общих чертах – на Луне есть «животные и растения», как и на Земле, – но при этом селениты каким-то образом превосходят своих земных собратьев. К. ни Мхаллэй отмечает, что в современном воображении все еще существует устойчивое предположение, что «инопланетяне» обладают более высоким интеллектом, чем мы, имеют доступ к более передовым технологиям и т.д., и

⁸ Там же, 610.

⁹ Montgomery 1999, 22.

¹⁰ См., напр., Duffin 2012.

¹¹ Iambl. VP 6. 30.

что такие убеждения находят свой древний аналог в идеях пифагорейцев о больших, более совершенных существах на Луне, которые не производят выделений.¹² Тем не менее, необязательно искать в античности корни представления о более развитых инопланетянах. Они могут быть чем-то похожи на нас, но они «другие».

К. Хафмен отмечает, что взгляды Филолая на обитателей Луны находят близкие параллели у Анаксагора и Демокрита; кроме того, есть похожие свидетельства IV в. до н.э., а некоторые сообщения предполагают связь с более поздней платоновской традицией.¹³ Возможно, самая поразительная параллель с рассказом Филолая обнаруживается в комментарии Филопона, жившего в VI в. н. э. к упомянутому выше отрывку из трактата «О происхождении животных» Аристотеля (*In Arist. De gen. an.*, 160.16-21). Филопон сначала объясняет аргумент Аристотеля в пользу предположения, что должно существовать животное, соответствующее четвертому элементу – огню, которое можно найти не на Земле, а на Луне. Затем он прямо заявляет, что «существуют и рождаются особые интеллектуальные животные в эфире» и довольно подробно описывает их. Хотя они и не бессмертны, но живут 3000 лет, проводят время в занятиях умственным трудом и имеют жилище в воздухе и эфире (выше он пишет [15], что они находятся в сфере Луны).¹⁴

Согласно Филопону, эфирные существа не едят и не пьют (μήτε ἐσθίοντα μήτε πίνοντα). К. Хафмен считает, что это утверждение Филопона может пролить свет на идею Филолая. Это может означать, что существа Филопона похожи на описываемых Филолаем – то есть не производят *остатков, выделений*. В свете свидетельства Филопона очень заманчиво предположить, что Филолай приписал этим существам все три признака, то есть то, что они не ели, не пили и не выделяли *остатки*. В передаче первые два могли быть легко опущены в пользу более причудливого описания существ, которые не производят *выделений*.¹⁵ Но мысль о том, что интеллектуальные лунные существа лишены важных телесных признаков людей, могла прийти неоплатонику Филопону независимо от идей Филолая.

Таким образом, по мнению некоторых античных мыслителей, растения и животные на Луне отличались от растений и животных на Земле: (1) они крупнее и тоньше; (2) они в пятнадцать раз мощнее; (3) они не производят остатки. Второй из этих пунктов явно связан с последней строкой приведенного выше свидетельства о том, что лунный день «столь же большой» (то есть в пятнадцать раз больше земного).¹⁶ Неясно, почему более продолжительный день должен делать обитателей Луны более сильными, если только это каким-то образом не связано с воздействием более длительных периодов солнечного света и/или темноты. Из этого свидетельства Филолая не вполне очевидно, почему лунные существа должны быть больше, тоньше и не выделять остатки. Существует своеобразная одержимость древних писателей природой телесных выделений селенитов. Лукиан (II в. н. э.) доводит это до абсурда в своей «Правдивой истории», где лунные люди наделены выделениями необычайной чистоты: слизью из носа, которая имеет качество меда (1, 24). Более того, у Лукиана жители Луны питаются паром, поднимающимся от жареных лягушек, которые летают в большом количестве по

¹² ní Mheallaigh 2020, 117. В качестве примера наиболее знакомого типа разумного инопланетянина в современной поп-культуре автор приводит мистера Спока с планеты Вулкан в сериале «Звездный Путь». Про остальные примеры см.: *ibid.*, n.15.

¹³ Huffman 1993, 271.

¹⁴ Εἰσὶ γὰρ καὶ γίνονται μερικὰ λογικὰ αἰθέρια ζῷα μήτε ἐσθίοντα μήτε πίνοντα, ἀισχυλούμενα δὲ περὶ μόνην τὴν ὀρατικωτέραν καὶ θεωρητικωτέραν διατριβὴν καὶ ἔχοντα τὴν οἰκῆσιν ἐν αἰθέρι καὶ ἀέρι, καὶ ζῇ ἕκαστον αὐτῶν καὶ ὑπὲρ τὰ τρισχίλια ἔτη. θνήσκει δὲ ὁμῶς, ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων ἄλλος ἂν εἴη λόγος· φαίνεται γὰρ οὗτος μὴ συντιθέμενος τῷ τοιοῦτῳ δόγματι τῷ τοῦ Πλάτωνος ὄντι.

¹⁵ *Ibid.*, 272.

¹⁶ К. ни Мхаллэй (ní Mheallaigh 2020, 122) считает, что число 15 в данной случае имеет четкое астрономическое обоснование. С земной точки зрения, пятнадцать дней – половина земного месяца – это время, необходимое Луне, чтобы достичь своей самой яркой полной фазы. В течение вторых пятнадцати дней месяца он постепенно темнеет до новолуния, когда полностью исчезает с неба. В этом смысле теория о том, что один лунный день равен пятнадцати земным дням, имеет интуитивный смысл, поскольку она приспособливает лунные фазы к суточной схеме чередования дневного света и темноты, так что то, что мы испытываем на Земле за двадцать четыре часа, растягивается на целый месяц на Луне. См. также Huffman 1993, 276.

воздуху; а сам воздух они пьют, выжимая его в чаши, которые наполняются росой; они не мочатся и не испражняются (1, 23).

Про жизнь селенитов писал Плутарх в сочинении «О лике, видимом на диске Луны», где изложены различные научные теории относительно природы и свойств Луны. Собеседники в этом сочинении предполагают, что условия на Луне засушливые, и, как следствие, растительность скудная, поэтому лунные люди, вероятно, олиготрофны, то есть приспособлены выживать на скудной пище, возможно, вдыхая пары, а не потребляя твердую пищу, точно так же, как легендарные «люди без рта», которые, как сообщал историк Мегасфен, живут на жарких окраинах мира, в Индии (938а–940е).¹⁷ Далее логика рассуждения Плутарха, по-видимому, такая: если другие миры представляют собой крайности условий, существующих на Земле, то мы можем ожидать некоторого сходства между существами внеземного происхождения и людьми, населяющими крайние зоны Земли (например, упомянутые выше люди без рта). К. Ни Мхаллэй отмечает, что именно это предположение заставляет современных астробиологов искать аналоги внеземной жизни среди земных «экстремофилов» – организмов, которые живут в условиях, невыносимых для млекопитающих на Земле.¹⁸

Греческие мыслители пришли к аналогичным заключениям, хотя и по совершенно другим причинам, связанным с их собственными предположениями об устройстве космоса. Различия между людьми и лунными существами могут быть далеко не такими радикальными, как между млекопитающими и «экстремофилами», но они все же весьма ощутимы. Когда Плутарх приводит рациональные доводы для обоснования возможности существования лунной жизни, он обращается к древнему эквиваленту экстремальных условий земной среды – ее пустыням и океанам – чтобы найти аналогию для Луны. Температура земных пустынь, где воды мало, а жара невыносима, должна была бы сделать эту местность безжизненной, и все же, как указывает писатель, некоторые растения могут расти только в этих явно враждебных жизни местах. То же самое и с океанами: на первый взгляд, никто не поверит, что в океанах может существовать жизнь, потому что они холодные, соленые и в них нет воздуха для дыхания. И тем не менее, они изобилуют разнообразной жизнью (*De fac.* 940d).¹⁹ Как и океаны, лунная среда может показаться враждебной с антропоцентрической и террацентрической точки зрения, но это не исключает возможности того, что там процветает жизнь. Допуская, что на Земле жизнь приспособляется к удивительному разнообразию условий, мы должны признать, что жизнь другого рода также должна быть возможна в похожем на Землю мире, таком как Луна (*De fac.* 939c–940f).

Мифограф Геродор из Гераклеи (жил в первой половине IV в. до н. э.) представил дополнительную и причудливую теорию об эмбриологии селенитов.

FGrH 31 F21 = Athenaeus Deipn. 2. 50. τὰς γὰρ σεληνίτιδας γυναικας φθοκεῖν καὶ τοὺς ἐκεῖ γεννωμένους πεντεκαίδεκαπλασίονας ἡμῶν εἶναι, ὥς Ἡρόδοτος ὁ Ἡρακλεώτης ἱστορεῖ.

FGrH 31 F21 = Athenaeus Deipn. 2. 50. Ведь селенитки откладывают яйца, а рожденные там в пятнадцать раз больше нас, как передает Геродор.

Эта причудливая идея всплывает в ходе застольной беседы в «Пире мудрецов» Афиней. Некий Неокл из Кротона использует теорию Геродора об яйцекладущих селенитках, чтобы предоставить своеобразную рационализацию мифа о божественном происхождении Елены Троянской. Согласно известному мифу, Елена родилась из яйца после того, как Зевс оплодотворил ее мать Леду в образе лебедя. Предположительно, само яйцо было сохранено и хранилось в храме Гилаиры и Фебы в Спарте, где, согласно Павсанию (3. 16. 1), оно все еще свисало с потолка во II в. н. э. Неокл, однако, утверждал, что яйцо было доказательством не божественного происхождения Елены, а того, что она пришла с Луны. К. Ни Мхаллэй считает, что такое

¹⁷ Ср.: Strabo, *Geograph.* II, 1, 8; XV, 1, 5-7; Plin. *NH* 7, 2, 25.

¹⁸ ní Mheallaigh 2020, 119.

¹⁹ Морская аналогия Плутарха является переработкой парадокса Гераклита: Heraclitus DK B 61 (LM D78): θάλασσα ὕδωρ καθαρῶτατον καὶ μιανῶτατον, ἰχθύσι μὲν πότιμον καὶ σωτήριον, ἀνθρώποις δὲ ἄλωτον καὶ ὀλέθριον. – Море, самая чистая вода и самая грязная: для рыб она пригодна для питья и дает жизнь, но для людей непригодна для питья и смертельна. См. Hussey 1999, 95–98; Warren 2007, 67–70.

происхождение Елены Неокл мог предположить из-за ее легендарной красоты: ведь лунные люди, по представлению греческих мыслителей, должны быть «другими» – больше, выше и, по Филолаю, красивее.²⁰

Отдельного внимания заслуживает эмбриология селенитов. Что могло подтолкнуть Геродора к предположению, что женщины на Луне откладывают яйца? К. Ни Мхаллэй, ссылаясь на В. Буркерта утверждает, что причудливые лунные женщины Геродора, откладывающие яйца, могли намекать на бесполое размножение, а это, в свою очередь, является более чистым, менее телесным процессом, чем «живорождение» млекопитающих (ζφοτοκεῖν).²¹ Однако, не обязательно предполагать бесполое размножение для селенитов Геродора. Возможно, он мог приписывать такое рождение для жителей Луны, чтобы более отчетливо отметить их «инаковость». Он также полагал, что стервятники, вместо того чтобы вылупляться из яиц, как другие птицы, прилетают в наш мир из «другого видимого нам мира» (Arist. *Hist. an.* 563a5). Плутарх (*Rom.*, 9) пишет, что что люди редко видят не только коршунов, но и их гнезда с птенцами, потому что они гнездятся на вершинах гор (Plin. *NH* 10. 7. 19). Это натолкнуло людей на ошибочную мысль, что эти птицы прилетают издалека.²² По-другому в отличие от землян размножаются и селениты у Лукиана – там дети рождаются от мужчин, а вынашиваются они в икрах (1, 22).

Итак, греческие писатели сообщают, что Луна выглядит похожей на Землю, потому что она имеет ту же топографию – на ней видны горы, долины, расщелины. Можно предположить, что она обитаема, как и Земля. А так как даже на Земле существуют живые существа в таких местах, где, на первый взгляд, невозможно предположить наличие жизни (как в глубине моря или пустыне), но, тем не менее, там живут и растения, и животные, то почему нельзя предположить аналогичное и для Луны? Однако условия жизни на Луне явным образом должны отличаться от земных. И греки делают селенитов больше, красивее и смелее – они в пятнадцать раз превосходят землян по величине, и при этом откладывают яйца – т. е. размножаются отличным от нас способом. Превосходство физическое по аналогии переместилось и на превосходство интеллектуальное. Например, в «Федоне» Платон излагает теорию о том, что существа, обитающие в верхних слоях нашего мира, которых мы никогда не видели, намного превосходят нас по силе, здоровью, интеллекту и долголетию (*Phd.* 110d–111c). Среди этих существ есть те, кто был освобожден благодаря пожизненному изучению философии и теперь живет бестелесным существованием, предположительно, без еды и питья (*Phd.* 114c2).²³

Литература

- Detienne M. *The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology*. Princeton, Princeton University Press, 1994.
 Duffin Chr. J. History of the pharmaceutical use of pumice, in: Duffin C. J., Moody R. T. J. & Gardner-Thorpe C. (eds.) *A History of Geology and Medicine*. Geological Society, London, Special Publications. 375: 157–169.
 Huffman C. *Philolaus of Croton*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
 Hussey E. Heraclitus, in: A. A. Long (ed.), *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy*. Cambridge and New York, Cambridge University Press, 1999, 88–112.

²⁰ ní Mheallaigh 2020, 116. В древности считалось, что некоторые виды птиц могут производить яйца в результате оплодотворения ветром. Эти яйца не вылуплялись и назывались «ветряными» (ὐληνέμια, Arist. *Hist. an.* 559b21–560a17). В трактате «О происхождении животных» (*Gen. an.* 749a35–b3; 750b–751a24) Аристотель явно отличает оплодотворенные яйца, которые являются результатом полового акта, от «ветряных», «зефирных» или «жировых» яиц.

²¹ Ibid, 121.

²² М. Детьенн (Detienne 1994, 23) считает, что под «другим миром» Геродор мог предполагать Луну.

²³ К. ни Мхаллэй, (ní Mheallaigh 2020, 126, n. 54) отмечает, что Луна, как дом для интеллектуально превосходящих существ, стала расхожим мотивом в литературе Нового времени. Например, в фантазии Сирано де Бержерака «Народы и империи Луны» (1657) Луна – это место свободы воображения (в отличие от Земли), сопоставимое с библейским Раем и населенное духами-оракулами и другими сверхъестественными существами, которые когда-то пытались обучать людей на Земле. Жители Луны готовят и «едят» запахи и обладают превосходным физическим здоровьем, а вместо денег селениты пользуются поэзией как валютой.

- Montgomery Scott L. *The Moon & the Western Imagination*. Tuscon, The University of Arizona Press, 1999
- ní Mheallaigh K. *The Moon in the Greek and Roman Imagination: Myth, Literature, Science and Philosophy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020.
- Warren J. *Presocratics*. London – New York, Acumen, 2007.
- Гатри У. К. Ч. *История греческой философии в 6 т. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита*. Пер. с англ. Под ред. И. Н. Мочаловой, СПб, Владимир Даль, 2017.
- Мортон О. *Луна: История Будущего*. Москва, АСТ, Corpus, 2021.

Об одном исправлении Кораиса (Isoc. Nic. 22)

С. А. Тахтаджян

Свою третью речь Исократ вложил в уста Никокла, царя Саламина на Кипре. Значительную часть этой речи составляет теоретическое рассуждение, доказывающее преимущество единовластия над остальными государственными устройствами (14–26). В заключительном разделе этого рассуждения Исократ показывает, что в условиях войны монархические государства оказываются более успешными (22–26). Раздел открывается заявлением, что не только во время мира, но и на войне все преимущества достаются монархии. Затем Исократ продолжает:

καὶ γὰρ παρασκευάσασθαι δυνάμεις καὶ χρῆσασθαι ταύταις ὥστε καὶ λαθεῖν καὶ ὀφθῆναι, καὶ τοὺς μὲν πεῖσαι, τοὺς δὲ βιάσασθαι, παρὰ δὲ τῶν ἐκπρίασθαι, τοὺς δὲ ταῖς ἄλλαις θεραπείαις προσαγαγέσθαι μᾶλλον αἱ τυραννίδες τῶν ἄλλων πολιτειῶν οἷά τ' εἰσίν (22).

Такой текст дают рукописи. Но в 1807 году Адамантиос Кораис предложил исправить ὀφθῆναι на φθῆναι. В тексте речи он сохранил ὀφθῆναι (Korais 1807, 1, 27). Однако в примечаниях написал следующее: Ἰσως ἀντὶ τοῦ Ὀφθῆναι γραπτέον Φθῆναι. Συνῆψε δὲ καὶ ἀλλαχοῦ (Εὐαγόρ. ιθ') τὰ δύο ταῦτα ἀπαρέμφατα (Korais 1807, 2, 26). Итак, Кораис в обоснование своего предложения указывал на то, что Исократ в *Εὐαγόρῃ* 42¹ использовал сочетание инфинитивов φθάνειν и λανθάνειν. Предложение Кораиса встретило широкую поддержку. Так, Иммануил Беккер одобрил конъектуру Кораиса. Хотя в текст он это исправление не внес, однако привел его в аппарате, заметив «malim cum Coraë φθῆναι» (Bekker 1823, 37). Вильгельм Диндорф внес исправление в текст (Dindorf 1825, 24). Так же поступил Вильям Добсон (Dobson 1828, 141).

Иоганн Байтер и Герман Зауппе оставили в тексте рукописное ὀφθῆναι, не приводя в аппарате конъектуру Кораиса (Baiter, Sauppe 1839, 161). Однако в своем новом издании Исократ, вошедшем в первый том *Oratores attici* Карла Мюллера, Байтер принял исправление Кораиса (Baiter 1846, 18).² В предисловии к Исократовой части тома Мюллер назвал эту конъектуру *emendatio egregia* (Baiter 1846, praef. I).

Густав Бензелер отметил гиаτ в καὶ ὀφθῆναι (Benseler 1841, 34). Но прежде всего его не устраивал смысл рукописного чтения. Ведь речь должна идти о преимуществах единовластия на войне. В таком контексте понятно, как он считал, λαθεῖν: решения единоличного правителя известны очень узкому кругу людей. Иначе обстоит дело с ὀφθῆναι. Бензелер писал: “hic ingenue fateor me latere, quomodo imperia unius possint eo praestare rebus publicis, quod facilius possunt ὀφθῆναι”. А вот φθῆναι, «упредить противника», дает нужный смысл. В итоге Бензелер одобрил исправление Кораиса, указав вдобавок, что в *Панегирике* 79 и 87 вульгата дает ошибочные чтения ὀφθῆσονται и ὀφθῆναι вместо, соответственно, правильных φθῆσονται и φθῆναι (Benseler 1832, 396–397; Benseler 1841, 34–35). Естественно, в своем издании речей Исократ Бензелер принял в текст φθῆναι (Benseler 1851, 31) и посчитал нужным еще раз подчеркнуть, что рукописное ὀφθῆναι не подходит по смыслу: imperia unius eo ceteris praestant, quod facilius alios possunt *praevenire*, at non eo, quod facilius possunt *aspici* (Benseler 1851, praef. V annot. 2). Фридрих Бласс также принял это исправление (Blass 1878, 31). Так же поступил Энгельберт Дреруп. Обосновывая исправление, он, вслед за Кораисом, указал на *Euag.* 42, а вслед за

¹ Кораис указал на 19 главу *Εὐαγόρα*. В своем издании он воспользовался делением речей Исократ на главы, предложенным Вильгельмом Ланге (W. Lange. *Isocratis opera*. Lipsiae, Hemmerdiana, 1803). См. об этом Drerup 1906, CLXXVII.

² Первый том этого издания, вышедший в 1847 году, состоит из двух частей. Вначале помещены речи Антифонта, Андокида, Лисия и Исея. Вторую часть составляют речи и письма Исократ, греческий текст которых подготовил Байтер. Отдельно эта часть вышла в 1846 году. У этих частей своя пагинация. Предисловия к обеим частям написал Карл Мюллер. Приведенная ссылка указывает на вторую (а по времени первую) часть тома.

Бензелером на *Paneg.* 79 и 87. Дреруп также ссылался на комментарий Бензелера к *Ареопагику*, в котором тот посчитал, что рукописное чтение не дает смысла (Dreger 1906, 136).

Эдвард Форстер в своем издании Кипрских речей Исократа принял в текст $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ и в комментарии обосновал необходимость исправления (Forster 1912, 138–139). Джордж Норлин, а затем Жорж Матье и Эмиль Бремон также приняли исправление Кораиса (Norlin 1928, 88; Mathieu, Brémond 1938, 125). Юн Ли Ту, как показывает его перевод (“monarchies are better able than other governments to prepare their forces, to use these to make the first move unobserved ...”), исходит из чтения $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ (Mirhady, Too 2000, 174). Попробую подытожить доводы сторонников исправления.

1. Исократ, как известно, настойчиво избегал $\gamma\iota\alpha\tau\alpha$. Рукописное чтение $\kappa\alpha\iota\ \phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ его создает. Исправление $\gamma\iota\alpha\tau\alpha$ устраняет.

2. В двух местах *Панегирика* (79 и 87) вместо правильных чтений $\phi\theta\eta\sigma\omicron\nu\tau\alpha\iota$ и $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ вульгата дает ошибочные $\phi\theta\eta\sigma\omicron\nu\tau\alpha\iota$ и $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$. Следовательно, и в нашем месте $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ могло исказиться в $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$.

3. Сочетание $\phi\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ и $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ встречается в *Евагоре* 42.

4. Рукописное чтение дает неудовлетворительный смысл. На это указывали Бензелер и Форстер. Очевидно, такого же мнения придерживался Дреруп. Исправление, напротив, дает хороший смысл.

После Бензелера и Бласса один только Ричард Джебб, отметив в аппарате исправление Кораиса, сохранил рукописное чтение $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ (Jebb 1880, 76; Jebb 1888, 106). Из чтения $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ исходил также в своем переводе Джон Фриз: “For to raise forces and make use of them, so as either to escape notice or to attract observation ...” (Freese 1894, 40).

Я постараюсь показать, что ни один из перечисленных доводов не убеждает в необходимости расстаться с рукописным чтением. Начну с последнего. Бензелер, как показывают его приведенные выше высказывания, полагал, что подлежащим при инфинитивах $\lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$ и $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$, как и остальных в этой фразе, являются $\alpha\iota\ \tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$. Между тем очевидно, что подлежащее здесь другое, именно $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\varsigma$. Тогда получается, что единоличное правление способно лучше других так собрать военные силы и распорядиться ими ($\pi\alpha\rho\alpha\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \chi\rho\eta\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\alpha\upsilon\tau\alpha\iota\varsigma$), чтобы в одних случаях ($\kappa\alpha\iota$) они остались незамеченными ($\lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$), а в других ($\kappa\alpha\iota$) были бы заметны ($\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$). Такое понимание предложил Джебб, в комментарии следующим образом передав отрезок $\acute{\omega}\sigma\tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \phi\theta\eta\nu\alpha\iota$: “for purposes of surprise or of display [$\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$, so as to strike terror]” (Jebb 1880, 239; Jebb 1888, 286). Очевидно, $\lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$ означает незаметное для противника сосредоточение сил с последующим внезапным нападением. У инфинитива $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ противоположное значение: речь идет о демонстрации военной силы, благодаря которой можно и без применения силы добиться желаемого результата.

Хочу привести еще один довод в пользу $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$. Инфинитиву $\lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$ соответствует отрезок $\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\grave{\epsilon}\ \beta\acute{\iota}\alpha\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$, означающий успешное применение силы. В свою очередь чтение $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ делает понятным $\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \mu\grave{\epsilon}\nu\ \pi\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\iota$: без открытия военных действий, благодаря лишь демонстрации силы кого-то можно «убедить», т. е. вынудить принять те или иные условия. Отмечу хиастическое расположение инфинитивов $\lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$ — $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ — $\pi\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\iota$ — $\beta\acute{\iota}\alpha\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$, при котором $\phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ противостоит $\lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu$, а $\beta\acute{\iota}\alpha\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ противопоставлено $\pi\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\iota$. Если же принимать исправление, то $\pi\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha\iota$ повисает, так как $\kappa\alpha\iota\ \lambda\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \phi\theta\eta\nu\alpha\iota$ подразумевает военные действия.

Немаловажное значение сторонники исправления придают параллели с *Euag.* 42. Исократ в этом месте утверждает, что Евагор так хорошо знал положение дел в своем государстве и каждого из подданных, что, с одной стороны, злоумышленники не могли застать его врасплох ($\phi\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$), и, с другой стороны, достоинства подданных не оставались неизвестными ($\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$) царю. Однако $\phi\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ и $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ относятся тут к двум разным группам людей, в отличие от пассажа из Никокла, где у инфинитивов одно подлежащее. Между тем к нашему месту имеется параллель, на которую не обратили внимания сторонники исправления. Это место из речи *К Демонику*: $\acute{\alpha}\pi\alpha\nu\tau\alpha\ \delta\acute{o}\kappa\epsilon\iota\ \pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu\ \acute{\omega}\varsigma\ \mu\eta\delta\acute{\epsilon}\nu\alpha\ \lambda\acute{\eta}\sigma\omega\nu\cdot\ \kappa\alpha\iota\ \gamma\grave{\alpha}\rho\ \acute{\alpha}\nu\ \pi\alpha\rho\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\kappa\alpha\ \kappa\rho\acute{\upsilon}\psi\eta\varsigma$,

ὑστερον ὀφθῆσει (17).³ Здесь и λήσων и ὀφθῆσει относятся к одному и тому же подлежащему. Следует отметить, однако, что ни та, ни другая параллель не может служить доводом в ту или иную сторону.

Указанные места из *Панегирика* (79 и 87) также не доказывают необходимость исправления. Ведь в обоих случаях правильные чтения дают лучшие рукописи. Но в случае с *Никоклом* 22 ὀφθῆναι является чтением всех рукописей и также Стобея (4, 6, 17). Было бы нелепо устанавливать правило, согласно которому все формы ὀφθῆναι у Исократы должны быть заменены на φθῆναι.

Теперь о гиате в καὶ ὀφθῆναι. Следует исходить из того, что иногда Исократ допускал гиа́т. Приведу авторитетное суждение Дрерупа. Упомянув, что стараниями преимущественно Бензелера гиа́т был почти полностью изгнан из произведений Исократы, Дреруп отмечал: «Recentissimi vero editores in hiatu persequendo rigidiores censores videntur fuisse, quam qui oratori ipsi satisfecerint. Sane Isocrates unus omnium fastidiosissimus erat in verbis eligendis et collocandis; neque tamen desunt loci, quibus vocalium concursus sive indiligentia sive adeo indulgentia admiserit» (Drerup 1906, LXXIV). Далее Дреруп перечислил те слова, после которых Исократ допускал иногда гиа́т. К их числу относится и καὶ (Drerup 1906, LXXV). Собственно, и Бензельер отмечал, что у Исократы в некоторых случаях гиа́т, создаваемый καὶ и последующим словом, допустим, и считал исправление необходимым по той причине, что рукописное чтение, по его мнению, не давало смысла (Benseler 1832, 396–397). Форстер так обосновал необходимость исправления: “The correction of ὀφθῆναι to φθῆναι gives much better sense, and does away with the *hiatus*; if ὀφθῆναι is kept we shall have to translate ‘to escape notice or attract observation’ (F.),⁴ which has little point” (Forster 1912, 138). Очевидно, что и он решающее значение придает неудовлетворительному, на его взгляд, смыслу рукописного чтения, а устранение гиа́та считает лишь дополнительным преимуществом конъектуры. Таким образом, гиа́т сам по себе не препятствует сохранению рукописного чтения.

Значительный вклад в исследование гиа́та у аттических ораторов внес в серии статей Лайонел Пирсон (Pearson¹ 1975; Pearson² 1975; Pearson 1978). Применительно к нашему случаю существенны два его соображения. Между такими словами, как καὶ, ὅτι и формами артикля, и последующими, начинавшимися с гласного, у греков в произношении, очевидно, появлялся глайд. В таких случаях следует говорить о псевдо-гиате в отличие от гиа́та подлинного. Однако, продолжает Пирсон, “one cannot explain away every instance of hiatus in the orators on this system. Hiatus occurs so frequently in places where a break or pause between the words seems to be demanded, where an emphatic underlining of a word seems appropriate, that we must assume real hiatus to be intended” (Pearson 1978, 132). Однако такой намеренный гиа́т встречается и в тех местах, где пауза не требуется: “In the middle of a phrase the effect will be to draw attention to the word before or after the hiatus” (Pearson 1978, 133). В пользу своих соображений Пирсон приводит многочисленные примеры из Антифонта, Лисия, Исея, Демосфена. Примеров из Исократы у Пирсона нет. Однако я не вижу никаких причин, по которым его наблюдения не могут относиться к Исократу, раз гиа́т у этого автора все-таки встречается. В нашем месте пауза перед ὀφθῆναι, конечно, не требуется. Можно думать, что Исократ намеренно допустил здесь гиа́т, и, соответственно, небольшую паузу, чтобы сделать ὀφθῆναι более выразительным. Действительно, после λαθεῖν инфинитив с противоположным смыслом, но относящийся к тому же подлежащему, оказывается неожиданным. Гиа́т, очевидно, усиливает эффект этой неожиданности.

Пора подвести итог. Конъектура Кораиса не является необходимой ни по одной из причин, приведенных ее сторонниками. Рукописное чтение дает более интересный и яркий смысл, чем исправление. Получается, что успеха можно добиться двумя противоположными способами: как незаметным для противника сосредоточением сил с последующим, внезапным для него, нападением, так и наглядным, устрашающим врага показом своей военной мощи.

³ В настоящее время сомнения в подлинности этой речи можно считать преодоленными. Ср. замечание Дэвида Мирхэди: “the overwhelming consensus is that the work is Isocratean” (Mirhady, Too 2000, 19).

⁴ Сокращением (F.) Форстер указывал на перевод Джона Фриза, приведенный в более полном виде выше.

Приведенную в начале статьи фразу можно перевести так: “В самом деле, подготовить военную силу и распорядиться ей так, чтобы в одних случаях она осталась незамеченной, а в других, напротив, позволила себя увидеть, и одних противников убедить, других принудить силой, третьих подкупить, четвертых привлечь на свою сторону другими услугами тирания способна лучше, чем остальные государственные устройства”. Хотелось бы надеяться, что в последующих изданиях в тексте *Никокла* 22 мы будем читать ὀφθῆναι.

Литература

- Baiter J., Sauppe H. *Oratores attici. Pars I.* Turici, Impensis S. Hoehrii, 1839.
 Baiter J. *Isocratis orationes et epistolae.* Parisiis, A. F. Didot, 1846 (= K. Müller. *Oratores attici.* Vol. 1).
 Bekker I. *Oratores attici. Tomus 2.* Oxford, Clarendon, 1823.
 Benseler G. E. *Isocratis Areopagiticus.* Leipzig, C. E. Kollmann, 1832.
 Benseler G. E. *De Hiatu in Oratoribus Atticis et Historicis Graecis.* Freiburg, J. G. Engelhardt, 1841.
 Benseler G. E. *Isocratis orationes. Vol I.* Leipzig, Teubner, 1851.
 Blass F. *Isocratis orationes. Vol. 1.* Leipzig, Teubner, 1878.
 Dindorf W. *Isocratis orationes.* Leipzig, Teubner, 1825.
 Dobson W. S. *Oratores attici et quos sic vocant sophistae. Tomus 3.* London, J. F. Dove, 1828.
 Drerup E. *Isocratis opera omnia. Vol. 1.* Leipzig, Dieterich, 1906.
 Forster E. S. *Isocrates. Cyprian orations.* Oxford, Clarendon, 1912.
 Freese J. H. (transl.). *The Orations of Isocrates. V. 1.* London, George Bell, 1894.
 Jebb R. C. *Selections from the Attic Orators.* London, Macmillan, 1880.
 Jebb R. C. *Selections from the Attic Orators.* 2 ed. London, Macmillan, 1888.
 Korais A. *Ισοκράτους λόγοι και επιστολαί.* V. 1–2. Paris, A. F. Didot, 1807.
 Mathieu G., Brémond É. *Isocrate. Discours. T. 2.* Paris, Belles Lettres, 1938.
 Mirhady D. C., Too Y. L. (transl.). *Isocrates I.* Austin, UTP, 2000 (= The Oratory of Classical Greece 4).
 Norlin G. *Isocrates.* Vol. 1. London, Heinemann, 1928.
 Pearson¹ L. Hiatus and its purposes in Attic oratory. *AJPh*, 1975, 96, 138–159.
 Pearson² L. The virtuoso passages in Demosthenes' speeches. *Phoenix*, 1975, 29, 214–230.
 Pearson L. Hiatus and its effect in the Attic speech-writers. *TAPhA*, 1978, 108, 131–145

Qui pro quo в «грамматургии» Плавта¹

Е.В. Желтова

1. Введение

Qui pro quo – отличный прием для создания комического эффекта в античной драме и особенно в комедиях Плавта. Основанный на поразительном сходстве персонажей, так что кажется, будто они близнецы, и одного постоянно принимают за другого, и чрезвычайно популярен как в античной, так и в более поздней мировой драматургии, он и в наши дни остается востребованным на сцене и в кинематографе.

Однако в этой статье мы будем говорить не об использовании приема двойничества в плавтовской *драматургии*, а о переносе этого понятия в плавтовскую «грамматургию». Иными словами, речь пойдет о столь же загадочном, сколь и тривиальном явлении, на самом деле присутствующем в разных языках мира, которое заключается в замене прямых способов выражения грамматических значений на не прямые, которые, однако, ведут себя как их двойники. В самом деле, некоторые элементы в рамках одной грамматической категории наряду с присущей им семантикой могут приобретать различные значения, которые обычно передаются другими элементами этой категории или даже другими грамматическими категориями. Многочисленные примеры такого взаимодействия категорий и типов предложений разбросаны по текстам всех периодов истории латинского языка, но особенно много их в языке Плавта, отличающемся большей свободой и живостью.

2. «Канонические» и «неканонические» значения

Посмотрим, как латинский язык играет с этой техникой, и попытаемся понять:

- 1) почему латынь прибегает к стратегии замены прямых способов выражения определенных грамматических значений средствами, предназначенными для выражения других значений, и
- 2) какой эффект может быть создан «грамматическим» *qui pro quo*.

Начиная с ранних латинских грамматик, каждый элемент грамматической категории наделялся собственным значением. Возьмем, к примеру, настоящее времени и изъявительное наклонения. Их «канонические» значения совершенно очевидны: «при использовании изъявительного наклонения, в отличие от сослагательного или повелительного, говорящий утверждает положение дел, то есть представляет событие как факт... При использовании формы настоящего времени говорящий представляет положение дел как одновременное с моментом речи» (Pinkster 2015, 395). Эти значения можно считать неотъемлемыми, или базовыми, для изъявительного наклонения и настоящего времени соответственно. Но на самом деле существует множество контекстов, в которых эти категории используются вместо других, выражая иные, «неканонические», значения и коннотации.

3. *Qui pro quo* в категории времени

Рассмотрим, как Плавт использует технику *qui pro quo* в «грамматургии» категории времени.

3.1. *Praesens pro futuro*

Первая стратегия грамматического *qui pro quo* – *Praesens pro futuro*: настоящее время легко замещает будущее во многих языках, в том числе и в латинском, пример (1):

(1) {Phaedr.} *Iamne ego huic dico?*

{Palin.} *Quid dices?* (Plaut. *Cur.* 132)

‘Говорить ли (букв. «говорю ли») ей об этом уже сейчас?

Что ты скажешь?’

¹ Поздравляю дорогого Севу с юбилеем и посвящаю ему эти заметки, сюжет одной из которых был им когда-то подсказан.

Как видим, Федром спрашивает в настоящем времени, должен ли он сказать о чем-то женщине, а Палинур в своем ответе использует будущее. Оба, однако, имеют в виду одно и то же событие, локализованное в будущем.

Как и во многих других языках, латинское настоящее время используется для обозначения запланированных событий, намерений или ожиданий, которые, строго говоря, относятся к будущему. Таким образом, этот прием оказывается полезным для создания значения *ближайшего будущего*, которое вот-вот наступит.

3.2. *Futurum pro praesente*

Будущее время, в свою очередь, иногда встречается там, где ожидается настоящее. Дело в том, что помимо чисто временного употребления простое будущее может включать «всевозможные менее временные или даже вневременные значения» (Pinkster 2015, 425), связанные с умозаключениями и догадками.

Простое будущее время часто встречается в высказываниях, передающих общеизвестное или общепринятое (а значит, не только собственное) мнение, и называется гномическим. Его можно рассматривать как стратегию косвенной эвиденциальности (репортатив)², (2):

(2) *Pulchra mulier nuda erit quam purpurata pulchrior.* (Plaut. *Most.* 289)

‘Красивая женщина [как говорят] красивее будет обнаженная, чем одетая в пурпур.’

Сравним с русским «Чьи вы, хлопцы, будете?».

Будущее время иногда используется в предложениях, содержащих вывод, умозаключение, которое основывается на доказательствах, упомянутых в контексте, или на общеизвестной информации. Примеры такого «дедуктивного» использования будущего – (3 – 4):

(3) *Haec erit bono genere nata. Nil scit nisi verum loqui.* (Plaut. *Per.* 645)

‘Она из хорошей семьи будет; умеет говорить только правду’.

(4) *Sed profecto hoc sic erit:*

centum doctum hominum consilia sola haec devincit dea, Fortuna. (Plaut. *Pseud.* 677–9)

‘На самом деле, так и бывает (букв. «будет»): решение ста мудрецов побеждает одна эта богиня, Фортуна.’

3.3. *Praesens pro perfecto (Praesens historicum)*

Рассматриваемая стратегия широко известна в разных языках под названием *Praesens historicum*. Рассмотрим семантическую палитру, образуемую заменой прошедшего времени настоящим, на примере (5):³

(5) {LYCUS} *Quis hic est? ADVOCATI} Nescimus nos quidem istum qui siet.*

Nisi dudum mane ut ad portum processimus,

atque istum e navi exeuntem oneraria

videmus. Adiit ad nos extemplo exiens.

Salutat. Respondemus. {COLLYBISCUS} *Mortalis malos,*

ut ingrediuntur docte in sycophantiam.

{L.} *Quid deinde?* {A.} *Sermonem ibi nobiscum copulat.*

Ait se peregrinum esse huius ignarum oppidi. (Plaut. *Poen.* 649–656)

‘{ЛИК} Кто он? {СВИДЕТЕЛИ} На самом деле, мы не знаем, кто он; но, когда мы шли в сторону гавани некоторое время назад, рано утром, мы увидели, как он покидал грузовое судно. При выходе он сразу же подошел к нам. Он поприветствовал нас, мы ответили. {КОЛЛИБИСК} Какие хитрые люди!’

² Классификацию эвиденциальных стратегий в латыни см. в нашей статье Zheltova 2017.

³ Пример взят из Pinkster 2015, 402.

Как ловко они затеяли этот трюк! {ЛИК} Что дальше? {СВИДЕТЕЛИ} Тогда он заводит с нами разговор. Говорит, что он чужой и не знает этого города⁴.

Описание чужеземца локализуется в прошлом, о чем свидетельствуют наречия *dudum*, *mane*, но перфект в описании чередуется с настоящим (в примере выделены полужирным шрифтом). Харм Пинкстер подчеркивает, что большинство событий в *Praesens historicum* имеет «динамический» характер, что сближает его с перфектом; характерно, что предложения следуют друг за другом асиндетично. Все эти элементы характерны для «диегетического» способа повествования (Pinkster 2015, 402), то есть работают как стилистический прием. Однако, как нам кажется, смысл этого *qui pro quo* стилистикой не ограничивается: *Praesens historicum* создает впечатление отчета очевидца, с большим количеством деталей, что делает его похожим на стратегию прямой эвиденциальности.⁴ Сами римские грамматики определяли этот прием как *demonstratio* или *evidentia*, причем его описание, данное автором трактата «Риторика для Геренния», удивительно похоже на определение прямой эвиденциальности.⁵

3.4. Imperfectum pro praesente

Следующий случай грамматического *qui pro quo* – это *Imperfectum pro praesente*, то есть употребление имперфекта вместо настоящего времени, что дает оттенок значения, не имеющий, строго говоря, отношения к темпоральности, а связанный с другой грамматической категорией – миративом.⁶ В латинском языке эта стратегия встречается довольно редко (мы обнаружили всего 7 примеров во всем латинском корпусе, из них три – в комедиях Плавта). Рассмотрим один из них (6):

(6) *Divom atque hominum quae spectatrix atque era eadem es hominibus,
spem speratam quom obtulisti hanc mihi, tibi grates ago.
ecquisnam deus est, qui mea nunc laetus laetitia fuit?
domi erat quod quaeritabam: sex sodales repperi,
vitam, amicitiam, civitatem, laetitiam, ludum, iocum.* (Plaut. Merc. 841–846)

‘Ты, царящая над бессмертными и смертными и госпожа людям,
За то, что принесла мне эту надежду надежную, я благодарю тебя.
Есть ли бог, который ныне радуется радостью, сравнимой с моей?
Дома **оказалось** то, что я упорно искал: я нашел шестерых товарищей –
Жизнь, дружбу, родину, радость, забавы и шутки’!

Этот отрывок из пьесы "Купец" представляет собой монолог Евтиха, друга Харина, который ищет пропавшую девушку приятеля и неожиданно обнаруживает ее в собственном доме, где она пряталась все это время. Только в этот момент он осознает реальное положение вещей, что и является причиной его удивления и радости. Осознание правды, относящейся к определенному моменту в прошлом, но до поры, до времени скрытой от него, выражено имперфектом *erat*, хотя в данной ситуации можно было бы ожидать глагол в настоящем времени: ведь девушка в данный момент находится у него. Такой имперфект называется «имперфектом отложенного понимания, или только что осознанной истины» и относится к семантическому полю миративности.⁷

⁴ См. подробнее в Zheltova 2017.

⁵ *Demonstratio est, cum ita verbis res exprimitur ut geri negotium et res ante oculos esse videatur.* (Rhet. Her. 4, 68)
‘*Demonstratio* – это когда событие описывается словами так, что может показаться, будто они происходят прямо на глазах’.

⁶ Об этой и других миративных стратегиях см. подробнее в Zheltova 2018.

⁷ Выражаю свою благодарность Всеволоду Владимировичу Зельченко, который первым обратил мое внимание на «имперфект только что осознанной истины» в древнегреческом языке, чем побудил меня к поиску этого явления в латыни.

В рамках модели *Imperfectum pro praesente* можно найти совершенно другой случай: говорящий локализует в прошлом пожелание или просьбу, относящиеся к настоящему, чтобы сделать их более вежливыми и менее прямолинейными – стратегия вежливости, существующая во множестве языков. Именно так ведет себя имперфект *volebam* в примере (7):

- (7) {LIB.} *Sed quid venis? Quid quaeritas?*
 {MERC.} *Demaenetum volebam.* (Plaut. As. 392)
 {ЛИБ.} ‘Но зачем ты приходишь? Что разыскиваешь?’
 {ТОРГ.} ‘Я хотел (видеть) Деменета.’

3.5. *Perfectum pro futuro*

Следующая модель *qui pro quo* – *Perfectum pro futuro*, см. (8):

- (8) *Disperistis, ni usque ad mortem male mulcassitis* (Plaut. Mil. 162-163).
 ‘Вам крышка, если не забудете его до смерти’.

Здесь мы имеем дело с условным периодом *Casus realis*, в котором сказуемое в протасисе выражено сигматическим будущим, а в аподосисе – не будущим, а, вопреки ожиданиям, перфектом. На наш взгляд, перфект использован автором потому, что он делает высказывание более категоричным и даже угрожающим: создается впечатление, что возможная расправа, которой Периплектомен пугает своих рабов в случае неповиновения, уже свершилась.

4. Модальные *qui pro quo*

Следующие образцы *qui pro quo* в грамматике Плавта связаны с взаимодействием глагольных наклонений: на самом деле, практически любое наклонение, включая инфинитив (поскольку первые грамматики определяли его именно так), может быть вовлечено в эту игру в пьесах Плавта.

4.1. *Coniunctivus pro imperativo*

Примеры такого рода встречаются в изобилии, как в императивном (9 – 10), так и в прохибитивном значении (11):

- (9) *Dicas uxorem tibi necessum ducere.* (Plaut. Mil. 1118)
 ‘Скажи, что тебе нужно жениться’.
- (10) *Qui autem auscultare nolet, exsurgat foras* (Plaut. Mil. 81)
 ‘А кто не захочет слушать, пусть идет вон. . .’
- (11) . . . *da mihi hanc veniam, ignosce, irata ne sies.* (Plaut. Amph. 924)
 ‘. . . прости, извини меня, не гневайся’.

Более того, как отмечается в литературе (Pinkster 2015, 501, de Melo 2007: 213–15), стандартные и экстрапарадигматические формы конъюнктива, встречающиеся в ранней латыни (такие, как *dixis*), ведут себя в этой роли одинаково (12):

- (12) {ARG.} *Ne dixis istuc.*
 {DEM.} *Ne sic fueris.* (Plaut. As. 840)
 {АРГ.} ‘Не говори так.
 {ДЕМ.} ‘Не будь таким’.

Этот прием смягчает приказание или запрещение, делает его менее категорическим, что подтверждается многочисленными параллелями из других языков (ср. выражение просьбы в Subjunctive в английском, Conditionnel présent во французском и т. д.).

4.2. *Futurum pro coniunctivo*

Будущее время иногда встречается там, где ожидается *Coniunctivus optativus*. В целом, учитывая природу футуральности как таковой, можно сказать, что будущее время обладает меньшей определенностью, утвердительностью, чем другие времена, что сближает его с конъюнктивом и делает их взаимную замену одной из наиболее частых. Неслучайно и суффиксы образования будущего времени и конъюнктива в части латинских спряжений совпадают.

Мы нашли пример такой ролевой игры в комедии «Пленники»:

(13) *Ita me amabit sancta Saturitas,
Hegio, itaque suo me semper condecoret cognomine,
ut ego vidi.* (Plaut. Capt. 877–879)

‘(Пусть) так меня полюбит святая Сытость, Гегсион, (пусть) так украсит меня своим именем, как я его видел.’

Очевидно, что высказывание Эргасила произнесено не в качестве констатации какого-то факта в будущем, а в качестве пожелания.

4.3. *Futurum pro imperativo*

Футурум может замещать не только конъюнктив, но и императив. По мнению Пинкстера, говорящий использует будущее вместо императива, когда он уверен, что желаемое действительно произойдет, благодаря его авторитету или власти (Pinkster 2015, 428), как в (14):

(14) *Non me appellabis, si sapis* (Plaut. Mos. 515)

‘Не зови (букв. «не будешь звать») меня, если ты не дурак’.

Важно отметить, что такие выражения вежливости, как *quaeso* ‘прошу’ и *sis* ‘пожалуйста’, редко встречаются в конструкции *Futurum pro imperativo*, что указывает на более категоричный характер выражаемых им директив, чем тех, которые передаются даже истинным императивом.

4.4. *Infinitivus pro indicativo*

Этот прием известен под традиционным именем *Infinitivus historicus* (15):

(15) *Obiurgare haec pater noctes et dies.* (Plaut. Mer. 46)

‘Мой отец ругал меня за это дни и ночи’.

В целом, *Infinitivus historicus* встречается как в контекстах, где можно было бы использовать перфект или *Praesens historicum*, так и там, где уместен имперфект. Его часто описывают как более “эмоциональный”, “интенсивный” или “выразительный”, чем другие повествовательные формы, хотя достаточных доказательств этому нет (Pinkster 2015, 528).

Сравнение с примерами подобной стратегии в русском («И царица хохотать, и плечами пожимать...») скорее свидетельствует в пользу такого мнения.

5. Сентенциальные *qui pro quo*

Последний тип грамматического *qui pro quo* состоит из предложений с различной иллокутивной силой. Иллокутивная сила определяется по тому, «является ли высказывание утверждением, вопросом, командой или выражением желания... Это означает, что мы можем говорить об интеррогативной иллокутивной силе, императивной иллокутивной силе, оптативной иллокутивной силе и декларативной иллокутивной силе» (Van Valin, Lapolla 1997, 41).

На самом деле, строгого соответствия между иллокутивной силой и типом предложения не существует: команда может быть сформулирована как утверждение или как вопрос, вопрос – подразумевать утверждение, а не поиск информации или произноситься с директивной интонацией и пониматься как просьба, требование или приказ. Многообразие типов предложений часто коренится в культурных конвенциях и стратегиях «сохранения лица» (Aikhenvald 2016, 165).

На самом деле, замены одних типов предложения другими были тщательно исследованы Александрой Айхенвальд в типологической перспективе (Aikhenvald 2010; 2016) и Родри Рисселадой на материале латинского языка (1993). Р. Рисселада утверждает, что между функциями речевого акта и языковыми формами высказываний не существует строгой корреляции. Одно и то же выражение может использоваться для выполнения в разных контекстах различных речевых актов, и, наоборот, различные выражения могут использоваться для выполнения одного и того же речевого акта (Risselada 1993, 64).

Сделаем краткий обзор стратегий замещения друг друга разными типами предложений.

5.1. *Вопросительные предложения вместо восклицательных и директивных*

Как уже отмечалось, вопросительные предложения не всегда являются просьбой о предоставлении информации. В значительной степени это может зависеть от грамматического лица. У Плавта и Теренция вопросы в первом лице единственного числа почти никогда не являются предложениями с вопросительной иллокутивной силой, в отличие от тех, которые адресованы второму лицу (среди последних особенно часто *dabi'n, sci'n, vide'n, vi'n, vale'n*) (Pinkster 2015, 343). Нередко вопросительные предложения не имеют ничего общего с вопросом, а демонстрируют миративную (16) либо косвенную директивную семантику (17).

(16) {PEN.} – *Salta sic cum palla postea.*

{MEN.} – *Ego saltabo? Sanus hercle non es!* (Pl. Men. 197–198).

{PEN.} – Потанцуй-ка потом вот так, с плащом.

{MEN.} – Мне танцевать? Клянусь Геркулесом, ты не здоров'!

Несмотря на формально вопросительный характер предложения *Ego saltabo?*, оно отчетливо выражает неприятие Менехмом издевательской реплики Столовой Щетки и вызванное этой репликой удивление.

(17) {TR.} *sed tu, etiamne astas nec quae dico optemperas?*

{TH.} *quid faciam?*

{TR.} *cave respexis, fuge, [atque] operi caput!* (Plaut. Mos. 522–523)

{ТРАН.} ‘А ты все еще стоишь и не слушаешь того, что я говорю?’

{ФЕОПР.} А что мне делать?

{ТРАН.} Поберегись оглядываться, беги и голову накрой'! ⁸

В примере (17) директивное прочтение первой реплики Траниона подсказано не только общим контекстом, но и прямыми императивами в его последней реплике.

5.1.1. *Риторический вопрос как утверждение*

Особым типом вопросительных предложений является риторический вопрос, который, на самом деле, служит утверждением и даже ответом на ранее заданный вопрос, примеры (18 – 19) (Pinkster 2015, 312):

(18) {ARG.} *An tu me tristem putas?*

{DEM.} *Putem ego, quem videam aequae esse maestum ut quasi dies si dicta sit?* (Plaut. As. 837–8)

{АРГ.} ‘Ты думаешь, что я опечален?’

⁸ Этот пример взят из Risselada 1993, 193.

{ДЕМ.} Думаю ли я, когда я вижу тебя печальным, как если бы ты был вызван в суд'?

(19) {PHIL.} *Egone osculum huic dem?*

{PER.} *Quor non, quae ex te nata sit?* (Plaut. *Epid.* 574)

{ФИЛ.} 'Мне поцеловать ее?

{ПЕР.} Почему нет, если она рождена тобой'?

5.2. Декларативные предложения вместо директивных

В комедиях Плавта декларативные предложения часто содержат выражения, характерные для директивных высказываний, такие как *obsecro* и *amabo* "умоляю, пожалуйста", сопровождающие просьбу прекратить порку (20 – 21) (Pinkster 2015, 312):

(20) *Oiei, satis sum verberatus, opsecro.* (Plaut. *Mil.* 1406).

'Ай! Меня достаточно били, умоляю!'

(21) *Amabo, Libane, iam sat est.* (Plaut. *As.* 707)

'Пожалуйста, Либан, уже довольно'.

Очевидно, что такие предложения не имеют ничего общего с ассертивными речевыми актами, но на самом деле обладают директивной иллокутивной силой.

5.3. Директивные предложения вместо уступительных

Хотя уступительное значение обычно передается с помощью сослагательного наклонения, императив также может принимать на себя эту функцию, правда, гораздо реже.⁹ У Плавта, по крайней мере, следующий пример использования *Imperativus futuri* допускает уступительную интерпретацию (21):

(21) {MAT.} *Quas fabulas? non, inquam, patiar praeterhac,*

quin vidua vivam quam tuos mores perferam.

{МЕН.} *Mea quidem hercle causa vidua vivo*

vel usque dum regnum optinebit Iuppiter. (Plaut. *Men.* 725-8)

{МАТ.} 'Я лучше буду жить одна, чем терпеть твой бесстыдный нрав.

{МЕН.} Мне все равно, хоть живи ты в разводе, пока будет царствовать Юпитер'.

Харм Пинкстер подчеркивает, что уступительное прочтение реплики Менехма обусловлено выражением *mea causa* 'for all I care' (Pinkster 2015, 361).

5.4. «Независимые придаточные» с разными значениями

Последняя группа предложений, для которых подошел бы оксюморон «независимые придаточные», включает в себя подчиненные клаузы, оторвавшиеся от управляющих (главных). По мнению исследователей, они получают самостоятельность благодаря эллипсису главной клаузы. Такой процесс называется «десубординацией» и засвидетельствован во многих индоевропейских языках (Aikhenvald 2016; la Roi 2022). Став независимыми, бывшие придаточные предложения могут употребляться с различной иллокутивной силой.

5.4.1. «Независимые придаточные» с *Ut* и *Si* в оптативном значении

Отдельно стоящие придаточные клаузы могут функционировать как директивы или просьбы. А. Айхенвальд полагает, что они представляют собой не что иное, как часть неполных (эллиптических) перформативных предложений. Перформативные конструкции, действительно, являются распространенным способом выражения просьб, приглашений и распоряжений. Во многих языках мира перформативная часть, или основная клауза, может быть опущена, в результате чего получается синтаксически неполное предложение. Эффект

⁹ См. типологическое исследование «неимперативных императивов», где приводятся, в том числе, и латинские примеры в Holvoet 2020.

неполноты – результат эллипсиса – может проявляться как смягчение приказа или просьбы, то есть иллокутивных актов, которые в теории вежливости П. Браун и С. Левинсона описываются как действия, потенциально угрожающего лицу собеседника. Опускание перформативной части «оставляет угрожающее действие наполовину невыполненным» (Brown, Levinson 1987, 227). Так, в английском языке «if-clause может встречаться самостоятельно, как вежливое указание, обычно просьба» (Aikhenvald 2016, 160–161).

Этот тип «разподчиненных» предложений в архаической и классической латыни исследует Эзра ла Руа (2022). Большая часть его статьи посвящена «десубординированным» предложениям с союзами *Ut* и *Si*, выражающим желание (примеры 22–23).

(22) *Ut eas maximam malam crucem.* (Plaut. *Men.* 328)

‘Да чтоб тебе отправиться на виселицу’.

(23) *quod male feci crucior! Modo si infectum fieri posset!* (Plaut. *Capt.* 996)

‘Я терзаюсь, что плохо (с ним) поступил; если бы только это можно было вернуть назад’!

Эзра ла Руа подчеркивает, что *Ut*-клаузы, передающие желание или просьбу, характерны для архаического языка, в то время как в классической латыни независимые предложения с *Ut* становятся более редкими, поскольку стандартным маркером оптативных предложений все чаще оказывается *Utinam* (la Roi 2022, 35–40).

Примечательно, что латинские «независимые придаточные» с союзом *Si* имеют множество параллелей в разных языках и ведут себя аналогично английскому (if only!), немецкому (wenn...!) и русскому (О, если бы!), получая независимость через эллипсис главного предложения.

5.4.2. «Независимые придаточные» с союзом *Quasi* в качестве утверждений

Наш краткий обзор неподчиненных клаузул заканчивается *Quasi*-клаузами в качестве ассертивов, примеры которых есть и в языке Плавта. Как английское ‘As if you didn't know!’ или даже ‘As if!’, и русское «Как будто ты не знал!», латинское «независимое придаточное» с *Quasi* используется женой Менехма для введения утверждения, демонстрирующего ее уверенность, что муж на самом деле все понимает, хотя и прикидывается (24):

(24) {Men.} *quid hoc est, uxor? quidnam hic narrauit tibi? quid id est?*

quid taces? quin dicis quid sit?

{Mat.} *quasi tu nescias.* (Plaut. *Men.* 638-639)

{Men.} ‘Что это, жена? Что он тебе сказал? Что это?’

Что ты молчишь? Почему ты не скажешь мне, в чем дело?

{Mat.} Как будто ты не знаешь.’

6. Выводы

В этом этюде речь шла о неканоническом соответствии между формой предложения и речевым актом, который им передается. Говоря словами Родри Рисселады, «связь между речевой функцией высказываний и их языковой формой (в широком смысле) является сложной: с одной стороны, языковая форма сама по себе не всегда однозначно соответствует одному типу речевого акта, а с другой стороны, выражение иллокутивной силы связано с целым рядом различных языковых свойств, которые часто сочетаются в одном и том же высказывании» (Risselada 1993, 66).

Как мы пытались показать в этом кратком обзоре, почти любая модально-временная форма глагола и многие типы предложений могут вступать в игру *qui pro quo*. Возникает вопрос, в чем причина этого явления.

Мы полагаем, что в его основании лежит процесс нейтрализации в том понимании этого термина, который был предложен Р. О. Якобсоном и развит К. И. Поздняковым (2009, 59–63). Опираясь на эту концепцию, мы рассматриваем любую грамматическую категорию как своего рода парадигму с рядом элементов, которые обычно являются

взаимоисключающими. С этой точки зрения, использование одного элемента вместо другого в каждом случае следует рассматривать как нейтрализацию оппозиции между элементами такой парадигмы.¹⁰

Важно отметить, что нейтрализация рассматривается нами как креативный механизм, который посредством снятия оппозиции по одному семантическому признаку может, в свою очередь, создавать другой семантический признак, весьма значимый для языка. Фактически, в каждом случае нейтрализации техника *qui pro quo* создает новое семантическое значение, некий добавочный смысл, коннотацию или нюанс и, таким образом, помогает говорящему реализовать определенную коммуникативную стратегию, которая не может быть в нужной мере реализована другими грамматическими средствами. Как показано выше, нейтрализации делают просьбу более категоричной или, наоборот, могут смягчить ее, они могут использоваться говорящим для передачи своих личных чувств и оценок, связанных с категориями эвиденциальности, миративности, вежливости и др. (Aikhenvald 2016). Некоторые из этих стратегий являются частью латинского языка в целом, в то время как другие характерны для разговорного идиома, который воспроизводится в комедиях Плавта.

В Таблице 1 предлагается обобщение семантических значений, которые возникают в результате включения проанализированных нами грамматических категорий и типов предложений в игру *qui pro quo*, обогащая, таким образом, плавтовскую «грамматургию».

Table 1. Семантические значения, возникающие как результат техники *qui pro quo*

<i>Qui pro quo</i> в категории времени	Семантические значения
<i>Praesens pro futuro</i> <i>Futurum pro praesente</i>	ближайшее будущее эвиденциальные стратегии: 1) репортативная (известная истина, общепринятое мнение), 2) инференциальная (дедуктивная догадка)
<i>Praesens pro perfecto</i>	«диэгетический» режим повествования, стратегия прямой эвиденциальности (впечатление рассказа очевидца)
<i>Imperfectum pro praesente</i>	1) миративная стратегия (отложенное осознание истины), 2) вежливая просьба
<i>Perfectum pro futuro</i>	категоричное предупреждение или угроза
<i>Qui pro quo</i> в категории наклонения	Семантические значения
<i>Futurum pro coniunctivo</i>	оптативное или потенциальное значение
<i>Coniunctivus pro imperativo</i> <i>Futurum pro imperativo</i> <i>Infinitivus pro indicativo</i>	вежливая, смягченная просьба более категоричное требование более эмоциональное или экспрессивное утверждение
Сентенциальные <i>qui pro quo</i>	Семантические значения

¹⁰ Ср. с применением принципа нейтрализации к объяснению синкретизма внутри латинской падежной парадигмы (Zheltova, Zheltov 2020) и синкретизма суффиксов будущих времен (Zheltova 2020).

Вопросительные предложения вместо
восклицательных и директивных

Риторический вопрос как утверждение

Декларативные предложения вместо директивных

Директивные предложения вместо уступительных
«Независимые придаточные» с Ut и Si в оптативном
значении

«Независимые придаточные» с союзом Quasi в каче-
стве утверждений

1) миративная стратегия
неготовности к восприятию
информации,

2) косвенное побуждение
ассертивное значение

директивное значение

уступительное значение

выражение просьбы, желания

ассертивное значение

Литература

- Якобсон Р. О. К общему учению о падеже, в: Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М., 1985, 133–175.
- Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением, в: Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М., 1985, 176–197.
- Поздняков К.И. О природе и функциях внеморфемных знаков. *Вопросы языкознания* 2009, 6, 35–64.
- Aikhenvald A. 2010. *Imperatives and Commands*. Oxford, OUP, 2010.
- Aikhenvald A. Sentence Types. In: J. Nuyts, J. Van Der Auwera (eds.) *The Oxford Handbook of Modality and Mood*. Oxford, OUP, 2016.
- Brown P., Levinson S. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, CUP, 1987.
- Holvoet A. Sources and pathways for non-directive imperatives. *Linguistics* 2020, 58 (2), 333–362.
- la Roi E. Insubordination in Archaic and Classical Latin: commands, requests, wishes and assertives. *Journal of Latin Linguistics* 2022, 21 (1), 23–45.
- Pinkster H. *Oxford Latin Syntax*. Vol. 1. Oxford, OUP, 2015.
- Risselada R. *Imperatives and other directive expressions in Latin: A study in the pragmatics of a dead language*. Amsterdam, J. C. Gieben, 1993.
- Van Valin R. D., Lapolla R. J. *Syntax. Structure, Meaning and Function*. Cambridge, CUP, 1997.
- Zheltova E. Evidential Strategies in Latin. *Hyperboreus. Studia Classica* 2017, 23 (2), 313–337.
- Zheltova E. How to Express Surprise without Saying “I’m Surprised” in Latin. *Philologia Classica* 2018, 13 (2), 228–240.
- Zheltova E., Zheltov A. Latin Case System: Towards a Motivated Paradigmatic Structure. *Philologia Classica* 2020, 15 (2), 208–229.
- Zheltova E. Future Paradigms in Latin: Pesky Anomaly or Sophisticated Technique? *Graeco-Latina Brunensia*. 2020, 25 (1), 211–223.

О пинтах, свитках и не всегда удачных шутках

Д. Д. Кондакова

Император Август славился своей любовью к остроумным высказываниям, многие из которых дошли до нас в разных источниках, в числе которых Светоний, Квинтилиан, Плутарх и Макробий.¹ Эта заметка будет посвящена одной подобной шутке, сохранившейся в жизнеописании Горация (Suet. *De poetis* III.3.9).

Комментируя внешность Горация, Светоний пишет:²

habitu corporis fuit brevis atque obesus, qualis et a semet ipso in saturis describitur et ab Augusto hac epistula: ‘pertulit ad me Onysius libellum tuum, quem ego ut excusantem, quantuluscumque est, boni consulo. vereri autem mihi videris ne maiores libelli tui sint quam ipse es. sed tibi statura deest, corpusculum non deest. itaque licebit in sextariolo scribas, quo circuitus voluminis tui sit ὀγκωδέστατος, sicut est ventriculi tui.’

ut excusantem *Reifferscheid* ut accusantem *codd.* ne accusam brevitatem *Lambinus*,
q ut non accusam brevitatem *Nannius* ut se accusantem *Rostagni* | quo *Salmasius* cum
Πmq quum *n* ut *ς* | ὀγκωδέστατος *Nannius*, *q* ὀγκωδέστερος *Leo*

С точки зрения фигуры он был невысоким и полным, как он и сам себя описывает в сатирах и как его описывает Август в следующем письме: “Онисий доставил мне твою книжку, которую с ее извинениями я ценю высоко, какой бы маленькой она ни была. Однако мне кажется, что ты боишься, как бы твои книжки не были больше тебя самого. Но роста тебе не хватает, а вот объёма более чем достаточно. Так что сможешь писать по небольшому секстарию, так что обхват твоего свитка будет весьма упитанным, как и твоего животика”.

Невзирая на некоторые текстологические трудности, смысл шутки – на наш взгляд, не самой изысканной – в целом ясен и без предшествующего ей комментария.³ Император высказывает своё недовольство длиной присланного ему свитка. Свиток небольшой длины можно опознать по его диаметру – Марциал шутит о книжке едва ли толще пупка (2.6.10–11: *tam macer libellus, nullo crassior ut sit umbilico*). Август объясняет длину книжки вымышленным страхом Горация, что она “окажется больше его самого” – но если принять во внимание другое измерение, эти страхи окажутся неоправданными, ведь невысокий свиток может вместить много текста, и тогда будет напоминать по форме фигуру самого поэта.

Самый вероятный кандидат на роль *volumen* Горация – *Epist.* 2.1, длиной в 270 строк. Некоторые комментаторы полагают, что посылка, о которой идет речь, это *signata volumina* из *Nor. Epist.* 1.13, однако этому мешает несоответствие в числе.⁴ На *Epist.* 2.1 косвенно указывают и отсылка к длине произведения, с которой начинается послание: *in publica commoda peccem, si longo sermone morer tua tempora, Caesar* (3–4).⁵

¹ В *Сатурналиях* Авиен пересказывает целую серию шуток Августа: *Macr. Sat.* II.14–31.

² Текст приведён по новому изданию *De Poetis* Маркуса Стахона (Stachon 2021); с полным критическим аппаратом можно ознакомиться там же.

³ Обзор конъектур: *Tovar* 1968.

⁴ Е.г. Johnson 1940. Т. Франк (Frank 1925, 30) пытается объяснить это тем, что Август написал ответ, не открывая подарка – мы оставим это предположение без комментария.

⁵ Gelsomino 1958, 332. Х. Ост находит дополнительные литературные параллели между текстом послания и нашим письмом: *Ohst* 2020, 83–86.

Одна из основных трудностей заключается в толковании выражения *licebit in sextariolo scribas*. Слово *sextariolus* засвидетельствовано в латинской литературе только здесь, и разумно предположить, что Август сочинил его *ad hoc*, учитывая число диминутивов в письме.⁶

Большая часть интерпретаций слова *sextariolus* опирается на секстарий, римскую меру объёма. Лишь несколько исследователей предлагали альтернативный вариант, согласно которому, секстарий означает шестую часть свитка. Т. Франк и А. Ростаньи считают, что Август говорит о свитке маленькой высоты, $1/6$ от "нормального размера".⁷ А. Товар видит в названии *sextariolus* отсылку к известному формату папирусного листа, у Плиния названного *charta emporitica*, на основании того, что его ширина составляла шесть пальцев.⁸ Однако формат листов, из которых состоит папирусный свиток, никак не влияет на соотношение его высоты и диаметра, а именно на нем строится шутка Августа. Использование листов более широкого формата приводит к тому, что в свитке меньше склеек (*κολλήματα*), но не влияет ни на его длину, ни на его толщину (см. рис. 1).⁹

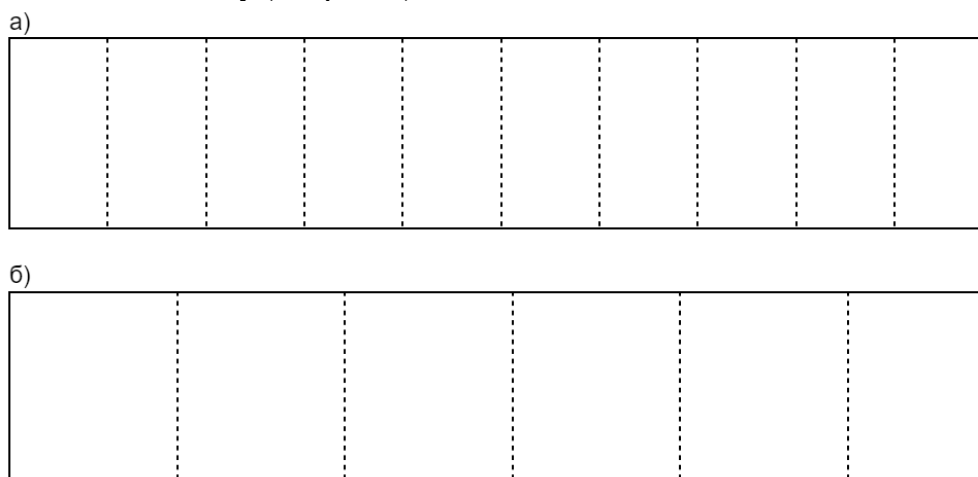

Рис. 1. Сравнение свитков одинаковой длины из листов разного формата.

Предположение, которое постулирует некий *terminus technicus* для небольшой книжки, не только не находит параллелей среди известных нам обсуждений форматов античных свитков, но и ослабляет шутку. Кроме того, такое объяснение пренебрегает тем фактом, что слово *sextarius* было частью повседневного обихода римлян, и именно о нём читатель – и Гораций – должен был подумать в первую очередь.

Здесь стоит сделать небольшое отступление о секстарии. Римский секстарий был пространённой мерой жидких и сыпучих тел, таких как масло или зерно. Его объём, по разным оценкам, составлял чуть больше 0,5 л, то есть около пинты.¹⁰ Секстарий был базовой единицей измерения объёма вина. В Геркулануме сохранилось дипинто на стене таверны, на котором изображены сосуды для вина и указана цена за секстарий (рис. 2) – предполагается, что разные сосуды соответствовали винам разного качества.¹¹ Очевидно, обычно покупатели приобретали вино в бóльших объёмах. Так, Гораций в “Сатирах” говорит о том, на что можно

⁶ Стахон также цитирует место из *Epistula Alexandri ad Aristotelem* (p. 193, 16 Kuebler): *multa gemmea et crystallina, quae potaria fuerunt et sextariola, multa aurea invenimus et rara argentea*. Однако чтение *sextariola* в этом месте вызывает сомнения.

⁷ Frank 1925, 29–30; Rostagni 1944, 119.

⁸ Товар 1968.

⁹ Влиянием количества склеек или толщины отдельных листов на толщину итогового свитка можно пренебречь.

¹⁰ 0,546 мл. Кроме обычного секстария, существовали также меры *sextarius Italicus* ($\frac{1}{6}$ конгия) и *sextarius castrensis* (полтора итальянских секстария или четверть конгия) (Swift 2017, 217).

¹¹ Pagano 1988. Аналогично в *Edictum de pretiis Диоклетиана* (2.1–19) цена на разные вина указана “за секстарий” и варьируется от 8 до 30 денариев.

потратить немного денег, и его скромный “список покупок” выглядит так: *panis ematur, holus, vini sextarius* (1.1.74).¹²

Рис. 2. “Меню” таверны в Геркулануме (Pagano 1988, Tab. 4)

Слово *sextarius* употребляется и для обозначения сосуда соответствующего объёма.¹³ В отличие от объёма, форму сосуда объёмом в один секстарий трудно установить однозначно. Нам удалось найти два примера сосудов разной формы, надписи на которых могут указывать на то, что они содержали один секстарий. Один из них датируется I в. н. э., другой, предположительно, III в. н. э. Оба сосуда сделаны из бронзы, но первый имеет форму вазы, диаметр которой увеличивается в середине (рис. 3) и снова сужается к горлышку, в то время как второй представляет собой цилиндр, диаметр которого превосходит высоту (рис. 4). Кроме того, засвидетельствованы стеклянные бутылки прямоугольной формы объёмом около секстария, которые также могли использоваться для измерения или транспортировки вина (рис. 5).¹⁴

¹² Ср. также Vopisc. Tacit. 11.1: *ipse fuit vitae parcissimae, ita ut sextarium vini tota die numquam potaverit, saepe intr<a h>eminam.*

¹³ Varr. de vit. pop. Rom. ap. Non. p. 545: *item erant vasa vinaria: sini, cymbia, culignae, paterae, guti, sextarii, simpuvium.*

¹⁴ См. также Charlesworth 1966; Swift 2017, 211–227.

Рис. 3. Бронзовый сосуд с буквами *SEXTAR*, выложенными серебром.

I в. н. э. (предположительно).

Высота 17.3 см, диаметр 11.6 см.¹⁵

Рис. 4. Бронзовый сосуд, по верхнему краю которого идёт надпись] *XTARIVMEXSACIATVMLEGIII*.

III в. н. э. или позднее.

Высота 7.6 см, диаметр 12.4–12.6 см.¹⁶

Рис. 5. Стекло́нная бутылка с квадратным дном. Конец *I–III* в. н. э. Высота 13 см, ширина основания 7.9 см.¹⁷

Что значит *licebit in sextariolo scribas*? Из текста кажется, что речь идёт о самом сосуде, а не его объёме: трудно представить себе иное сочетание с предлогом *in*.¹⁸ Самым естественным переводом было бы “сможешь писать даже на маленьком секстарии”, что подразумевало бы перенос текста со свитка на поверхность сосуда. Так понимает это место, например, Ремо Джельсомино: свитки Горация настолько короткие, что их текст может уместиться на

¹⁵ Британский музей, Лондон. Источник изображения: <https://www.britishmuseum.org/collection/image/1041705001>.

¹⁶ Rothenhöfer 2016.

¹⁷ Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Источник изображения: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/245179>.

¹⁸ Стахон вдобавок педантично уточняет, что “маленький секстарий” неотличим по объёму от секстария нормального размера.

секстарии.¹⁹ Такое буквальное понимание плохо соотносится с античными практиками: единственный пример полного литературного текста, написанного на сосуде, нам удалось найти в *SHA* (Treb. trig. tyr. 14.5): *paterna in circuitum omnem historiam Alexandri contineret*. Вариант этой интерпретации предложил Х. Ост, который находит в шутке Августа дополнительную отсылку к тому, что Аристотель называет гекзаметрический стих ὀγκώδης.²⁰ Логическая цепочка выглядит следующим образом: “Ты извиняешься за краткость книги, но она на самом деле ὀγκώδης, так как написана гекзаметрами. Так что, если хочешь это исправить, напиши тот же самый текст на маленькой пузатой вазе”.²¹ Похожим образом понимает это и Стахон, который, однако, не упоминает отсылку к Аристотелю, а только указывает на переносное использование ὀγκώδης у Филодема (ex coniectura: на папирусе сохранилось только ογκω-).²²

На наш взгляд, и буквальному, и метафорическому толкованию, опирающимся на написание текста на поверхности секстария, мешает *circuitus voluminis tui*, которое (1) явно отсылает к объему свитка, а не горшка, и (2) может быть понятно только буквально. Кроме того, структура шутки строится на внешней схожести свитка, вазы и Горация, а такое толкование заставляет думать о длине *текста* и, на наш взгляд, нарушает эту структуру. Сохраняет отсылку к внешнему виду идея увидеть в *in sextariolo scribas* предложение использовать секстарий в качестве стержня (*umbilicus*), вокруг которого будет свернут папирусный свиток, чтобы замаскировать недостающий объем текста.²³ Для этого секстарий правильной цилиндрической формы (рис. 4) или стеклянная бутылка с квадратным дном (рис. 5) подошли бы лучше, чем “пузатый” секстарий. Тем не менее, мы не уверены, что предлог *in* можно употребить таким образом, не говоря о *scribas*.

Для попыток интерпретации этого места важно соотношение размеров свитка и секстария. Наши знания о ранних латинских книгах и их размерах обрывочны ввиду количества и сохранности дошедших до нас латинских литературных папирусов. Некоторые данные можно получить на основе анализа современных им папирусов из Египта, в первую очередь оксиринских, однако греческие и римские книги не обязательно следовали одним и тем же принципам, в особенности в вопросах *mise en page*.²⁴ С осторожностью можно сказать, что латинские книги отличаются более широкими полями и большим межстрочным интервалом. Что касается размеров латинских свитков, содержащих стихотворные произведения, большая часть имеющихся в нашем распоряжении фрагментов из более одной колонки содержат не дошедшие иным образом тексты, и на их основании невозможно точно восстановить высоту страницы. Для P. Herc. 817 (*De bello Aegyptiaco*), Габриеле Мачедо оценивает минимальную высоту колонки в 20 см, а всего свитка – в 24–25 см.²⁵ До него Гильельмо Кавалло приводил 19–24 см как стандартную высоту свитков из Геркуланума.²⁶ Кажется, что секстарий из Британского музея, 17.3 см в высоту, действительно ниже среднестатистической латинской книги.

Август как будто предлагает Горацию выбрать другой размер свитка («можешь даже в Reclam напечатать»). Насколько большим было влияние авторской задумки на внешний вид итоговой копии его текста? Если речь идет об экземплярах, предназначенных для отправки друзьям или литературным покровителям, авторы могли принимать решения касательно качества папируса и, вероятно, других составляющих будущей книги. Например, Цицерон в *Att.* 13.25.3 говорит, что потратился на дорогой папирус для копии *Учения академиков*, предназначенной для Варрона: *sed tamen ego non despero probatum iri Varroni et id, quoniam impensam*

¹⁹ Gelsomino 1958, 334. По его словам, в этом и есть *fons lepiditatis et festivitatis epistulae*.

²⁰ Aristot. *Poet.* 1459b, 34–35. Ohst 2020, 86.

²¹ А. О. Новикова предлагает перевести *sextarius* как “пузырь”.

²² Philod. *De poemat.* 5, 5. “Allein auf diese Weise, also wenn man sie auf ein bauchiges Gefäß schreibt, so schlussfolgert Augustus, könne man ein Werk des Horaz zu einem “umfangreichen” machen” (Stachon 2021, 232).

²³ Так понимает Гесснер: “itaque licet, pro illo bacillo, cui involvitur charta, adhibere sextariolum” (Bothe ²1822, xxxiii).

²⁴ Hutchinson 2008, 20–25.

²⁵ Macedo 2021, 39.

²⁶ Cavallo 1983, 14–16.

fecimus in macrocolla, facile patior teneri. Кроме качества самого папируса и ширины отдельных листов, свитки высокого качества отличаются большим размером полей и расстоянием между колонками текста.²⁷ В дополнение к эстетическому эффекту, такое расположение текста требовало больших затрат и косвенно указывало на стоимость книги.

Можно предположить, что и Гораций, отправляя Августу очередное произведение, мог позаботиться о том, чтобы свиток выглядел достойно – а также, возможно, о том, чтобы он показался длиннее (т. е. толще), чем он есть на самом деле, например, с помощью более крупных полей или же выбрав папирус несколько меньшей высоты.²⁸ Это дало бы Августу предлог для шутки (“ты прислал мне маленький свиток – боишься, как бы книжка не оказалась больше тебя ростом?”).

Нам кажется, что не следует пытаться найти в не самой удачной шутке императора Августа литературное двойное дно, и уж тем более не стоит выяснять, сколько строк могло бы поместиться на секстарий. *In sextariolo* должно отсылать к форме секстария-сосуда (скорее такого, который изображен на рис. 3, а не рис. 4): объемистый свиток высотой около 17–18 см был бы похож на секстарий по высоте, а пузатая форма сосуда позволяет намекнуть на фигуру Горация. *In sextariolo* в таком случае может значить “примерно, как секстарий” или “по форме секстария”.

Список литературы

- Bothe F. H. (ed.) *Q. Horatii Flacci Eclogae cum selectis scholiastarum veterum et Guilielmi Baxteri, Io. Matthiae Gesneri et Io. Car. Zeunii annotationibus*. Lipsiae, Sumtibus librariae Hahnianae, ²1822.
- Cavallo G. *Libri scritte scribe a Ercolano*. Napoli, Macchiaroli, 1983.
- Charlesworth D. Roman Square Bottles. *Journal of Glass Studies* 8, 1966, 26–40.
- Hutchinson G. O. *Talking Books: Readings in Hellenistic and Roman Books of Poetry*. Oxford, OUP, 2008.
- Gelsomino R. Augusti epistula ad Horatium commentario instructa. *RhM* NF 101 (4), 1958, 328–335.
- Johnson V. Ninnius, Vinus, and Onysius. *CP* 35 (4), 1940, 420–422.
- Johnson W. A. Pliny the Elder and Standardized Roll Heights in the Manufacture of Papyrus. *CP* 88 (1), 1993, 46–50.
- Johnson W. A. *Bookrolls and Scribes in Oxyrhynchus*. Toronto, University of Toronto Press, 2004.
- Macedo G. N. *Ancient Latin poetry books: materiality and context*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2021.
- Pagano M. Semo Sancus in una insegna di bottega a Ercolano. *Cronache Ercolanesi* 18, 1988, 209–214.
- Rothenhöfer P. Ein bronzenes römisches Hohlmaß (sextarium) mit militärischer Inschrift und Bemerkungen zu gleichartigen Inschriften. *Gephyra* 13, 2016, 119–125.
- Stachon M. *Sueton, De poetis. Text, Übersetzung und Kommentar zu den erhaltenen Viten nebst begründeten Mutmaßungen zu den verlorenen Kapiteln*. Heidelberg, Winter, 2021.
- Swift E. *Roman Artefacts and Society: Design, Behaviour, and Experience*. Oxford, OUP, 2017.
- Tovar A. Augustus Ridicules Horace's Shortness: A Comment on the Word Sextariolus. *AJP* 89 (3), 1968, 334–341.

²⁷ Johnson 2004, 156.

²⁸ В отличие от ширины листа, высота папируса не была стандартизирована и могла колебаться. См. Johnson 1993.

The Reception of Hellenistic Love Poetry in Rome*

Alexander Kirichenko

Introduction

As Benjamin Acosta-Hughes and Susan Stephens remark in their sixty-six-page-long survey of Callimachus' Roman afterlife, "[t]o review the scholarship on Callimachus in Latin poetry or to catalogue every Callimachean resonance is a task whose magnitude lies well beyond the scope of this study."¹ This would obviously be all the more true of an attempt to discuss a related, yet much more comprehensive, topic in a much shorter text. Rather than undertaking the impossible task of sifting through all of Roman literature for allusions to Hellenistic love poetry, this chapter will, therefore, offer what can only be a highly schematic overview of the historically conditioned transformations that the poetic discourse of love underwent from Ptolemaic Alexandria to the Roman Empire.

1. Erotic Callimacheanism and Ptolemaic Alexandria

Archaic love poems, both elegy and lyric, tend to cast themselves as oral utterances performed in the context of the symposium.² Hellenistic amatory epigram, by contrast, is deeply conscious of its inscriptional pedigree – its status as a written fixation of what would otherwise be an ephemeral expression of a spontaneous sentiment.³ In other respects, however, there is a high degree of continuity between the new Hellenistic genre and its archaic models.⁴ Despite its great tonal diversity (from Asclepiades' straightforward statements of desire to Meleager's emotionally subtle "thumb-nail mimes"),⁵ Hellenistic epigram shares with archaic love poetry the conception of erotic fulfilment as the only thing that infuses with meaning both poetry and life. This goal-oriented approach to love accounts for the emphatic performativity of Greek love poems, both archaic and Hellenistic, which tend to consist of speech acts whose goal is either to bring their speakers closer to satisfying their desire or to allow them to vent their frustration and to move on.⁶

The most striking difference between some of Callimachus' amatory epigrams and the rest of Greek love poetry is that, instead of striving to obtain intimacy with the beloved, their speakers seek to perpetuate the bittersweet state of longing by actively preventing it from attaining closure. When in *ep.* 31Pf. Callimachus compares a lover to a hunter who loses interest in his prey the moment he finds it within reach, he effectively turns lovesickness into a pleasurable condition whose duration the speaker attempts to extend indefinitely.⁷ In *ep.* 46Pf., he explains how poetry can contribute to prolonging that condition: by comparing the impact of poetry to that of hunger, i.e. the strongest physiological need known to living beings (1–6), he seems to imply that, to be similar to hunger's ability to "root out the craze for boys" (6 ἐκκόπτει τὸν φιλόπαιδα νόσον), poetic therapy must also be

* Дорогой Сева! Этот текст написан для *The Cambridge Companion to Hellenistic Poetry*, который выйдет только в 2024 году. Это – first draft, и то, что будет в конечном итоге напечатано, будет от этого текста, конечно же, очень сильно отличаться. Так что это, так сказать, a sneak preview of what is still very much a work in progress. Я им с тобой делюсь не потому, что я думаю, что ты отсюда сможешь почерпнуть что-то новое (это точно не так), а потому, что я надеюсь тебе в этот радостный день доставить ещё одну небольшую радость. С днём рождения тебя!

¹ Acosta-Hughes – Stephens 2012, 205. In addition to Acosta-Hughes – Stephens 2012, 204–69, the standard studies of "Callimachus in Rome" include Wimmel 1960; Hutchinson 1988, 277–354; Cameron 1995, 454–84; Fantuzzi – Hunter 2004, 444–85; Hunter 2006. See also Barchiesi 2011.

² Calame 1999, 13–38; Stehle 2009, 66–71; Colesanti 2011, 16–33. For a more detailed version of the argument presented in the first section of this chapter, see Kirichenko 2022b, 169–236.

³ Gutzwiller 1998, 115–182; Gutzwiller 2007; Tueller 2008, 117–13.

⁴ Bowie 2007.

⁵ Gutzwiller 2007, 328–329.

⁶ Cf. Calame 1999, 36–38.

⁷ Gutzwiller 1998, 222.

based on a “homoeopathic” principle – on its ability to replace the sexual urge with a yet more intense desire. Elsewhere in the epigrams, Callimachus implies that this ability may be inherent in the medium of erotic writing itself. After describing himself in *ep.* 28 Pf. as a “hater of all common things” (1–4),⁸ he quotes a καλός inscription – the most trivial written expression of homoerotic desire, found practically on every drinking vessel and on the walls of every public banquet hall (5 σὺ δὲ ναίχι καλός καλός: “but you are handsome, so handsome”).⁹ By having the echo turn this hackneyed inscriptional formula into a synonym of ἄλλος ἔχει (6 “and some ... one else’s”), Callimachus points to the obvious fact that, entrusted to writing, an object of desire automatically becomes public property, thereby leaving the writer in the state of perpetual longing that can never be fully satisfied. While other Hellenistic epigrammatists conceive of writing as a means of lending permanence to fleeting emotions,¹⁰ Callimachus casts the very act of publishing an amatory epigram not only as an epitome of the unbridgeable distance that prevents the lover from enjoying an immediate, oral, contact with the beloved but also as an instrument of keeping up the intensity of desire by keeping its object forever out of reach.

Like Callimachus’ *ep.* 31 Pf., Theocritus’ *Id.* 11 describes Polyphemus as the inventor of poetry as a remedy of lovesickness.¹¹ But although the poem portrays him as a paradigmatic Callimachean lover pining for a beloved he cannot possess (the sea-nymph Galatea separated from him by the ontological divide between two physical elements), Polyphemus ends up by emphatically rejecting Callimachus’ notion of erotic poetry as a means of maintaining the intensity of desire for the absent (cf. Call. *ep.* 31 Pf. 5–6 τὰ μὲν φεύγοντα διώκειν / οἶδε and Theocr. *Id.* 11.75 τί τὸν φεύγοντα διώκεις;). Theocritus’ emphasis that, as a medicine against unrequited love, poetry is more efficient than unguents and salves (Theocr. *Id.* 11.1–2) suggests that its therapeutic effect consists in alleviating the symptoms rather than in replacing an insatiable desire with a yet more insatiable one.¹² While some of Callimachus’ poems aim to enable one to extend the bittersweet state of desire by casting poetic writing itself as a quintessential form or erotic deferral, Polyphemus’ song lays bare the impossible object of his desire as an empty cipher, which allows him to enjoy his own world as a place that, with its abundance of milk, cheese, and girls more easily accessible than the ever-elusive Galatea, indeed leaves nothing to be desired.¹³ As a result, the Callimachean desire for what one cannot possess, proves to be no less out of place in Polyphemus’ overabundant world than hunger (cf. Call. *ep.* 46 Pf.).¹⁴ To a similar effect, the programmatic first *Idyll*, too, constructs its ideal bucolic world by banishing “erotic Callimacheanism” into the realm of mimetic representation – i.e. by letting the otherwise perfectly content inhabitants of that world experience no other desire than the desire for a beautiful poem that depicts Daphnis dying from a distinctly Callimachean determination to maintain the intensity of desire by perpetually deferring its fulfilment.¹⁵

Tellingly, Theocritus’ encomiastic portrayal of Alexandria in *Idylls* 14 and 15 is based on similar principles as his construction of the bucolic landscapes: like poetry in *Idyll* 11, Alexandria is described in *Idyll* 14 as a remedy of unrequited love (58–70),¹⁶ and in *Idyll* 15 the city emerges as an ideal place where the very notion of longing for the absent has been eliminated by material prosperity and the stability of married life inspired by the paradigmatic marriage of the royal couple¹⁷ and where, as in *Idyll* 1, the emotional distress of lamenting the death of a handsome young man has been channelled into a beautiful song.¹⁸ Like the inhabitants of *Idyll* 1’s bucolic world, the only desire that Greek immigrants, well-to-do and properly married as they are, can possibly experience in

⁸ Gutzwiller 1998, 218–222.

⁹ Lissarrague 1999, 359–362; Slater 1999.

¹⁰ Cf. Tueller 2008, 117–131. See also Meyer 2007.

¹¹ Fantuzzi – Hunter 2004, 180–2.

¹² Goldhill 1991, 255–261; Payne 2007, 68–82.

¹³ Cf. Payne 2007, 79.

¹⁴ “Hungry love” is also ridiculed in *Idyll* 10 (Theoc. *Id.* 10. 57 λιμνηρόν ἔρωτα): Hutchinson 1988, 173–178.

¹⁵ Cf. Hunter 1996, 63.

¹⁶ Hunter 1996, 114–16.

¹⁷ Cf. Whitehorne 1995.

¹⁸ Krevans 2006.

Theocritus' Alexandria is thus a desire for aesthetic pleasure – a desire that, as it turns out, they can easily satisfy by attending a religious festival at the royal palace.

In a similar vein, Herondas' *Mimiamb* 1 portrays Alexandria as a locus not only of material but also of aesthetic and erotic fulfilment (the city has everything one can imagine, including the Μουσῆον and any number of attractive νεῖνισκοί and γυναῖκες: 28–32),¹⁹ and although Apollonius never explicitly mentions Alexandria, his portrayal of Drepane, the island of the Phaeacians autocratically governed by an exemplary married couple that makes sure that the turbulent erotic relationship between Jason and Medea becomes a lawful marriage (A.R. 4.982–1222), captures the Theocritean opposition between the rest of world as a domain of unruly Eros and Alexandria as a place where the Ptolemies offer their subjects a paradigm of marital harmony.²⁰ Finally, when in the last poem of the *Aetia*, the *Coma Berenices*, Callimachus stresses (at least according to Catullus' Latin translation) that the transformation of the queen's hair into a constellation is to be commemorated by every woman on her wedding night (Cat. 66.79–86),²¹ he, too, effectively portrays Alexandria as a locus of orderly married life where the "erotic Callimacheanism" of the epigrams would be utterly out of place. As a result, the Callimachean desire for the unattainable emerges in a series of contemporary texts as a foil to encomiastic portrayals of Alexandria as an ideal (as it were, post-erotic) place.

2. Amor / Roma

The Alexandria of Callimachus, Theocritus, and Herondas is a microcosm of the Greek world located on foreign soil, ruled by quasi-divine royals, and populated by immigrants. Roman love poetry based on Hellenistic prototypes, by contrast, evolves in what, for all intents and purposes, is a universal empire: instead of being notionally gathered in one place, the world has now been conquered by a single city and finds itself in the process of transformation from a republic riven by civil wars into a fully-fledged autocracy. It is, therefore, hardly surprising that, when Roman writers attempt to make sense of their changing political space by borrowing erotic motifs from Hellenistic poetry, those motifs also acquire new meanings.

Catullus 64 can be read as an elaborately distorted echo of Apollonius' *Argonautica*.²² It is the motif of heroic marriage that undergoes a particularly drastic change here. While Apollonius suppresses the sinister future of the relationship between Jason and Medea and makes their wedding take place in a context that resembles the idealized image of Ptolemaic Alexandria as a locus of harmonious marriage, Catullus goes out of his way to emphasize that the wedding of Pelias and Thetis bodes nothing but disaster: it results not only in the birth of Achilles, prophesied to rejoice in the blood of the Trojans even after his own death (64.368), but also in the transformation of the world into a god-forsaken place in which the rampancy of the worst forms of crime is the sole norm (384–408).²³ It is the tragedy of what is in effect a private Trojan War – the death of Catullus' own brother at Troy (65.5–8) – that accounts for the fact that, in Poem 65, Catullus compares his hesitancy to satisfy the addressee's wish for a Latin translation of Callimachus' *Coma Berenices* to the hesitancy with which, in Book 3 of the *Aetia*, Cydippe agreed to marry Acontius (cf. 65.19–24).²⁴ As a consequence, the translation that he does produce in Poem 66 places Callimachus' jubilant celebration of the royal couple's paradigmatic marriage in a context in which the only sincere emotion one can feel is grief for those who have lost their lives in the process of Rome's imperial expansion. The fact that Poem 67 begins with an allusion to Callimachus' *Coma Berenices* (cf. Call. fr. 110.94 Pf. and Cat. 67.1)²⁵ but features as its speaker a loquacious door that, installed to protect marital fidelity, uncovers

¹⁹ Simon 1991, 52–57; Burton 1995, 20–21.

²⁰ Mori 2008, 127–39.

²¹ Hollis 1992; Harder 2012, vol. 2, 793–795. See also Gutzwiller 1992, 381: "[T]he suggestion that Catullus invented the αἴτιον is unconvincing, because the ritual is just the sort of cult practice we would expect the Euergetai to establish in order to perpetuate the myth of their romantic marriage."

²² DeBrohun 2007.

²³ Fitzgerald 1995, 162–8.

²⁴ Acosta-Hughes – Stephens 2012, 227–9.

²⁵ Fantuzzi – Hunter 2004, 476.

egregious stories of adultery makes the ideological construct propagated by the talking lock of Berenice appear like a laughable attempt to exercise control over what, by definition, cannot be controlled.²⁶ Translated into literary-historical terms, the request posed by the addressee of Poem 68 – a request for verses that would “rescue him from the threshold of death” (68.4) to which he has been driven by unrequited love (68.5–6) – is distinctly reminiscent of Theocritus’ notion of poetry as a medicine that alleviates the symptoms of lovesickness (cf. *Id.* 11). When Catullus stresses that the death of his brother at Troy makes him unable to fulfil this request²⁷ and when he illustrates this inability by writing a poem (68b) that, in stark contrast to the soothing harmony of Theocritus’ bucolic *Idylls*, is informed by a disquieting sense of non-coincidence and mismatch,²⁸ he once again reveals his world as a place where the Theocritean therapy of desire is bound to remain inefficient – a place where the very thought of imitating that therapeutic effect becomes immediately overshadowed by the memory of those who have died in pursuit of imperial desire (68.19–24, 91–100).²⁹

Catullus’ allusions to Hellenistic amatory epigrams in the short poems (both the *polymetra* and the epigrams) draw attention to the status of Lesbia as an ever-elusive object of a recognizably Callimachean desire.³⁰ At the same time, these allusions serve to underscore a fundamental difference between Callimachus’ and Catullus’ worlds. Like Callimachus in *ep.* 28 Pf., Catullus conceives of the publication of his love poems as an act of sharing his beloved with other men.³¹ As we have seen, Callimachus presents his unattainable beloveds as objects of private erotic musings that he willingly shares with his readers, thereby making sure that those objects remain forever out of reach. Catullus’ Lesbia, by contrast, is always already public property: in Poem 58, she is said to be “peeling brave Remus’ grandsons at crossroads and in narrow lanes” (58.4–5) and, in Poem 11, to be “rupturing the groins” of “three hundred adulterers” (11.17–20) who, like Catullus and his addressees, are presumably scattered around the entire imperial borderland from India to Britain (11.2–12). She is, in other words, conceived of as an epitome of the endless imperial space that promises to submit to every Roman man but, in the end, proves to be an elusive object of desire that no one can truly possess (11.19 *nullum amans vere*).³² While Callimachus is content with presenting his writing as a locus of erotic deferral designed to infect the readers with his own yearning for the unattainable, Catullus threatens, in Poem 16, to rape his model readers (16.1 *pedicabo ego vos et irrumabo*), who have mistaken the poet’s act of notionally sharing his beloved with male readers of the kiss poems (Poems 5 and 7) for a sign of his voluntarily renouncing masculinity.³³ As a result, Callimachus’ bemused reflection on the inherent paradox of erotic writing is transformed in Catullus into an embittered power play among testosterone-laden wannabe alpha males futilely striving to possess what he casts as a universally coveted, imperial, object of desire.

To Catullus, Theocritus’ use of poetry to ease the intensity of desire is plainly unthinkable in the cultural atmosphere of late republican Rome where love is in effect synonymous with an uncontrollable urge for imperial expansion. Lucretius, by contrast, ascribes to his Epicurean epic an ability to exercise precisely this kind of Theocritean effect on the readers. The discussion of love in Book 4 of *De rerum natura* includes a caustic ridicule of poetic clichés many of which can be traced back to Hellenistic love poetry (4.1037–1287):³⁴ as Theocritus depicts his ideal bucolic landscape as a place whose happy, and sexually satisfied (cf. *Id.* 4.58–61), inhabitants only have a vicarious knowledge of “erotic Callimacheanism,” so the obsession with erotic phantasies fostered by Hellenistic love poetry in general becomes a meaningless concept in Lucretius’ uncompromisingly materialistic

²⁶ Cf. Maynes 2016.

²⁷ On Catullus’ memory of his brother as an obstacle for writing poetry in Poems 65 and 68, see Fitzgerald 1995, 186–211; Stevens 2013, 123–60; Johnson 2021, 147–50.

²⁸ Feeney 1992.

²⁹ Oliensis 2009, 32–54.

³⁰ Wray 2001, 186–203. Cf. Morelli 2007, 534–41.

³¹ On Catullus’ “anxieties of publication,” see Fitzgerald 1995, 44–55. See also Stroup 2010, 216–36.

³² Fitzgerald 1995, 179–84; Dufallo 2021, 178–80. On Catullus’ handling of the imperial space in general, see Lindheim 2021, 27–55 (esp. 35–9, on Poem 11).

³³ Fitzgerald 1995, 49–51. Cf. Selden 1992.

³⁴ On Lucretius’ allusions to Hellenistic amatory epigram in *DRN* 4, see Kenney 1970, 380–4.

universe. The ideal of poetry to which, in Book 5 (1390–1411), Lucretius himself appears to aspire is remarkably similar to Theocritus’ bucolic: practiced by primordial herdsmen (1387 *per loca pastorum deserta*), this art of music making and singing (5.1398 *musa ... agrestis*) originated as an imitation of nature (1379–87, cf. Theocr. *Id.* 1.1–8) and exists only in order to grant pleasure both to its performers and to its listeners (1405–11).³⁵ Just as Theocritus’ bucolic poetry emerges in *Id.* 1 thanks to Daphnis, who, by “defeating Eros,” has brought into being a sublimated world in which the strongest desire one can feel is desire for poetry,³⁶ so the therapeutic effect of Lucretius’ poetry, too, is predicated upon his following in the footsteps of Epicurus who, in Book 1 (62–79), is described as a veritable conqueror of the universe celebrating his triumph over the fears and desires that used to torment humankind.³⁷ The healing of the inner conflicts from which the Romans suffer in Catullus only becomes possible in Lucretius because he replaces the Catullan imperial space riven by multiple eroticized desires for universal domination with the ideal of a universal empire populated by enlightened individuals untouched by such desires and enthusiastically following a leader who offers them a single common goal.³⁸

Much of Augustan poetry can be read as a concerted effort to conjure up a world in which Octavian / Augustus occupies the position that, in Lucretius, belongs to Epicurus – the position of a quasi-divine leader imposing order on a universal empire torn by conflicting eroticized desires.³⁹ When Augustan poets use allusions to Hellenistic love poetry to construct this brave new world, Hellenistic motifs, once again, undergo a series of remarkable transformations.

As in Theocritus’ *Idyll* 1, the bucolic landscape is marked in Virgil’s *Eclogue* 1 as an ideal place that leaves nothing to be desired (1–2, 46–58) – one of the reasons being that, like Theocritus’ Polyphemus, its inhabitant has freed himself from an erotic obsession with a Galatea (27–32).⁴⁰ But while in Theocritus that landscape forms a fairly straightforward analogy to the encomiastic image of Alexandria in *Idyll* 15, Virgil links his bucolic landscape to the political space of Rome in a much more complex way. In *Eclogue* 1, the bucolic world is located in the midst of the Italian countryside devastated by the civil wars (11–12, 71–2), but the right to reside in this oasis of poetic order seems to be restricted to those who, like Tityrus, have travelled to Rome to see the “divine youth” (a figure that distinctly resembles Lucretius’ Epicurus, cf. 6–8, 43–5 and *Lucr.* 5.8),⁴¹ whereas others, like Meliboeus, have no other choice than to continue to act like Catullan men campaigning in an unspecified imperial periphery somewhere between Persia and Britain (64–9). That, unlike Theocritus, Virgil cannot content himself with identifying a single spot on the map that resembles the bucolic ideal becomes apparent in *Eclogue* 4 where the approaching Golden Age is effectively equated with the extension of the bucolic conditions to the entire imperial space.⁴² And finally, while the death of Daphnis is figured in Theocritus’ *Idyll* 1 as a mythical aetiology of the boundless satisfaction enjoyed by the inhabitants of the bucolic world, the elegiac poet Gallus, who in Virgil’s *Eclogue* 10, impersonates the dying Daphnis (9–43), cannot stay in that ideal landscape but instead re-enacts the Catullan gesture of following an ever-elusive object of erotic desire conceptually coextensive with the geographically vast empire (44–68). Thus, the anticipated transformation of the totality of the imperial space into an ideal bucolic landscape is imagined in the *Eclogues* as a process whereby a Roman poet dons a Theocritean mask only to renounce Daphnis’ “defeat of Eros” and, like a Callimachean lover, to yield to a victorious love whose intensity he knows will never subside (50–4, 69–74).⁴³

In the poems written after Actium, Virgil imagines the pacified *imperium sine fine* as a place where Callimachus’ frustrating desire for the unattainable, which crucially informs the *Eclogues*, has

³⁵ Kronenberg 2016, 26–7.

³⁶ Kirichenko 2022b, 204–6.

³⁷ On Epicurus’ “triumph of the mind” in Lucretius, see Buchheit 1971.

³⁸ On the political dimension of Lucretius’ poetic project, see Fowler 1989; Schiesaro 2007; Kennedy 2013.

³⁹ Cf. Kennedy 2013, 67.

⁴⁰ On Virgil’s dialogue with Theocritus in *Ecl.* 1, see Breed 2006, 95–101; Hunter 2007.

⁴¹ Davis 2004; Kronenberg 2016. For Lucretius in Virgil’s *Eclogues*, also see Hardie 2007. On the possible identity of the divine *iuvenis* in *Ecl.* 1, see Bing 2016.

⁴² Nauta 2007, 327–33.

⁴³ Cf. Conte 1986, 100–29; Breed 2006, 117–35.

been replaced with a dependable “post-erotic” order imposed by Augustus. The last book of the *Georgics* portrays Orpheus as a quintessential embodiment of erotic Callimacheanism – as a singer who continues to pine for Eurydice not only after her death but also after the Bacchic women, enraged by his reluctance to pursue physically accessible objects of desire, sever his own head (4.506–27).⁴⁴ Contrasted with this image is the figure of Aristaeus who, rather than longing for the irretrievably lost past, produces new life from dead matter and, by doing so, provides a model both to Virgil’s creation of a new poetry from multiple Greek models and to Augustus’ creation of a new imperial order from the chaos of the civil wars (cf. 4.528–66).⁴⁵ That Augustan *Roma* only becomes possible by transcending a distinctly Hellenistic form of *amor* also becomes apparent in the *Aeneid*, where, to fulfil his destiny, Aeneas has to put an abrupt end to a romantic episode inspired by Book 3 of Apollonius’ *Argonautica*⁴⁶ and where the future site of Rome is depicted in *Aeneid* 8 as a version of the bucolic world – an ideal landscape that, under Augustus, is bound to become coextensive with the totality of the endless imperial space (cf. 1.278–9, 8.626–731).⁴⁷

Horace, too, stages the emergence of the new Augustan order as a process whereby a “post-erotic” domain – a domain in which the Callimachean longing for the unattainable has given way to a sense of boundless, Epicurean / Theocritean, satisfaction – expands from a circumscribed artificial reality to the whole of empire. In the first book of the *Satires*, Horace depicts Maecenas’ circle as a tiny islet of poetic order surrounded by the turmoil of the civil wars.⁴⁸ As an indispensable precondition for internalizing that order he singles out, in *Satires* 1.2, the need to liberate oneself from the tyranny of Eros. To dismantle the pernicious influence of traditional love poetry on the human imagination, Horace not only echoes Lucretius’ disquisition on sex in Book 4 of *DRN*⁴⁹ but also, almost literally, translates, and reduces to absurdity, the epigram in which Callimachus celebrates the bitter-sweet pleasure of longing for an unattainable object of desire (cf. Call. *ep.* 31Pf. and Hor. *S.* 1.2.101–10).⁵⁰ Like Theocritus’ bucolic landscape, Horace’s ideal reality can thus be said to come into being by eliminating “erotic Callimacheanism.” In the *Odes*, this ideal reality subsumes the totality of the political space ruled over by Augustus: there is a pervasive sense of analogy between the idyllic private landscape of Horace’s poetry (cf. e.g. 1.1) – a landscape in which love is figured as a source of a soothing (Theocritean) pleasure rather than of an excruciating (Callimachean) pining for an ever-elusive object of desire⁵¹ – and Augustus’ boundless empire, conceived of as granting a similar security and pleasure to every Roman (cf. e.g. 1.2, 1.21, 2.13, 3.8).⁵²

A similar transition from Hellenistic *amor* to Augustan *Roma* can be traced in Roman love elegy. As we have seen, Virgil’s tenth *Eclogue* portrays the proto-elegist Gallus as a poet whom a short visit in Theocritus’ bucolic landscape proves to be unable to heal from an imperial (Catullan) version of the Callimachean desire for the unattainable. Tibullus adopts a different approach to the fundamental incompatibility between the Theocritean therapy of desire and the characteristically Roman imperial longing. The “Golden Age” in which Tibullus imagines himself to attain the state of erotic fulfilment resembles Theocritus’ ideal landscapes that admit of no ineffectual desires.⁵³ But to him, this rural paradise is not a given but only becomes possible thanks to his aristocratic patron, the Augustan general Messala, who, having brought peace to Italy by defeating Rome’s external enemies, voices no objections against the poet’s choice of an uneventful life in the country (cf. Tib. 1.1, 1.7, 2.3, 2.5).⁵⁴ Tibullus’ elegies are informed by an insoluble contradiction between a utopian dream of

⁴⁴ Cf. Conte 1986, 130–40.

⁴⁵ Griffin 1979. See also Nappa 2005.

⁴⁶ Nelis 2001, 125–85.

⁴⁷ Cf. Edwards 1996, 31–2.

⁴⁸ Kirichenko 2017b, 265–70.

⁴⁹ Yona 2018, 111–14.

⁵⁰ Hunter 2006, 109–10.

⁵¹ Cf. e.g. the contrast between the “bucolic” *Odes* 1.4 and *Odes* 1.5, celebrating a farewell from “erotic Callimacheanism”: Kirichenko 2018, 127–34.

⁵² Oliensis 1998, 102–27; Rimell 2015, 82–101.

⁵³ Cf. Lindheim 2021, 85–91.

⁵⁴ Moßbrucker 1983; Lee-Stecum 1998.

erotic harmony and a fatal attraction to a recognizably Catullan / Gallan beloved desired by all Roman men – an attraction that dooms this would-be Theocritean rustic to the emotionally tormented life of a Callimachean lover.⁵⁵ A self-styled *Romanus Callimachus* (Prop. 4.1.64), Propertius, by contrast, attempts to resolve this tension in a typically Augustan way by staging a process whereby his erotic energy is gradually channelled away from the all-consuming obsession with a universally coveted (Callimachean / Catullan / Gallan) object of desire and into the ecstatic praise of the Augustan “post-erotic” imperial order imposed onto the bucolic landscape of primordial Rome.⁵⁶

A remarkable shift takes place in Ovid. Whereas Virgil, Horace, and Propertius portray the Augustan empire as a “post-erotic” world – a world in which the Callimachean desire for the unattainable has been transcended or sublimated –, Ovid, in *Amores* 1.2, draws a suggestive analogy between Augustus’ autocratic rule and the tyranny of Eros: an uncontrollable inner impulse, which pre-Ovidian Augustan poetry has carefully harnessed into a willing acceptance of the political order imposed by the divine *princeps*, love is explicitly figured in Ovid as an enslaving force, from which one cannot escape and which one can only endure as long as one becomes aware of its mechanisms and accepts its terms – in the same manner as the conquered peoples of empire accept the power of Rome (cf. 19–34, 49–52).⁵⁷ The authoritarian character of Ovidian love becomes particularly apparent in the *Metamorphoses*, where erotic motifs familiar from Hellenistic poetry often acquire a sinister touch. Wounded by a very much Hellenistic Cupid, Apollo only fails to rape Daphne because she suddenly turns into a laurel tree – an obstacle that, however, does not prevent him from turning her into what, until the poem’s Augustan present (cf. 1.562 *postibus Augustis*), endures as an integral part of the iconography of Apollo’s divine power (1.557–558).⁵⁸ Rather than seeing the ontological impossibility of a love relationship with a sea nymph as a confirmation of the self-evident perfection of his terrestrial world, Ovid’s recognizably Theocritean Polyphemus begins to nourish violent phantasies and, with utmost cruelty, kills his erotic rival (13.750–898).⁵⁹ And instead of offering a paradigm of personal fulfilment to be found in harmonious marriage, Ovid’s version of Callimachus’ *Coma Berenices*, the metamorphosis of Julius Caesar into a comet, conjures up a totalitarian vision of the transformation of the entire population of the Roman Empire into a monolithic group of worshippers praying to the most potent gods of the Roman pantheon to postpone the day on which Julius Caesar’s adoptive son, too, will ascend to heaven and begin to answer their prayers from a distance (15.760–870).⁶⁰ Although, like his predecessors, Ovid engages in an intertextual dialogue with Callimachus and Theocritus, there is no room in Ovid’s universe for anything remotely resembling either “erotic Callimacheanism” or Theocritus’ post-erotic landscapes. Rather than an elusive bittersweet sensation translated into an aesthetic pleasure, Ovidian love, like the Augustan state, is a brute fact of life that the poet urges his readers to learn how to master – by recognizing themselves in the erotic adventures that he depicts in the *Amores* (cf. 1.15.38, 2.1.8), by following the precepts that he imparts in the *Ars amatoria* and the *Remedia amoris*, and by reading the *Metamorphoses*’ tales of the eroticized violence of the gods as instances of poetic resistance to the dehumanizing impact of autocracy.⁶¹

The Golden Age of autocratic rule, ardently anticipated by Virgil, celebrated by Horace, and ridiculed by Ovid, evolves in the post-Ovidian poetry of the first century AD into a cliché routinely treated as an accurate description of the empirical reality one inhabits.⁶² In the encomiastic poetry written under the notoriously “bad” emperors Nero and Domitian, empire is described as having reached a degree of perfection that eclipses all mythical prototypes.⁶³ The world of absolute material presence that these poets portray has succeeded in eliminating the Callimachean desire for the absent, whereas the post-erotic landscapes of Theocritus’ *Idylls* pale by comparison with the boundless

⁵⁵ Cf. Lindheim 2021, 104–22.

⁵⁶ For a detailed discussion, see Kirichenko 2022a.

⁵⁷ Cf. Miller 1995.

⁵⁸ Miller 2009, 338–349. Cf. Feeney 1998, 72–73; Hardie 2002, 45–50; Feldherr 2010, 40–41.

⁵⁹ Barchiesi 2006.

⁶⁰ Pandey 2018, 35–82.

⁶¹ For a detailed discussion, see Kirichenko 2021.

⁶² Kirichenko 2017a, 180–2.

⁶³ Kirichenko 2013, 169–205; Gunderson 2021.

satisfaction provided by the emperor's rule. Like most everything else in the poetry of this age, erotic motifs that go back to Hellenistic poetry are now used to underscore the unquestionable superiority of the present over the culturally authoritative models enshrined in the classical literature of the past.

The treatment of the bucolic world in Calpurnius' *Eclogues* is a case in point. As we have seen, Theocritus marks his ideal landscapes as "post-erotic" places of universal satisfaction and analogizes them with a similarly idealized portrayal of Alexandria, while Virgil's version of the Theocritean utopia functions as a foil to Rome's imperial longing that can never be fully satisfied. Although rooted in the bucolic tradition,⁶⁴ Calpurnius' rural landscapes, by contrast, grow increasingly less ideal as the collection progresses: in *Eclogue* 5, it becomes a locus of toilsome agricultural labour, reminiscent of the world of Virgil's *Georgics*, and in *Eclogue* 6 it provides a venue not to a carefree Theocritean exchange in aesthetic pleasure but to an embittered strife that puts an end to bucolic singing before it even has a chance to begin.⁶⁵ The "post-erotic" world that serves as a foil to the very much Theocritean portrayal of unrequited love in *Eclogue* 3 (cf. Theocr. *Idd.* 3 an 11) is located not in the timeless bucolic countryside but in the Neronian Golden Age, which in *Eclogue* 1 finds its way into the world of Calpurnius' herdsmen through the channel of Faunus' prophetic song; which in *Eclogue* 4 provides a topic for a typically bucolic, non-contentious, song contest; and which in *Eclogue* 7 emerges as an epitome of material plenitude and as a unique source of meaning, thereby making the bucolic landscape appear all the more deficient and incomplete.⁶⁶

A similar use of distant memories of Hellenistic love poetry to portray contemporary Rome as the best of all possible worlds can be observed in Statius' *Silvae*. Statius routinely portrays his patrons' houses and country estates as timeless places in which no ineffectual desires can possibly exist – as mixtures of, among many other things, Epicurus' garden and Theocritus' bucolic landscape.⁶⁷ These overabundant modern paradises by far surpass whatever may have adumbrated them in myth and poetry.⁶⁸ Erotic fulfilment that one experiences as an addressee of Statius' poetry is also unlike anything one has ever seen before. In *Silvae* 1.2, for instance, Violentilla's beauty is said to equal Venus' (117–20), and, had she been alive in the mythical age, none of the stories that involve gods chasing mortal women would have ever taken place (130–6).⁶⁹ Given Violentilla's status as a figure of absolute closure (once one has reached perfection, there is obviously nowhere else to go), it is hardly surprising that, rather than being portrayed as poets of erotic longing, love elegists, including Philitas of Cos and "old Callimachus" (Stat. *Silv.* 1.2.253 *Callimachusque senex*), are now imagined to participate in a contest for the right to celebrate the happy day of Violentilla's wedding to Statius' friend Stella – a counterfactual contest that, as the author of the epithalamium in question, Statius knows he has won with the same ease with which Violentilla herself outshines an entire catalogue of mythical heroines.

As the master signifier responsible for the unprecedented perfection of this world, Domitian occupies a transcendental position beyond and above the (admittedly rather generous) constraints that Statius imposes on that world's ordinary inhabitants.⁷⁰ *Silvae* 3.4 reveals that the emperor's superiority also pertains to things erotic. Having forbidden the practice of castrating prepubescent boys, Domitian himself has a castrated boyfriend whose beauty not only defies the passage of time but also (surprise!) surpasses the beauty of every conceivable mythical prototype (39–44). An epitome of unrivalled erotic harmony (the "Roman Juno" shows no jealousy towards this new, so much better, version of Ganymede, 12–20), this relationship is described in a poem that, harking back to Callimachus' *Coma Berenices*, celebrates the glorious event of the perennially vernal imperial eunuch Earinus dedicating his godly hair to Asclepius.⁷¹ But while the Callimachean poem presents the royal marriage as a paradigm of marital happiness that the Ptolemies are happy to share with their subjects,

⁶⁴ Magnelli 2006.

⁶⁵ Karakasis 2016, 157–94 and 223–50.

⁶⁶ Karakasis 2016, 15–119.

⁶⁷ Newlands 2002, 131–2 and 146–7.

⁶⁸ Kirichenko 2017a, 168–76.

⁶⁹ Zeiner 2005, 138–50.

⁷⁰ Kirichenko 2017, 176–88; Gunderson 2021.

⁷¹ Newlands 2002, 106.

its distant echo in Statius inadvertently reminds the readers that the comfortable life enjoyed by Domitian's courtiers – a life that, like the life of Theocritus' herdsmen, indeed leaves nothing to be desired – is in fact predicated on their unconditional submission to, or their figurative castration by, the supreme leader.⁷²

While for Statius the here and now of the Domitianic Rome constitutes the ultimate post-erotic reality that can no longer be superseded, for Apuleius, who writes in the second century AD and far away from Rome,⁷³ the reality that becomes available when one leaves behind the imaginary worlds of literary tradition is not the glorious materiality of the imperial present, which one can touch, eat, and penetrate *ad nauseam*, but a transcendental realm for which one longs with the unflagging steadiness of a Callimachean desire. The rich intertextuality of Apuleius' tale of *Cupid and Psyche* (*Met.* 4.28 – 6.24)⁷⁴ includes the figure of Cupid that unmistakably evokes his portrayals in Hellenistic poetry – especially in Book 3 of Apollonius' *Argonautica*.⁷⁵ But rather than mischievously causing the whole world to suffer from erotic pangs, Apuleius' Cupid himself falls in love with Psyche (a transparent allegory of the human soul), who eventually also falls in love with “divine love” (5.23.3 *in Amoris incidit amorem*), goes through a series of painful adventures, marries her beloved, and gives birth to a daughter named Voluptas (Pleasure). Although Jupiter, who officiates at the wedding, finds himself unable to put an abrupt end to his traditionally hyperactive sexuality (what he demands from Cupid for his service is a beautiful girl: 6.22), he identifies the marriage between Cupid and Psyche with the advent of a radically new post-erotic world – a world in which Cupid himself, tied by the unfringeable bonds of matrimony, will forever lose the ability to perform any of the tricks that have hitherto shaped classical (most notably, Hellenistic and Roman) literature (6.23). Apuleius' *Metamorphoses* as a whole, too, stages the emergence of this new world: in a way that seems to anticipate the metamorphosis of carnal love into the love of the One / God in Plotinus and St. Augustine,⁷⁶ the protagonist of Apuleius' novel renounces the (very much elegiac) sexual escapades of his past⁷⁷ and channels his erotic energy into an insatiable longing for Isis – a transcendental divine object that, like Callimachus' beloveds, always remains out of reach but whose reliable distant presence gives him an exquisite joy that he has never known before.⁷⁸

Works Cited

- Acosta-Hughes B., Stephens, S. *Callimachus in Context: From Plato to the Augustan Poets*. Cambridge 2012.
- Augoustakis A. (ed.) *Flavian Poetry and Its Greek Past*. Leiden 2014.
- Barchiesi, A. “Music for Monsters: Ovid's *Metamorphoses*, Bucolic Evolution, and Bucolic Criticism.” In: Fantuzzi – Papangelis 2006, 403–26.
- Barchiesi A. “Roman Callimachus.” In: Acosta-Hughes, B. – Lehnus, L. – Stephens, S. (eds.) *Brill's Companion to Callimachus*. Leiden 2011, 509–33.
- Benson G.S. *Apuleius' Invisible Ass: Encounters with the Unseen in the Metamorphoses*. Cambridge 2019.
- Bing P. “Epicurus and the *iuvenis* in Virgil's *Eclogue* 1.42.” *CQ* 66 (2016), 172–179.
- Bing P. – Bruss, J.S. (eds.) *Brill's Companion to Hellenistic Epigram*. Leiden 2007.
- Bowie E. “From Archaic Elegy to Hellenistic Sympotic Epigram?” In: Bing – Bruss 2007, 95–112.
- Breed B. *Pastoral Inscriptions: Reading and Writing in Virgil's Eclogues*, London 2006.
- Buchheit V. “Epikurs Triumph des Geistes.” *Hermes* 99 (1971), 303–323.
- Burton J.B. *Theocritus' Urban Mimes: Mobility, Gender, and Patronage*. Berkeley 1995.
- Cairns F. *Hellenistic Epigram: Contexts of Exploration*. Cambridge 2016.
- Cairns F. *Tibullus: A Hellenistic Poet at Rome*. Cambridge 1979.

⁷² Gunderson 2021, 323–44.

⁷³ On Apuleius and the Second Sophistic, see Harrison 2000. On Apuleius and Roman Africa, see Lee – Finkelpearl – Graverini 2014.

⁷⁴ See e.g. Mattiacci 1998 (neoteric and elegiac poetry); May 2006, 208–48 (tragedy and comedy); Harrison 2013, 159–178 (epic); Benson 2019, 99–103 (Plato).

⁷⁵ Kenney 1990, 123; Murgatroyd – Parker 2002.

⁷⁶ Zwollo 2018, 358–82.

⁷⁷ On Latin love elegy in Apuleius' *Metamorphoses*, see Hindermann 2009.

⁷⁸ See e.g. Kirichenko 2010, 71–86; Benson 2019, 184–238.

- Calame C. *The Poetics of Eros in Ancient Greece*. Princeton 1999.
- Cameron A. *Callimachus and His Critics*. Princeton 1995.
- Colesanti G. *Questioni teognidee: La genesi simposiale di un corpus di elegie*. Rome 2011.
- Conte G.B. *The Rhetoric of Imitation: Genre and Poetic Memory in Virgil and Other Poets*, Ithaca NY 1986.
- Davis G. "The Epicurean Cadence of Vergil's First Eclogue." In: Armstrong, D. (ed.) *Vergil, Philodemus, and the Augustans*. Austin TX 2004, 63–74.
- DeBrohun J.B. "Catullan Intertextuality: Apollonius and the Allusive Plot of Catullus 64." In: Skinner 2007, 293–313.
- Dufallo B. *Disorienting Empire: Republican Latin Poetry's Wanderers*. Oxford 2021.
- Edwards E. *Writing Rome: Textual Approaches to the City*. Cambridge 1996.
- Fantuzzi M. – Hunter, R. *Tradition and Innovation in Hellenistic Poetry*. Cambridge 2004.
- Fantuzzi M. – Papanghelis, Th. (eds.) *Brill's Companion to Greek and Latin Pastoral*. Leiden 2006.
- Feeney D.C. "Shall I Compare Thee..? Catullus 68 and the Limits of Analogy." In: Woodman, A.J. – Powell, J. (eds.) *Author and Audience in Latin Literature*. Cambridge 1992, 33–44.
- Feeney D.C. *Literature and Religion at Rome: Cultures, Contexts, and Beliefs*. Cambridge 1998.
- Feldherr A. *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction*. Princeton 2010.
- Fitzgerald W. *Catullan Provocations: Lyric Poetry and the Drama of Position*. Berkeley 1995.
- Fowler D.P. „Lucretius and Politics.“ In: Barnes, J. – Griffin, M. (eds.) *Philosophia Togata: Essays on Philosophy and Roman Society*. Oxford 1989, 120–150.
- Goldhill S. *The Poet's Voice: Essays on Poetics and Greek Literature*. Cambridge 1991.
- Griffin J. "The Fourth Georgic, Virgil and Rome." *G&R* 26 (1979). 61–80.
- Gunderson E. *The Art of Complicity in Martial and Statius: The Epigrams, Silvae, and Domitianic Rome*. Oxford 2021.
- Günther H.-C. *Brill's Companion to Propertius*. Leiden 2006.
- Gutzwiller K. *Pastoral Analogies: The Formation of a Genre*. Madison, WI 1991.
- Gutzwiller K. "Callimachus' *Lock of Berenice*: Fantasy, Romance and Propaganda." *AJP*, 113 (1992), 359–382.
- Gutzwiller K. *Poetic Garlands: Hellenistic Epigrams in Context*. Berkeley 1998.
- Gutzwiller K. "The Paradox of Amatory Epigram." In: Bing – Bruss 2007, 313–332.
- Harder A. (ed.) *Callimachus. Aetia: Introduction, Text, Translation, and Commentary*. 2 Vols. Oxford 2012.
- Hardie Ph. 2002. *Ovid's Poetics of Illusion*. Cambridge.
- Hardie Ph. "Cultural and Historical Narratives in Virgil's *Eclogues* and Lucretius." In: Fantuzzi – Papanghelis 2007, 275–300.
- Harrison S.J. *Apuleius: A Latin Sophist*. Oxford 2000.
- Harrison S.J. *Framing the Ass: Literary Texture in Apuleius' Metamorphoses*. Oxford 2013.
- Henriksen C. *A Companion to Ancient Epigram*. Hoboken, NJ 2019.
- Hindermann J. *Der elegische Esel: Apuleius' Metamorphosen und Ovids Ars Amatoria*. Frankfurt 2009.
- Hollis A.S. "The Nuptial Rite in Catullus 66 and Callimachus' Poetry for Berenice." *ZPE*, 91 (1992), 21–28.
- Hunt J. M. "The Politics of Death in Theocritus' First Idyll." *AJP* 132 (2011), 379–396.
- Hunter R. *The Argonautica of Apollonius: Literary Studies*. Cambridge 1993.
- Hunter R. *Theocritus and the Archaeology of Greek Poetry*. Cambridge 1996.
- Hunter R. *The Shadow of Callimachus: Studies in Reception of Hellenistic Poetry in Rome*. Cambridge 2006.
- Hunter R. "Virgil's *Ecl.* 1 and the Origins of Pastoral." In: Fantuzzi – Papanghelis 2007, 263–73.
- Hutchinson G.O. *Hellenistic Poetry*. Oxford 1988.
- Johnson M. "Catullus' Fantastical Memories: Poem 68 and Writing Trauma." *Antichthon* 55 (2021), 136–54.
- Karakasis E. *T. Calpurnius Siculus: A Pastoral Poet in Neronian Rome*. Berlin 2016.
- Kennedy D. "The Political Epistemology of Infinity." In: Lehoux, D. – Morrison, A.D. – Sharrock, A. (eds.) *Lucretius: Poetry, Philosophy, Science*. Oxford 2013, 51–68.
- Kenney E.J. *Apuleius. Cupid and Psyche*. Cambridge 1990.
- Kenney E.J. "Doctus Lucretius." *Mnemosyne* 23 (1970), 366–392.
- Kirichenko A. *A Comedy of Storytelling: Theatricality and Narrative in Apuleius' Golden Ass*. Heidelberg 2010.
- Kirichenko A. *Lehrreiche Trugbilder: Senecas Tragödien und die Rhetorik des Sehens*. Heidelberg 2013.
- Kirichenko A. "Beatus carcer / tristis harena: The Spaces of Statius' *Silvae*." In: Rimell, V. – Asper, M. (eds.) *Imagining Empire: Political Space in Hellenistic and Roman Literature*. Heidelberg 2017, 167–88 (= 2017a)

- Kirichenko A. "Constructing Oneself in Horace and Seneca." In: Stöckinger, M. – Winter, K. – Zanker, T. (eds.): *Horace and Seneca: Interactions, Intertexts, Interpretations*. Berlin 2017, 265–285 (= 2017b).
- Kirichenko A. "How to Build a Monument: Horace the Image Maker." *MD* 80, 2018, 121–163.
- Kirichenko A. "The Transformations of the Writing Body: Rhetoric, Monumental Art, and Poetry in Ovid's *Metamorphoses*." *SO* 94 (2021), 1–55.
- Kirichenko A. "Callimachus Romanus: Propertius' Love Elegy and the Aetiology of Empire." In: Klooster, J. – Wessels, A. (eds.). *Inventing Origins: The Function of Aetiology in Antiquity*, Leiden 2022, 65–100 (= 2022a).
- Kirichenko A. *Greek Literature and the Ideal: The Pragmatics of Space from the Archaic to the Hellenistic Age*. Oxford 2022 (= 2022b).
- Knox P. (ed.) *A Companion to Ovid*. Chichester 2009.
- Krevans N. "Is There Urban Pastoral?" In: Fantuzzi – Papanghelis 2006, 121–146.
- Kronenberg L. „Epicurean Pastoral-Daphnis as an Allegory for Lucretius in Vergil's *Eclogues*." *Vergilius* 62 (2016), 25–56.
- Lee B.D. – Finkelpearl, E. – Graverini, L. (eds.) *Apuleius and Africa*. New York 2014.
- Lee-Stecum P. *Powerplay in Tibullus: Reading Elegies Book 1*. Cambridge 1998.
- Lindheim S.H. *Latin Elegy and the Space of Empire*. Oxford 2021.
- Lissarrague F. "Publicity and Performance: *Kalos* Inscriptions in Attic Vase Painting." In: Goldhill, S. – Osborne, R. (eds.) *Performance Culture and Athenian Democracy*. Cambridge 1999, 359–373.
- Magnelli R. "Bucolic Tradition and Poetic Programme in Calpurnius Siculus." In: Fantuzzi – Papanghelis 2006, 467–77.
- Mattiacci S. "Neoteric and Elegiac Echoes in the Tale of *Cupid and Psyche*." *Aspects of Apuleius' Golden Ass II*. Groningen 1998, 127–50.
- May R. *Apuleius and Drama: The Ass on Stage*. Oxford 2006.
- Maynes C. "Comic Callimacheanism in Catullus 67." *TAPA* 146 (2016), 281–323.
- Meyer D. "The Act of Reading and the Act of Writing in Hellenistic Epigram." In: Bing – Bruss 2007, 187–210.
- Miller J.F. 1995. "Reading Cupid's Triumph." *CQ* 90, 287–294.
- Miller J.F. 2009. *Apollo, Augustus, and the Poets*. Cambridge.
- Morelli A.M. "Hellenistic Epigram in the Roman World from the Beginnings to the End of the Republican Age." In: Bing – Bruss 2007, 521–41.
- Mori A. *The Politics of Apollonius Rhodius' Argonautica*. Cambridge 2008.
- Nappa C. *Reading after Actium: Vergil's Georgics, Octavian, and Rome*. Ann Arbor 2005.
- Nauta R. "Panegyric in Virgil's *Bucolics*." In: Fantuzzi – Papanghelis 2007, 301–33.
- Nelis D. *Virgil's Aeneid and the Argonautica of Apollonius Rhodius*. Leeds 2001.
- Newlands C. *Statius' Silvae and the Poetics of Empire*. Cambridge 2002.
- Oliensis E. *Horace and the Rhetoric of Authority*. Cambridge 1998.
- Oliensis E. *Freud's Rome: Psychoanalysis and Latin Poetry*. Cambridge 2009.
- Pandey N. *The Poetics of Power in Augustan Rome*. Cambridge 2018.
- Papanghelis, Th. *Propertius: A Hellenistic Poet on Love and Death*. Cambridge 1987.
- Parker S. – Murgatroyd, P. "Love Poetry and Apuleius' *Cupid and Psyche*." *CQ* 52 (2002), 400–4.
- Payne M. *Theocritus and the Invention of Fiction*. Cambridge 2007.
- Rimell V. *The Closure of Space in Roman Poetics: Empire's Inward Turn*. Cambridge 2015.
- Schiesaro A. „Lucretius and Roman Politics and History“. In: Gillespie, S. – Hardie, Ph. (eds.). *The Cambridge Companion to Lucretius*, Cambridge 2007, 41–58.
- Selden D. "Caveat lector: Catullus and the Rhetoric of Performance." In: Hexter, R. – Selden, D. (eds.) *Innovations of Antiquity*. New York – London 1992, 461–512.
- Simon K.-J. *Τὰ κόλλ' ἀείδειν: Interpretationen zu den Mimiamben des Herodas*. Frankfurt 1991.
- Skinner M. (ed.) *A Companion to Catullus*. Malden, MA 2007.
- Slater N. "The Vase as Ventriloquist: *Kalos*-Inscriptions and the Culture of Fame." In: Mackay, A.E (ed.) *Signs of Orality*. Leiden 1999, 143–161.
- Stehle E. *Performance and Gender in Ancient Greece: Nondramatic Poetry in its Setting*. Princeton 1997.
- Stevens B.E. *Silence in Catullus*. Madison, WI 2013.
- Stroup S.C. *Cicero, Catullus, and a Society of Patrons: The Generation of the Text*. Cambridge 2010.
- Thorsen Th. *The Cambridge Companion to Latin Love Elegy*. Cambridge 2013.
- Tueller M.A. *Look Who's Talking: Innovations in Voice and Identity in Hellenistic Epigram*. Leuven 2008.
- Whitehorne J. "Women's Work in Theocritus, *Idyll* 15." *Hermes* 123 (1995), 63–75.

- Wimmel W. *Kallimachos in Rom: Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augusteerzeit*. Wiesbaden 1960.
- Woodman A. – Du Quesnay, I. (eds.) *The Cambridge Companion to Catullus*. Cambridge 2021.
- Wray D. *Catullus and the Poetics of Roman Manhood*. Cambridge 2001.
- Yona S. *Epicurean Ethics in Horace: The Psychology of Satire*. Oxford 2018.
- Zeiner N. *Nothing Ordinary Here: Statius as Creator of Distinction in the Silvae*. New York 2005.
- Zwollo L. *St. Augustine and Plotinus: The Human Mind as Image of the Divine*. Leiden 2018

Новое греческое имя египетского бога в римском Мемфисе

Е. Ю. Чепель

Новое имя одного древнего бога я обнаружила недавно в папирусе из архива «мемфисского чиновника» (Trismegistos Archive 403, датируется ок. 222–238 гг. н.э.). Этот архив, а точнее группа папирусных фрагментов были найдены египетскими крестьянами где-то недалеко от некрополя Саккары в 1853 г. и через О. Мариетта, Г.К. Бругша и К. фон Тишендорфа попали в европейские библиотеки: Берлина, Лейпцига и Петербурга.¹ Петербургская часть архива вдохновила В.К. Ернштедта на изучение греческой палеографии в папирусах, который обратил на них и внимание Г.Ф. Церетели. Сам Ернштедт подготовил издание папируса номер 13 (список книг), а затем Церетели и П.В. Ернштедт вместе издали еще четыре из пятнадцати петербургских фрагментов в корпусе *Papyri russischer und georgischer Sammlungen* в 1925–1935 гг. Берлинской и лейпцигской части повезло меньше – фрагменты этих коллекций были опубликованы вскоре после находки в XIX в., когда папирологии как дисциплины еще не существовало и издатели не умели хорошо разбирать почерки. Берлинским папирусам к тому же не повезло вдвойне: про них в первой половине XX в. забыли, а когда вспомнили, то решили, что они должны быть в Новом музее вместе с основной Берлинской папирусной коллекцией. После Второй мировой войны хранители их там не нашли и объявили утерянными. Однако в 1850-е гг еще не было ни коллекции, ни музея, поэтому папирусы не могли влиться в нее и поступили в Берлинскую королевскую библиотеку, ныне Staatsbibliothek zu Berlin, где и хранились все это время. Мысль проверить эту библиотеку пришла мне в голову, так как в пятом томе, вышедшем в 1935 г., Церетели пишет об их нахождении именно там. Догадка оказалась верной, а «потерянная» часть архива теперь снова доступна для исследования. Благодаря работе с хорошими фотографиями и оригиналами стало возможно заново прочитать многие тексты. Среди них и папирус P.Berl.Bibl.6, который был едва ли прочитан первым издателем Г. Партеем.² Партей смог дешифровать в основном лишь отдельные слова, и то не всегда верно. У. Вилькен работал с оригиналом ок. 1915 г., но расшифровал только первые шесть строк из пятнадцати.³ Сложно сказать, чем это можно объяснить – недостаточным интересом ко второй части, спешкой или тем, что сложный почерк не поддавался прочтению. Однако именно в непрочитанной части содержится, как я считаю, ранее не известное греческое имя египетского бога Нефертема – Миризм. Это маленькое открытие я посвящаю Севе в знак моего неизменного восхищения его филологическим гением.

Привожу новый текст папируса (илл. 1–2) и перевод.⁴

¹ Подробнее см. в моей статье ‘Два фрагмента судебного протокола из Мемфиса III в. н. э. P. Berl. Bibl. 29r и P. Petersb. 11r’, *Вестник древней истории* 80/4 (2020), 1080–1090.

² G. Parthey, ‘Frammenti di papiri greci asservati nella Reale Biblioteca di Berlino’, *Memorie dell’Istituto di Correspondenza Archeologica* 2 (1865), 438–462.

³ См. SB I 423, <https://papyri.info/ddbdp/sb;1;423>.

⁴ Полное издание будет опубликовано мной в *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*.

Илл. 1 Р. Berl. Bibl. 6 Ректо. Изображение Staatsbibliothek zu Berlin.

Илл. 2 Р. Berl. Bibl. 6 Версо. Изображение Staatsbibliothek zu Berlin.

<https://papyri.info/ddbdp/sb;1;423>

Μάρκο[ς Αὐ]ρήλιος Σαραπίων Μικκάλο(υ) καὶ ὥς
 χρημα[τί]ζω Μάρκῳ Αὐρηλίῳ Ὠρείωνι
 οὐ[ετρα]ν[ῶ] τῶν ἐντείμως ἀπολυθέντων
 χαίρ[ει]ν. ὁμολογῶ παρειληφέναι παρὰ σοῦ
 5 πλοῦ[όν] σου ποτάμιον ἀμμοκοπρηγόν, ᾧ παρά-
 σην[ον] Μυρισμός σὺν ἰστῶ καὶ κέρατι καὶ ψιαθα-
 μένῳ [.] . [.] . [.] . . καὶ κοντοῖς σιδηροχήλοις
 τέτρασι [ca. 7] καὶ ἄλλοις δ[ύ]σι καὶ σὺν σχοινίῳ
 10 ἀμ[.] . [ca. 7] καὶ ἀγκυρίοις, σὺν ποδώματι,
 [ὥστε ποιήσας]θαι μὲ ἐν αὐτῷ τὴν ἀμμοκο-
 πρηγ[ικ]ήν ἐ[ρ]γασίαν, σὺν τοῖς αὐταρκοῦσι
 γαύτ[αις, ἐπὶ μή]νας δώδεκα ἀπὸ δεκάτης τοῦ
 ἐνε[στῶτος μ]ηνός. παντὸς δὲ τοῦ περιγεινο-
 μένῳ [υ κοπρίο]υ τὸ αἰροῦν μέρος τρίτον τελέ-
 15 σω σοὶ [ἀμέμπτω]ς καὶ ἀν[ε]γκλήτως. τελέσω δὲ

16 *traces*

— — —

Verso:

→

παράλ(ημψις) Μυρισμ[οῦ]

1 Μάρκος Αὐρήλιος Wilcken 2 χρημα[τί]ζει Wilcken 1. Ὠρίωνι 3 οὐετρα[νῶ] Wilcken
 1. ἐντίμως 4 χαίρειν Wilcken 6 ψιαθαι Wilcken 9 1. ἀγκυρίοις 7–16 om. Wilcken 13–
 14 1. περιγίνο|μένου

Марк Аврелий Сарапион, сын Миккала, и как бы я не прозывался, Марку Аврелию Гориону, ветерану, отпущенному с почестями, приветствие. Я подтверждаю, что получил от тебя твой нильский корабль для сбора илистого удобрения, его эмблема – Миризм, с мачтой и реем и парусами из плетенок... с четырьмя шестами с железными наконечниками ... и двумя дру- гими, с веревкой ... и с якорными канатами, с пайолом, чтобы мне выполнять на нем сбор удобрения, с достаточным числом матросов, на срок двенадцать месяцев, начиная с десятого числа настоящего месяца. И из всего произведенного илистого удобрения я заплачу тебе долю в одну треть, без упрека и притязания. И заплачу...

Версо:

Получение Мирисма.

Итак, перед нами документ-расписка о получении арендованного корабля, на котором, по всей видимости, собирали плодородный ил в нильских заводах, чтобы затем отправить его

для удобрения виноградников и садов.⁵ Корабль имеет название «Миризм». Сомнений в прочтении у меня нет, поскольку слово повторено дважды, второй раз на обороте в «заголовке» документа (см. илл. 2 и 3). В греко-римское время в Египте корабли получали название по имени какого-либо божества.⁶ Будучи названным по имени бога или богини, корабль таким образом оказывался посвящен ему или ей и, следовательно, пользовался его или ее божественной защитой. Слово *παράσημον* обозначало одновременно и название корабля, и статую божества-покровителя, установленную на видном месте корабля.⁷ Таким образом, надпись с названием на борте, как это принято в наше время, была излишней, ведь корабль могли узнавать визуально по статуе. В одном папирусе из Панополя 300 г. н.э. установка таких эмблем-статуй упоминается как известный обычай, причем выбор божества соответствует культу в каждом городе: καὶ κ[ἄν] [γε β]ουλόμενον ἢ τοῖς ναυκλήροις ἐν ταῖς πρῶταις τῶ[ν πλοίων] ὡς ἔθος ἐστὶν τῶν ἐν ἐκάστη πόλει θεῶν τὰ παράσημα ἐνχαραχθῆτω τοῖς πλοίοις... (P.Panop.Beatty 2.208).

Илл. 3 Увеличенные с помощью микроскопа Dinolite с инфракрасным светом буквы *μυρίσμι* на ректо папируса.

Божество с именем *Μυρίσμιος*, однако, неизвестно. В папирусах и надписях встречается мужское имя Миризм (*Trismegistos Nam 10675*), а также существительное *μυρίσμιος* в значении «бальзам, благовоние» (SB VIII 9645.6; I/II вв. н.э., Тебтунис). В папирусном календаре праздников из Сокнопайу Несос BGU XX 2875 (75–125 гг. н. э.) это слово употребляется в контексте религиозных ритуалов, так что не до конца понятно, имеется ли в виду праздник или церемония помазания благовониями или, возможно, имя божества. Еще одно упоминание этого имени встречается в названии римской каменоломни в Аравийской пустыне – *λατομία Μυρίσμιου*. Каждая каменоломня имела название по имени божества, абстрактного понятия или в честь какого-либо человека в родительном падеже. Э. Кювиньи и Ж. Бинжен отнесли название каменоломни Мирисма к последней категории антропоморфных топонимов.⁸ Однако, возможно, в действительности в названии каменоломни было использовано имя

⁵ Виноградники располагали на участках земли, до которых не достигал разлив Нила, намеренно, чтобы не повредить неуправляемым потоком воды нежные лозы. По этой причине они нуждались в искусственном удобрении, так как без нильской воды оказывались лишены обогащённого минералами ила.

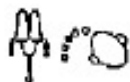
⁶ Египетский обычай, судя по всему, отличается от обычая именованья в классической Греции, где корабли могли получить также в качестве названия абстрактное понятие или олицетворение праздника итп. См. J. Shear, 'Fragments of Naval Inventories from the Athenian Agora', *Hesperia* 64.2 (1995), 179–224.

⁷ L. Casson, *Ships and Seamanship in the Ancient World* (Princeton, New Jersey, 1997), 344–360.

⁸ H. Cuvigny, 'A Survey of Place-Names in the Egyptian Eastern Desert during the Principate according to the Ostraca and the Inscriptions', в кн. J.-P. Brun et al. (Eds.), *The Eastern Desert of Egypt during the Greco-Roman Period: Archaeological Reports* (Paris, 2018), 75.

божества, тем более что сама Кювиньи замечает сходство между именованием каменоломен и кораблей в римском Египте.⁹

Поиск среди известных богов кого-то подходящего к имени Мирисм, я достаточно быстро пришла к гипотезе, что таким богом мог быть Нефертем, бог аромата водяной лилии или кувшинки (*Nymphaea caerulea* Sav., часто неверно называемой лотосом), и вообще запахов и благовоний. В одной поздней иероглифической надписи в храме в Дендере греко-римского времени имя Нефертема написано двумя знаками: его символ-фетиш и знак-детерминатив благовония (илл. 4).¹⁰

Илл.4

Таким образом, имя (или эпитет) Мирисм могло быть своеобразной *interpretatio graeca* Нефертема по его функции. Кроме того, Нефертем почитался в Мемфисе как сын главных мемфисских богов Птаха и Сехмет, а берлинский папирус вместе со всем архивом происходит именно из этого города. В Мемфисе было распространено теофорное мужское имя Πετενεφθιμις – принадлежащий Νεφθιμις, то есть Нефертему в эллинизированном варианте его имени. Само имя Νεφθιμις в «чистом» виде носил один из мемфисских жрецов, как следует из другого папируса того же архива.¹¹ Наконец, прослеживается связь – отчасти, ироническая? или эвфемистическая? – между божеством ароматов и кораблем, перевозившем вонючий ил для удобрения. Нефертем-Мирисм был бы идеальным магическим защитником такого корабля. Другим объяснением может служить то, что корабль предназначался для работы в болотистых частях реки, где наверняка встречались кувшинки-лотосы – символическая ипостась бога Нефертема.

⁹ *Op. cit.* 97.

¹⁰ S. Cauville, *Le temple de Dendara X. Les chapelles osiriennes* (Le Caire, 1997), 343.13.

¹¹ P.Berl.Bibl.5. См. E. Chepel, 'Bemerkungen zu Papyri XXXII. Korr.Tyche 886.–894.', *Tyche* 34 (2019), 238.

Письмо Луция (P.Mich.inv. 5594)¹

Е. Л. Ермолаева

Папирус хранится в Мичиганском университете (Ann Arbor), который приобрел его в 1931 г. у Британского музея, в свою очередь, получившего папирус 17 июля 1930 г. от известного каирского антиквара Мориса Нахмана (Maurice Nahman).² Размер папируса: 16 x 14 см; recto: 13 строк; verso: 2 строки. Место происхождения папируса неизвестно; его датируют четвертым веком AD.³

Начало документа не сохранилось, однако формула в конце текста свидетельствует о том, что перед нами письмо, а *Nomina Sacra*, часто повторяющиеся в нем, о том, что автор и адресат – христиане. Писавший «не пожалел бумаги», оставив широкие поля слева, справа и внизу. Можно предположить, что боковые поля были загнуты внутрь, когда письмо складывали несколько раз. Справа по обеим сторонам оси сгиба видны симметричные следы повреждений. Вертикальный разрыв в левой части папируса возник в результате того, что волокна папируса разошлись, причем в некоторых местах край папируса вдоль образовавшегося зияния загнулся, скрыв несколько драгоценных букв.

Папирус не опубликован. Предлагаю транскрипции (сначала диагностическую) текста, перевод и комментарий.⁴

Recto

1 υ...[
2 τουα..[
3 εν διοσπολει ινα ουν μαρτυρηση ημιν τα της
4 εν θυ⁵ σου αγαπης προσαγορευε εν κω⁶
5 την ποθ[...]οτατην ημων θυγ[α]τεραν
6 μεικραν[....]τα και ολων των εν τω
7 οικω ημω[...]ν αγαπητων και [...]εμε
8 λημενων[..]κ(υρι)ος αποδωσει κατα τους
9 κοπους α[...]θαυμαζω δ[...]πολλα
10 κiz σοι γραφ[.....]ιου κατηξιωσες γρα[.]ειν μοι
11 ασπαση κατ[...]ματα
12 οι[...]μην σου εν κω⁷
13 και ερωσω μοι εν κω⁸

Verso

1 πλουτιωνι πρεσβυτε και ομολογητη
2 λουκιος

Recto

1 υ...[
2 τοϋ α..[

¹ <https://quod.lib.umich.edu/a/apis/x-14401/5594ar.tif> (дата обращения 1.09.2022).

² Abdulfattah 2020, 105–123.

³ <https://quod.lib.umich.edu/a/apis/x-14401/5594ar.tif> (дата обращения 1.09.2022). Действительно, курсив некоторых букв, например, «ню» (у автора есть разные её варианты) соответствуют особенностям письма четвертого века н.э. (Nagbauer 2010, 162), однако редкая буква «кси» больше похожа на графику второго века (Nagbauer 2010, 164), а «каппа» и «ипислон» – пятого (Nagbauer 2010, 158, 169).

⁴ Благодарю Елену Юрьевну Чепель, которая предложила мне сделать транскрипцию этого папируса на своем семинаре по папирологии весной 2021 и курировала мою работу.

⁵ Над сокращением θυ стоит титло.

⁶ Над сокращением κω стоит титло.

⁷ Над сокращением κω стоит титло.

⁸ Над сокращением κω стоит титло.

3 ἐν Διοσπόλει ἵνα οὖν μαρτυρήσῃ ἡμῖν τὰ τῆς
 4 ἐν θ(εο)ῦ σου ἀγάπης. Προσαγόρευε ἐν κ(υρί)ῳ
 5 τὴν ποθ[εῖν]οτάτην ἡμῶν θυγ[α]τέραν
 6 μικρὰν...τα καὶ ὅλων τῶν ἐν τῷ
 7 οἴκῳ ἡμῶ[ν τῶ]ν ἀγαπητῶν καὶ [ἐπιμ]εμε-
 8 λημένων [...] Κ(ύρι)ος ἀποδώσει κατ[ὰ τ]οῦς
 9 κόπους α[ὐτῶν]. Θαυμάζω δ[έ πως] πολλὰ-
 10 κίς σοι γράφ[ω καὶ ὅ]τι οὐ κατηξιώσῃς γρά[φ]ειν μοι.
 11 Ἀσπάζη κατ' [ὀνό]ματα
 12 οἱ[κοδο]μήν σοι ἐν κ(υρί)ῳ
 13 καὶ ἔρρωσό μοι ἐν κ(υρί)ῳ.

Verso

1 Πλουτίωνι πρεσβυτέρῳ) καὶ ὁμολογητῇ
 2 Δούκιος

...в Диосполе, чтобы ты свидетельствовал нам о делах твоего милосердия в Боге. поприветствуй в Господе нашу горячо любимую маленькую дочку... и всех в нашем доме дорогих и заботящихся (?)... Господь воздаст по трудам их.

Только я как-то недоумеваю, <что> я часто пишу тебе, а что ты не удосужился написать мне (не удостоил меня письмом).

Обними <всех и каждого> по отдельности в доме у тебя во Господе и будь здоров у меня во Господе.

*Плутιону, священнику (?) и покровителю,
 Луций*

Комментарий

Recto

3 Название города Диосполис хорошо засвидетельствовано на папирусах, однако мы не знаем, идет ли здесь речь о Diospolis Magna (Фивы), Parva или Inferior.

О союзе ἵνα с конъюнктивом в частных письмах на папирусах см. G. di Bartalo 2021, 67–78; для сочетания ἵνα/εἵνα с частицей οὖν в эпистолографии на папирусах поиск по TLG дает многочисленные примеры (PLeedsMus 28, r, 5; 2–3 CE etc.).

4 ἐν θ(εο)ῦ – возможно, автор письма ошибся в падеже, написав υ вместо ω (φ).

5 θυγ[α]τέραν – колебания между третьим и первым склонением в форме асс. sg. хорошо засвидетельствованы в койне, параллелью для θυγατέρα будет, например, θηκατέρα на папирусе PFouad 82.12, 4-5 CE (Gignac 1976, 263).

6–8 μεικράν – вместо μικράν; взаимная замена ει–ι характерна для итацизма.

καὶ ὅλων τῶν ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶ[ν τῶ]ν ἀγαπητῶν καὶ [ἐπιμ]εμελημένων[...] – если бы не отчетливо читающееся καί, можно было бы попытаться понять генитив как партитивный от ποθ[εῖν]οτάτην. Остается лишь предположить, что автор ошибся и под влиянием ἡμῶν в ст. 5 с аккузатива перешел на генитив. О ком здесь идет речь: о дорогих и заботливых домочадцах или о домочадцах и слугах ([ἐπιμ]εμελημένων), о членах христианской общины, выполняющих определенные обязанности? Параллелей для [ἐπιμ]εμελημένων по отношению не к предметам, а к лицам, на папирусах не обнаружилось.

9–10 κόπος (κόπτω) – «неприятности» (почти «удары судьбы») и «тяжелый труд»: ... κόπους γάρ μο[ι] παρέχει ἀσθενοῦντι (BGU 3 844. 10–11, 83 CE); κόπους ἔξει καὶ ἀναλώσει πολλά (P.Bas 2 4. 13, 201–300 CE); καλῶς ποιῆς μνησκόμενός μου, ἵνα μὴ κόπους παρέχομεν τῷ στρατηγῷ (P.Giss.Univ. 3 27.13–14, 251–300 CE) и др.

θαυμάζω δ[έ πως] – в эпистолярных папирусах постоянно звучат жалобы на необязательность и в особенности на то, что кто-то не отвечает на письма. Речевое клише, которое употребляли

в таких случаях для вежливого упрека, могло звучать так: θαυμάζω ((δέ) πώς) ... ὅτι οὐ ... μοι...

Приведу подборку из многочисленных примеров, которые позволили предложить восстановление лакун в стт. 9–10 нашего письма:

θαυμάζω [οὖν] πῶς οὐκ ἔγραψάς μοι ἐπιστολὴν (BGU.1041, 12);

θαυμά[ζ]ω πῶς οὐκ ἔγραψάς μοι μίαν ἐπιστολὴν (P.Kell.65, r, 3);

θαυμάζω πῶς οὐδεμίαν ἐπιστολὴν μοι ἔγραψας. ἐγὼ δὲ πολλάκις σοι ἔγραψα (P.Oxy.3997, r, 4);

θαυ[μάζ]ω δὲ πῶς οὐκ ἐπέμψατε τὴν λοιπάδα τῶν διφθερῶν μέχρι νῦν (P.Apoll.29, r, 7);

θαυμάζω δὲ πῶς οὐδεὶς μοι ἤνεγκε γράμματά σου... (P.Corn. 52, r, 5);

θαυμάζω, ὅτι τέως οὐκ ἐγράψατε [πρ]ὸς ἐμὲ περὶ τῆς ὑμῶ[ν] ὀλοκληρίας ὑμῶ[ν] (P.Iand.100,15).

κατηξίωσες γρά[φ]ειν μοι – основанием для такого прочтения послужили следующие тексты на эпистолярных папирусах: καθὰ γράψαι μοι κατηξίωσεν ἡ ὑμετέρα μεγαλοπρέπεια περὶ τοῦ ὀλίγου ὀπίου (P.Oxy.49, r, 1); ἐγ[ὼ μὲν] ἐχόμενος τῆς εἰς σὲ αἰεὶ στοργῆς πολλάκις σοι ἐπέστειλα, σὺ δὲ οὐδ' ἅπαξ' κατηξίωσάς με γραμμάτων (P.Oxy, 1766, r, 5); χάριν καὶ νῦν ἔσχον, ὅτι κατηξίωσας ἡμῖν γράψαι (P.Neph.8, r, 3).

11 ἀσπάζομαι/ἐται/ονται/ου/σαι κατ' ὄνομα многочисленны (Exler 1976, 111, 115).

12 οἱ[κοδο]μήν σοι ἐν κ(υρί)ῳ – возможно, в письме снова ошибка в падеже, если восстановление οἱ[κοδο]μήν верно; сомнения в этой рабочей гипотезе остаются, поскольку она не подтверждается параллелями на папирусах.

Другой возможный, хотя и менее вероятный, вариант заполнения лакуны: οἱ[ή]μήν σοι ἐν κ(υρί)ῳ – «я думал о тебе во Господе»; форма οἰήμην засвидетельствована: ... οἰήμην ἀπὸ σοῦ τοῦ π[ρ]εσβυ[τ]έρο[υ] λαβὼν γράμματα... (P.Got, 12, 7, 276–325 CE). Однако в целом для такого выражения не находятся параллели.

13 ἔρρωσό μοι ἐν κ(υρί)ῳ – среди разных вариантов формул для конца письма есть и ἔρρωσο μοι κτλ. (Exler 1976, 75).

Verso

1 πρεσβύτε – сокращенное написание для πρεσβυτέρῳ. Можно предположить, что автор письма называет так старшего по возрасту и/или статусу, учитывая то, что это христианское письмо, возможно, священника или старшего в христианской общине.

ὁμολογητής – переводя это слово как «покровитель», ориентируюсь на значение «sponsor», которое дает LSJ (без примеров), однако найти параллели мне пока не удалось; в Кембриджском словаре 2021 г. (The Cambridge Greek Lexicon) это слово отсутствует.

2 Имена Πλουτίων и Λούκιος хорошо засвидетельствованы на папирусах.

Nomina Sacra с титулами часто повторяются в этом христианском письме с утраченным началом: 4 θ(εο)ῦ ἐν κ(υρί)ῳ; 7 κ(ύρι)ος; 12, 13 ἐν κ(υρί)ῳ. Луций просит, чтобы Плутин свидетелествовал о чем-то, связанном с ἀγάπη (τὰ τῆς ἐν θ(εο)ῦ σου ἀγάπης), возможно, о делах милосердия или о совместной христианской трапезе. Вопрос, о чем именно он должен свидетельствовать и кому («нам»), остается открытым.

Луций скучает по маленькой дочке, которая, видимо, живет в семье или христианской общине Плутинона, и о которой Луций беспокоится, поскольку Плутинон не отвечает на его письма. Из адреса письма, где Плутинон обозначен как πρεσβύτερος καὶ ὁμολογητής, ясно лишь, что эти семьи связаны не родственными, а какими-то иными связями, и что Луций, возможно, находится в какой-то зависимости от Плутинона.

Как это часто бывает, обрывок письма показывает в подробностях момент чужой жизни, оставляя увидевшему домысливать контекст и целое.⁹

⁹ Читая письма на папирусах, всегда вспоминаю спектакль Театральной студии гимназии «Чужие письма: сорок греческих папирусов» – 29 и 30 апреля 2011 г. <https://610.ru/rest/theatre/plays/letters.html> (режиссер Е. В. Вензель) по переводам гимназистов, частично опубликованным Всеволодом Владимировичем в журнале «Абарис» 7,

Литература

- Abdulfattah I. R. A Forgotten Man Maurice Nahman, an Antiquarian-Tastemaker. *Guardian of Ancient Egypt. Studies in Honor of Zani Hawass*. Ed. Janice Kamrin, et al. Prague, 2020, 105–123.
- Di Bartalo G. *Studien zur griechischen Syntax dokumentarischer Papyri der römischen Zeit*. PAPYROLOGICA COLONIENSIA. Vol. XLIV. Leiden, 2021.
- Exler F. X. J. *The Form of the Ancient Greek Letter of the Epistolary Papyri (3rd BC – 3rd AD)*. Chicago, 1976.
- Gingac F. *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods: Phonology*. Milano, 1976.
- Harrauer H. *Handbuch der griechischen Paläographie. Textband*. Stuttgart, 2010.
- James Diggle, et al. (eds). *The Cambridge Greek Lexicon*. Ed. James Diggle, et al. Cambridge; New York, 2021.
- Зельченко В. В., Бударагина О. В., Синельников В. С. (ред.). Чужие письма. Переводы с древнегреческого Г. Воробьева, А. Хесиной, А. Михайловой, А. Иванюшина, А. Ветушко, А. Горбовой. *Абарис* 7, 2006, 12–15.

2006, 12–15. В. В. принадлежала удивительная идея поставить спектакль по письмам, написанным почти две тысячи лет назад.

P.Mich. inv. 5594 *recto*

P.Mich. inv. 5594 *verso*

<https://quod.lib.umich.edu/a/apis/x-14401/5594ar.tif>

Необычные значения греческих слов на восточной периферии византийского мира: *παραθήκη*, *κατοίκησις*, *συνοδία*

А. Ю. Виноградов

Для многих периферийных регионов византийской ойкумены греческий был единственным письменным языком ввиду отсутствия письменности на местных языках. Так дело обстояло среди прочего с Лазикой (древней Колхидой), царством, занимавшим территорию современной Западной Грузии. Все местные надписи, созданные до X в., выполнены на греческом языке. До недавнего времени были известны только два эпиграфических памятника ранневизантийской Лазики: фрагментированная надпись из церкви в Вашнари и инвокативная надпись некоего Гула на плите алтарной преграды из базилики в Сепиети (Kauchtschischwili 2009, 79).

Однако недавно, в 2018–2021 гг., грузинские археологи раскопали руины базилики на холме Мачхомери близ Хоби и обнаружили 8 целиком или частично сохранившихся греческих надписей (Chitaia, Papuashvili, Vinogradov 2020). Они относятся, судя по палеографии, как к периоду постройки базилики в первой половине – середине VI в., так и к периоду ее перестройки, вероятно, в купольный храм с мавзолеем и мартирием, в середине – второй половине VI в. Данные надписи представляют собой уникальный источник по ранней истории христианства в Лазике, однако здесь мы коснемся только необычных значений трех греческих слов, которые встречаются в них.

Παραθήκη

Инвокативная надпись № 1 имеет одновременно характер строительной, упоминая ее дедиканта Горгония как создателя «мартирия»:

+ Κ(ύρι)ε, ἐλέησον
τὸν δοῦλόν σου
Γοργόνιν τὸν
οἰκοδομήσαν-
5 τα τὸ ἅγιον μάρ-
τύριον. Καὶ οἱ ἅγιοι
μάρτυρες, βο-
ηθῆτε αὐτόν.
[Κ]αὶ μετὰ τὸ ἀπ-
10 [ο]θανῆν αὐτὸν
ἔχετε ἐν παρα-
θέκῃ τὴν ψυ-
χὴν αὐτοῦ, οἱ ἅ-
γιοι μάρτυρες.
15 + Οἱ ἅγιοι μάρ-
τυρες, βοηθῆτε τ-
ο γράψατι τοῦ-
το. +

Редкое имя Горгоний носил один из Сорока мучеников Севастийских, которые весьма почитались на византийском Востоке и которым, очевидно, и был посвящен мартирий в Мачхомери. Между стандартным призывами к святым мученикам помочь строителю и резчику находится необычное обращение к ним же: «И после того, как он умрет, имейте душу его в *παραθέκη* (т.е. *παραθήκη*), святые мученики». С одной стороны, слово *παραθήκη* может означать гроб (Testamentum XII patriarcharum 12, 12, 2), однако сомнительная идея хранения

человеческой души (не тела!) в гробе. С другой стороны, при стандартном значении *παραθήκη* как «залог» (LSJ, s.v.) неясно, что это за залог, в котором мученики должны иметь¹ душу покойного: словом *παραθήκη* обозначалась, наоборот, сама душа, как вверенная человеку Богом (Lampe 1961, 1016). Поэтому единственное возможное толкование выражения *ἔχετε ἐν παραθήκῃ*, которое приходит в голову, – это «имейте залогом, храните как залог», т.е. мученики должны хранить душу Горгония, которую он вверил им как залог собственного спасения.

Κατοίκησις

Фрагментированная надпись № 3, относящаяся, вероятно, к периоду перестройки храма и содержащая список его благотворителей вместе с их синодиями (см. ниже), заканчивается следующим пассажем:

[παρὰ — — μετὰ τῆς συνοδίας] καὶ παρὰ τῶν
[ἁγίων (?) τεσ]σεράκον[τα] μετὰ τῆς συνοδίας
[καὶ παρὰ — — μετὰ τῆς συνοδίας καὶ παρὰ [...]
[— — — μετὰ τῆς συνοδίας καὶ παρὰ τοῦ εὐσ[ε-]
5 [β— — — μετὰ τῆς συνοδίας — — —] ΡΟΥ
[— — —]
[— — —] κατοίκησιν
[— — —] τοῦ Χριστοῦ εὐλο-
[γ— — — οἱ ἔδει]ξαν (?) ἡμῖν τοὺς
10 [ἁγίους e.g. — — — ἦ]δε (resp. ὧδε) κατοίκησις.

Конечно, плохая сохранность текста не позволяет с точностью восстановить его смысл, однако двукратное появление уникального для христианской эпиграфики слова *κατοίκησις* в конце списка благотворителей храма вызывает вопросы. Стандартные значения этого термина «поселение, место обитания» здесь по контексту не подходят ни как акт, ни как локус, равно как и ранневизантийское значение «управление» (ср. *οἴκησις*, *διοίκησις*) (Lampe 1961, 734). Впрочем, упоминание *κατοίκησις* на коротком отрезке текста в качестве и объекта, и субъекта указывает на то, что речь здесь, скорее всего, идет о некоем материальном предмете. Наилучшим претендентом на это кажется погребение, которое могло в переносном смысле пониматься как новое место обитания для тела. Однако непонятно, почему для обычной могилы, пусть и уважаемого лица, нужно было использовать столь нестандартный термин. Но это было бы понятно, если речь шла о раке для мощей (вероятно, одного из Сорока мучеников), которая появилась в Мачхомери в связи с перестройкой базилики, вместе с мартирием в восточном торце южного нефа, тем более что тело святого воспринималось в христианской культуре как живой и действующий субъект. На это указывает и уточнение *ἦδε* («эта вот») или *ὧδε* («здесь») при *κατοίκησις*. Тогда становится понятно и помещение данного пассажа в конце списка благотворителей храма, так как инициатором принесения мощей могли быть упомянутые здесь лица.

Συνοδία

Вышеупомянутый список благотворителей из надписи № 3 продолжается в надписи № 5, которая была выполнена тем же резчиком, хотя, судя по маньеризации палеографии, и через некоторое время и которая представляет себя как продолжение предыдущей, начинаясь с *καί*:

+
Καὶ παρὰ τοῦ ἁγιωτά[τ]ου ἐπισκ[όπου Σ]ατάλων Ἀνυσίου
μετὰ τῆς συνοδίας κ[αί] παρὰ ..]νήρου μετὰ

¹ Для выражения *ἔχειν ἐν παραθήκῃ* ср.: Basilica 14, 1, 34.

[τῆς συνωδίας καὶ [παρ]ὰ τοῦ α[.....]ουτου
 [— — — μετὰ τῆς συνωδίας καὶ [παρὰ ...]
 5 [μετὰ τῆς συνωδίας — — —].

Все благотворители из обоих списков, причем как лица (епископ Саталы), так и институции (церковь свв. Сорока мучеников), сопровождаются редким упоминанием некоей συνωδία. Этот термин по своему происхождению обозначает группу спутников, а затем приобрел техническое значение «караван» (LSJ, s.v.). В христианском словоупотреблении первоначальное значение слова сохраняется, в т.ч. в эпиграфике (SEG 32, 1302), и было бы заманчиво видеть в Мачхомери за такой συνωδία группу паломников, шедших сюда к мощам святых мучеников. Однако этому противоречит наличие синодии у самого храма свв. Сорока мучеников.

Поэтому следует обратиться к новым, византийским значениям этого слова: «дружина мучеников», «собрание верующих, в т.ч. богослужбное» и «монашеская община» (Lampe 1961, 1334), которые встречаются и в надписях (SEG 37, 1498). Но в нашем случае такая συνωδία имеется не только у храма, но и у епископа и других лиц без указания церковного статуса, т.е. мирян, что трудно связать исключительно с монахами и даже клириками. Не может означать она и семью или родню (Lampe 1961, 1720, s.v., III), так как те обозначаются терминами οἶκος в надписи № 2 из Мачхомери или πάντες οἱ διαφέροντες в надписи из Сепиети. Впрочем, параллель такой συνωδία мы можем найти в двух ранневизантийских надписях из села Эстила близ Селевкии Сидиры в Писидии, где упоминается организованная (с двумя предстоятелями) синодия вокруг храма св. Георгия, состоящая из мирян (Rott 1908, 351, 354, Nr. 12, 18). Поэтому συνωδία в надписях Мачхомери – также, скорее всего, некое объединение мирян вокруг храма, епископа или других влиятельных лиц: это не исключает его действия в качестве группы паломников, что объяснило бы происхождение такого термина.

Итак, в надписях из Мачхомери в Лазике мы обнаруживаем нестандартные значения трех греческих слов и выражений: ἔχειν ἐν παραθήκῃ «иметь залогом, хранить как залог», κατοίκησις «место положения мощей», συνωδία «объединение мирян вокруг институции или влиятельного лица, возможно, функционирующее также как группа паломников». Остается гадать, были ли они плодом трансформации на местной почве или принесены в Лазик из Малой Азии или Сирии (например, резчиками надписей). Однако сам факт использования нестандартных значений слов и оборотов в надписях Мачхомери, равно как и уникальных эпиграфических формул, показывает значение таких «периферийных» памятников для истории греческого языка.

Список литературы

- Chitaia G., Papuashvili R., Vinogradov A. A new complex of Greek inscriptions from Machkhomeri fortress in Lazica. *ZPE* 2020, 214, 169–178.
 Kauchtschischwili T. *Korpus der griechischen Inschriften in Georgien*, 3rd ed, ed. by L. Gordeziani. Tbilisi, 2009.
 G. W. H. Lampe, *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1961.
 H. Rott, *Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien*. Leipzig, 1908.

Епископ Педер Йенсен и родословие лундских эпитафических каталогов

А. А. Ветушко-Калевич

Работа с утраченными или повреждёнными текстами новолатинских надписей, разумеется, во многом сходна с критикой рукописного текста на древних языках. Дело не только в том, что старые и новейшие источники нередко напоминают «учёных» и «неучёных» переписчиков соответственно: первые легко меняют при цитировании порядок слов или заменяют слово на синоним, а вторые, превращая текст в целом в бессмысленный набор букв, могут, однако, за счёт механической аккуратности быть полезны в уточнении деталей. Дело ещё и в том, что автор каталога надписей не всегда пишет его «с нуля» и абсолютно самостоятельно. Соотношение аутопсии и опоры на более раннюю традицию может быть разным, что доставляет немало трудностей и вынуждает не только делить источники на надёжные и ненадёжные, но прямо-таки рисовать их стемму.

Из более чем сотни надгробий с латинскими надписями, в разное время засвидетельствованных в лундском кафедральном соборе, до наших дней сохранилось около половины. В большинстве случаев судьбу исчезнувших, разумеется, проследить не удаётся, но есть и исключения. Одно из них – металлическая пластина на могиле средневекового епископа Педера Йенсена Гálена, о которой собиратель древностей Густав Соммелиус сообщает:

Tria sunt ex orichalco candelabra. [...] Minus istud sub pavimento pulpiti majoris pendulum ante aliquod (sic) annos in eorum confectum est gratiam, quibus juxta illud sedilia in australi ambulacro contingant. Conficiendo vero huic candelabro impendebatur lamina Marmoris Archiepiscopi Petri II:di affixa, nam literae ei insculptae vetustate et calcantium pedibus ita erant detritae, ut legi nulla ratione potuerint.¹

Здесь же в примечании Соммелиус цитирует письмо, полученное им от пастора Петруса Соннберга:

Till den lilla LjusCronan, som hänger under stora Läckturen och giordes År 1733 togos en hop Mässings plåtar, som ... woro tagne af Arche Biskop Petri af det namnet den 2dres graf, på hwilken de med beck hade warit häftade.²

О переплавке пластин в люстру «между 1730 и 1734» сообщает и Юхан Корюландер, современник Соннберга и Соммелиуса, живший в Лунде с 1721 года и оставивший одно из первых подробных описаний интерьеров кафедрального собора. Корюландер, в отличие от Соммелиуса, не скрывает возмущения, называя уничтожение пластины «великим вредом для нашей истории, которая через такое злодеяние потерпела и терпит прискорбный и невосполнимый ущерб».³

Прямо перед этим Корюландер цитирует надпись на пластине, ссылаясь на свидетельства Мугенса Мадсена, Арильда Витфельдта и Улофа Стисена (что, как мы увидим далее, не совсем корректно сразу по нескольким причинам):

Hic. Jacet. Petrus. Dei. Gratia. Lundensis. Ecclesiae. Quondam. Archiepiscopus. Sveciae. Primas. Qui. Obiit. Kal. Maii. XVII Anno. Domini. MCCCLV Cujus. Anima. Per. Dei. Misericordiam. Perpetua. Requiescat. In. Pace! Amen.

¹ Sommelius 1755, 44.

² «Для малой люстры, висящей под большими хорами и изготовленной в 1733 году, были использованы несколько латунных пластин, которые ... взяли с могилы архиепископа Педера II, к которой они были прикреплены смолой» (перевод мой).

³ Corylander 1884, 42 (перевод мой).

Поскольку герой надписи был архиепископом и аналогичных по статусу потерь в Лунде нет, она стала самой цитируемой из исчезнувших лундских эпитафий. Но, как это обычно и бывает, при цитировании даже такой не слишком длинной надписи в полутора десятках источников между ними обнаруживаются разночтения, так что текст существует в четырёх (если абстрагироваться от мелких орфографических деталей) вариантах:

Текст	Источники
Hic. iacet. petrus. d. g. lundensis . ecclesie. quondam. archiepiscopus. svecie. primas. qui. obiit. kal. maii. 17. anno. domini. m.ccc.lv. cuius. anima. per. dei. misericordiam. perpetua. requiescat. in. pace. amen.	МН
Hic. iacet. petrus. d. g. lundensis . ecclesie. quondam. archiepiscopus. svecie. primas. qui. obiit. kal. maii. anno. domini. m.ccc.lv. cuius. anima. per. dei. misericordiam. perpetua. requiescat. in. pace. amen.	WT
Hic. iacet. petrus. d. g. sancte. lundensis . ecclesie. quondam. archiepiscopus. svecie. primas. qui. obiit. kal. maii. 17. anno. domini. m.ccc.lv. cuius. anima. per. dei. misericordiam. cum. domino. in pace. perpetua. requiescat. amen.	ACR
Hic. iacet. petrus. d. g. sancte. lundensis . ecclesie. quondam. archiepiscopus. svecie. primas. qui. obiit. kal. maii. anno. domini. m.ccc.lv. cuius. anima. per. dei. misericordiam. cum. domino. in pace. perpetua. requiescat. amen.	BPSDV

Перечислим источники кратко, а затем рассмотрим их подробнее и попробуем разобраться, как они друг с другом соотносятся.

A: рукопись в собрании Scanica в Лундской университетской библиотеке, анонимная и, согласно каталогу, относящаяся к 1-й пол. XVII в.⁴

B: краткое описание древностей Лундского собора, выполненное Хансом Баденом в сентябре 1667 г.; опубликовано в Rannsakingar 1992: 239–251

C: приложение к труду Корюландера, приписанное в публикации 1884 г. Улофу Стисену и датированное там 1665 годом⁵

D: Sommelius 1755

H: Huitfeldt 1604

M: Madsen 1710

P: Peringskiöld, *Monumenta Sveo-Gothorum antiqua et recentia*, vol. 9 (рукописное собрание кон. XVII – нач. XVIII вв.)

R: Rhyzelius 1752

S: материалы по истории Лунда и кафедрального собора, собранные Соммелиусом, – рукопись в Лундской университетской библиотеке⁶

T: собрание Пальмшёльда в Уппсальской университетской библиотеке, Topographica, tom. 53 (Palmsk 306), рукопись кон. XVII – нач. XVIII вв.

V: Winslow, *Epitaphia quae in templo cathedrali Lundensi inveniuntur selectiora*, рукопись сер. XVII в. в вышеупомянутом собрании Scanica

W: Wolf 1654

Проще всего обстоит дело с парами МН и WT. Мугенс Мадсен, лундский епископ в 1589–1611, написал свой труд о предшественниках (М), по-видимому, в 1580-х гг. Эта хроника, основывающаяся на средневековых документах, более столетия циркулировала в виде списков, пока не была в 1710 г. опубликована Томасом Бартолином. Одним из списков воспользовался Арильд Витфельдт (Н) – младший современник и близкий друг Мадсена – при создании последнего тома своего грандиозного исторического труда; том этот посвящён

⁴ <https://www.alvin-portal.org/alvin/view.jsf?pid=alvin-record:196871> [Дата обращения: 27.07.2022]

⁵ Corylander 1884, [IV]; *ibid.* 125 n. 1.

⁶ <https://www.alvin-portal.org/alvin/view.jsf?pid=alvin-record:179528> [Дата обращения: 27.07.2022]

церковной истории и в лундской части представляет собой дословный датский перевод хроники Мадсена. Элиас Пальмшёльд (Т), цитирующий эпитафии лундских епископов, всюду ссылается на компиляцию Йенса Лауридсена Вольфа (W) и самостоятельной ценности не представляет. Вольф – книготорговец, никакими специальными исследованиями не занимавшийся, – опирается на Витфельдта, повторяя его дословно или почти дословно. В качестве курьёза отметим текст эпитафии лундского епископа Биргера, заканчивающейся словами “obiit anno domini mdxix sabbato post festum anne vidue”, – Витфельдт не понимает, что следующие слова у Мадсена – “Is erat Decembris dies X. Sepultus est autem die mensis ejusdem XII.” – являются авторским пояснением, и включает их в текст надписи, не переводя на датский; то же делает вслед за ним и Вольф.⁷ Что же касается интересующей нас эпитафии Педера Йенсена, то к единственному разночтению между МН и WT мы ещё вернёмся.

Когда в 1667 Коллегия древностей в Стокгольме выпустила циркуляр о поиске исторических памятников по всей стране, выполнением этой задачи в Лунде, отвоёванном у датчан девятью годами ранее, занялся местный пастор Ханс Эрнстсен Баден. Его отчёт (В), датированный 21 сентября того же года, невелик, в нём цитируется всего пара десятков надписей,⁸ но работа выполнена довольно аккуратно и, насколько можно судить, самостоятельно. Кроме того, Баден единственный сообщает чуть подробнее о том, как выглядело надгробие епископа Педера: “mit paa Gulfuet er en stor ophöyet graf, offuen paa betact med en kaabberplade, huorudi staar udstuchen en fuldkommen Mand i en biscopelig habit, och runten deromkring læsis denne gamle shrift”.⁹

Чуть раньше к эпиграфическим изысканиям в Лундском соборе – видимо, вполне добровольным – приступил Юхан Винслов (V), впоследствии ставший в Лунде консисторским нотариусом и профессором церковной истории. Винслов имел полезную привычку датировать все свои записи;¹⁰ в его рукописи после нескольких надписей из Роскилле, зафиксированных летом 1659 г. (когда Винслов был студентом в Копенгагене), следуют лундские надписи, виденные в июле–сентябре 1665 г.¹¹ Интересно, что в Лунде в это время Винслов жил у Бадена;¹² впрочем, признаков его причастности к отчёту последнего не обнаруживается, а кроме того, в 1666–69 Винслов уезжал в Стокгольм и Уппсалу,¹³ и в сентябре 1667 его в Лунде, скорее всего, не было.

Однако помимо краткого отчёта Бадена и записей Винслова в середине 60-х гг. XVII в. возник ещё один – и более полный – каталог надписей кафедрального собора. Соммелиус пишет:¹⁴

Sed ne quid dissimulemus, nobis hoc officium quasi injunxit opportuna quaedam occasio, quae exiguam nostram monumentorum Collectionem auxit Manuscripto quoddam (sic) libello, cui hic titulus: *Inscriptiones Templi Londinensis Latinae, Danicae et Germanicae, una cum Epitaphiis Variis Templi Roschildensis*. Adscriptum quidem fuit auctoris nomen, delevit vero illud, nescio quae iniqua manus. Gratulamur tamen nobis aliunde illud restituere licuisse. Collatione enim accurate instituta inter hocce nostrum Manuscriptum et Collectionem Epitaphiorum Lundensium Stinsonianam, ita amice singula convenire deprehendimus, ut dubitari non debeat, quin idem utriusque sit auctor, scil. OLAUS NICOLAI STISONIUS, qui *Epitaphia Templi Cathedralis Lundensis Selectiora* anno 1665 descripsit.

⁷ Huitfeldt 1604, [Ziiij] r; Wolf 1654, 629. Ошибку отмечает уже Соммелиус (Sommelius 1755, 88).

⁸ Впрочем, эпиграфический компонент первоочередной роли в проекте и не играл – Баден вообще оказался едва ли не единственным священником в Сконе, цитирующим хоть какие-то латинские надписи.

⁹ «Посередине, на полу, большое приподнятое надгробие, покрытое сверху медной пластиной, на которой высечен человек в полный рост в епископском одеянии, а вокруг читается следующая старинная надпись» (Rannsakningar 1992, 242; перевод мой).

¹⁰ Carlquist 1980, 636.

¹¹ Винслов вернулся к собиранию надписей несколько десятилетий спустя: в том же томе есть его записи 1702 г.

¹² Carlquist 1980, 635.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ Sommélius 1755, 86.

Оба упомянутых заголовка наводят на мысли о материале Винслова (первый – содержательно, второй – формально), но некоторые детали – в частности, указание со ссылкой на Стисена на могилу епископа Нильса Палладиуса «близ могилы Франса Вормордсена» без цитирования надписи¹⁵ – не оставляют сомнений, что имеется в виду тот же каталог (С), который послужил приложением к тексту Корюландера и был опубликован вместе с ним в 1884 году.

Это последнее издание, где к «Стисену» добавлены надписи, присутствующие только у Соммелиуса, а также другие, ранее не публиковавшиеся, и все сохранившиеся сверены студентом-историком Акселем Раммом¹⁶ с камнями, и является на сегодняшний день стандартным собранием лундских надписей.¹⁷

Между тем, большие вопросы вызывает как имя автора каталога, так и его датировка. Об Улофе Нильсене Стисене не известно практически ничего. Биографический справочник сконского духовенства сообщает, что он идентичен Улофу Нильсену Аллесену, сыну пастора в Бункефлу под Мальмё, и обнаруживается в матрикуле Копенгагенского университета в 1638 и Лундского в 1669, потом становится комминистром (дьячком) в посёлках Уппокре и Лумме, а в 1684 г. его следы теряются.¹⁸ Мог ли такой человек (если это вообще один человек – по версии составителей справочника, возобновивший свои учёные штудии через 30 лет после их начала, почти как добропорядочный скандинавский пенсионер наших дней) составить самое подробное для своего времени эпиграфическое описание лундского кафедрального собора? Есть и хронологическая нестыковка, и удивительно, что на неё не обратили внимания ни Соммелиус, ни Вейбуль с Раммом. Если «каталог Стисена» составлен в 1665, то откуда в нём эпитафия Улофа Йенсена Сване 1667 года (№ 71) и эпитафия Вольфа Иеронима фон Кратца 1670 года (№ 81)?

В случае с эпитафией епископа Педера то же чтение, что в С, как видим, обнаруживается в А – анонимной лундской рукописи, относимой к 1-й пол. XVII в.¹⁹ При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что это тот же самый каталог, просто с перепутанным порядком страниц: сначала идут те надписи, которые в С пронумерованы как 26–56, затем 1–25, 71–120 и 64–70 (очевидно, утрачен один лист). Заголовок, разумеется, расположен перед второй из этих четырёх частей; он частично замазан, но год, насколько можно прочесть, оканчивается на LXXXIX (в С год MDCXCIII, но там в заголовке *Sequuntur Epitaphia quae in Templo Cathedrali Lundensi inveniuntur selectiora, Lundini Scanorum **descripta***, а здесь – всё то же самое, но **conscripta**). Поэтому «каталог Стисена», как представляется, корректнее было бы обозначать как «каталог-1689».

Одним и тем же каталогом оказываются также Р и S. В них есть небольшие расхождения в порядке надписей, но состав один и тот же, в них одинаковые датскоязычные маргиналии о расположении камней, а вдобавок совпадают ошибки, нигде больше не фиксируемые. Примечательно, что каталог можно довольно точно датировать по его составу. Самая новая надпись – на утраченном ныне надгробии Нильса Фосса (лейб-медика Кристиана IV) и его жены Карен, умершей в 1664 году. В следующем году *novem superstites liberi gratissimi* вдобавок к надгробному камню воздвигли родителям роскошный настенный монумент, сохранившийся и постоянно экспонируемый в соборном музее до сих пор. Но его текста в Р и S нет! Стало быть, с довольно большой долей уверенности можно предполагать, что именно этот каталог – а не тот, который Соммелиус приписывает Стисену, – был составлен в 1665 (или в 1664) году. Назовём его поэтому «каталог-1665».

¹⁵ Sommelius 1755, 102–103 n. 6.

¹⁶ В остальном за издание отвечал Мартин Вейбуль, профессор-историк.

¹⁷ У этого издания есть существенные недостатки. Текст публиковался не по оригинальной рукописи Корюландера (хранящейся в Уппсале), а по списку в Лунде. Что ещё хуже, никакая сверка утраченных надписей по другим источникам в рамках издания не предпринималась, что по части утраченных надписей априори делает гораздо более надёжным источником диссертацию Соммелиуса, сопоставлявшего несколько источников.

¹⁸ Carlquist 1954, 609–610; Carlquist 1991, 25–26.

¹⁹ Особую ценность ей придают поправки второй (и, возможно, третьей) руки, обладатель которой сверял каталог с камнями.

Наконец, книга Рюселиуса²⁰ о шведских епископах (R), где систематически приводятся тексты эпитафий, что по сей день обеспечивает ей не вполне заслуженную цитируемость, для нас интереса не представляет: Рюселиус сам лундские надписи не видел²¹ и благодарит за помощь историка Свена Лагербринга. Тот, как мы знаем из работы Соммелиуса, имел доступ к каталогу-1689. Использование Рюселиусом каталога-1689 подтверждается и при сопоставлении характерных деталей в цитируемых текстах.

Таким образом, из перечисленных источников независимыми можно с довольно большой долей уверенности назвать М, каталог-1665, В и V. Составитель каталога-1689, хотя и прибегал к аутопсии, несомненно пользовался и некоторыми трудами предшественников. Был ли среди них каталог-1665, сказать трудно: бесспорных улик в самих текстах нам обнаружить не удалось, но примечательно, что все без исключения надписи каталога-1665 (довольно обширного) присутствуют и в каталоге-1689, хотя ни тот, ни другой не являются для своего времени исчерпывающими. Использование же в каталоге-1689 традиции, восходящей к М, совершенно неоспоримо. А и С прямо ссылаются на Н в связи с эпитафией епископа Йенса Брострупа (№95 в каталоге-1689); они повторяют ошибку, допущенную Н и W в связи с надгробием епископа Биргера (№117), о которой мы сказали выше; они сообщают о надгробии епископа Нильса Палладиуса без надписи (№16) именно вслед за традицией, восходящей к М. Наконец, единственная безусловно «фейковая» эпитафия в каталоге-1689 (правда, с припиской «но на надгробии этого нет») – средневековые стихи о епископе Андерсе Сунесене (№50) – имеет аналогичное происхождение. Их первоисточник – «Старая зеландская хроника»;²² Витфельдт цитирует их в одном из томов своего труда (не церковном, который мы упоминали до сих пор, а общеисторическом), называя эпитафией Сунесена.²³ W добавляет стихи к тому, что позаимствовал из церковного тома Н, а составитель каталога-1689 здесь пользуется W, как видно из деталей порчи текста.

Так что же епископ Педер Йенсен? Касательно первого и последнего из трёх разночтений сомнений, кажется, быть не может: пропуск слова *sancte* и простое *perpetua requiescat in pace* вместо более длинного выражения засвидетельствованы только традицией, восходящей к М, в противовес всем остальным – и в целом более надёжным – независимым источникам. Сравнительная вероятность направления порчи тоже говорит в пользу более новых свидетельств.

Сложнее обстоит дело с датой. Средневековая памятная книга, значительная ошибка в которой маловероятна, сообщает, что Педер Йенсен умер 16 апреля.²⁴ В то же время просмотр шведских (Gardell 1945), немецких (inschriften.net) и римских (Forcella 1869–1884) средневековых надписей убеждает в том, что при классическом счёте по календам, нонам и идам числительное не ставилось в конец никогда. В самой мадсеновской традиции не всё гладко: в предшествующем цитате авторском тексте Бартолин печатает странное *Anno D 1355. Kal. Maji, Aprilis die XV, moritur Petrus Archiepiscopus* (хотя в дошедших рукописях труда Мадсена²⁵ здесь всюду *XVII Kal. Maji*). Вольф, казалось бы, всюду следующий Витфельдту (тот пишет 17 в обоих местах, но арабскими цифрами), наоборот, убирает числительное из текста в цитате, хотя и говорит перед этим: *Denne Erckebiscop Peder er 1355. 17. Kalend. Majj, det er den 15. Dag Aprilis død*. Каталог-1689, хотя и не повторяет два другие чтения старой традиции, в случае с

²⁰ Андреас Рюселиус, епископ и весьма плодовитый (но довольно скверный) новолатинский поэт, был по части эпитафий, можно сказать, не только «теоретиком», но и «практиком», написавшим ряд надгробных текстов в Линчёпингском кафедральном соборе.

²¹ Об этом свидетельствуют по меньшей мере его слова об эпитафии Франса Вормордсена, где дистих *Gloria viventi comes inviolata sepulto / Atria coelicolum meta laboris erunt* якобы приписан «чуть ниже» основного текста (Rhyzelius 1752, 34). К нашему времени текст на надгробии стёрся, но изображение конца XVIII в. свидетельствует о том, что дистих этот читался по краям изображения Вормордсена *над* основным текстом:

<https://samlinger.natmus.dk/dmr/asset/191369> [Дата обращения: 27.07.2022]

²² *Scriptores Minores* 1922, 63–64.

²³ Huitfeldt 1600, 127–128.

²⁴ *Libri memoriales* 1889, 90.

²⁵ Копенгаген, Det Kgl. Bibliotek, mss. GKS 2989, Don. var. 11, Don. var. 41, Don. var. 148.

числительным, по-видимому, подвержен её влиянию: увидь автор каталога цифры своими глазами, они были бы, скорее всего, римскими.²⁶ Поэтому здесь мы фактически имеем дело с одним свидетельством М против трёх независимых чуть более позднего времени. Представляется, что XVII было маргиналией в записях Мадсена, поправляющей дату смерти Педера Йенсена по неизвестному документальному источнику.

Литература

- Carlquist G. (ed.) *Lunds stifts herdaminne från reformationen till nyaste tid. Ser. II: Biografier. 5. Bara, Ljunits och Herrestads kontrakt*. Lund, Gleerup, 1954.
- Carlquist G. (ed.) *Lunds stifts herdaminne från reformationen till nyaste tid. Ser. II: Biografier. 1. Biskopar och domkapitel*. Älvsjö, Skeab, 1980.
- Carlquist G. (ed.) *Lunds stifts herdaminne från reformationen till nyaste tid. Ser. II: Biografier. 14. De obefordrade prästerna*. Lund, 1991.
- Corylander J. *Berättelse om Lunds domkyrka*. Utg. af M. Weibull. Lund, Gleerup, 1884.
- Forcella V. *Iscrizioni delle chiese e d'altri edifici di Roma dal secolo XI fino ai giorni nostri*. Roma, 1869–1884.
- Gardell S. *Gravmonument från Sveriges medeltid. 1. Text*. Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1945.
- Huitfeldt A. *En Kaart Chronologia, forfølge oc Continuatz, Paa huis som her vdi Danmarck skeed oc bedrefuen er, fran Canuto VI. oc det Aar 1182. Oc indtil det Oldenborgske Stamme vidtager 1448*. Kiøbenhaffn, Waldkirch, 1600.
- Huitfeldt A. *Den Geistlige Histori offuer alt Danmarckis Rige*. Kiøbenhaffn, Aalborg, 1604.
- Libri memoriales capituli Lundensis. Lunde domkapitels gavebøger og nekrologium*, ed. C. Weeke. Kjøbenhavn, Selskabet for Udgivelse af Kilder til dansk Historie, 1889.
- Madsen M. *Episcoporum ecclesiae Lundensis series Una cum Temporum, et Rerum maxime memorabilium Notatione succincta, initio facto a prima Christianismi in Daniam introductione*. Editore Th. Bartholino. Hafniae, 1710.
- Rannsakningar efter antikviteter. Band III: Öland, Småland, Blekinge, Halland, Skåne. Häfte I: Text*. Utg. av N.-G. Stahre. Stockholm, Kungl. Vitterhets, Historie och Antikvitetsakademien, 1992.
- Rhyzelius A. O. *Episcoposcopiae Sviogothicae, eller Then sweagöthiska stichts- och biskops-chronikons sednare del, om Swea- och Götharikets siu nyare sticht, samt om theras biskopar och superintendenten, in til närwarande tid*. Linköping, Biörckegren, 1752.
- Scriptores Minores Historiae Danicae Medii Aevi*, ed. M. Cl. Gertz, vol. II. København, Selskabet for Udgivelse af Kilder til dansk Historie, 1922.
- Sommelius G. J. *Disputatio historica de templo cathedrali Lundensi*. Londini Gothorum, Berling, 1755.
- Wolf J. L. *Encomion Regni Daniae. Det er: Danmarckes Riges Lof, oc dets høyloflige KongeRiges tilhørige Provinciers, Øers, Kongelige Slotters oc Festningers, Herre-Sæders oc andre prectige Bygningers Beskrivelse*. Kiøbenhafn, Hake, 1654.

²⁶ В Швеции использование арабских цифр в эпитафиях не фиксируется до XV в. (Gardell 1945, 161), и вряд ли в Дании дело обстояло существенно иначе; из других средневековых лундских эпитафий арабские цифры обнаруживаются лишь на могиле Йенса Броstrup 1497 г.

Итальянские названия животных под видом латинских неологизмов у Феодора Газы

Г. М. Воробьев

Введение

В третьей четверти XV в. в Италии византийский ученый Феодор Газа (1400/1410–1475/1476 гг.) перевел на латинский язык «Историю животных», «О частях животных» и «О возникновении животных» Аристотеля. Популярный перевод повлиял на становление зоологической номенклатуры в Новое время: сегодня зоологи используют не меньше дюжины латинских слов, придуманных Газой (Воробьев 2015, 162–166), и еще большее количество слов, которые были известны до Газы, но которые он впервые использовал в качестве зоонимов.

Некоторые неологизмы Газы, происхождение которых невозможно объяснить использованием греческих и латинских источников, восходят к лексике итальянских диалектов. В предисловии Газа пишет о своих переводческих принципах: *Nominat (sc. interpres) usu veterum probatissimorum autorum genera animalium. Si quid novum imponit, ita inserit, ut familiare cognatumque id quoque videri possit. <...> Nec vero contemnendum vulgus interdum est.*¹ Стремясь угодить пуристскому вкусу гуманистов, Газа избегал варваризмов, но иные итальянские слова в латинском тексте могли смотреться изящно. К тому же они могли наследовать латинским словам классического периода, не засвидетельствованным в письменных источниках.

Вероятно, Газа был знаком с несколькими региональными вариантами итальянского языка. Он переехал из Византии в Италию не позже 1440 года и не меньше девяти лет прожил в Павии, Мантуе и Ферраре, где познакомился с ломбардскими и эмилианскими диалектами, а затем около двадцати пяти лет провел между Римом, Неаполем и василианскими монастырями на полуострове Чиленто и на юге Калабрии. Над переводом Газы работал с 1454 до начала 1470-х годов (Beullens, Gotthelf 2007, 484–487), так что в тексте можно искать влияние наречий всех упомянутых областей.²

Разберем четыре латинских неологизма Газы, которые обязаны своим появлением в латинской научной номенклатуре его знакомству с итальянскими диалектами.

1. Cernua

¹ Vat. lat. 2094, f. 3v; Gaza 1476, f. a4v: «Он (т.е. переводчик) называет виды животных, следуя употреблению отличнейших древних авторов. Если добавляет что-то новое, то вводит так, что и оно кажется знакомым и родным. <...> Иногда не следует пренебрегать и народной речью». Здесь и далее русские переводы автора статьи; орфография в примерах нормализована.

² Биографический очерк см. в Bianca 1999. Других свидетельств об отношении Газы к итальянским наречиям мне не известно. В качестве настоятеля монастыря Сан-Джованни-а-Пиро на полуострове Чиленто он составил свод законов для жителей монастырских владений, и этот текст дошел в списке XVII в. на итальянском языке, но неизвестно, на каком языке он был написан Газой. Изд.: Cataldo 1992: 37–45. Из названий животных, кроме домашних, там встречаются только ихтионимы *brunco* и *morena* (с. 40, §32).

Исследователь латинских переводов Аристотеля Питер Бейлленс указал, что неологизм *cernua*, использованный Газой для передачи аристотелевского названия рыбы ὀρφός (543b1, 598a10, 591a11, 599b6), может восходить к итальянскому *cerna* (Beullens 2008, 115). Бейлленс ссылается на работу романиста Джанфранко Фолены (Folena 1963–1964), но тот лишь перепечатывает таблицу отождествлений древних и новых названий рыб, составленную в 1550-е годы итальянским натуралистом Ипполито Сальвиани. В самом деле, Сальвиани сообщает, что сицилийцы знают рыбу *cerna* (в столбце «Vulgaria», т.е. итальянские диалекты: *Cerna. Siculis*, Salviani 1554–1558, f. 35v, s.v. *Orphas* [sic]), и отождествляет ее с греческой ὀρφός/ὀρφός и с *cernua* Газы.

Возможно, Газа услышал ихтионим *cerna*, когда жил в соседней с Сицилией Калабрии, отождествил его по какой-то причине с ὀρφός и решил придать ему латинский вид, сблизив с известным словом *cernuus* ‘наклонившийся или падающий головой вниз; акробат’. Как отмечает Бейлленс, слово *cernua* до сих пор используется в ихтиологической номенклатуре в названии обыкновенного ерша — *Gymnocephalus cernua* (Linnaeus, 1758).³

2. Galleruca

Род козявки, принадлежащий семейству жуков-листоедов, носит научное название *Galleruca* (Geoffroy, 1762). В последнем издании авторитетного немецкого словаря зоологических терминов это слово производится от *galla* ‘галл, чернильный орешек’ и *eruca* ‘гусеница’, потеря геминаты не комментируется (Paululat, Purschke 2011, 195). Неизвестно, действительно ли внутренняя форма слова такова, но, судя по всему, это не обычный новолатинский композит, а заимствование из одного из северных диалектов итальянского языка.

В переведенных Газой сочинениях Аристотеля слово μηλόλονθη, название разновидности жука, упоминается семь раз (*Hist. an.* 490a7, 490a15, 523b19, 531b25, 532a23, 552a16 и *Part. an.* 682b14). Четыре раза из семи Газа передает его общим термином *scarabeus* ‘жук’,⁴ но в трех случаях использует слово *galleruca*, нигде ранее не засвидетельствованное. Из этих трех в первом случае (531b25) наряду с μηλόλονθη названы другие виды жуков, и Газе не обойтись общим *scarabeus*;⁵ во втором случае (682b14) он предпочитает более узкий термин по неясной причине — возможно, потому что это единственный случай, когда жук μηλόλονθη упомянут в «О частях животных», а не в «Истории животных». Третий случай употребления *galleruca* — единственный, где жук μηλόλονθη не просто упомянут, но хоть в какой-то мере описан: αἱ δὲ μηλόλονθαι (sc. γίνονται) ἐκ τῶν σκωλήκων τῶν ἐν τοῖς βολίτοις καὶ τῶν ὀνίδων, 552a15–17.⁷ Здесь Газа не только использует перевод *galleruca*, но и добавляет синоним, *scarabeus viridis*: *scarabei virides, gallerucae iam vocari incipientes, vermibus fimo bovis aut iumentis creatis gignuntur*.⁸

³ В недавней статье А. И. Солопова прослеживается история новолатинского ихтионима *acerina*: показано, что он происходит через ошибочное написание *acerna* от позднелатинского *acernia*, а тот — от греческого ἀχάρνα, ἀκάρναξ или подобного (Солопов 2022). Если к *acernia* восходит и южноитальянское *cerna*, то получается, что одно позднеантичное латинское слово дало два новолатинских: *acerina* и *cernua*.

⁴ Видимо, Газа избегает выбора латинского названия той или иной разновидности жука, потому что слово *scarabeus* читателю понятнее. Им же Газа иногда переводит и другие названия жуков, κάνθαρος и κανθαρίς (542a9–10, 601a3 и др.), ведь латинское *scarab(a)eus* шире, чем греческое κάνθαρος: последнее обычно обозначает только виды навозных жуков (Beavis 1988: 157). Везде, где Газа передает μηλόλονθη словом *scarabeus*, смысл, кажется, сохраняется, ведь μηλόλονθη там упоминается как типовой вид жука: как пример крылатого животного с перепончатыми крыльями (490a7); как пример крылатого насекомого в отличие от бескрылых (523b19); как пример жесткокрылого насекомого (490a15 и 532a23).

⁵ Οἷον μηλόλονθαι καὶ κάραβος καὶ κανθαρίς καὶ ὅσα τοιαῦτα ἄλλα — *ut gallerucae, fulloni, pilulario et reliquis generis eiusdem* (Vat. lat. 2094, f. 55v, l. 5; Gaza 1476, f. f3r, l. 21).

⁶ Οἷον αἱ τε μηλόλονθαι καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ἐντόμων — *velut gallerucae et caetera id genus insecta* (Vat. lat. 2094, f. 212r, l.10; Gaza 1476, f. t1v, l. 13).

⁷ «Жуки μηλόλονθαι рождаются из червяков, которые <живут> в коровьем и ослином навозе».

⁸ Vat. lat. 2094, f. 76r, l. 17; Gaza 1476, f. b2v, l. 11–12 («Зеленые жуки, которые теперь начинают называться *gallerucae*, рождаются из червей, что появляются в навозе коров или выючного скота»).

Название *scarabeus viridis* Газа, видимо, позаимствовал у Плиния, который однажды упоминает «зеленого жука» (*scarabaei viridis natura contuentium visum exacuit*, HN 29, 132, 5–6, «свойства зеленого жука обостряют зрение смотрящего <на него>»).

Что позволило Газе отождествить *μηλολόνη* с «зеленым жуком» Плиния? Почему его сопровождает второй перевод — *galleruca*? Поиск причин во внутренней форме греческого слова не дает убедительных результатов,⁹ но причина, видимо, в знакомстве Газы с денотатом.

Слово *μηλολόνη* упоминается дважды в других сочинениях Аристотеля (IA 710a10; *Resp.* 475a6) и дважды у Аристофана (*Ar. Nub.* 763; *Vesp.* 1341), и в этих пассажах нет почти ничего, что могло бы способствовать отождествлению. Правда, составной диминутив *χρυσομηλολόνη* (*Vesp.* 1341) позволил схолиастам утверждать, что *μηλολόνη* — жук золотистого цвета. Возможно, именно это заставило Газу при переводе греческого слова припомнить известных ему золотистых жуков. Из таких что в Греции, что в Италии особенно часто попадает на глаза (Beavis 1988, 164–168) золотистая бронзовка и другие бронзовки из подсемейства *Cetoniinae* — крупные жуки, зеленые с металлическим блеском. Возможно, сочетание в окрасе бронзовки зеленого цвета с золотистым позволило Газе отождествить *μηλολόνη* — «золотого жука» схолиев к Аристофану — с «зеленым жуком» Плиния. Признав в *μηλολόνη* бронзовку, он вспомнил ее название на одном из известных ему итальянских наречий — *galleruca*. В самом деле, об итальянском, точнее ломбардском, происхождении этого слова сообщает философ Агостино Нифо, который в начале 1530-х гг. комментировал зоологические сочинения Аристотеля, опираясь на перевод Газы.¹⁰ Он разъясняет пассаж 552a15–17 так:

Propterea Theodorus dixit “gallerucae iam vocari incipientes”, quia ex usu communi et rustico finxit vocabulum. Rustici enim galerucas vocant in Lombardia, quasi Gallicas erucas, ut ego conjicio (Nifo 1546, 145).¹¹

В основных источниках текста перевода Газы — в рукописи Vat. lat. 2094 и в печатном издании 1476 г. — слово *galleruca* пишется через двойную букву *l*. Так и в издании Альда Мануция 1504 г. (Gaza 1504, f. a[7]v *et passim*). Однако в латинско-испанском словаре Антонио де Небрихи 1492 г. оно было по неизвестной причине, возможно по ошибке, напечатано в

⁹ По предположению Рейнгольда Стремберга, оно происходит от *μηλον* ‘овца, коза’ и *όλονθος* ‘дикая смоква’, поскольку считалось, что жук часто «пасется» именно на этом растении (Strömberg 1944, 1–10; ср. Chantraine 1999, 694; Frisk 1960–1972, II, 225–226; Beekes 2010, 943). Иэн Бивис предполагает, что словом *μηλολόνη* греки называли бронзовок, в частности золотистую бронзовку, а мнение Аристотеля об их возникновении в навозе считает ошибкой, опирающейся на народное сближение с *όνθος* ‘навоз’ (Beavis 1988, 164–168). Эту этимологию, от *μηλον* ‘овца, коза’ и *όνθος* ‘навоз’, рассматривает Луис Хиль Фернандес. Он также обращает внимание на варианты с гаплоглией и с изменением гласного в результате сближения с *άνθος* ‘цветок’: *μηλόνη*, *μηλόάννη*, *μηλάννη* (Gil Fernández 1959, 231–233). Если фантазировать о возможных этимологиях, которые могли прийти в голову Газе и породить слово *galleruca*, он мог бы возвести первый компонент к *μηλον* ‘плод, яблоко’ и по общей семантике округлой формы (ср. значение ‘округлый набалдашник’ в Нег. 1, 195, 7) и возникновения яблок на деревьях сблизить его с лат. *galla* ‘галл, чернильный орешек’. Правда, это не объясняет появления *eruca* ‘гусеница’ в качестве второго корня. К тому же едва ли Газе было известно о процессе развития личинок в галлах, и в любом случае Аристотель пишет о возникновении *μηλολόνη* из навоза, а не из растений. Столь же маловероятно, что Газа мог счесть корень *μηλον* ‘плод, яблоко’ обозначающим зеленый цвет и отождествить *μηλολόνη* со *scarabeus viridis* Плиния именно поэтому.

¹⁰ См. о комментарии Нифо: Perfetti 1996; Perfetti 2000, 85–120.

¹¹ «Феодор сказал “уже начинают называться *gallerucae*”, потому что <это> слово он придумал, <позаимствовав> из общего просторечного употребления. Ведь деревенские жители в Ломбардии называют <этих жуков> *gallerucae*, то есть как бы галльскими гусеницами». Здесь и далее номера страниц отсылают к той части комментария Нифо, которая относится к «Истории животных». Верна ли этимология, предлагаемая Нифо, судить трудно. — Формулировка Газы *iam vocari incipientes* призвана подчеркнуть, что это новое слово, но любопытно выяснить, имеется ли в виду новизна слова в связи с его попаданием с легкой руки Газы в латинский язык, или новизна современных итальянских диалектов по отношению к латинскому языку классического периода. Возможно, последнее, потому что для введения неологизмов Газа обычно использует более простые обороты (вроде *quiet ... appellatus*).

форме *galeruca* (Nebrija 1492, f. g1v, *Galeruca e(stá) por el escarabajo que verdeguea*, «*Galeruca* означает жука зеленого цвета»), и в таком виде сохранилось в позднейших изданиях словаря. У Нифо везде за исключением цитат из перевода Газы употребляется именно такой вариант, *galeruca*, он же — в трактате «О различиях животных» Эдварда Воттона (Wotton 1552, f. 192r). Хотя в первом специальном энтомологическом справочнике Томаса Маффета написано, как у Газы, *galleruca* (Muffet 1634, 158),¹² в номенклатуре закрепился вариант без геминаты.

То обстоятельство, что ныне словом *galeruca* называются не бронзовки, откладывающие яйца в трухлявую древесину или в землю, и не какие бы то ни было жуки, вылупляющиеся в навозе, как Аристотель сообщает о *μηλολόωνθη*, а козявки — жуки-листоеды, личинки которых развиваются на живых растениях, не должно смущать: подобное перераспределение таксонов и их названий — частое явление в зоологической номенклатуре.

3. Gallinago

Гапаксы *σκολόπαξ* и *ἄσκαλώπας* (*Hist. an.* 614a33, 617b23) Газа, как принято до сих пор,¹³ счел вариантами одного и того же слова — оба названия птицы он передает неологизмом *gallinago*, от *gallina* ‘курица’.¹⁴ Видимо, причина такого перевода в том, что, по сообщению Аристотеля, эта птица размером с курицу: *τὸ μέγεθος ὅσον ἀλεκτορίς* (617b24). На мысль о создании неологизма Газа, очевидно, навело наличие в одном из известных ему итальянских диалектов слова *gallinella* ‘курочка’ как обозначения одной из диких птиц, похожих на домашнюю курицу. В самом деле, относительно птицы, называемой у Газы *gallinago*, Нифо сообщает: *Haec vulgo gallinella appellatur* (Nifo 1546, 157), «в народе она зовется *gallinella*». Слово *gallinago* используется в современной номенклатуре в качестве названия бекаса — *Gallinago gallinago* (Linnaeus, 1758).

4. Patella

Как и *cernua*, слово *patella* засвидетельствовано у античных авторов, но не в качестве зоонима. Оно обозначает предметы посуды: ‘небольшая кастрюля’, ‘сковорода’, ‘миска’, ‘блюдец’ и т. п. Газа, видимо впервые, предложил использовать его в качестве латинского названия моллюска, который у Аристотеля называется *λεπάς* (528a14, 529b15 и др.). Кажется, ни одна из двух возможных этимологий (от *λέπας* ‘скала’ и *λέπος*, *λεπίς* ‘скорлупа’, ‘чешуя’)¹⁵ не позволяет считать слово *patella* калькой, однако, поскольку Евстафий предполагает, что упомянутая у Афиней разновидности чаши, *λεπαστή/λεπάστη*, так названа из-за сходства с плоской раковиной моллюска *λεπάς*,¹⁶ Газа, видимо, сделал вывод, что для перевода *λεπάς* следует искать латинское название моллюска, которое тоже связано с названием чаши. Подходящего латинского слова он, видимо, не нашел, но нашел современное. Во всяком случае, по сообщению вышеупомянутого Ипполито Сальвиани, слово *patella* используется в римском диалекте итальянского языка в качестве названия моллюска (в столбце «*Vulgaria*» написано: *Patella. Romae*, Salviani 1554–1558, 38v, s.v. *Patella*).

Этим словом до сих пор называется род брюхоногих моллюсков *Patella* sp. (Linnaeus, 1758), по-русски блюдечки.¹⁷

¹² Страница 158 по ошибке пронумерована как 160.

¹³ Возможно, происходит от *σκόλωψ* ‘кол’, по форме клюва (таков, например, клюв бекаса), но не исключено, что это народная этимология (Chantraine 1999, 1020; Frisk 1960–1972, II, 735; Beekes 2010, 1356; Arnott 2007, 29, 316).

¹⁴ Ср. другие его неологизмы с тем же суффиксом *-(ā)go*: *vinum* > *vinago* и *fringilla* > *fringillago*. Об этом суффиксе см. Ernout 1941.

¹⁵ Chantraine 1999, 630; Frisk 1960–1972, II, 105; Beekes 2010, 848.

¹⁶ [Τ]άχα γὰρ διὰ τὸ καὶ λεπτὸν καὶ ἐκπέταλον δὲ κατὰ τὰς λεπάδας ἔσχε τὸ καλεῖσθαι λεπαστή («ибо, возможно, он (т.е. этот вид чаши) из-за малого размера и плоской формы получил название *лепαστή* от <раковины моллюска> *λεπάς*»), Eust. II. 4, 537, 10–11.

¹⁷ Название испанского блюда «паэльля» (*paella*, ср. итал. *padella* ‘сковорода’) — этимологический дублет названия моллюска.

Заключение

Сочинения XVI в., в которых приведены названия животных на итальянских наречиях, помогли установить происхождение четырех латинских неологизмов, введенных Феодором Газой и до сих пор употребляющихся в зоологической номенклатуре. К известному случаю слова *cernua* удалось добавить еще три примера использования Газой итальянской лексики. В случае *cernua* и *patella* речь идет о «неологизмах значения»: опираясь на схожие итальянские существительные, Газа впервые использовал эти известные латинские слова в качестве зоонимов. *Galleruca* и *gallinago* — неологизмы в узком смысле слова, или «неологизмы формы».¹⁸

С итальянскими диалектами в переводе Газы, видимо, связано еще несколько названий животных, но это менее надежные случаи, и они будут рассмотрены отдельно.

Библиография

- Arnott W. G. *Birds in the ancient world from A to Z*. London — New York, Routledge, 2007.
- Beavis I. C. *Insects and Other Invertebrates in Classical Antiquity*. University of Exeter Press, 1988.
- Beekes R. S. P. *Etymological dictionary of Greek*. Vols. 1–2. Leiden — Boston, Brill, 2010.
- Beullens P. Aristotle, his translators, and the formation of ichthyologic nomenclature, in: M. Goyens, P. De Leemans, A. Smets (eds.), *Science translated. Latin and vernacular translations of scientific treatises in Medieval Europe*. Leuven University Press, 2008, 105–122.
- Beullens P., Gotthelf A. Theodore Gaza's translation of Aristotle's *De animalibus*: content, influence and date. *GRBS* 2007, 47, 469–513.
- Bianca C. Gaza, Teodoro, in: *Dizionario biografico degli italiani*. Vol. 52. Roma, Istituto della Enciclopedia Italiana, 1999, 737–746.
- Cataldo G. *Teodoro Gaza, umanista greco ed abate del cenobio basiliano di S. Giovanni a Piro*. Salerno, s. n., 1992.
- Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris, Klincksieck, 1999.
- de Nebrija E. A. *Dictionarium latino-hispanicum*. Salamanca, s. n., 1492 (GW 2217).
- Ernout, A. Les noms en -ago, -igo, -ugo du latin. *Rev. Phil.* 1941, 15, 81–111.
- Folena G. Per la storia della ittionimia volgare. Tra cucina e scienza naturale. *Bollettino dell'atlante linguistico mediterraneo* 1963–1964, 5–6, 61–137.
- Gaza T. (trad.). *Aristoteles. De animalibus*. Venezia, Johann von Köln, Johann Manthen, 1476 (GW 2350).
- Gaza T. (trad.). *Aristoteles, Theophrastus. De natura animalium. De partibus animalium. De generatione animalium. De historia plantarum. De causis plantarum*. Venezia, Aldus Manutius, 1504.
- Gil Fernández L. *Nombres de insectos en griego antiguo*. Madrid, Instituto “Antonio de Nebrija”, 1959.
- Helander H. On neologisms in Neo-Latin, in: P. Ford, J. Bloemendal, C. Fantazzi (eds.), *Brill's encyclopaedia of the Neo-Latin world*. 2 vols. Leiden — Boston, Brill, 2014, vol. 1, 37–54.
- Muffet T. *Insectorum sive minimorum animalium theatrum*, London, Thomas Cotes, 1634.
- Nifo A. *Expositiones in omnes Aristotelis libros De historia animalium, De partibus animalium et earum causis ac De generatione animalium*, Venezia, Hieronymus Scotus, 1546.
- Paululat A., Purschke G. *Wörterbuch der Zoologie*. Heidelberg, Spektrum, 2011.
- Perfetti S. *Aristotle's zoology and its Renaissance commentators*, 1521–1601. Leuven University Press, 2000.
- Perfetti S. Metamorfosi di una traduzione: Agostino Nifo revisore dei 'De animalibus' gaziani. *Medioevo. Rivista di storia della filosofia medievale* 1996, 22, 259–301.
- Salviani I. *Aquatilium animalium historiae*. Roma, Ippolito Salviani, 1554–1558.
- Strömberg R. *Griechische Wortstudien. Untersuchungen zur Benennung von Tieren, Pflanzen, Körperteilen und Krankheiten*. Göteborg, Elander, 1944.
- Wotton E. *De differentiis animalium*. Paris, Vascosanus, 1552.
- Воробьев Г. М. Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода «De animalibus» Аристотеля в современной зоологической номенклатуре. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2015, 19, 158–168.
- Солопов А. И. Этимология новолатинского ихтионима *acerina* ‘ёрш’. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2022, 26, 1082–1097.

¹⁸ О делении неологизмов на *neologisms of form* и *neologisms of sense* см. Helander 2014: 37.

О Таллусе Джовани Пасколи (монолингвальный комментарий)

А. В. Белоусов

Дорогой Сева, я бесконечно рад и счастлив, что мне посчастливилось стать твоим другом и соратником, и поздравлять тебя теперь с днем рождения, преподнося в качестве *εὐχαριστήριον* этот, во многом для меня самого экспериментальный, «комментарий» к одному из лучших новолатинских стихотворений. Как тебе самому хорошо известно, этот комментарий родился из лекций и семинаров Летней школы античности, которая, как я надеюсь, еще возродится и будет радовать и ее участников и нас счастьем солидарного труда и филологического удовольствия. Будь же здоров, мой друг, будь счастлив и не унывай! Что у нас еще есть, кроме надежды на то, что самая страшная тьма предшествует рассвету? Так будем же надеяться на скорый свет!

IOHANNIS PASCOLI THALLUSA PER SE EXPLICATA CVRA ALEXII BELOVSOV MOSQVENSIS

Sigla

adv.: adverbium / наречие

deminut.: deminutivum / уменьшительное имя

grad. comp.: gradus comparativus / сравнительная степень прилагательного или наречия

scil.: scilicet / то есть

<: originem ducit a(b)...., происходит из...

↔: contrarium / антоним

=: idem est / то же самое или синоним

GIOVANNI PASCOLI
THALLUSA
(1911)

Implicitos dextra pueros laevaue trahebat
serva duos, haud invitos sed saepe morantes.
Nempe morabatur nunc auro forte taberna
effulgens atque armillis bullisque catellisque...
5 «Heus» puer exclamat paulo maiusculus «adsta
paulisper. Viden, ut bellum, Thallusa, monile?
Unde securiculae pendent argenteolae, falx
parva quidem, sed habet similem Phoenix et eandem
vinitor, ensiculus quam pulcher, lunula, mallei
10 pauxilli, tum claviculae, tum forficulae, tum
serriculae, tum... quid? quae res est? Euge papae! Sus.
Ut pura ac puta est ipsissima sucula visu!
O si tam lepidam, tam parvam, mater emat mi!»
Omnia pupillis tacitis sibi vindicat alter
15 sistraque praedatur crepitacillisque potitur
attonitus. Manet ipsa inhians ancilla nec umquam
aureolis a capsellis oculos deflectit,

cum subito: «Quin, errone, hinc pergitis? Eia!

Nil refert vestra me caedi verberare, dum vos

20 placet suaviolis emptura crepundia mamma».

Abstrahit in verbo tacitos sursumque tuentes

iratam. Mox subsistunt. Odor allicit ambos

mellis, et impositae mensis fumantibus offae

atque abaci vitreis fulgentes undique vasis.

25 Consistit Thallusa sui velut immemor. «Assem

sacculus hic habet: ibis, emes tibi, si libet, unum

ex istis...» Monstrans adipata minusculus haec mox

balbutit puer «i: numquam tetigisti crustula, quo nil

dulcius». Haec dicens Thallusae porrigit assem.

30 Mulcet serva caput puero. «Lucille, quid» inquit

«offers non adeo parvae bellaria servae?

Haec ede tu: rodant haec mures dulcia dulces».

Ac subito lacrimas effundens abstrahit ambos

et dextra laevaue manus premit aegra pusillas

35 valdius, ac «Pueri, properandum est;» inquit «eamus!

Quam metuo mihi ne redeat maturius Ipse

ac iam poscat aquam!» Carpunt hinc prorsus iter; tum

nec respectantes pueri nec plura loquentes

festinant, binisque tolutim passibus aequant

40 singula Thallusae vestigia. Multiplicem dant

suspensae sonitum laeva de parte tabellae,

et crepat in oculis succussus calculus ictu.

Sed pater a summo Iano iam scriba domum se

rettulerat praeter solitum, contractior hirtum

45 fronte supercilium; pultantique ipsa reclusit

Gaia fores, tollens infantem protinus ulnis,

lactantis tecto mammae vix ubere: cui vir:

«Tune fores nunc custodis? Quo serva mihi se

proripuit? Puerosne domum, si forte, reduxit?»

50 «Nondum, sed iam iamque aderit. Nam longius est hinc

in ludum...» «Dicis mulier de more benigne:

nil tamen est opus: extremum est quod sera redit». «Qui?»

«Venit». «Rem vix credibilem narras». «Age, quaeso:

tu perferre parem sibi numquam muta valebas?

55 Nam modo turricula lusisset cum pueris et

ligneolam filis duxisset commoda larvam,

tum procul arcebat despectans torva, nec illos

plectere parsisset... Sed tergo salsa cavebat

ipsa suo. Nunc rebaris placidamque beatamque,

60 eiusque implebat cantantis nenia tectum,

mox tetricam plane rugis oculisque rubentem

servabas». «Verum frugi est patiensque laboris,

et caros pueros habet et pueris est cara». «Vide, sis.

Hoc ipsum timeo nimium ne cara». «Quid istud?»

65 «Quid si servilem Chresti proba serva sequatur

sectam? Scis pueros quibus illecebris, quibus escis

decipiant...» «Istud non sit mihi credere». «Crede.

Dum ne praesciscat se iam venire. Facesso

hinc egomet. Cenare foris non est mihi moris:

70 sed me paene Labrax occidit saepe vocando,
 et iuvat obsequio ditem lenire danistam.
 Iamque vale». Labris tenuit primoribus uxor
 nocte Bonae facienda Deae sacra; se face prima
 vicini de more domum pistoris ituram,
75 quo matres apud uxorem gnatasque coirent
 sacrificaturae. Quae dicere multa volentem
 egrediens vir destituit iussamque valere.
 Adstitit illa domus anceps in limine, gestans
 ulnis infantem, quoad «Huc huc respice mamma!»,
80 audiit et cursu pueros excepit anhelos
 ore sinuque duos, laeva removens Tertullum.
 Dulces complexus limis Thallusa tuetur.
 «Iam Thallusa dapes nobis apponet. Adest nox,
 Ipse foris cenat». Tabulas loculosque resolvunt
85 ex umeris pueri. Discumbitur. Ecce patellis
 fictilibus cyathisque sonat balbisque loquellis
 atriolum. Pueri narrant, accommodat aures
 nec quidquam exaudit sed percipit omnia mater.
 Quae didicere, docent. Maturis frugibus, ipso
90 mane satis, delectantur sub fine diei.
 Vix epulas mater tenues delibat et ipsam
 infantis se libandam dat lenta labellis.
 Absenti similis cenam Thallusa ministrat.
 Interea puer alter hiat, puer oscitat alter.
95 Qui tam magna leves viderunt nuper ocelli,
 visuri maiora natant, nictant, conivent.
 Dulci laxatus fonti teres adiacet infans
 et velut occulto permulsus murmure dormit.
 Iunceus hunc linter, capit illos lectulus ambos
100 unus, et in toto conclavi iam super una est
 quae vigilet tacito, ne laedat, lumine lampas.
 At mater dum compta parat iam linquere limen
 Thallusanque monet multis, repetitque, nec audit
 mussantem, in lacrimas effusam respicit. «Heu! qui
105 hic dolor est?» inquit «quae te nunc cura lacessit?»
 Tum, clausis iterum foribus, cognoscere causas
 tentat et ignotum miserae lenire dolorem.
 Singultim Thallusa loqui conatur et aegre
 respondet: «Quid tu, si ne Deus ipse potest?» «Qui?»
110 Illa silet. «Mihi sacra Deae nocturna necesse est
 ferre Bonae. Forsit Bona te Dea sospitet. Euge!
 Iamque abeo. Vigila, pueros ne forte relinquat
 somnus, et incessat lemorum metus. Est bene plenus
 pupus lacte meus mihi; quod si vagierit, tu
115 et cantu fer opem, quam tu potes, et quate cunas,
 dum redeat, nec erit mora longa, quod appetit, uber»
 Haec geminans exit. Tum secum sola repente
 exsilit, et vultu iacit haec Thallusa ferino:
 «I felix! Tibi sic Bona prosperet, ut Bonus aegrae
120 ille mihi! Rediens tu sic cunabula visas,
 ut rediens egomet, dulcique fruaris alumno

non magis atque egomet, cui frustra lacte tumentes
abreptum puerum non invenere papillae.

Quem quo tum cessisse rear? quo lacte quibusque
125 blanditiis altum, quas artes discere, quas iam
ferre minas, quae probra pati, quae verbera dicam?

O multo me conserva felicior ipse
qui binis annis tantum mihi nomine coniunx
es datus ad mortem quamvis innoxius! Heu me

130 non adspexisti communem quaerere natum
nequiquam! Iam nec bona quae me verba docebas
solantur. Credo, moriar quandoque, resurgam:
parve puer, te non in primo flore videbo,
cum risum risu tentabam promere primum.

135 Me nescit matrem, mihi qui non riserit umquam!
Hic luctus fauces inconsolabilis angit.

Nil contra Deus ipse potest, nil ipsa potest mors».

Haec reputans irae rursus cessisse dolorem
sentit et increpitat tacitis cunabula verbis

140 et pupum totamque domum dominamque beatam
et dulces pueros famulae bene corde volentes.

Dum furit et cunctos optat vanescere flammis
seque una, tenui tintinnant, ut putat, aures
murmure, mox agni tamquam sine matre relict

145 vox animum temptat. tremibundo palpitat omnis
vagitu domus. Infelix Thallusa, vocaris!

Novisti vocem. Matrem vox illa vocat te.

In somnis pueri conspecta crepundia, bullas,
ensiculos perquam parvo mercantur ovantes,

150 aut omnes deinceps scriblitas, liba, placentas
prorsus emunt nec edunt cupidi tamen. Ut prope lectum
serva levis venit, pueris semihiantibus albas
demulsit frontes et sparsum rore capillum:
illi compressis palpebris «Mamma!» susurrant.

155 Pergit ad infantem queribundum serva nec illum
tranquillare valet quatiens cunabula balbisque
infractisque sequens fluitantem vocibus alveum.

Namque heu! fluctivagus capit aegrum lembus homullum,
nil supra servi, nil infra regis alumnos,

160 cuiusvis opera, cuiusvis rebus egentem.

Tum sonat ex animo qua iam sedare suum, qua
abreptum puerum suerit sopire querela.

Idem vagitus, puer idem, mater eodem
naviculam pellens solatur carmine nautam.

165 Ocelle mi, quid est quod vis apertus esse?

Nihil potes videre, namque iam cubat sol,
nec aureum grabatum luna pigra linquit.

Genis tuis tegaris: plusculum videbis.

Lalla! Lalla! Lalla!

170 Ocelle mi, quid est quod usque me tueris?

Dolesne quod dolentem cernis, inque, mammam?

Sum servuli quidem vix mater, ipsa serva.

Genis tuis tegaris: liberam videbis.

Lalla! Lalla! Lalla!

175 Ocelle, qui tueris usquequaque lugens

velut foras ituram perditte procul me...

noli tuam perisse tunc putare matrem:

genas tuas remitte, semper et videbis.

Lalla! Lalla! Lalla!

180 Flet Thallusa canens, aequae memor, immemor aequae.

Ecce puer leni pacatus momine cymbae

et dulci cantu, iam cessat flere nec idem

singultit: tranquillius hiat patulisque canentem

sub tremula lychni flamma miratur ocellis.

185 Tum stupet in varia, quae lumine lampadis icta

labilis a cilio Thallusae pendet et ardet,

lacrimula. Tandem crispatur buccula. Ridet.

«Ridet!» ait Thallusa furens, oblita sui, nil

percipiens oculis aliud, nil auribus, omnis

190 in puero, risum lacrimans, deperdita «Ride!

Coepisti tandem risu cognoscere matrem!»

Mater adest sed vera redux auditque loquentem.

«I cubitum: primo cras surgas mane necesse est».

Primo mane domo servam novus emptor abegit.

Nomen: Thallusa < Θαλλούσα < θάλλω: *floreo*

1: *implico*, *ui*, *itum*, *ere*: implicare, innectere, involvere, ἐμπλέκω; *dexter*, *a*, *um* ↔ *laevus*, *a*, *um*; *traho*, *traxi*, *tractum*, *ere*: ducere, agere

2: *serva*, *ae f*: ancilla; *haud*: non; *saepe*: frequenter, crebro, πολλάκις; *moror*, *atus sum*, *ari*: tardare, figi, cessare, διατρίβω

3: *nempe*: nam+pe, certe, sine ullo dubio, δηλαδή; *nunc*: hoc tempore ↔ *tunc*; *forte* (*adv.*): casu; *taberna*, *ae f*: locus, ubi merces veneunt (vel venduntur), aut ubi artifices artes suas profitentur, καπηλειόν, παντοχέϊον;

4: *effulgeo*, *lsi*, –, *ēre*: fulgere, splendēre; atque: et etiam; *armilla*, *ae f*: brachiale, hoc est circulus, seu anulus ex auro, argento, vel alia materia, quo brachia virorum et mulierum ornantur; *bullā*, *ae f*: insigne quoddam, quod a pueris Romanis e collo ante pectus loro suspensum gestabatur in signum ingenuitatis et fortunae, ornamentum puerile; *catella*, *ae f*: catena parva, monile

5: *heus*: h.l. interiectio admirantis, o! aspice!; *exclamare*: clamare subito et alta voce; *paulus*, *a*, *um*: minor (aetate); *maiusculus*, *a*, *um*: maior (aetate); *adsto*, *stiti*, (*astatum*), *are*: ante vel prope stare

6: *paulisper* (*adv.*): parumper, valde paullum temporis, ὀλίγον χρόνον; *viden*: videsne?; *bellus*, *a*, *um*: pulcher, formosus; *monile*, *is n*: ornamentum colli ex auro, aut margaritis, aut gemmis

7: *securicula*, *ae f*: securis parva; *pendeo*, *pependi*, –, *ēre*: suspensus sum, κρέμαμαι; *argenteolus*, *a*, *um* (de-minut.): < argenteus, i.e. ex argento factus; *falx*, *falcis f*: ferramentum incurvum ad varios usus in re rustica, aliud est, quo segetes metuntur

8: *similis*, *e*: qui cum aliquo similitudinem habet, parilis, aequalis, geminus, ὅμοιος; *Phoenix*, *icis m*

9: *vinitor*, *oris m*: rusticus, vinearum cultor, ἀμπελουργός; *ensiculus*, *i m*: ensis (vel gladius) parvus; *lunula*, *ae f*: Luna parva, ornamentum puellarum; *malleus*, *i m*: instrumentum ad tundendum, σφῆρα

10: *pauillus*, *a um*: paululus, valde parvus; *tum... tum*: dein, deinceps, praeterea; *clavicula*, *ae f*: clavis parvus; *forficula*, *ae f*: forfex parvus

11: *serricula*, *i f*: serrula parva, instrumentum dentatum, quo lignum et lapides secantur, πρίων; *euge!*: < εὖγε, recte, sane, o!; *papae!*: < βαβαί, interiectio admirationis; *sus*, *suis m/f*: porcus, aper

12: *purus*, *a um*: mundus, sine sordibus, sine ullo vitio; *putus*, *a um*: purus; *sucula*, *ae f*: sus parva; *visus*, *us m*: aspectus

13: *lepidus*, *a um*: formosus; *parvus*, *a um* ↔ *magnus*; *mater*, *tris f* ↔ *pater*; *emo*, *emi*, *emptum*, *ere*: sumere vel adipisci aliquid in taberna pecuniā solvendā; *mi* = mihi

- 14:** *pupilla*, *ae f*: punctum vel foramen in oculo, per quod videmus; *tacitus*, *a, um*: qui tacet, nullum verbum ex ore profert; *vindicare*: postulare, flagitare; *alter*, *a, um*: alius ex duobus
- 15:** *sistrum*, *i n* (< σείστρον): crepitaculum aeneum, quo Aegyptii sacerdotes in Isidis sacris uti solebant; *praedor*, *atus sum*, *ari*: sumere, rapere; *crepitacillum*, *i n* (< crepitaculum): instrumentum ex aere, aliāve materiā, quod manu concussum vel percussum crepitat ac sonitum reddit; *potior*, *itus sum*, *iri* + *abl.*: acquirere, vindicare, adipisci aliquid
- 16:** *attonitus*, *a, um*: qui ex quacumque causa stupet et mente percellitur, ut ex morbo, ex metu, ex admiratione alicuius rei; *maneo*, *mansi*, *mansum*, *manere*: in eodem loco stare neque moveri; *ancilla*, *ae f*: serva; *inhiare*: os aperire in cupidine alicuius rei, valde desiderare vel somniare de aliqua re; *nec umquam* = et omnino numquam
- 17:** *aureolus*, *a um* (deminut.) < aureus; *capsella*, *ae f*: parva capsula (area, cista, scrinium ex ligno vel metallo aliquo, in quo praecipue libri, et tabulae, et litterae reponebantur); *deflecto*, *flexi*, *flexum*, *ere*: avertere
- 18:** *subito*: repente, extemplo; *quin*: cur non?; *erro*, *ōnis m*: vagabundus, errans, aberrans; *hinc*: a (vel ex) hoc loco; *pergo*, *perrexi*, *perrectum*, *ere*: ire longius, iter continuare, proseguere, perseverare; *eia!* (< εἶα): age!
- 19:** *nil* = nihil; *vestrā refert*: vobis magni momenti est, curae est vobis; *caedo*, *cecidī*, *caesum*, *ere*: pulsare, ferire; *verber*, *eris n*: instrumentum verberandi, qualis est virga, fustis, flagellum, ferula, et si quid sit simile, μάστιξ, αἰκισμα
- 20:** *placare*: placidum reddere, lenire, mitigare, sedare, reconciliare; *suaviolum*, *i n* (< suavius, i n): osculum, basium parvum; *crepundia*, *orum n*: reculae pueriles, quae infantibus tum ornatus, tum ludi causa dantur: a crepando seu tinniendo dictae, quorum infantes huiusmodi crepitaculis maxime gaudent; *mamma*, *ae f* (deminut.) < mater
- 21:** *abstraho*, *xi*, *ctum*, *ere*: abducere, avellere per vim; *tacitus*, *a, um*: qui tacet; *tueor*, *tuitus sum*, *tueri*: aspicere, spectare; *sursum*: versus superam partem, ὄνω
- 22:** *iratus*, *a, um*: qui irascitur, iram habet; *subsisto*, *stiti*, *—*, *ere*: consistere (in itinere), morari; *odor*, *oris m*: qualitas rerum, quae naribus et odorando percipitur, ὀδμή; *allicio*, *lexi*, *lectum*, *ere*: attrahere, inducere, ad aliquid blanditiis inducere, illicere, invitare; *ambo*, *ae, o*: uterque
- 23:** *mel*, *mellis n*: materia dulcis, quam apes efficiunt; *impono*, *posui*, *positum*, *ere*: in + ponere; *mensa*, *ae f*: instrumentum varia materia, ut ligno, marmore etc., variaque forma, ut quadrata, rotunda, oblonga etc., constans, ad quod discumbimus cibum capturi, quodque aliis usibus inservit, τράπεζα; *fumare*: fumum emittere; *offa*, *ae f*: massa ex farre glomerata, et cocta in cibum, ὄμμη, μάζα, morceau (fr.), a piece (angl.)
- 24:** *abacus*, *i m* (< ἄβαξ): ab origine prima fuit tabula litteras ABΓ insculpta multasque in areas vel partes divisa, seu tabula plana ligneo quoddam sepimento altius conclusa, cuius plures fuerunt usus, vide imaginem; *fulgeo*, *fulsi*, *fulsum*, *ēre*: splendēre, micare; vitreus, *a, um*: ex vitro (materia translucida, quae ex harena splendenti vel ex calculis pellucidis admixto nitro efficitur, ὕαλος) factus; *vas*, *vasis n*: instrumentum quodcumque idoneum ad aliquid recipiendum, σκεῦος, ἀγγεῖον, ex. gr., crater, cylix, lagoena; *undique*: ex omnibus locis
- 25:** *consisto*, *stiti*, *—*, *ere*: moram facere, morari in loco, subsistere; *velut*: sicut, ut; *immemor* (+ gen.) ↔ *memor*; *as*, *assis m*: nummus parvus Romanorum ex aere factus
- 26:** *sacculus*, *i m*: saccus parvus, ubi nummi (pecunia) insunt et servantur; *eo*, *ii*, *itum*, *ire*: ambulare, venire; *libet*, (*libitum est*), *ere*: est idem ac placet, δοκεῖ, ἀρέσκει, φίλον ἐστί; *unus*, *a, um*: 1
- 27:** *monstrare*: ostendere; *adipata*, *orum n*: opus pistorium, quod adipe (adeps, ipis m/f: жир, сало) conficitur, crustula
- 28:** *balbutio*, *ivi*, *itum*, *īre*: ambigue, obscure, inepte loqui, murmurare; *numquam*: nullo tempore ↔ *semper*; *crustulum*, *i n*: frustum parvum panis, placenta parva; *tango*, *tetigi*, *tactum*, *ere*: tactus sensu deprehendo, attingo, contingo, θγγάνω, ἅπτομαι
- 29:** *dulcis*, *e*: suavis, qui gustum grate ac suaviter delectat, γλυκός ↔ *amarus*; *porrigo*, *rexi*, *rectum*, *ere*: in linguam vel planum extendere, protendere, προτείνω, dare, offerre
- 30:** *mulceo*, *mulsi*, *mulsum*, *ere*: blandiri, delectare, manu tenere tractare aliquid; *caput*, *itis n*: pars corporis humani, quod oculos, aures, nasum etc. habet; *Lucillus*, *i m*: nomen pueri minoris ex duobus; *inquit*: dicit
- 31:** *offero*, *obtuli*, *oblatus*, *offerre*: praebere, dare; *adeo*: tam; *bellarium*, *ii n*: res dulcis
- 32:** *edo*, *edi*, *esum*, *edere*: comedere, manducare; *rodo*, *rosi*, *rosam*, *ere*: dentibus terere, τρώγω; *mus*, *muris m*: animalia parvula, quae feles venantur
- 33:** *subito*: repente, extemplo; *lacrima*, *ae f*: humor ex oculis fluens ex fletu, δάκρυ; *effundo*, *fudi*, *fusum*, *ere*: extra fundere, emittere, profundere

34: *manus, us f:* extrema brachii pars in volam ac digitos desinens, χεῖρ; *premo, pressi, pressum, ere:* nisu aut pondere urgere, calcare, deprimere, perprimere, πιέζω, θλίβω, βαρέω; *aeger, a, um:* aegrotus, animo vel corpore dolens; *pusillus, a, um:* valde parvus

35: *valdius (adv. in grad. comp.)* < valde, i.e. nimis valde; *properare:* festinare

36: *metuo, ui, utum, ere:* timere, metum vel timorem habere; *redeo, ii, itum, ire:* revenire; *maturus, a, um:* qui cito fit, aut cito est futurus, imminens; *Ipse:* i.e. dominus eius ac pater familias

37: *posco, poposci, –, ere:* postulare; *carpo, psi, ptum, ere:* sumere, capere; *prorsus:* recta via; *iter, itineris n:* via; *tum:* dein

38: *respectare:* respicere, aspicere, retro aut post me aspicio; *loquor, locutus sum, loqui:* verba facere, sermonem habere, dicere, in sermone familiari atque in communi hominum societate, διαλέγομαι, λαλέω

39: *festinare:* properare, cito ire; *bini, ae, a (< bis):* duplex; *tolutim (adv.):* pedes molliter tollendo, quod proprie ad equorum gradariorum incessum attinet, qui alternis crura molliter explicantes, comodissimam sessori praebent vectationem; *passus, us m:* gressus, gradus; *aequare:* aliquid par alteri rei facere, aequalem facere, complanare

40: *singuli, ae, a:* singularis, solus, unicus, μόνος; *vestigium, ii n:* signum, quod a pede relinquitur, ἵχνος, στίβος; *multiplex, icis:* multus; *dare:* praebere, h.l. facere

41: *suspensus, a, um:* qui pendet sub aliqua re; *sonitus, us m:* sonus, φωνή; *laevus, a, um:* sinister ↔ dexter; *tabella, ae f:* tabula cerata

42: *crepare:* tumultum facere; *loculus, i m:* capsula, cista, ubi discipuli stilum, regulam, calculos et alias res in ludo litterarum necessarias habent; *succutio, cussi, cussum, ere:* quater, sursum ac deorsum movendo agitare, ὑποσεῖω; *calculus, i m:* lapillus, i.e. lapis parvus, quibus discipuli in ludo litterario ad computandum utebantur; *ictus, us m:* percussio, πληγή

43: *Ianus, i m:* deus Romanorum, duas facies habens et etiam *locus* urbis Romae tectus in foro, quattuor et tribus fornicibus pervius, in quo mercatores et feneratores frequentissime habitabant; *summus Ianus:* prima vici pars Iano proxima, ubi pecunia fenori dabatur; *scriba, ae m:* qui leges, acta, rationes, vel aliud quidvis civitatis aut magistratus, aut principis nomine et iussu perscribit, et scriptum facere dicitur

44: *se referre:* revenire; *domum:* in domum; *praeter solitum:* i.e. ante solitum tempus, antea, quam revenire solet; *contraho, xi, ctum, ere:* comprimere, constringere; *hirtus, a, um:* hirsutus, hispidus, vellosus, λάσιος

45: *frons, frontis m:* pars faciei hominis inter capillos et oculos; *supercilium, ii n:* super + cilium (palpebra), ἐπισκόνιον, ὄφρυς; *pultare:* pulsare; *recludo, clusi, clusum, ere:* iterum aperire

46: *Gaia, ae f:* nomen dominae; *foris, is f:* ianua, porta; *tollo, sustuli, sublatum, ere:* sursum eligere, elevare, αἶρω; *protinus (adv.):* porro tenus, prorsum ante; *ulna, ae f:* cubitus

47: *lactare:* lac continere, habere; *tego, texi, tectum, ere:* operire, obducere, velare, στέγω, καλύπτω; *mamma, ae f:* receptaculum lactis in femina; *uber, eris n:* mamma tam in homine quam in bestia, et etiam mammae caput, apex, papilla

48: *nunc:* hoc tempore ↔ tunc; *custodio, ivi, itum, ire:* asservare, observare, tueri, custos vel ianitor sum

49: *proripio, ui, reptum, ere:* rapere, aufugere; *reduco, xi, ctum, ere:* retro ducere, reddere

50: *nondum:* non dum, οὐκέτι; *iam iamque:* nunc nunc; *adsum* ↔ *absum*

51: *ludus, i m:* i.e. ludus litterarum vel litteraria, schola; *mulier, eris f:* femina; *de more:* ex more, sicut soles; *benigne:* bene

52: *opus est:* necesse est; *extremum (adv.):* est ultima occasio; *serus, a, um:* tardus ↔ maturus; *redire:* revenire; *qui?:* cur?

53: *veneo, ii, –, ire:* vendor; *vix:* aegre, μόλις; *credibilis, e:* quod credere possumus; *narrare:* dicere, exponere, recitare; *age!:* come on! (angl.), los! (germ.); *quaeso:* te amabo = please (angl.), bitte (germ.), s'il te plaît (fr.)

54: *perferre:* tolerare; *par, paris (adiect.):* aequus; *numquam:* nullo tempore ↔ semper; *valeo, ui, –, ere:* h.l. posse

55: *modo... tum:* nunc... nunc, primum... dein; *turricula, ae f:* parva turris, et etiam vas in modum turris factum, quod tali in alveolum mitti solent, et in alio nomine pyrgus dicitur, πυργισκάριον, vide imaginem; *ludo, lusi, lusum, ere:* ludum habere, facere

56: *ligneolus, a, um* (deminut.) < ligneus, i.e. ex ligno factus; *filum, i n:* quod ex lino vel lana trahendo ducitur, νῆμα; *commodus, a, um:* h.l. iucundus, aptus, tranquillus; *larva, ae f:* h.l. sigillum, imagiuncula, ita quoddam occulto artificio compacta, ut moveri per se videatur

57: *arceo, ui, –, ēre:* prohibere, vetare, ne aliquis accedat; *despectare:* contemnere, despiciere; *torvus, a, um:* terribilis, ferox, asper, trux, truculentus

- 58:** *plectere*: punire; *parco, peperci / parsi*, –, *ere*: servare, φείδομαι; *tergum*, *i n*: pars posterior corporis humani; *salsus*, *a, um*: urbanus, facetus cum dicti cum mordacitate dicta, σκοπτικός, κομψός; *caveo, cavi, cautum*, *ere*: videre, providere, ne quid accidat
- 59:** *reor, ratus sum, reri*: dicere, narrare; *placidus*, *a, um*: qui placet, quietus, tranquillus; *beatus*, *a, um*: felix
- 60:** *impleo, evi, etum, ēre*: plenum aliquid facere aliqua re; *cantare*: canere; *nenia*, *ae f*: carmen puerile; *tectum*, *i n*: tegmen aedificii, h.l. domus;
- 61:** *mox*: cito; *tetricus*, *a, um*: terribilis; *plāne*: omnino, profecto; *ruga*, *ae f*: plicatura in cute contracta, aspera et inaequali, ut in senibus videre est, ῥυτίς; *rubeo, bui*, –, *ere*: ruber fio vel sum
- 62:** *servare*: h.l. videre, spectare; *verum*: sed; *frugi*: (adiect. indecl.) bonus, probus, prudens; *patiens*: qui patitur, bene fert labores; *labor, ōris m*: opus, munus
- 63:** *carus*, *a, um*: amatus; *sis*: quaeso, sodes, si tibi placet
- 64:** *timeo, ui*, –, *ere*: metuiere; *nimium*: nimis; *timeo nimium ne cara* = timeo, ne Thallusa nimium cara pueris sit
- 65:** *servilis, e*: quod servorum est; *Chrestus, i m* = Christus: hoc modo Suetonius Iesum Christum appellat (*Claud.* 25.4); *probus*, *a, um*: bonus, frugi; *sequor, secutus sum, sequi*: visere, visitare
- 66:** *secta*, *ae f*: institutum, disciplina, congregatio hominum, schola philosopha; *illecebra*, *ae f*: id, a quo ad aliquid faciendum illicimur, lenocinium, incitamentum, invitamentum; *esca*, *ae f*: cibus
- 67:** *decipio, cepi, ceptum, ere*: fallere, in fraudem inducere; *credo, didi, ditum, ere*: committere, fidei alicuius commendare, aliquid alicui custodiendum tuendumque tradere; *istud non sit mihi credere*: hoc non fieri potest, ut credam
- 68:** *praescisco, ivi*, –, *ere*: prae scire, iam ante cognoscere; *facesso, ssivi, ssitum, ere*: maximo studio facere, praestare, exsequi
- 69:** *egomet*: ego ipse; *cenare*: cenam habere vel sumere; *foris*: non domi, extra domum; *non est mihi moris* = non est mos meus, non soleo alqd. facere
- 70:** *paene (adv.)*: fere; *Labrax, acis m*: nomen feneratoris; *occido, cidi, cisum, ere*: interficere, necare
- 71:** *iuvat*: opus mihi est; *obsequium, ii n*: indulgentia, oboedientia, ὑπηρεσία; *ditis, e*: dives, pecuniosus; *lenio, ivi, itum, ire*: mitigare, sedare; *danista, ae f*: fenerator
- 72:** *labrum, i n*: labium, χεῖλος; *teneo, ui, tentum, ēre*: habēre; *labris primōribus alqd. habēre vel tenēre*: in prima lingua alqd. habēre
- 73:** *Dea Bona*: dea mulierum Romanorum; *sacra, orum n*: sollemnia; *fax, facis f*: frustum ligni cera aut oleō inunctum, vel alterius materiae igni concupiendō aptae ad lumen faciendum ignemque circumferendum; *face primā*: primum noctis tempus, cum faces accendi incipiunt
- 74:** *vicinus, a, um*: propinquus, proximo loco vel etiam tempore, quasi in eodem vico positus, ἐγγύς, πλησίος; *de more*: ex more, sicut soles; *pistor, ōris m*: apud antiquos erat μαγεύς, σιτοποιός, qui ante inventum molarum usum frumentum in pila contundebat, deinde dici coepit de eo, qui farinam subigit, panemque conficit, h.e. ἄρτοποιός
- 75:** *uxor, ōris f*: coniunx, femina ↔ maritus; *gnata, ae f*: filia; *coeo, ii, itum, coīre*: convenīre una cum aliis unum locum
- 76:** *sacrificare*: sacra facere, sacrificia conficere; *volo, ui*, –, *velle*: desiderare, optare, cupere, βούλομαι, ἐθέλω
- 77:** *destituo, ui, ūtum, ere*: relinquere, λείπω; *egredior, egressus sum, egredi*: abīre, concedere; *alicui valere iubere*: alicui "vale!" dicere, χαίρειν τινα κελεύω
- 78:** *adsisto, stiti*, –, *ere*: prope stare; *anceps, ancipitis*: dubitans, nesciens utrum hoc an illud faciat; *limen, inis n*: lignum aut lapis transversus in ianua aut porta, tum superius, tum inferius, βηλός, οὐδός; *gestare (infantem ulnis)*: agitare infantem (in) manibus huc et illuc
- 79:** *infans, infantis m/f*: puer parvulus, qui nondum loqui (fāri) potest; *quoad*: ad hoc momentum, quo... (audivit); *respicio, spexi, spectrum, ere*: referre, retorquere oculos ad aliquem vel aliquid
- 80:** *cursus, ūs m*: actus currendi, et dicitur de iis, qui praesertim pedibus currunt, δρόμος; *excipio, cepi, ceptum, ere*: alicui obviam ire, accipere advenientem; *anhelus, a, um*: crebro et vehementer spirans, respirans, anhelans
- 81:** *ōs, ōris n*: ostium, στόμα; *sinus, ūs m*: h.l. pectus; *laevā: scil.* laevā manū; *removeo, mōvi, mōtum, ēre*: idem ac recedere facio, amoveo, dimoveo, abduco, aufero, ἀποκινέω; *Tertullus, i m*: nomen infantis, qui pridem in matris manibus erat
- 82:** *dulcis, e*: suavis, qui gustum grate ac suaviter delectat, γλυκός ↔ amarus; *complexus, ūs m*: actus complectendi, amplexus, quo amici alius alium manibus circumcapiunt; *līmus, a, um*: obliquus, transversus (de oculis dicitur); *tueor, tutus sum, tuēri*: aspicere
- 83:** *daps, dapis f*: cibus, esca, cena; *appono, posui, positum, ere*: i.e. ad+pono; *adsum, afui*, –, *adesse*: praesens sum; *nox, noctis f* ↔ dies, ei m

- 84:** *foris* (adv.): non domi, extra domum; *tabula, ae f*: tabula cerata; *loculus, i m*: capsula, cista, ubi discipuli stilum, regulam, calculos et alias res in ludo litterarum necessarias habent; *resolvo, solvi, solūtum, ere*: fere idem quod solvere, a vinculis libero, aperio, dilabi facio, ἀναλύω
- 85:** *umerus, i m*: os brachii superius a scapula ad cubitum, ὄμος; *discumbo, cubui, cubitum, ere*: mensae accumbere more Romanorum; *patella, ae f*: vas fictile aut aereum cibus tum coquendis, tum mensae inferendis idoneum, λопάς
- 86:** *fictilis, e*: qui a figulo factus est, πλαστός; *cyathus, i m*: κύαθος, genus poculi magni; *sonare*: sonum aut strepitum reddere, ἡχέω; *balbus, a, um*: blaesus, hoc est qui propter haesitantiam linguae verba profert inarticulata et indistincta, quales sunt qui *r* litteram exprimere non possunt, sed pro ea *l* dicunt; *loquella, ae f*: colloquium
- 87:** *atriolum, i n*: atrium parvum; *narrare*: dicere, exponere, recitare; *accomodare*: aliquid aptum facere; *auris, is f*: membrum duplex in capite animalis utrimque positum, quo sonus et voces percipiuntur, οὖς
- 88:** *nec* = et non; *quidquam*: aliquid; *exaudio, ivi, itum, ire*: clare audire, clare sentire, ἑξακούω; *percipio, cepi, ceptum, ere*: plane, penitus capere et intellegere, καταλαμβάνω
- 89:** *disco, didici, —, ere*: rem ignotam percipere et scire, μανθάνω; *doceo, ui, doctum, ēre*: ostendere, monstrare, cognitionem alicuius rei tradere, adeoque erudire, instruere, διδάσκω; *matūrus, a, um*: de arborum terraeque fructibus dicitur, qui legendō edendōque apti sunt, ὠράιος, πέπειρος; *fruges, um f*: fructūs
- 90:** *mane n* (indecl.): prima pars diei; *sero, sēvi, satum, ere*: semina plantarum in terram iacere, σπείρω; *delectari*: frui, aliquid alicui volutati est; *finis, is m*: extremum vel extremitas alicuius rei; *dies, ei m* ↔ vesper
- 91:** *vix* (adv.): cum vi, aegre, difficulter, μόλις; *epulae, arum f*: dapes, cibus, esca, quae tamen lautiora sint; *tenuis, e*: parvus, modestus; *delibare*: h.l. particulam parvulam cibi sumere, leviter attingere, parum gustare
- 92:** *libare*: rei alicuius particulam carpere, decerpere, excerpere, atque adeo degustare, lambere; *lentus, a, um*: tranquillū; *labellum, i n*: labium parvum
- 93:** *absum, affui, —, abesse* ↔ *adsum, afui, —, adesse*; *cenam ministrare*: convivio inservire
- 94:** *interea*: interim, ἐν τῷ μεταξύ χρόνῳ; *hiare*: os late aperire re aliqua cupienda; *oscitare*: os late aperire somno cupiendo
- 95:** *levis, e* ↔ *gravis, e*; *ocellus, i n*: oculus parvus; *nuper*: non longo ante tempore, νεωστί
- 96:** *maior, us: grad. comp.* de magnus, a, um; *natare*: in aqua volvi et excurrere, νέω, νήχομαι; *nictare*: oculos subinde claudere genas movendo, quod semper facimus vugilantes atque somno cupiendo, σκαρδαμύττω; *coniveo, nivi (nixi), —, ēre*: claudi (i.e. oculi clauduntur somno)
- 97:** *dulcis, e*: suavis, qui gustum grate ac suaviter delectat, γλυκύς ↔ *amarus*; *laxare*: h.l. sedare, tranquillū facere; *teres, etis*: oblongus simul et rotundus; *adiacēo, —, —, ēre*: iuxta (h.l. dulci fonti) iacēre
- 98:** *velut*: sicut, ut; *occultus, a, um*: celatus, secretus; *permulceo, mulsi, mulsum, ēre*: leniter contrectare, destingere, demulcēre, καταπάω; *murmur, uris n*: idem ac susurrus; *dormio, ivi, itum, īre*: somnum capere
- 99:** *iunceus, a, um*: qui est ex iunco (est frutex longi viminis, texendo vinciendoque utilis, σχοίνος) factus, σχοινώδης; *linter, tris f*: cymba parva ex cavata arbore, vel etiam ex pluribus asseribus compactis, in usum traiciendi fluminis, λιντήρ; *lectulus, i m*: lectus parvus; *ambo*: unus et alter
- 100:** *unus, a, um*: I; *totus, a, um*: universus, integer, solidus; *conclave, is n*: cubiculum, i n; *super* (adv.): praeterea, insuper
- 101:** *vigilare*: non dormire; *tacitus, a, um*: qui tacet, silentii plenus; *laedo, laesi, laesum, ere*: nocēre, aliquid mali alicui inferre, violare, βλάπτω; *lumen, inis n*: lux; *lampas, adis f*: laterna, λαμπάς
- 102:** *comptus, a, um*: ornatus; *parat*: se praeparat; *linquo, liqui, (lictum), ere*: deserere, relinquere, destituere, omittere; *limen inis n*: lignum aut lapis transversus in ianua aut porta, tum superius, tum inferius, βηλός, οὐδός
- 103:** *Thallusan*: acc. graecus Θαλλοῦσαν; *moneo, ui, itum, ēre*: docēre, praecipere, iubēre; *multis: scil.* multis verbis; *repeto, ivi, itum, ere*: iterum iterumque peto, iterum iterumque dico
- 104:** *mussare*: submissa voce loqui, clam murmurare, μύζω; *lacrima, ae f*: humor ex oculis fluens ex fletu vel morbo, δάκρυ, δάκρυμα; *effundo, fudi, fudum, ere*: extra fundere, emittere, profundere, dicitur proprie de humoribus; *respicio, pexi, pectum, ere*: referre, retorquere oculos ad aliquem vel aliquid; *heu!*: interiectio, quae idem significat ac graecum φεῦ
- 105:** *dolor, ōris m*: acerbus corporis vel animi sensus, cruciatus, moeror; *inquit*: dicit; *cura, ae f*: diligentia, studium, labor qui alicui rei impeditur; *laccio, ivi, itum, ere*: provocare, irritare, tentare, προπηλακίζω
- 106:** *tum*: eo tempore, ἐν τῷδε, τηνικαῦτα; *claudio, clausi, clausum, ere* ↔ *aperire*; *fores, um f*: ianuae exteriores aedium; *cognosco, novi, nitum, ere*: personam vel rem aliquam noscere disco, nosco, bene nosco, γινώσκω; *causa, ae f*: ea res, propter quam aliquid fit vel nascitur, αἰτία
- 107:** *tentare*: tangendo exploro, manu tracta; est enim diu et multum tenēre ac tractare, ut solent quippiam exploraturi; *ignotus, a, um* (↔ *notus*): res, quam nescimus vel ignoramus; *miser, era, erum*: infelix; *lenio, ivi, itum, ire*: mitigare, sedare, tranquillū facere

- 108:** *singultim* (adv.): loqui sermone interrupto flendo et lacrimando; *conor, atus sum, ari*: nitor, tento, do operam, aggredior, *πειράομαι*; *aegre*: modo gravi, molesto, laborioso
- 109:** *respondeo, ndi, nsum, ēre*: vicissim dicere, interroganti satisfacere, ad voluntatem rogantis loqui, ἀποκρίνομαι; *quid tu: scil.* quid tu me adiuvere possis?; *Deus, i m*: supremum numen, conditor, dominus et rector rerum omnium, Θεός; hic a Thallousa Deus Christianorum subauditur
- 110:** *sileo, ui, –, ēre*: tacēre; *sacra, orum n*: festus alicuius dei, sacrificium; *Dea Bona*: dea, quae plerumque a matronis Romanorum colebatur; *nocturnus, a, um*: noctu factum, ad noctem pertinens; *mihi necesse est*: ego debeo, me oportet
- 111:** *sacra ferre*: sacra celebrare; *forsit*: fortasse, fieri potest; *sospitare*: servare, σφίζω; *euge!*: interiectio variis inserviens affectibus, εὔγε
- 112:** *iamque*: et iam, et nunc; *abeo, ii, itum, ire*: discedere, proficisci; *vigilare*: non dormire, sobrius esse; *forte*: casu; *relinquo, reliqui, relictum, ere*: linquere, deserere
- 113:** *somnus, i m*: dormiendi actus, sopor, quies, ὕπνος; *incesso, cessivi, –, ere*: aggredi, impetum facere; *Lemures, um m*: animae iratae mortuorum hominum, phantasmata, μορμολύκεια; *metus, us m*: timor; *bene ↔ male*; *plenus, a, um ↔ vacuus*
- 114:** *pupus, i m*: infans, puer parvulus; *lac, lactis n*: succus maternus (hominum vel bestiarum); *vagio, ivi, itum, ire*: "va va" dicere, sicut infantes, qui non dum loqui possunt, lacrimando atque vagiendo matrem vocant
- 115:** *cantus, us m*: canendi et cantandi actus; *opem ferre*: adiuvere, auxilio venire, studēre, curare; *quatio, quassi, quassum, ere*: crebro movēre aliquid, quatefacere, concutere, agitare, σείω; *cunae, arum f*: cunabula, vasculum, sive alveus ille, in quo infantes fasciis involuti cubant, forma scaphae, cf. v. 99: *linter*
- 116:** *redeo, ii, itum, ire*: revenire, reverti; *mora, ae f*: cunctatio, tarditas, dilatio, διατριβή, ἀναβολή; *appeto, petivi, petitum, ere*: h.l. famem habere, cibum cupere, lac valde desiderare; *uber, eris n*: mamma, quam in homine quam, saepius tamen, in bestia, μαστός, οὔθαρ
- 117:** *haec: scil.* haec verba; *geminare*: aliquid bis dicere, iterum dicere; *exeo, ii, itum, ire*: abire, discedere, proficisci; *secum*: cum se; *solus, a, um*: aliis hominibus absentibus; *repente*: subito, statim, extemplo
- 118:** *exsilio, silui, (sultum), ire*: extra salio, prosilio, erumpo, me proripio; *vultus, us m*: facies; *ferinus, a, um*: ad bestias feras pertinens; vultū ferinō: *scil.* cum vultu ferino, ex vultu, qui quasi bestiae ferae factus est; *iacio, ieci, iactum, ere*: mittere, emittere, iaculari, conicere, βάλλω
- 119:** *eo, ii, itum, ire*: ambulare, vadere, pergere, iter facere, εἶμι, βαίνω; *felix, īcis*: beatus, εὐδαίμων; *sic*: ita, hoc modo; *Bona: scil.* Dea Bona; *prosperare*: felicitatem ferre, sospitare; *Bonus ille: scil.* Deus Bonus, Deus Christianorum; *aeger, a, um*: qui corpore vel anima male se habet
- 120:** *redeo, ii, itum, ire*: revenire, reverti; *cunabula, orum n*: cunae; *viso, visi (vidi), –, ere*: aspicere, vidēre
- 121:** *egomet*: ego ipsa; *dulcis, e*: suavis, qui gustum grate ac suaviter delectat, γλυκὺς ↔ amarus; *fruor, fructus sum, frui*: delectari; *alumnus, i m*: h.l. verbatim infans, puer parvulus, qui lacte alitur
- 122:** *magis: adv., grad. comp.* (magnus); *atque*: sed; *frustra (adv.)*: nequiquam, in fraude, cum fraude, per errorem; *lac, lactis n*: succus maternus (hominum vel bestiarum); *tumeo, tumui, –, ēre*: turgeo, inflatus vel tumidus sum
- 123:** *abripio, ripui, reptum, ere*: ab aliquo loco vel a homine quodam rapere, vi trahere, abstrahere; *invenēre* (= invenērunt): *perf. ind. act. 3pl.* (*invenio, vēni, ventum, ire*: de rebus omnibus, quae vel data opera quaesita, vel casu oblata, quocumque modo comperimus, εὐρίσκω; *papilla, ae f*: caput, seu apex mammae, quod infans vel pullus ore comprehendit, ut lac matris bibat
- 124:** *cedo, cessi, cessum, ere*: h.l. abire, discedere; *tum*: eo tempore, ἐν τῷδε, τηνικαῦτα; *reor, ratus sum, reri*: dicere
- 125:** *blanditiae, arum f*: actus blandiendi, adulatio, illecebra; *alo, alui, altum, ere*: nutrire; *ars, artis f*: industria, sollertia, atque adeo dexteritas in re aliqua agenda et perficienda, usu fere cotidiano acquisita, et etiam disciplina atque scientia, τέχνη
- 126:** *minae, arum f*: metus incussio per verba et signa territantia, ἀπειλή; *minas ferre*: minas ab aliis hominibus experiri atque tolerare; *probrum, i n*: omne peccatum cum turpitudine ignominiaque coniunctum, αἷσχος, ὄνειδος; *pator, passus sum, pati*: experiri, tolerare, πάσχω; *verber, eris n*: instrumentum verberandi, qualis est virga, fustis, flagellum, ferula, et si quid sit simile, μάστιξ, αἰκισμα
- 127:** *conserva, ae f*: quae cum aliis serva est, eundemque dominum habet; *felix, īcis*: beatus, εὐδαίμων
- 128:** *bini, ae, a*: qui dupliciter sunt; *annus, i n*: tempus, quo Sol per Zodiacum cursum suum conficit, et 365 dies habet; *tantum*: solum, μόνον;
- nomen, inis n*: vocabulum, quo singulae res appellantur et noscantur, ὄνομα; *coniunx, iugis m/f*: h.l. maritus, vir Thallousae

129: *do, dedi, datum, dare:* praebere, tribuere, tradere, deferre, δίδωμι; *mors, mortis f* ↔ *vita; quamvis:* quamquam, etsi, tametsi; *innoxius, a, um:* sine culpa; *heu!:* interiectio, quae idem significat ac graecum φεῦ; *me:* acc. exclamationis

130: *adspicio, spexi, spectrum, ere:* vidēre; *communis, e:* qui est multorum, vulgaris, itemque publicus, et meus et mariti mei; *quaero, quaesivi, quaesitum, ere:* dare operam, ut res, qua utcumque caremus, inveniatur: scrutari, indagare, perquirere, ζητέω; *natus, i m:* filius

131: *nequiquam:* frustra; *verbum i n:* vox, vocabulum, dictio; *doceo, ui, ctum, ēre:* monēre, h.l. dicere

132: *solor, solatus sum, ari:* consolor, spem facio, dictis alloquor, recreo, παραμυθέομαι; *credo, didi, ditum, ere:* committere, fidei alicuius commendare, aliquid alicui custodiendum tuendumque tradere; *mori, mortuus sum, mori:* extremum spiritum effundere, vita decedere ↔ vivere; *quandoque:* quondam, olim; *resurgo, surrexi, surrectum, ere:* iterum surgo, in pristinum statum redeo, e mortuis iterum vivus fio, ἀνάσταμαι

133: *parvus, a, um* ↔ *magnus; primus, a, um:* qui ante se nullum habet, et refertur ad ordinem, locum, tempus, πρῶτος; *in primo flore:* in pueritia, in iuventute

134: *risus, us m:* actus ridendi, γέλως; *tentare:* conari, niti, operam dare; *promo, prompsi, promptum, ere:* extrahere, excipere; *primum (adv.):* prima occasione, πρῶτον

135: *nescire* ↔ *scire; non... umquam:* numquam, nullo tempore

136: *luctus, us m:* tristitia, maeror, fletus; *fauces, ium f:* superior interiorque gulae pars ad linguae radices, ubi os contrahitur, et cibus incipit descendere in stomachum, φάρυγξ καὶ λάρυγξ; *inconsolabilis, e:* cui consolatio nulla mederi potest, ἀπαράκλητος; *ango, anxi, (anctum/anxum), ere:* constringere, strangulare, suffocare, ἄγχω

137: Nil = nihil, nulla res; *contra* ↔ *pro;* *mors, mortis f* ↔ *vita;* *possum, potui, –, posse:* δύναμαι

138: *reputare:* rationem in eo, computo, ἀναλογίζομαι; *ira, ae f:* dolor animi vehemens ob iniuriam; *rursus:* iterum, denuo; *cedo, cessi, cessum, ere:* venire; *dolor, ōris m:* acerbus corporis vel animi sensus, cruciatus, moeror

139: *sentio, sensi, sensum, ire:* sensu percipere, αἰσθάνομαι; *incredulare:* magnum crepitum edere, vehementer insonare, sive inclamare; *tacitus, a, um:* < tacēre; *cunabula, orum n:* cunae

140: *pupus, i m:* infans; *totus, a, um:* integer, omnis; *beatus, a, um:* felix

141: *famula, ae f:* serva, ancilla; *bene* ↔ *male;* *cor, cordis n:* membrum est praecipuum in corpore animalium, in medio pectore situm, cuspide ad sinistrum latus aliquantum inclinata, omnem sanguinem ex venis se dilatando excipiens, et per arterias in omnes partes corporis contrahendo se dimittens, καρδιά; *bene velle alicui:* amare aliquem, benigne accipere

142: *dum:* quo tempore; *furio, –, –, ire:* vehementer insanire; *cuncti:* omnes; *vanesco, –, –, ere:* vanus fieri, in vanum abire aut recidere, evanescere, ἀφανίζομαι, perire; *flamma, ae f:* folium ignis, φλέγμα

143: *seque:* et se; *tenuis, e:* parvus, modestus; *tintinnare:* tinnire, tinnitum (=sonor metalli) edo; *putare:* arbitrari; *auris, is f:* membrum duplex in capite animalis utrimque positum, quo sonus et voces percipiuntur, οὖς

144: *murmur, uris n:* idem ac susurrus; *mox:* cito, postea; *agnus, i m:* fetus ovis, qui annum nondum egressus est; *tamquam:* ut, sicut; *relinquo, reliqui, relictum, ere:* linquere, deserere

145: *vox, vocis f:* sonus animalium ore aut alia collisione corporum expressa, φωνή; *temptare:* tentare; *tremibundus, a, um:* valde tremens, περίτρομος; *palpitare:* leviter ac frequenter moveri et praecipue de corde dicitur; *omnis, e:* totus

146: *vagitus, us m:* vagiendi actus, clamor fletusque infantis; *infelix, icis* ↔ *felix;* *vocare:* voce arcessere, advocare, καλέω

147: *nosco, novi, notum, ere:* alicuius rei notitiam sibi comparare, cognoscere, agnoscere

148: *somnus, i m:* dormiendi actus; *conspicio, spexi, spectrum, ere:* oculos aliquo vertere, oculos aliquo dirigere, attente aspicere; *crepundia, orum n:* reculae pueriles, quae infantibus tum ornatus, tum ludi causa dantur: a crepando seu tinniendo dictae, quorum infantes huiusmodi crepitaculis maxime gaudent; *bullae, ae f:* insigne quoddam, quod a pueris Romanis e collo ante pectus loro suspensum gestabatur in signum ingenuitatis et fortunae, ornamentum puerile

149: *ensiculus, i m:* ensis (vel gladius) parvus; *perquam:* maxime; *mercior, mercatus sum, ari:* emere; *parvo:* scil. parvō pretiō; *ovare:* triumphum agere

150: *deinceps (adv.):* significat ordinem continentem unius rei post aliam subsequentis, подряд; *scriblita, ae f:* genus placenta ex caseo, farina, sine melle; *libum, i n:* genus cibi, πέλανος, θύον; *placenta, ae f:* panis ex farina seligneae sine fermento coctus, caseo et melle adiecto, et in latam ac tenuem formam compositus

151: *prorsus:* porro versus, prorsum; *emo, emi, emptum, ere:* sumere vel adipisci aliquid in taberna pecuniā solvendā; *cupidus, a, um:* qui maxime aliquid cupit, valde desiderat ac optat; *edo, edi, esum, edere:* comedere, manducare; *prope:* iuxta, ἐγγύς; *lectus, i m:* cubile stratum iacendi causa, κλίνη, εὐνή, λέκτρον

152: *serva, ae f:* ancilla; *levis, e* ↔ *gravis:* scil. levi gradu; *semihians, antis:* aliquantum hians, cum ore aliquantum aperto; *albus, a, um* ↔ *niger*

- 153:** *demulceo, mulsi, mulsum, ēre*: leniter contrectare, tactu blandiri; *spargo, sparsi, sparsum, ere*: in omnes partes iacere vel diffundere (de seminibus et humoribus); *ros, roris m*: humor quem noctibus remittit humus, δρόσος; *capillus, i m*: crines, coma
- 154:** *palpebra, ae f*: tunica vel tegmentum oculi, βλέφαρον; *comprimo, pressi, pressum, ere*: premere, contrahere, stringere; *susurrare*: murmurare
- 155:** *pergo, perrexi, perrectum, ere*: vadere, ire, properare; *queribundus, a, um*: qui queritur, lamentabilis, μεμψίμοιρος
- 156:** *tranquillare*: sedare, pacare; *valeo, ui, -, ēre*: h.l. posse; *quatio, quassi, quassum, ere*: crebro movēre aliquid, quatefacere, concutere, agitare, σείω; *balbus, a, um*: blaesus, hoc est qui propter haesitantiam linguae verba profert inarticulata et indistincta, quales sunt qui *r* litteram exprimere non possunt, sed pro ea *l* dicunt
- 157:** *infringo, fregi, fractum, ere*: frangere, vel valde frangere, καταρρήγνυμι; *sequor, secutus sum, sequi*: consecrari, comitari, ἔπομαι; *alveus, i m*: h.l. cunabula, cunae
- 158:** *namque*: nam, enim, re vera; *fluctivagus, a, um*: qui fluctibus vagatur atque agitur ut nautae fluctivagi, ποντοπόρος; *lembus, i m*: naviculae exiguae genus, sed mirae velocitatis, cuiusmodi ante classem explorandi gratia solent praemitti, λέμβος; *capio, cepi, captum, ere*: continere; *homillus, i m*: homo parvus
- 159:** *supra (adv.)*: significat superiorem locum vel partem, altius; *infra (adv.)*: significat inferiorem locum vel partem; *alumnus, i m*: infans, puer parvulus, qui lacte alitur, filius, natus; *rex, regis m*: vir, qui habet summum imperii regionis vel populi, aut urbis, βασιλεύς
- 160:** *quisquis*: omnis; *opera, ae f*: auxiliium, studium; *egeo, ui, -, ēre*: alicui rei inopia laborare, aliqua re carēre
- 161:** *sonare*: sonum (φωνήν) reddere, sonat scil. querela; *anumus, i m*: principium illud simplex et spirituale, quod in nobis percipit, cogitat, sentit ac vult; *sedare*: placare, tranquillum facere
- 162:** *abripio, ripui, reptum, ere*: ab aliquo loco vel a homine quodam rapere, vi trahere, abstrahere; *suesco, suevi, suetum, ere*: consuescere, assuescere, ἐθίζομαι; *sopire*: dormire facio, soporo, consopio, κοιμάω; *querela, ae f*: querimonia, conquestio, μομφή, cantus nugatorius, quo nutrices infantibus somnum conciliant
- 163:** *vagitus, us m*: vagiendi actus, clamor fletusque infantis
- 164:** *navicula, ae f*: navis parva, scil. cunae; *pello, pepuli, pulsum, ere*: percutere, pulsare, pulsando movēre; *solor, solatus sum, ari*: consolor, spem facio, dictis alloquor, recreo, παραμυθέομαι; *carmen, inis n*: cantus, ᾠδή; *nauta, ae m*: quicumque in nave adhibetur, ναύτης
- 165:** *ocellus, i m*: oculus parvus; *volo, ui, -, velle*: desiderare, optare, cupere, βούλομαι, ἐθέλω; *aperire ↔ claudere*
- 166:** *cubare*: dormire; *Sol, Solis m*: planetarum princeps, qui exortu suo diem efficit, occasu noctem, ἥλιος
- 167:** *aureus, a, um*: ex auro factus; *grabātus, i m*: lectus; *luna, ae f*: planeta proxima Terrae ac comes eius; *piger, a, um ↔ industrius*; *linquo, liqui, (lictum), ere*: deserere, relinquere, destituere, omittere, λείπω
- 168:** *gena, ae f*: h.l. palpebra; *tego, texi, tectum, ere*: operire, contegere, obducere, velare, vestire, καλύπτω, στέγω; *plusculum*: aliquanto plus
- 169:** *lalla*: "[nutrices] infantibus, ut dormiant, solent dicere saepe: Lalla lalla lalla aut dormi aut lacta" (*Schol. ad Pers.* 3.16) [βαλο-βαι]
- 170:** *usque (adv.)*: omne tempus, semper; *tueor, tuitus sum, tueri*: aspicere, spectare
- 171:** *doleo, ui, litum, ēre*: dolore affici, dolorem pati; *quod*: h.l. nam, enim; *cerno, crevi, cretum, ere*: separare, praesertim aspiciendo, adeoque purgare, et intellegere, κρίνω; *mamma, ae f*: mater
- 172:** *servulus, i m*: servus parvus, puer servus; *vix (adv.)*: cum vi, aegre, difficulter, μόλις; *serva, ae f*: ancilla, δούλη
- 173:** *gena, ae f*: h.l. palpebra; *tego, texi, tectum, ere*: operire, contegere, obducere, velare, vestire, καλύπτω, στέγω; *liber, a um*: ἐλεύθερος ↔ servus
- 174:** *lalla*: "[nutrices] infantibus, ut dormiant, solent dicere saepe: Lalla lalla lalla aut dormi aut lacta" (*Schol. ad Pers.* 3.16) [βαλο-βαι]
- 175:** *tueor, tuitus sum, tueri*: aspicere, spectare; *usquequaque*: totum tempus, καὶ ἔτι; *lugeo, luxi, luctum, ēre*: flēre, plorare, πενθέω
- 176:** *foras (adv.)*: extra. ἔξω; *eo, ii, itum, ire*: ambulare, abire, discedere; *perdite (adv.)*: flagitiose, nequiter, corrupte, ἀκολάστως; *procul (adv.)*: longe, porro, πόρρω, ἄποθεν
- 177:** *pereo, ii, itum, ire*: mori; *tunc*: tum; *putare*: arbitrari
- 178:** *remitto, misi, missum, ere*: rursus, aut retro mittere, ἀναπέμπω
- 180:** *fleo, flevi, fletum, flēre*: plorare, lacrimare; *cano, cecini, cantum, ere*: cantare; *memor, oris*: qui meminit alqd., qui memoriā tenet alqd.; *immemor, oris ↔ immemor*; *aeque (adv.)*: aequo modo, item
- 181:** *ecce (adv.)*: hoc adverbium rem demonstrat, ἰδοὺ; *lenis, e*: levis, mollis; *pacare*: placare, sedare, tranquillum facere; *momen, inis n*: movimen, actus movendi, κίνησις; *cymba, ae f*: navis parva, κύμβος

- 182:** *cessare*: consistere, nihil agere, παύομαι; *fleo, flevi, fletum, flēre*: plorare, lacrimare
- 183:** *singultio*, –, –, *ire*: singultum (cf. v. 108) edere, λύζω; *tranquillus, a, um*: sedatus, pacatus, placatus; *hiare*: os late aperire re aliqua cupienda; *patulus, a, um*: late apertus; *cano, cecini, cantum, ere*: cantare
- 184:** *tremulus, a, um*: tremens, τρομώδης, τρομερός; *lychnus, i m*: lanterna parva, lampas parva; *flamma, ae f*: folium ignis; *miror, miratus sum, ari*: rem aliquam intuens audiensve suspicio, admiror, admiratione afficior, obstupesco, θαυμάζω
- 185:** *stupeo, ui, –, ēre*: sensum membrorum amittere, torpescere, obstupescere, ἐκπλήττομαι; *varius, a, um*: diversi coloris, versicolor, ποικίλος; *lumen, inis n*: lux; *lampas, adis f*: lychnus, lanterna parva; *ico, ici, ictum, ere*: percutere, ferire, πλήττω; h.l. capere
- 186:** *labilis, e*: qui facile labitur, defluit; *cilium, ii n*: palpebra, βλέφαρον; *pendeo, pependi, –, ēre*: suspensus sum, κρέμαμαι; *ardeo, arsi, arsurus, ēre*: flagrare, conflagrare, cremari
- 187:** *lacrimula, a f*: lacrima parva; *tandem (adv.)*: denique, demum, τέλος δέ; *crispate*: crispum (i.e. intortus, contortus) reddere; *buccula, ae f*: bucca parva; *rideo, risi, risum, ēre*: risum edere, arridēre, γελάω
- 188:** *ait*: inquit, dicit; *furere*: furore corripior, furiosus sum, item vehementiore aliquo affectu, ut ira, cupiditate, laetitia, timore agitor, efferor, insanio, μαίνομαι; *obliviscor, oblitus sum, oblivisci* ↔ meminisse; nil = nihil
- 189:** *percipio, cepi, ceptum, ere*: plane, penitus capere, intellegere ac sentire, καταλαμβάνω; *auris, is f*: membrum duplex in capite animalis utrimque positum, quo sonus et voces percipiuntur, οὗς
- 190:** *lacrimare*: plorare flere; *deperditus, a um*: sui oblitus, se totum amittens
- 191:** *coepi, coepisse*: incipere, initium ponere; *tandem (adv.)*: denique, demum, τέλος δέ; *cognosco, novi, nitum, ere*: personam vel rem aliquam noscere disco, nosco, bene nosco, γινώσκω
- 192:** *adesse (πάρειμι)* ↔ *abesse (ἀπείμι)*; *verus, a, um* ↔ *falsus, a, um*; *redux, ucis*: qui revēnit, qui revertit; *audio, ivi, itum, ire*: auribus percipere; *loquor, locutus sum, loqui*: verba facere, sermonem habere, dicēre, in sermone familiari atque in communi hominum societate, διαλέγομαι, λαλέω
- 193:** *eo, ii, itum, ire*: ambulare, discedere; *cubo, ui, itum, are*: dormire; *primo mane*: ἐξ ἑωθινοῦ; *surgo, surrexi, surrectum, ere*: erigi, extolli, ἀνίσταμαι, ὄρνυμαι; *necesse est*: oportet, opus est
- 194:** *domō*: ex domo; *novus, a, um* ↔ *vetus, antiquus*; *emptor, oris m*: qui emit; *abigo, egi, actum, ere*: abstra-
here

Opera citata

AEGIDIUS FORCELLINI. *Lexicon totius Latinitatis*. Bononiae, 1940.

GIOVANNI PASCOLI. *Thallusa*. Introduzione, testo, traduzione e commento a cura di A. Traina. 3 ed. Bologna, 1993.

ALFONSO TRAINA. *Il latino del Pascoli. Saggio sul bilinguismo poetico*. 3 ed. Bologna, 2006.

ANNE MAHONEY. The Saturnian Lullaby in Pascoli's *Thallusa*, *Humanistica Lovaniensia*, Vol. 51 (2002), 311–321.

ANNE MAHONEY. Giovanni Pascoli: Modern Latin Poet. *The Classical Outlook*, Vol. 87, No. 3 (Spring 2010), 93–98.

«Но тих был наш бивак открытый...»: несколько слов об источниках лермонтовского вдохновения

М. М. Позднев

От других наук филология выгодно отличается свободой заново открывать одни и те же явления. В 2002 г. А. К. Гавриловым был отмечен мотив тишины, сближающий известный пассаж «Бородина» с *Ил.* 3, 1–9 и др. Ввиду малой вероятности заимствования параллель объясняется типологическим сходством фольклорных источников. В 2016 г. А. Ю. Нилова, питомица петрозаводской филологической школы, стремясь обобщить «гомеровские традиции в стихотворении “Бородино” М. Ю. Лермонтова» (ни больше, ни меньше), указывает попутно на буквальное совпадение всем знакомого «смешались в кучу кони, люди» с *Ил.* 11, 523. Этюд А. К. Гаврилова, при этом, не упоминается.¹ Сказанный этюд вошел в серию миниатюр о рецепции античности в русской поэзии золотого века, на создание которых корифей нашей филологии вдохновило появление «Абариса». Надеемся, его издателю не покажется странным получить в день юбилея этот дар – как воспоминание о тогдашних спорах.

«Бородино», связанное с описанием битвы в третьей песни «Полтавы» уже тем обстоятельством, что кроме названных двух в русской поэзии нет других батальных стихотворений, излагающих компактно, в нескольких строфах решающее сражение от его начала и до конца, строго документальных в своей основе и равных силой художественного воздействия,² тем не менее разительно отличается от пушкинского шедевра по эмоциональному настрою. Описывается *проигранная* битва, и общий тон пьесы печален. Мало того, каждый, кто хоть сколько-нибудь подробно разбирал свидетельства о бородинском бое, поймет, что иной исход был бы чудом, каких не случается на войне. Численность армии, вооружение, опыт солдат, искусство командиров, талант полководца, боевой дух войска – во всех составляющих победы русские уступали противнику, их мужество было мужеством отчаяния. В раннем «Поле Бородина» (1830 или 1831) это выражено с детской почти откровенностью: «Что Чесма, Рымник и Полтава? Я, вспомня, леденев весь, / Там души волновала слава, / Отчаяние было здесь.»

¹ В канд. дисс. А. Ю. Ниловой «Жанрово-стилистические традиции в лирике М. Ю. Лермонтова. Послание, элегия, эпиграмма» (2002) статья А. К. включена в библиографию, но следов использования ее мы не нашли.

² «Чесмесский бой» Хераскова и тому подобные творения при всей любви к XVIII веку выводим за скобки, да они обычно и чересчур длинны, чтобы выдержать сравнение. Сознаем, конечно, что в «Полтавском бое» нет буквально *ни одного* неточного или недостаточно выразительного слова, чего о стихах Лермонтова сказать нельзя. Существенно и то, что Пушкин дает картину скорее историческую, Лермонтов же скорее документальную: изображается один участок сражения. Этим, в частности, объяснима преимущественная выразительность отдельных мест. Историчности поэт стремится достичь через типизацию, но такая историчность всегда спорна.

Мысль присутствует и в мемуарах, особенно у Н. Н. Муравьева, чье немногословие («мы были гораздо слабее неприятеля и потому не должны были надеяться на победу»)³ убеждает больше, чем романтический стиль его сына А. Н. Муравьева.⁴ Влияние на мемуаристов самого «Бородин» здесь маловероятно; сходства: «без помощи свыше невозможно было устоять» (А. Н.); «подобной битвы, может быть, нет другого примера в летописях всего света» (Н. Н.) – не более чем общие места, также как безбожие французов, допускающее сравнение с магометанами. Так думали все участники дела, и так должен был рассказывать о нем своему внучатому племяннику А. А. Столыпин.⁵

Лермонтоведами признается использование воспоминаний Н. Любенкова («Рассказ артиллериста о деле Бородинском»), опубликованных в 1837 г.⁶ Действительно, пафос Любенкова местами совершенно идентичен, параллели просматриваются и на лексическом уровне: «Сражение сделалось как бы поединком, трупы усеяли землю, лошади без всадников, разметав гривы, ржали и скакали; отбитые орудия, остовы ящиков были разбросаны, дым, пламя, гул орудий, изрыгающих непрерывный огонь – стонали раненые, дрожала земля».⁷ Очаровывает наблюдение за тем, как переплавляются творческим воображением гения отдельные фрагменты, застывая в новой, хотя похожей на источник, но все же вполне самобытной форме.

В том же горне оказывается материал сугубо литературный, заимствуемый из античной поэзии, *Ил.* 11, 523–530 (слова Кебриона, колесничего Гектора):⁸

«Гектор! тогда как мы здесь подвигаемся между данаев,
Здесь, на конце истребительной брани, – взгляни ты, другие
Наши волнуются рати; смешались и кони и вои.
Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче

³ Из дневниковых «Записок», которые не могли быть изданы при жизни (ср. цит. ниже отрывок). Деловой тон Н. Н. принимает в рассказе о войне, то есть о том, чем он занимался профессионально. В других местах литературность ему совершенно не чужда и достигает даже высот, например, в историческом портрете: «Я видел своими глазами то состояние разрушения, в которое приведены нравственные и материальные силы России тридцатилетним безрассудным царствованием человека необразованного, хотя, может быть, от природы и не без дарований, надменного, слабого, робкого, вместе с тем мстительного и преданного всего более удовлетворению своих страстей, наконец, достигшего как в своем царстве, так и за границею высшей степени напряжения, скажу, презрения, и опирающегося, еще без сознательности, на священную якобы преданность народа русского духовному обладателю своему, сила, которой он не разумеет и готов пользоваться для себя лично в уверенности, что безусловная преданность сия относится к лицу его, нисколько не заботясь о разрушаемом им государстве»: Подольская 1989, 71. Сходно впечатление о деле 26 августа Г. А. Крейца: «считая оное последним в своей жизни, всякий дрался, чтобы увековечить свое имя» («Записки командира 3-го кавалерийского корпуса К. А. Крейца о боевых действиях кавалерии в сражениях 24 и 26 августа»); Здесь и далее мемуары цитируются по тексту сборника «Бородино в воспоминаниях современников». Сост. Р. А. Кулагин. СПб. 2001, <https://statehistory.ru/books/Borodino-v-vospominaniyakh-sovremennikov/> (21.09.2022).

⁴ Одного из основателей «Союза благоденствия», что очень видно: «Повсюду служили перед нею [Смоленской иконой] молебны, чем возбуждалось религиозное чувство в войсках, которые на этот день уподоблялись несколько пуританам Кромвеля, если б чувство это не осквернено было идолопоклонством». Автобиографические записки А. Н. Муравьева созданы после 1856 г.: Герасимова, Дубин 1986, 352.

⁵ Ссылаемся на статью «Столыпины» в «Лермонтовской энциклопедии» (данные об Афанасии Алексеевиче приведены Л. И. Прокопенко и Н. Н. Назаровой); также: Пенькевич 1992 (<http://elsso.ru/cont/pp1/518.html> [21.09.2022]); Гаврилов 2002, 10 (прим. 16).

⁶ См. «Материалы лермонтовской комиссии ИРЛИ (1938–1941)» в первом выпуске Лермонтовского сборника, СПб. 2014, стр. 100 (сообщение И. Л. Андроникова): http://www.ras.ru/e_editions/Lermontov1.pdf (21.09.2022). Возможно, чтение Любенкова стало одной из причин, побудивших поэта переработать «Поле Бородина» в более совершенную вещь

⁷ Любенков 1837, 21. Ср. еще и такой отрывок: «Ударить, разбить – вот к чему пламенеет кровь Русская. Но, вняв воле Царя, спасителя отечеств, мы с терпением переносили отступление; наконец, утомленные им, мы жадно ожидали генеральных сражений. Авангардные дела мало занимали нас, мы решились всей массой войска принять на себя врага.»

⁸ «Илиаду» везде цитируем в переводе Н. И. Гнедича (1829); знакомство Лермонтова с этим текстом не ставится под сомнение.

Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!»

Уже после этого странно было бы думать, что стихотворение Лермонтова «далеко от каких-либо античных ассоциаций», и поэтому Шиллер, Байрон, французская литература и (типичное для романтиков) увлечение Востоком, затмив «классический юг», именно здесь делают влияние Гомера «особенно маловероятным».⁹ Не одно только буквальное совпадение, но и общий настрой сцены схож: чтение романтической поэзии учит опираться на подобные, воздушные в иных случаях, доводы. Хронологическая близость оставляет мало сомнений в том, что «Рассказ артиллериста» вдохновлял Лермонтова. Не менее правдоподобно и то, что ученик А. Ф. Мерзлякова, автор пародирующей Гнедича эпиграммы «Се Маккавей-водопийца» (того же года, что и «Бородино»), создатель «Валерика», где ярчайший образ – заваленная трупами, струящаяся кровью река – перекликается с *Ил.* 21,¹⁰ обращается к Гомеру сознательно. Близоруки тезисы вроде: «романтической ветке нашей поэзии Гомер был не нужен: ни Лермонтову, ни Блоку, ни Пастернаку, – ни одного упоминания, ни одного образа, навеянного им» (А. С. Кушнер¹¹). Столь же, впрочем, глубокомысленны обобщения подобные следующим: «Для нас лермонтовское «Бородино» – это русская “Илиада”. С этого стихотворения мы начинаем постижение отечественной классики. А “Илиада” веками была основой античного Просвещения [так, с прописной], значит – и основой основ мировой школы» (С. И. Кормилов).¹² Правду сказать, попытки выявить в «Бородине» структурное и стилистическое сходство с «Илиадой» («Господня / Божья воля» тождественна движущему событиям вмешательству богов; возрастание эмоционального накала от эпизода к эпизоду и само «внимание к изображению речи» восходят к древнегреческому эпосу¹³) скорее поддерживают старое литературоведение, в котором укоренился взгляд на Лермонтова как на первого русского поэта, к несчастью для себя порвавшего с античностью.¹⁴ Сходство должно обнаружиться не в композиционных элементах, и уж конечно, не в типах. Невозможно, например, предполагать тождество «богатырей» дядинского рассказа с героями медного века,¹⁵ но опрометчивым была бы и попытка *exempli gratia* возвести «дядю» к гомеровскому Нестору (ср. *Ил.* 11, 670 сл.: «Если бы молод я стал и могучеством крепок, как прежде и т. д.»). Убедительную параллель даст колоритная *деталь*, рельефная и легко отождествляемая, причем непременно *в одинаковом контексте*. Одна не предоставит еще доказательства, зато дважды, по известной присказке, означает всегда.

Итак, намечаются слагаемые (говоря условно, поскольку наука поэзии – неточная, οὐχ ἡ αὐτὴ ὁρθότης ἐστὶν κτλ: *Arg. Poet.* 1460b13–15) лермонтовского повествования: впечатления и оценки, перенятые у очевидцев, исторические подробности, усвоенные от них же, но главным образом – из книг о 1812 годе, и наконец, фольклорные и собственно литературные модели, например, «Полтава» («Тяжкой тучей / Отряды конницы летучей...»; «Сквозь дым летучий / Французы двинулись, как тучи...» – может ли подобное быть случайностью?). Хотя пренебрежение малозначительным («два дня мы были в перестрелке») неизбежно, в лучших образцах документальной лирики никакое начало не противоречит другому: историчность не должна делать рассказ сухим, литературному или философическому возбраняется видоизменять

⁹ Гаврилов 2002, 5.

¹⁰ См. Нилова 2014 и 2016.

¹¹ «С Гомером долго ты беседовал один» (впервые в «Звезде», 2001, 3), см. «Избранные стихотворения и эссе для Журнального зала», <https://magazines.gorky.media/library/aleksandr-kushner-izbrannye-stihotvoreniya-i-esse-dlya-zhurnalnogo-zala> (21.09.2022).

¹² См. Кормилов 2012, 112. Надо скорее признать: цитируемое обобщение, неосторожное для тех, кто полжизни отдал Гомеру, нисколько не умаляет ценности других замечаний автора, в частности подробное и весьма убедительное сопоставление двух стихотворений Лермонтова о Бородинской битве с «Полею Ватерлоо» Вальтера Скотта, см. ниже, прим. 17.

¹³ Нилова 2016, 103.

¹⁴ Краков 1914, 814–815.

¹⁵ Нилова 2016, 103–104.

нагую очевидность.¹⁶ Если что-то вдруг доминирует, разглядеть источник, который поэт обычно стремится скрыть, становится проще.

Подражательность юношеского «Поля Бородина» слишком очевидна:¹⁷ «Безмолвно мы ряды сомкнули / Гром грянул, завизжали пули.» Допустим, молчание, не так заметное за пуш-кинской реминисценцией, подчеркивает каменную стойкость русских в их безнадежном положении – хотя едва ли солдаты стали бы кричать и плакать, когда приходилось смыкать ряды, из которых пушечным огнем вырывало стоящих рядом («И от врагов удар неожиданный / на батарею прилетел», где «нежданный» – неточный синоним «внезапного»). Мотив тишины ощутим уже в первых стихах: «Всю ночь у пушек пролежали / Мы без палаток, без огней, / Штыки вострили да шептали / Молитву родины своей». Последнее, разумеется, намекает на прославленный исторический эпизод с богородичной иконой. Подготовка оружия в ночь перед боем естественна и соответствует описаниям мемуаристов. Но все же картина удивительно неправдоподобна. Вот как было на самом деле:

«Московские ратники оканчивали насыпи на батареях, а артиллерию развозили по местам и приготавливали патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили портупей и перевязи; словом, в обеих армиях 300 000 воинов готовились к великому страшному дню. Наступила ночь; биваки враждующих сил запыхали бесчисленными огнями, кругом верст на двадцать пространства; огни отражались на небосклоне на темных облаках багровым заревом: пламя в небе пред-знаменовало пролитие крови на земле.» (И. Т. Роджицкий, «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год».)

О громадном множестве огней в *обоих* лагерях читаем и у других. Их можно понять: видеть такое приходится нечасто. «Поле Бородина» оставляет впечатление черновика. В «Бородине» сохранено удачное и существенное. «Молитва» исчезла (хотя у мемуаристов она центральна, в т. ч. у Любенкова: «молитва для русского есть уже половина победы»), оставив едва заметный след в «Господней воле». Патриотическая тема, наоборот, акцентируется сильнее. Вместе это дает повод для размышлений о мировосприятии автора «Фаталиста». Усилен и мотив безмолвия: «мы долго *молча* отступали» – здесь тишина едва ли связана со стойкостью. Вместо антиисторичного «без палаток, без огней» (тем более несообразного, что 25-го августа прошел мелкий дождь, земля была сырой¹⁸) возникает один из лучших пассажей пьесы: «И слышно было до рассвета, / Как ликовал француз и т.д.»

Выразительность достигается сперва за счет антитезы, затем вносится как бы некое чувство пространства: «Но тих был наш бивак *открытый*». Мы выделили деталь, загадочность которой по законам эстетического восприятия, всякий раз требующим вмешательства

¹⁶ Формулируемое правило (в разговоре о литературе нельзя обойтись без нормативных определений) относится, разумеется, не только к лирике. Постоянно нарушая его, Л. Н. Толстой дал законный повод П. Я. Вяземскому заметить в «Воине и мире» «перепутывание истории и романа», которое «вредит первой и не возвышает последнего». Это же проскальзывает и у А. С. Норова («Автор романа предпочел заняться господином Безуховым» и т.д.)

¹⁷ С. И. Кормилов (как указано выше, прим. 12) и В. А. Мануйлов, автор статьи в «Лермонтовской энциклопедии», отмечают сходство «Поля Бородина» с поэмой В. Скотта «Поле Ватерлоо», формальное и содержательное (в т. ч. 11-стишная строфа, замененная в «Бородине» 7-стишной). «“Поле Бородина” является как бы ответом В. Скотту и другим зап.-европ. поэтам и историкам, к-рые, преувеличивая значение последней победы антинаполеоновской коалиции, недооценивали значения Бородинской битвы, надломившей силы французов» (Мануйлов, <http://feb-web.ru/feb/lermont/lre-abc/> [21.09.2022]). «Воздействие поэмы “Поле Ватерлоо” на “Поле Бородина” бесспорно. Это видно даже по современному переводу Ю. Левина»: Кормилов 2012, 114. Далее цитируются отрывки этого перевода, действительно напоминающие Лермонтова (и Пушкина). Там же, стр. 115: «Лермонтовского “вождя”, а потом “полковника-хвата”, призывавшего умереть под Москвой, предварял Веллингтон в: “Поле Ватерлоо”. “Одушевляя каждый полк, / Вождь восклицал: “Исполним долг / Пред Англией родной!”». ‘ Тут же признается, впрочем, и влияние исторических свидетельств: «Приняв команду, Дохтуров объявил войскам: “За нами Москва, умирать всем, но ни шагу назад”» (со ссылкой на кн.: Бешанов В. В. *Шестьдесят сражений Наполеона*. Минск, 2000).

¹⁸ Возможно, в связи с этим фактом, отмеченным, например, в записках Н. Н. Муравьева, поэт вспомнил ходульные образы романтиков: «шумела буря до рассвета»; «брат, слушай песню непогоды».

филологии, совершенно уничтожается красотой целого. Почему «открытый»? Русский лагерь был укреплен едва ли не лучше французского. Ведь не означает же «открытость» возврат к нелепому, ничем не оправданному художественно и противоречащему исторической правде дефициту армейских шатров. Л. Гриуа (*Memoires du general Griois, 1792–1822*), в свою очередь, отмечает и огни, и стройные укрепления русских.¹⁹ Сам Лермонтов дважды упоминает «редут»: его «построили» первым делом, и за него велась самая ожесточенная битва. Конечно, строительство флешей, названных впоследствии по имени Багратиона, на слабом левом фланге не успели довести до конца, но все же и они, и батарея Раевского (ключевой пункт позиции; на каком-то из этих двух редутов, вероятно, и находится персонаж Лермонтова) были мощными укреплениями, открытость расположенного за ними бивуака – явная гипербола. Д. Богданов, участвовавший в сооружении флешей, сообщает:

«Генерал Раевский приказал усилить внутреннее прикрытие и, возвращаясь к собравшимся генералам, он сказал: “Теперь, господа, мы будем спокойны; император Наполеон видел днем простую, *открытую* батарею, а войска его найдут крепость: доступ к ней защищают более 200 орудий, рвы достаточной глубины и ширины, огласировано снаружи прочно и хорошо; увидим, как и что будет”».

В одном только случае русский лагерь допустимо воспринять как «открытый» атакам врага – если эта «открытость», намекая на незавершенность укреплений левого фланга, подразумевает вместе с тем глубокую уязвимость армии, слабой, несмотря на все попытки позиционно и даже идеологически ее укрепить.

«Ликование» объяснимо, конечно, сознанием превосходства. Так в воспоминаниях Гриуа; из французских мемуаристов, кажется, он – единственный, кто отмечает в лагере Наполеона шум и веселье ночью накануне битвы: «У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным.»²⁰ Немногим отличается впечатление Любенкова: «Огни врагов светились еще. Что там? Готовы ли на бой? Но нет: у них запальчивость и тщеславие, у нас судьба отечества, груди стеной.»²¹ Черты заранее торжествующего врага станут пастознее, если подразумевалось типичное поведение перед боем солдат непобедимой армии. В устах фольклорного пушкаря такая рефлексия невозможна, но рассказ «дяди» выдает истинных ‘информантов’, умевших, например, различать виды французской кавалерии. Впечатление роковой опасности усиливает оппозиция. Мотив тишины, восходит ли он у Лермонтова к фольклору, или же взят у Гомера, есть – отметим сразу – лишь ее часть, поскольку «ликование» не тождественно шуму. Свидетельства очевидцев расходятся, иногда с точностью до наоборот.²² Однако разноречивость мемуаров, самым поучительным образом описанная А. К. Гавриловым, не уничтожает возможности использовать их в нашем разборе. По-видимому, только А. Н. Муравьев и Ф. И. Глинка, рассказы которых чересчур живописны

¹⁹ «Горизонт освещали бесчисленные огни, довольно беспорядочно разбросанные у нас, симметрично расположенные у русских вдоль укреплений.» Цитата in extenso: Гаврилов 2002, 6–7.

²⁰ См. предыдущее прим. Мемуары французов в сб. «Бородино в воспоминаниях современников» перепечатаны из замечательного сборника «Французы в России» (ч. 1–3), подготовленного А. М. Васютинским, А. К. Джигелевым и С. П. Мельгуновым к 100-летию победы над Наполеоном. К 200-летию сборник переиздали, не добавив новых материалов.

²¹ Любенков 1837, 21.

²² «Как только прекратилась перестрелка, зажглись лагерные огни. Со стороны русских они сияли огромным полукругом, с нашей же стороны они представляли бледный неровный свет и не были расположены в порядке, так как войска прибывали поздно и впопыхах, в незнакомой местности, где ничто не было подготовлено и *не хватало дров*, особенно в центре и на левом фланге. ...Солдаты и офицеры должны были заботиться о том, чтобы приготовить свое оружие, исправить свои одежды и бороться с холодом и голодом, так как жизнь их представляла теперь непрерывную борьбу с лишениями всякого рода.» (Ф. Де Сегюр); «7 сентября. Всю эту ночь мы принуждены были провести *на сырой земле, без огней*. Дождливая и холодная погода резко сменила жару. Внезапная перемена температуры вместе с необходимостью обходиться без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом. Кроме того, мы умирали от жажды, у нас не доставало воды, хотя мы и лежали на влажной земле.» (Ч. Ложье). А. К. Гаврилов приводит строки Норова, свидетельствующего о «необыкновенном оживлении... как бы перед большим праздником во всех рядах русских войск.»

для мемуарного жанра, противопоставляют психологическое состояние русских и французов перед битвой:

«Разительно было расположение духа обеих сторон: неприятель, возбуждаемый прокламациями своего вождя, разложил большие огни, упивался чем кто мог и кипел против нас яростью; наши же, напротив, также озлобленные на французов и готовые наказать их за нашествие на Отечество наше и разорение, ими причиняемое, воздерживались, однако, от излишества в пище и питье, которого было у нас много поблизости от Москвы, и молили Бога о подкреплении их мужества и сил и благословения в предстоявшей отчаянной битве» (А. Н. Муравьев).

«Бледно и вяло горели огни на нашей линии, темна и сыра была с вечера ночь на 26-е августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель. ...Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли! Кто хочет, ребята! Ступай к чарке! Никто не шелохнулся. По местам вырвался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились, не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мати Пресвятая Богородица! Помоги постоять нам за землю свою.» (Ф. И. Глинка, «Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 г.)», 1839).

Догадки Муравьева о «расположении духа» врагов, «большие огни» и все, что пишет о французском лагере Глинка, вынуждает заподозрить литературное влияние. События ночи и утра намеренно смешаны. (Зачем бить в барабаны и трубить в трубы ночью? Не затем ли, что «ликование» должно быть слышно за версту – на всем расстоянии, разделявшем два бивуака? Но см. ниже, о происходившем ранним утром. Почему «завтра», если огни гаснут, и стало быть, наступило уже утро?) Голоса «стариков», словно бы сошедших с лермонтовской страницы, слишком театральны. Свидетельства строго исторические, без явного желания впечатлить, никак не противопоставляют поведение двух армий:²³

«25-е число наступило и прошло спокойно, обе стороны казалось, были *как бы в одинаковом настроении*: приготовиться к великому бою. ...26-е число, рассвет. Тишина ночи нарушалась только по времени кликом в стане неприятеля: «Vive l'Empereur!» (Д. Богданов. «Бородино... Рассказ очевидца», 1869);

«25-го числа в обеих армиях было совершенное спокойствие» (А. П. Ермолов. «Записки о войне 1812 года», 1863);

«Обе армии провели ночь в таком настроении духа, которое охватывает человека в ожидании события, которое должно осуществить все желания или разрушить все надежды.» (В. И. Левенштерн, «Записки», ок. 1850²⁴);

«В таком положении обе армии ожидали с нетерпением наступления дня» (К. Ф. Толь, «Описание битвы при селе Бородине 24-го и 6-го августа 1812 года», 1839);

«Он послал за Бертье и работал до половины шестого. Мы сели на лошадей. Трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска заметили императора, раздались единодушные клики.» (Ж. Рапп²⁵)

Расхождения не мешают, думаем, подвести итог. О том, что именно было слышно русским «до рассвета», ничего определенного сказать нельзя. Около шести утра до их слуха донеслось

²³ Источник, по которому мы цитируем, указан выше, в прим. 3.

²⁴ Первое издание вышло по-немецки, в 1858 г., через несколько месяцев после смерти автора. См. https://de.wikipedia.org/wiki/Woldemar_Hermann_von_Löwenstern, а также нем. версию статьи. Слова Левенштерна как наиболее явно противоречащие лермонтовской антитезе также цитирует А. К. Гаврилов.

²⁵ «Memoires du general Rapp, 1792–1821» (см. прим. 20); Рапп вел дневник до своей смерти в 1821 г.

громогласное «Vive l'Empereur!» (когда было зачитано обращение Наполеона), затем трубы и барабаны возвестили начало атаки. Сосредоточенная подготовка наших солдат (им разговаривать некогда, да и не о чем), равно как и шумная радость французских, изображает у Лермонтова *предполагаемое* поведение, исторически правдоподобное в силу замечательно удавшейся типизации (как тут не вспомнить девятую главу «Поэтики» Аристотеля²⁶). Веря поэту, понимаем, что антитеза «ликование» / «тишина», как и «открытость» лагеря, это – поэтические приемы, а раз так, оправданным становится исследование литературного прошлого. Заимствование не способна подтвердить демонстрация сходных мотивов в изоляции от контекста: противопоставление криков врага молчанию своих само по себе, а тем более в той ситуации, когда войска сходятся в битве, действительно, скорее предполагает типологическую схожесть и поиск прототипов в фольклоре. Иное дело – подчеркнем снова – применение одних и тех же художественных средств в сходной сюжетной ситуации.

Мы могли бы вспомнить описание ночи перед битвой при Айзенкуре в начале IV акта «Генриха V»: «Proud of their numbers and secure in soul, / The confident and over-lusty French / Do the low-rated English play at dice / ...The poor condemned English, / Like sacrifices, by their watchful fires / Sit patiently and inly ruminate / The morning's danger.» По настроению сцены близки, однако искомой антитезы у Шекспира нет. Кроме того, англичане выиграли сражение. Греки «Илиады» по воле Зевса уступили троянцам, те ворвались в их укрепленный лагерь, дело едва не кончилось полной победой врага. Ахейцы проиграли битву, но выиграли войну. Событийное сходство налицо. Рассматривая близкие контексты, обнаружим совпадения слишком красноречивые, чтобы списать их на счет типизации. Сперва не так явно, 8, 553–554:

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.

Здесь нет полного тождества, но надо вспомнить, что следующее за описанием троянского лагеря сравнение со звездами и разверзшимся за ними эфиром стало знаменитым, в частности, благодаря аллегорическим толкованиям, на которых мог подробно остановиться ученый и переводчик, излагавший Лермонтову школьного автора еще во время домашних занятий, до поступления поэта в Московский университет, а затем, возможно, и на лекциях.²⁷ Оппозиция возникает в начале следующей песни: «ахейян волнует / Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник...»; в их лагере царит угнетенная тишина и Агамемнон велит «к сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа, / *Тихо, без клича...*» Наконец, в первых стихах «Долонии», не менее выгодной для школьного комментария, сходство становится кричащим, 10, 11–16

«Ибо когда озирает он [Агамемнон] троянский стан, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму [ὄμαδόν] народа.
Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему: тяжело стеноло в нем гордое сердце.»

Влияние Гомера, как и Вальтера Скотта, и Пушкина, пожалуй, заметнее в стихах шестнадцатилетнего подростка, написанных через год после выхода в свет труда Гнедича.²⁸ В «Бородине» источники не так просвечивают, затененные настолько же историзмом, который

²⁶ Аристотель не просто понимает, но, кажется, и лучше прочих определяет «некое существенное различие между поэзией и историей» (Гаврилов 2002, 9), которое, кстати сказать, плохо чувствуют александрийские филологи, не знакомые с «Поэтикой».

²⁷ О роли Мерзлякова см. статью В. П. Степанова в «Лермонтовской энциклопедии».

²⁸ Прямые отсылки к античной лирике в раннем творчестве Лермонтова каталогизирует А. Я. Краков в подробной статье 1914 г. – их не один десяток, различного вида заимствований и пересечений можно, вероятно, насчитать и больше (Нилова 2016, 102). См. также: Маслов 1908, Суздальский 1981.

«необыкновенно окреп за несколько лет, разделяющих обе редакции»,²⁹ насколько и существенно возросшим умением пользоваться правилами поэтической науки. Но все же эти источники не могли быть забыты, и античная модель очень видна: «без огней» законно отброшено, возникла антитеза двух станов, совершенно гомеровская и духом, и буквой. Завершая, отметим, что ὁμαδόν (всюду о шумных троянцах) уже схолиасты объясняют как поведение варваров (τὸ θορυβῶδες τῶν βαρβάρων), и что Гнедич, на чей перевод только и мог ориентироваться Лермонтов, добавил от себя эпитет «неподвижный», чтобы поддержать не вполне выразительное νῆας τε ... καὶ λαὸν Ἀχαιῶν, а возможно, и помня о возникшем у античных критиков затруднении. Пока троянцы шумно веселятся у своих костров, ἀριστῆες Παναχαῖων / εὖδον παννύχιοι (10, 1–2). Текст аристотелевской «Поэтики» засвидетельствовал недоумение древнейших читателей «Илиады» относительно общего спокойствия в ахейском лагере; τὸ γὰρ πάντες ἀντὶ τοῦ πολλοί – объясняет Аристотель (*Poet.* 1461a19). Быть «точно таким же, каким и всегда» – так изображает храбрость Лев Толстой в «Набеге». Именно это, а не «судьбу отечества, груди стеной» решил оставить Лермонтов.

Ссылки

- Гаврилов А. К. Бородино и Троя: поэзия, история и правда. *Абарис. Журнал Петербургской классической гимназии* 2002, 3, 5–10.
- Герасимова Ю. И., Думин С. В. (Изд.) *А. Н. Муравьев. Сочинения и письма*. Иркутск, 1986.
- Кормилов С. И. «Да, были люди в наше время...» Лермонтов и 1812 год. *Народное образование* 2012, 9, 112–123.
- Краков А. Я. Лермонтов и античность. *Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула*. Харьков, 1914, 792–815.
- Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб. 1837.
- Маслов М. Античные мотивы в русской литературе. *Сборник Историко-филологического общества, состоящего при Харьковском университете*. 1908, 15, 75–78.
- Нилова А. Ю. Гомеровские традиции в лирике М. Ю. Лермонтова. В сб. Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева (ред.) *Проблемы анализа художественного текста: К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова*. Петрозаводск, 2014, 52–54.
- Нилова А. Ю. Гомеровские традиции в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 2016, 7/2, 102–104.
- Пенькевич М. В. «Послужить на общую пользу»: жизнеописание Афанасия Столыпина, в сб. М. В. Пенькевич, В. П. Тотфалушин (ред.) *Годы и люди*. Саратов, 1992, 4–25.
- Подольская И. И. (Изд.) *Русские мемуары. Избранные страницы*. М., 1989.
- Суздальский Ю. П. Античные литературы. *Лермонтовская энциклопедия*. М., 1981, <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/> (21.09.2022).

²⁹ Гаврилов 2002, 8.

Латинская переписка Ф.Е. Корша и Г.Э. Зенгера

М.В. Шумилин

Переписка московского филолога широкого профиля Федора Евгеньевича Корша (1843–1915)¹ и базировавшегося с 1901 г. в Санкт-Петербурге латиниста Григория Эдуардовича Зенгера (1853–1919)² – интереснейший памятник истории отечественной науки, который следовало бы, я полагаю, со временем опубликовать полностью. Помимо сведений об отношениях между двумя учеными³ и их биографии, он важен тем, что включает в себя обсуждение множества неопубликованных конъектур⁴ и несколько не публиковавшихся латиноязычных стихотворений, созданных, вероятно, двумя лучшими отечественными мастерами латинской версификации своего времени.⁵ Его полный объем достаточно велик, поэтому для первого подступа к его публикации я решил ограничиться латинской частью переписки (и на данный момент еще теми письмами, которые хранятся в Москве – но это, судя по всему, почти полный состав латинской части переписки).

Оригиналы писем Корша Зенгеру в основном хранятся в Архиве Российской академии наук в Москве, образуя три единицы хранения в фонде Зенгера (Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 129–131). В фонде Коршей в РГБ есть единица хранения с копиями части этих писем (Ф. 465, К. 11, Ед. хр. 12) и одно дополнительное письмо Корша Зенгеру (Ф. 465, К. 11, Ед. хр. 11). Письма Зенгера Коршу в основном хранятся в соответствующей единице хранения фонда Корша в Архиве Российской академии наук в Москве (Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 100), среди них есть одно латиноязычное⁶. Еще одно латиноязычное письмо Зенгера Коршу⁷ по ошибке выделено в том же самом архиве в отдельную единицу хранения, т.к. каталогизаторы не смогли определить

¹ О биографии Корша см., напр.: Богданов 1982. Письма некоторых филологов-классиков (в число которых Зенгер не включен) к Коршу публиковались ранее в работе: Баскаков 1989, 116–141. Среди них есть одно латинское письмо от С.И. Соболевского (№ 112а на с. 138–139, без даты), в опубликованный текст которого и выполненный А.П. Юдакиным перевод следует внести несколько уточнений: на с. 138 вместо *pristinam* следует читать *pristinam*, на с. 139 в переводе вместо «Шмидту» должно стоять «Шварцу», и кроме того, переводчик неверно понял заключительную фразу письма: *Velim te ipsum convenire, sed ancilla tua tigris ut aspera...* неверно переводить «Я хотел бы, чтобы ты согласился [на сделанное в письме предложение быть оппонентом. – М.Ш.], но твоя служанка свирепа, как тигрица...»; описываемая цитатой из Горация служанка, конечно, не мешала Коршу дать согласие, а речь о том, что страх перед ней (будто бы?) мешает Соболевскому увидеться с Коршем лично.

² О биографии Зенгера см.: Шилов 2003, Смышляева 2021.

³ Хотя Корш был на десять лет старше Зенгера, эти отношения, вероятно, правильнее описать не как отношения учителя и ученика (расе Зельченко 2011, 132), а как дружеские: во всяком случае, так их характеризует сам Зенгер в письме Карлу Гозиусу от 17/30.05.1909 (АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 410, л. 2л: *mein Freund Korsch*; об адресате этого письма, неверно идентифицированном в описи, см.: Shumilin (forthcoming): n. 13).

⁴ Ср. ниже письма 16 и 17. Многие из конъектур Корша и Зенгера, в т.ч. до сих пор не опубликованных, на мой взгляд, высококачественные и остаются актуальными по сегодняшний день. Чтобы привести один пример, к строке 79 поэмы *Ciris* из *Appendix Vergiliana* Б.А. Каячев в новейшем издании (Kayachev 2020, 49) печатает текст *piscibus est canibusque maris uallata repente*, называя автором конъектуры *est* вместо рукописного *et* П. Гайсслера (Geissler 1954: 39), автором идеи удалить рукописное *est* после *repente* – создателя «Юнтинского» издания 1537 г., а автором конъектуры *maris* вместо текста семейства рукописей *Z malis* (в *p*, единственном для этой части поэмы независимом от *Z* свидетельстве о тексте, на месте *canibusque malis* стоит *canibus rabidis*) – самого себя. Однако точно такой же текст этой строки, как в издании Каячева, можно найти записанным рукой Зенгера (с пометкой «я»), которую он часто делал в рукописных записях, чтобы не спутать свои собственные конъектуры с чужими) уже на полях оттиска статьи Зенгер 1911, в которой обсуждается текст *Ciris* (АРАН, Ф. 504, Оп. 1, Ед. хр. 196, л. 680л), причем из контекста этой записи понятно, что Зенгер, в свою очередь, модифицирует вариант строки *pristibus et canibus maris est uallata repente* (т.е. уже с конъектурой *maris*), предложенный ему в письме Коршем (АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 131, л. 10л., письмо от 9.05.1911).

⁵ Ср. ниже письма 7, 9, 10, 13 и 15. В.В. Зельченко (Зельченко 2011, 133, прим. 10) пишет о кропотливом труде, «какого... потребует эта работа [по написанию истории новолатинской поэзии в России. – М.Ш.]: значительная часть материала не только не собрана, но и не издана». Я пытаюсь в настоящей публикации сделать небольшой вклад в начальные этапы этого труда.

⁶ См. ниже письмо 15.

⁷ См. ниже письмо 4.

по латинскому тексту имя адресанта (Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 427). В фонде Коршей в РГБ хранится несколько русскоязычных писем Зенгера Коршу, в основном связанных с хлопотами Корша по поводу обвинений в причастности к студенческим волнениям, выдвинутых против его сына Евгения Федоровича в марте 1902 г., когда Зенгер был товарищем министра народного просвещения (Ф. 465, К. 13, Ед. хр. 18).⁸ Несколько писем Зенгера Коршу также попали в фонд Зенгера в РНБ (Ф. 297, Ед. хр. 207); судя по описи, в их числе есть письма на латинском языке (датируемые 1913 г.?), однако на настоящий момент я не успел получить к ним доступ, и потому они не включены в настоящее собрание.

Латинский язык явно используется в этой переписке в тех случаях, когда для письма используется материал меньшего формата: чаще всего почтовая карточка, но также оборот визитной карточки⁹ или даже телеграмма, при всем неудобстве использования в ней латинского языка.¹⁰

Я снабжаю публикуемые тексты первыми набросками комментария, не претендующими на полноту. Вероятно, многие другие места этих писем, нуждающиеся в фактическом комментарии, еще смогут быть прокомментированы в дальнейшем.

1. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 29.04.1902¹¹

Hic, cuius est haec tessera visitatoria, nuper regionis scholasticae inspector, modo gymnasii VI director fieri coactus est, ut pristinum munus suum alii concederet. Quod aliena libidine potius, quam sua culpa factum esse, valde eius interest, ut tu scias; neque enim quicquam peccaverat, nisi quod quendam gymnasii magistrum, qui apud regionis praefectum¹² mira florebat gratia, eundem pedicatoreм sive fellatorem esse ignorabat. Rerum scholasticorum autem tam peritus \est/, ut nunc, cum gymnasii director factus sit, in scholarum concilium, quod a te convocatum iri in λόγῳ tuo εἰστηρίῳ¹³ dixisti, a regione Mosquensi magno cum eius rei emolumento mitti posse videatur.

Th. Korsch

A.d. III Kal. Maias MDCCCCII

2. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 24.02.1904¹⁴

Gregorio Eduardi f. Senger Theodorus Korsch s.

Interpretatio tua “Prophetarum” latina¹⁵ simulatque ad me perlata est, ego totius operis elegantiam admiratus in versu infausti numeri, qui est 13, praeter expectationem offendi: dico “natandi”¹⁶ primam productam¹⁷. Quo de vitio, quod te nescio quomodo latuisse vehementer doleo, certior te facere

⁸ Первое из писем этой единицы хранения, занимающее листы 1–2, попало в нее по ошибке, т.к. явно адресовано не Коршу, а, судя по всему, его сыну Евгению Федоровичу (ср. л. 2об: «Это сказано мной (?) неуклюже и темно: но когда-нибудь Федор Евгеньевич Вам объяснит, в чем дело»).

⁹ См. письмо 1.

¹⁰ См. письмо 15.

¹¹ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 129, л. 22, на обороте визитной карточки Евгения Ивановича Сыроечковского, окружного инспектора Московского учебного округа.

¹² Речь, судя по всему, о математике Павле Алексеевиче Некрасове (1853–1924), занимавшем в 1898–1905 гг. должность попечителя Московского учебного округа. О каком гимназическом учителе речь, на настоящий момент мне выяснить не удалось.

¹³ Имеется в виду, очевидно, речь, произнесенная Зенгером при вступлении в должность управляющего министерством народного просвещения в апреле 1902 г.

¹⁴ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 129, л. 38.

¹⁵ Речь идет о верстке сделанного Зенгером латинского перевода «Пророка» Пушкина для мартовского выпуска «Журнала министерства народного просвещения» (Зенгер 1904а).

¹⁶ К этому слову сделано примечание рукой Зенгера: <1 нрзб. – scripserim?>: *palantesque*.

¹⁷ 13 строка переложения (соответствующая пушкинскому «И гад морских подводный ход») в итоговой публикации выглядит как *Palantesque freti vel in imo gurgite pisces*; очевидно, в верстке на месте *Palantesque* было *Natantesque*. В вышедшей в том же году книжной публикации того же переложения (Зенгер 1904b, 61) строка уже выглядит как *Reptantesque freti vel in imo gurgite gentem*.

properavi, nequis alius id animadverteret, prius quam tu illum versiculum aut corrigere aut excusare posses. Quod ut quam celerrime facerem, hanc cartam arripui, per quam non licebat tam garrulum esse, quam vellem. Cura cum tuis valeas.

Ante d. VII Kal. Mart. MDCCCCIV

3. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 12.11.1904¹⁸

Th. Korsch Gregorio Ed. f. Sängers.

Ne tibi forte iniquo tempore molestior sim, quam per ipsam familiaritatem licet, in hac brevissima schedula tibi scribo vel, ut Buecheleri verbis utar, in adversa carta¹⁹. Neque enim aliud requiro nisi \ut/ nos de tua tuorumque valetudine eodem modo certiores facias. De P. autem familia, cuius verbis gratias tibi ago, nunc quidem te minime sollicito nec fortasse postea sollicitabo, quod eorum causam Fibrinianus (quod rossice verte)²⁰ comes suscepisse dicitur. Vale.

Mosquae pr. Id. Nov. MDCCCCIV

4. Г.Э. Зенгер Ф.Е. Коршу, 15.11.1904²¹

Gr. Saenger Theodoro Eugen. f. s.

Si tu, vir amicissime, tuique valetis, bene est. Ego vero non belle me habeo, quippe adhuc gravedine laborans et faucium raucitate. At saltem peste illa, quam corpori influentem dicunt, mihi videor esse liberatus. Filiolus meus e morbo gravissimo recreatur; a nobis tamen etiamnunc exclusus est. Mox tibi plura scripturus, impraesentiarum hoc tantum addo, te tuosque mihi semper carissimos fore. Vale.

Petropolis a.d. xvii Kal. Dec. MCMIV

5. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 31.01.1905²²

Theodorus Korsch Gregorio Ed. f. Sängers.

Quod tibi, vir amicissime, in schedula scribo te indigna, ignosce, quaeso, propter temporis angustias. Nam modo nescivi fieri posse ut filius meus huc venturus sit. Iam vides quid agam: si ante illum diem, quo nos ad cenam invitasti, adfuerit, licetne nobis eum ad te adducere? Nam illi non minus quam nobis gratum erit te convenire. Vale nostrisque verbis coniugem fac salutes.

A. Kal. Ian.²³ MDCCCCV

6. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 13.04.1906²⁴

¹⁸ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 129, л. 43.

¹⁹ Неясно, где знаменитый немецкий латинист Франц Бюхелер (1837–1908) мог так выражаться – возможно, в письме? (но в архиве Корша писем от Бюхелера не числится – хотя отметим, что в описи фонда Коршей в РГБ единица хранения Ф. 465, К. 11, Ед. хр. 39 описывается как «Письма [Ф.Е. Коршу] от неустановленных лиц» с пояснением, что они на разных иностранных языках, теоретически латинские письма от Бюхелера могли бы найтись там).

²⁰ Видимо, Бобринский или Бобровский (из связанных с бобрами фамилий только эти были графскими).

²¹ АРАН, Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 427.

²² АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 9.

²³ Исправлено рукой Зенгера на Febr.; эта дата подтверждается и почтовым штампом на карточке (1.П.1905).

²⁴ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 14.

Theodorus Korsch Gregorio Ed. f. s.

De adventu meo nihil tibi nuntiandum puto nisi hoc, me adesse. Neque enim opus est verbis, quibus tibi probare coner, me tui conveniendi cupidum esse. Velim igitur mihi rescribas aut aliqua ratione certiore me facias, quando te domi tuae visere liceat. Nunc autem coniugem tuam meis verbis saluta. Domicilium si quaeris, Magnum quod dicitur hospitium est. Vale.

Id. Apr. MDCCCCVI

7. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 29.01.1907²⁵

Theodorus Korsch Gregorio Sengero s.

En adsum cupiens cito teque tuosque videre.
Hospitium Magnum me tegit atque fovet.

A.d. IV Kal. Febr. MDCCCCVII

8. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 8.04.1907²⁶

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Saengero s.

Adsum, sed tot ac tam variis districtus sum negotiis, ut aegre sperare audeam futurum, ut te videre mihi liceat, nisi tu me in hospitio quod dicitur Magno visere velis. Domi autem quotidie me reperies ante horam quartam praeter Iovis et Saturni diem. Vale tuosque meis verbis saluta.

A.d. VI Id. Apr. MDCCCCVII

9. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 11.01.1908²⁷

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Sänger s.

En mihi Petropolis rursus sua moenia pandit...
Moenia cur dixi? moenibus illa caret.
Quin potius dicam: "Pandit mihi grata paludes".
Te tamen ut videam, rana volo fieri.
Hospitium, mihi quod praebet tectumque cibumque,
Magni nomen habet: namque ego magna peto.

A.d. III Id. Ian. MDCCCCVIII

10. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 28.04.1908²⁸

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Sengero s.

Simulatque huc veni, quiddam cognovi, quod gratulandum tibi censerem: dico gymnasio Lutzkensi pecuniam, quam tibi non contigerat ut, unde par erat, extorqueres, tandem aliquando lege concessam. Ita vita est hominum:

²⁵ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 26.

²⁶ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 27.

²⁷ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 36.

²⁸ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 37.

Tempora mutantur, mentes mutantur in illis
Permutantque simul fasque nefasque vices²⁹.

Ceterum, cum commorationis meae tempus duobus sabbatis circumscriptum sit, responsum tuum eo acceptius mihi veniet, quo citius.

Magnum Hospitium 83.
A.d. IV Cal. Mai. 1908³⁰

11. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 29.04.1908³¹

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Saenger s.

Etiam si fieri potest, ut ante, quam extremum frustum in gulam demittam, cenam tuam relinquam in Academiam³² properans, tamen, cum te tuosque videre cupiam neque alium tui conveniendi diem constituere possim, eo, quo me adesse voluisti, tempore ad te veniam, ut unam et alteram horam domi tuae degam potius, quam nullam. Nam tam multis ac variis negotiis districtus sum, ut mane nesciam, ubi meridie et vesperi futurus sim. Vale.

Ante d. III Cal. Maias MDCCCCVIII

12. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 4.12.1908³³

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Sängers.

Si certo scirem te Petropoli esse, nihil sane tibi scripsissem nisi hoc, me ab a.d. VII Id. Dec. ad ipsas Idus istic futurum esse; nunc vero, quoniam te peregre versari audio, illud ante omnia anquirendum videtur, ubi gentium commoreris. Quod si ille rumor falsus est, scito me de verticula prope eadem fide observare, qua amicos.

Mosquae pr. Non. Dec. MDCCCCVIII

13. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 12.02.1909³⁴

Mirator veteris diserte Vallae,
Qui post funera te viret patrono³⁵,

²⁹ На почтовой карточке для экономии места стихи записаны в строку, с обозначением начала стихов заглавными буквами.

³⁰ Ниже подпись карандашом рукой Зенгера: «28 апр.». Наверху карточки подписано той же рукой: «прошу на четверг» (т.е. на 1 мая).

³¹ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 38.

³² Корш с 1900 г. являлся академиком Петербургской Академии наук (Зенгер также стал в ней членом-корреспондентом в 1907 г.).

³³ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 39.

³⁴ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 130, л. 40.

³⁵ Эта характеристика поясняется русскоязычным письмом Корша Зенгеру от 2.04.1910 (АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 131, л. 2–3), которое я позволю себе привести здесь полностью: «Дорогой Григорий Эдуардович! Сегодня я еду в Петербург, но, как я, по крайней мере, думаю, на такое короткое время, что мы с Вами, может быть, и не увидимся, хотя Вы знаете, как охотно я бываю у Вас. Если мне так и не удастся посетить Вас, мне это будет тем прискорбнее, что я, предвидя скорый вызов в Петербург, рассчитывал лично поблагодарить Вас за любезную доставку мне снимка с превосходного бюста Lorenzo Valla, ставшего и моим любимцем под влиянием Вашей статьи о нем. А какие огромные преимущества в деле исследования основ нашей критики древних текстов даст Вам Ваше глубокое знание истории гуманизма! Уж по одной этой причине я жду многого от Вашего издания

Mosquanus tibi nuntiat poeta,
 Romanus prope sive Graecus olim,
 Sed nunc barbarior Scythis Getisque,
 Sed – vivat modo – proximis diebus
 Visurum gelidam Petri paludem.
 Quem si vis ita, ut ille te, videre,
 Μέγα Ξεινοδοχεῖον ipse nosti.

Pridie Id. Febr. MDCCCCIX

14. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 11.01.1910³⁶

Theodorus Korsch Gregorio Saenger s.

Adsum. Quid multa? Nisi forte hoc addendum, me hic usque ad 18–20 huius mensis mansurum. Hospitium autem, quo confugi, idem est Grand-Hôtel. De tempore, quo te videre liceat, quo maturius me certiores feceris, eo facilius id efficere potero, ut eius diei vespertinis horis ab omnibus omnino negotiis liber sim.

A.d. III Id. Ian. MDCCCCX

15. Г.Э. Зенгер Ф.Е. Коршу, 20.02.1910³⁷

Gratus³⁸ erit nobis nec non acceptus, amice,
 egregius iuvenis³⁹ non minus atque tibi.

Зенгер

16. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 3.01.1912⁴⁰

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Saenger s.

Cum Helene filia⁴¹, postquam in domum mariti migravit, me in epistulis scribendis adiuvare desiisset, ego gratulationibus per litteras ferendis et reddendis feriarum tempore ita districtus eram, ut certo recordari non possem, utrum novi anni occasione te et tuos salutassem necne. Quod si facere omisi,

Горация, в любви к которому мы с Вами также сходимся. Откладывал я свою беседу с Вами до личного свидания преимущественно потому, что завален всякой работой и, что хуже, гнусными дрызгами почти до потери сознания. В Петербурге меня будут удерживать до Страстной недели, но к 7-ому меня зовет в Москву одно важное и неприятное заседание. Мы все шлем Вам и семейству горячие приветы. Ваш Ф. Корш». Подразумеваемая статья – очевидно, Зенгер 1909 (больше Зенгер, как кажется, нигде не писал о Валле); издание Горация, о котором пишет Корш, так и не вышло.

³⁶ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 131, л. 1.

³⁷ АРАН, Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 100, л. 39, телеграмма. Датировка на основе предположения, что цифры “20,2,10” в номере телеграммы обозначают число.

³⁸ Correxi, в телеграмме набрано CRATUS.

³⁹ Correxi, в телеграмме набрано INVENIS. Переписка Зенгера и Корша, по-видимому, не позволяет определить, о ком речь.

⁴⁰ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 131, л. 15. Датировка предположительная и исходит из противоречивости латинской даты (почему не Kal. Ian., если речь о 1 января? Возможно, Корш запутался, какого числа ноны в январе?) и из даты на почтовом штемпеле (5.01.1912, обычно такие даты на день-другой позднее даты самого письма).

⁴¹ Елена Федоровна («Олена») Кречетович (по второму браку, заключенному позднее, в 1915 г.), в девичестве Корш (1882–1947).

nunc factum volo et meo et meorum nomine. De coniectura in Hadriani carmine a te facta⁴² ego vero propemodum non dubitarem, si mihi persuasum esset eum a Floro totidem, quot ipse rescripsisset, versibus lacessitum fuisse. Hoc si contigerit ut probes, illud quoque probaveris⁴³. In Flori autem versibus illud *ambulare*⁴⁴ vel, si mavis, *amblare*⁴⁵ non una de causa mihi displicet. An *stabulare*? Sed, utut est, requiritur vocabulum cum paenonicum⁴⁶, tum magis vividum, quod illi pati pruinas⁴⁷ παράλληλον videatur. Cura valeas.

Ante d. V Non. Ian. MDCCCCXII

17. Ф.Е. Корш Г.Э. Зенгеру, 30.11.1912⁴⁸

Theodorus Korsch Gregorio Eduardi f. Sängers.

Scripsi de duobus fasciculis. Immo tres erant⁴⁹. Ac de tertio quae in promptu habeo, haec sunt⁵⁰.

- 1) Verg. Aen. VII 624 sq. perbene⁵¹.
- 2) Verg. Aen. XI 563 malim *sublimis*⁵².
- 3) Hor. C. II, 8, 3 vivo non est vitium, quale hic est *niger*⁵³.
- 4) Hor. Epod. 15, 8⁵⁴ fortasse *Dum lupus infestus pecori foret Orionque*⁵⁵.

⁴² Корш реагирует на серию предновогодних писем от Зенгера, в которых тот предлагает конъектуры для 4 строки стихотворного ответа императора Адриана поэту Флору (SHA Hadr. 16.3–4, = Hadr. fr. 1 Bl.), выглядящей как *culices pati rotundos*. В письме от 15.12.1911 (АРАН, Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 100, л. 29) Зенгер предлагает вместо *rotundos* читать *scuentos*, в письме от 17.12.1911 (АРАН, Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 100, л. 30) пишет, что «[е]ще лучше будет, кажется, *nefandos*», а в письме от 26.12.1911 (АРАН, Ф. 558, Оп. 4, Ед. хр. 100, л. 31–32), отвергнув сперва вариант *palustres*, останавливается на тексте *culices pati Suburae*. Вероятно, Корш обсуждает это последнее предложение.

⁴³ Корш, судя по всему, имеет в виду неравенство числа строк в рукописном тексте построенных параллельным образом стихотворений Флора и Адриана, однако трактует его странным образом. На самом деле в ответе Адриана в рукописях 4 строки, в то время как в стихотворении Флора – 3, соответствующие первой, второй и четвертой строкам Адриана; по этой причине в стихотворении Флора издатели обычно восстанавливают дополнительную строку. Но, исходя из этих фактов, сложно понять, что имеет в виду Корш. Можно допустить, что, полагаясь на свою память о парадоксе, Корш путает, какое из стихотворений в рукописях короче, и трактует предложения Зенгера как попытки усовершенствовать восполняемую строку, отсутствующую в рукописях (в которой *culices pati* восполняется из зачина соответствующей строки параллельного стихотворения). Тогда его мысль в том, что усовершенствование хорошо, если только восполнение вообще необходимо, но стоит рассмотреть версию, что Адриан просто ответил на 4-строчное стихотворение 3-строчным, и вот если эта гипотеза будет опровергнута, то тогда да, предложение Зенгера справилось со всеми контраргументами. Менее вероятная трактовка слов Корша может, наверное, заключаться в том, что (хотя в стихотворении Флора почему-то все-таки следует восстановить четвертую строку?) Адриан мог ответить на четыре строки своими пятью, так что *culices pati rotundos* – смешение каких-то двух оригинальных строк (напр., *culices pati <... | ...> rotundos*).

⁴⁴ Во второй строке стихотворения Флора.

⁴⁵ Так вслед за Исааком Казобоном пишут в соответствующем месте это слово некоторые издатели.

⁴⁶ Т.е. имеющее форму III пеона, ∪ ∪ – ∪.

⁴⁷ Формулировка из стандартного текста заключительной строки стихотворения Флора.

⁴⁸ АРАН, Ф. 504, Оп. 4, Ед. хр. 131, л. 20.

⁴⁹ Письмо дополняет русскоязычный ответ на посланные Зенгером Коршу отписки своих заметок: прокомментировав две из трех посылавшихся статей, Корш по невнимательности упустил прокомментировать третью, что и делает теперь. Речь идет о статье (или, точнее, части статьи) Зенгер 1912.

⁵⁰ На почтовой карточке ради экономии места следующие далее пункты записаны в строку. В письмах Корш вводит новые пункты такого рода с новой строки.

⁵¹ Речь о конъектуре Зенгера *ardua saltu* вместо *arduus altis* (Зенгер 1912, 465–467).

⁵² Речь о замене для рукописного *infelix* (Зенгер предлагал *in telis*: Зенгер 1912, 467–473).

⁵³ Зенгер (Зенгер 1912, 473–475) предложил вместо *fieres uel uno* читать *fieresue uiuo*; Корш критикует это решение, предлагая модификацию того же решения *fieresue nigro*.

⁵⁴ Ошибка Корша, речь о строке 7.

⁵⁵ В рукописях текст строки выглядит как *dum pecori lupus et nautis infestus Orion*. Зенгер в рецензируемой статье (Зенгер 1912, 475–476) предлагает читать *dum pecori lupus infestus foret, imus Orion*.

5) Hor. S. I, 3, 83⁵⁶ probabiliter⁵⁷.

6) Hor. S. II, 3, 117 bene⁵⁸.

Ignosce, quod et breviter scripsi et neglegenter. Sed enim hodie profecturus sum. Tuos meo nomine salutes velim.

A.d. Cal. Dec. MCMXII

Литература

- Geissler P. Lanicula satura, in O. Hiltbrunner et al. (eds.) *Thesaurismata: Festschrift für Ida Knapp zum 70. Geburtstag*, München, 1954, 39–48.
- Kayachev B. *Ciris: A Poem from the Appendix Vergiliana. Introduction, Text, Apparatus Criticus, Translation and Commentary*. Swansea, The Classical Press of Wales, 2020.
- Shumilin M. An Unpublished Letter by A.E. Housman Related to the Textual Criticism of Statius' *Silvae*. *Philologus* (forthcoming).
- Баскаков Н.А. *Академик Ф.Е. Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки*. М., Наука, 1989.
- Богданов А.И. *Федор Евгеньевич Корш*. Ашхабад, Ылым, 1982.
- Зельченко В.В. Certamen Borovskianum: конкурс латинских стихотворных переводов в 2005–2007 гг. *Philologia classica* 8, 131–143.
- Зенгер Г.Э. Пророк. *Журнал министерства народного просвещения* 1904а, 352, Март (Отд. класс. фил.), 104–105.
- Зенгер Г.Э. *Метрические переложения на латинский язык*. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1904б.
- Зенгер Г.Э. Заметки к латинским текстам XV века. *Журнал министерства народного просвещения* 1909, 19, Январь (Отд. класс. фил.), 1–59.
- Зенгер Г.Э. Заметки к латинским текстам. *Журнал министерства народного просвещения* 1911, 32, Апрель (Отд. класс. фил.), 155–194.
- Зенгер Г.Э. Заметки к латинским текстам (нач.). *Журнал министерства народного просвещения* 1912, 41, Октябрь (Отд. класс. фил.), 465–482.
- Смышляева В.П. Зенгер Григорий Эдуардович, в сб.: Гаврилов А.К. (Ред.) *Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века*, СПб., 2021, 1.291–296.
- Шилов Д.Н. Министр поневоле: Творчество и карьера в судьбе Г.Э. Зенгера, в сб.: Ганелин Р.С. (Ред.) *Из истории русской интеллигенции*, СПб., 2003, 484–502.

⁵⁶ Ошибка Корша, речь о строке 82.

⁵⁷ Речь о предложениях Fabio non sanior и Fabione insaniore вместо Labeone insaniore (Зенгер 1912, 476–479).

⁵⁸ Речь о конъектуре ante | octoginta вместо unde|octoginta (с переносом слова на новую строку) на границе строк 117 и 118 (Зенгер 1912, 479–482).

Еще раз о переводах Вячеслава Иванова из «Новой жизни» Данте

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Более тридцати лет тому назад вышла в свет монография «Поэтическое воображение Вячеслава Иванова: Восприятие Данте русским символистом» Памелы Дэвидсон, известной английской исследовательницы творчества поэта, – фундаментальный труд, основные выводы которого вряд ли когда-либо будут пересмотрены. Наиболее важным из них следует признать общую характеристику переводческого подхода Вяч. Иванова к наследию Данте, который выражался в «вовлечении» Данте в орбиту символистской проблематики, в сознательном усложнении образного строя, в смещении акцентов, патетизации стиля и проч.¹ В то же время за истекший период ивановедческая литература пополнилась большим числом публикаций, позволяющих более объемно представить значение средневекового итальянского поэта для русского символиста – упомянем здесь работы А.А. Асояна, К.С. Ланды, В.В. Полонского, Л. Силард, А.Л. Топоркова, А.Б. Шишкина.² Все же, как выяснилось после более пристального изучения архивных материалов, один из сюжетов, рассмотренных в книге П. Дэвидсон, – а именно: о переводе Вяч. Ивановым «Новой жизни» Данте – может быть освещен более детально.

Как известно, весьма скоро после установления деловых отношений с Издательством М. и С. Сабашниковых в письме М. В. Сабашникову от 20 января (2 февраля) 1913 года из Рима Вячеслав Иванов высказал пожелания относительно сотрудничества в серии «Памятники мировой литературы»; при этом из авторов, которых он хотел бы перевести, одним из первых был назван Данте:

В смысле переводов поэтических меня привлекает и даже увлекает весьма многое, что бы входило естественно в Вашу программу. Говорю не об одних только античных поэтах. Я был бы счастлив, например, перевести когда-нибудь «Чистилище» и особенно «Рай» Данте, его «Новую жизнь», а в области античности показать, что я могу весело и ладно передать Аристофана (к которому влечет меня именно отсутствие юмора в доселе разрабатываемых темах). Все это к тому, чтобы показать Вам, как привлекательно для меня сотрудничество у Вас.³

Сабашников проявил интерес только к переводу «Новой жизни»;⁴ обязательства, связанные с ним, он внес в договор, которым поначалу предполагалось оговорить условия работы лишь над Эсхилом и рядом стихотворений Сапфо, и приложил его к своему письму Вяч. Иванову от 21 апреля 1913 года, оговорив произведенные изменения.⁵

21 апреля (4 мая) 1913 года этот договор был подписан, в согласии с ним Вяч. Иванов принимал на себя обязательства перевести в течение двух лет трагедии Эсхила, «некоторые» стихи Сапфо и «Новую жизнь» Данте. На следующий день Вяч. Иванов сделал следующую приписку к договору, засвидетельствовав получение задатка: «Получил авансом 600 (шестьсот) итал<ьянских> лир. Рим 22 апр<еля> / 5 мая 1913. Вяч. Иванов».⁶

Приступив к переводу «Новой жизни», Вяч. Иванов не продвинулся в нем особенно далеко, как можно судить по сохранившимся материалам – все они отложились в одном из

¹ Davidson 1989, 239, 244 et passim.

² Асоян 2015; Иванов 1994; Иванов 1996; Иванов 2011; Ланда 2020; Полонский 2015; Силард 2002; Топорков 2014; Шишкин 1995.

³ Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых 1979, 144.

⁴ Следует отметить, что на тот момент русский читатель располагал лишь малоудовлетворительным переводом А.П. Федорова: Данте-Алигери 1895. О рецепции «Новой жизни» Данте в России см.: Голенищев-Кутузов 1971, 454–486, 487–515.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3, л. 16 об.

⁶ Эсхил 1989, 505–506.

архивных дел, хранящемся в обширном фонде поэта в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве и озаглавленном в описи следующим образом: *Иванов В. И.* Данте. «Новая жизнь», переводы глав I, V (начало), VII (сонет), XX, XXI.⁷

Впервые эти материалы описала Памела Дэвидсон, она же впервые опубликовала два сонета, содержащиеся в главах XX и XXI – «Любовь и сердце высшее – одно...», и «Любовь сама в очах мадонны светит...».⁸

Думаю, имеет смысл обратиться к данной архивной единице еще раз и подробнейшим образом охарактеризовать ее, тем более что расшифровка одного из черновиков дает вполне полноценный перевод стихотворения, содержащегося в главе VII «Новой жизни»; заслуживают внимания и другие черновики.⁹ В приложении мною впервые целиком приводятся главы XX и XXI «Новой жизни», переведенные Вяч. Ивановым и до сих пор остающиеся в рукописи (как уже сказано, лишь два сонета из них были в свое время напечатаны Памелой Дэвидсон). Работа поэта над этими двумя главами, как кажется, была почти завершена, их текст обнаруживает высокую степень готовности, хотя переводы и не подверглись финальной отделке: это беловые автографы правленные (далее: *БАП*).

Итак, архивное дело, документирующее работу Вяч. Иванова над переводом «Новой жизни» Данте (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 104), содержит следующие материалы:

1. Черновик перевода главы I (л. 2; карандаш), в которой Данте объявляет о намерении поведать о событиях, произошедших после начала его новой жизни и об их значении. Приведу ее текст:

Перед той частью рукописания моей памяти, выше коей немного можно было бы разоб-
брать, красным написана строка, гласящая:

Incipit vita nova
(зачинается жизнь новая).

Под этой красной строкой нахожу начертанными слова, которые и положил списать в сию книжицу, если и не все до одного, то, по крайности, так чтобы вразумителен был их общий смысл.

2. черновик начала вступительной заметки Вяч. Иванова о значении «Новой жизни» (л. 3; карандаш); написан крайне поспешно, ряд слов не дописан (восполняются в угловых скобках):

Происхождение «книжицы» (*libello*), озаглавленной ее автором «Новая жизнь» («*Vita Nuova*»), нельзя объяснять, как это делают толкователи, только тем, что великий Алигьери, отдавая читателям собрание лирических творений своей юности, не ограничился правом аналитич<ески> изъясн<ить> каждое, но пожелал связать их в одно целое и подробным авторским фактическим комментарием, повествующим об обстоятельствах, при которых каждое из них возникло, вследствие чего комментарий обратился в повесть о юношеских отношениях Данте и его возлюбленной Беатриче в ту эпоху, когда она обитала еще не в горних обителях, где встречал ее певец «Бож<ественной> Ком<едии>», но в родном городе поэта – Флоренции.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 104. [1913–1917]. Автограф. 9 лл. (1 чист.).

⁸ Впервые напечатаны: Davidson 1982, 107–108; также: Davidson 1989, 238–239.

⁹ Ниже печатается лишь последний «слой» текста черновиков, предшествующие варианты не приводятся. За деятельное участие в расшифровке считаю приятным долгом выразить признательность Л.Л. Ермаковой и А.С. Александрову.

3. Два стихотворных наброска с начальной строкой «Прохожие Амуровых путей...»; перевод двух первых строф двойного сонета «O voi che per la via d'Amor passate...» из главы VII «Новой жизни» (л. 4; карандаш);

4. Прозаический черновой перевод зачина главы V (л. 4 об.; сверху листа; карандаш), содержащей рассказ о том, что Данте смотрел в церкви на Беатриче, а присутствовавшие посчитали, что он влюблен в другую женщину:

Был день, когда благороднейшая сидела там, где слышалась хвала Царице славы; я же с места, мною занятого, мог видеть свое блаженство. По прямому направлению промеж ею и мной сидела благородная женщина весьма приятная на вид; она часто на меня взглядывала, дивясь тому, что мой взор был устремлен вперед поверх нея; и многие приметили ее удивление. И все это было истолковано так, что, выходя из того места, я слышал, как близ идущие про меня говорили: «Смотри, как эта женщина его крушит!» Они называли ее по имени, и я понял, что они разумели ту, которая сидела промеж на прямой линии, исходившей от прекрасной Беатриче и конченной в моих глазах.

5. Черновик с начальной строкой «Прохожие Амуровых путей...» (л. 4 об., снизу листа, записано поперек; карандаш); третий незавершенный перевод двух первых строф двойного сонета «O voi che per la via d'Amor passate...» из главы VII «Новой жизни»; начальные девять строк читаются:

Прохожие Амуровых путей!
Склоняюсь к тоске моей,
Скажите, чья печаль с моей сравнится!
Увы, глухих скорбей
Я сам и страж, <и> пленник, и темница.

Мне царь Любви по милости своей
Дал счастье многих дней
И жизнь мне улыбалась, чаровница,
И многие завидовали ей.

6. Черновик с начальной строкой «Прохожие Амуровых путей...» (л. 5 об.; карандаш); четвертый, полный перевод двойного сонета «O voi che per la via d'Amor passate...» из главы VII «Новой жизни» (завершение работы над текстом, что на л. 4. и 4 об.):

Прохожие Амуровых путей!
Склоняюсь к тоске моей,
Скажите, чьей равна моя кручина?
Внемлите звуку жалостных речей.
Своих глухих скорбей,
Увы, я сам и жертва, и причина.

Мне царь Любви по милости своей
Дал счастье многих дней.
Был незаслужен дар. Но все ж судьбина.
Мне улыбнулась. И сердца друзей
Завидовали ей,
Но нрав непостоянен властелина.

Все миновалось. Где ответный пыл,

Которым я горел вблизи любимой,
Печалию томимый,
Признаться в ней не обретаю сил.

Уж я не тот, каким недавно был.
Один с тоской, стыдом от всех гонимый,
Веселости личиной
Я раны сердца ото всех сокрыл.

Четвертый черновик дает удобочитаемый текст редкой средневековой формы, так называемого двойного сонета (*sonetto doppio*) из главы VII, описывающий огорчение поэта после отъезда дамы, помогавшей ему скрывать объект его истинной любви. Двойной сонет отличается от классического тем, что в его «катренах» после нечетных одиннадцатисложных стихов имеются добавочные, семисложные, с ними рифмующиеся; они введены также и в «терцеты», после каждого второго стиха. В результате общее число строк двойного сонета возрастает до 20 стихов.¹⁰ У Данте в сонете «*O voi che per la via d'Amor passate...*» расположение рифм следующее: AaBBbA AaBBbA CDdC DCcD (малые буквы означают семисложные стихи).¹¹ В переводе Вяч. Иванова рисунок рифм в последнем «терцете» несколько изменен (это отступление отмечено в схеме полужирным шрифтом): AaBBbA AaBBbA CDdC **CDdC**. Переводя силлабику Данте ямбической силлабо-тонику, русский поэт вводит альтернанс, в силу чего его стихотворение состоит из шестисложных, семисложных, десятисложных и одиннадцатисложных стихов (соответственно с мужскими и женскими окончаниями); он также допускает одну неточную рифму («личиною»). В целом же Вяч. Иванов достаточно вольно, в соответствии со своей концепцией «перевода-истолкования»,¹² перелагает двойной сонет Данте, удачно передавая при этом общую тональность средневекового стихотворения и своеобразие его формы. Несомненно и то, что вариант Вяч. Иванова по своим художественным достоинствам не уступает переводам двух других мастеров – А.М. Эфроса и И.Н. Голенищев-Кутузова (этот сонет, сократив его до классических 14 строк, переложил и А.П. Федоров).¹³

Отмечу, что Эфрос ограничивает себя употреблением женских рифм, в то время как Голенищев-Кутузов вводит альтернанс. Стилистически его перевод оказывается весьма близок к переложению Вяч. Иванова, но при этом Голенищев-Кутузов в отличие от своих предшественников не выдерживает одной из сквозных рифм в катренах.

7. Полный перевод главы XX, включающей сонет «Любовь и сердце высшее – одно...» («*Amore e 'l cor gentil sono una cosa...*») (л. 6–6 об.; *БАП*, чернила, правка карандашом), в которой Данте повествует о просьбе друга написать сонет о любви, затем же приводит текст сочиненного в связи с этим сонета и поясняет его прозой;

8. Полный перевод главы XXI, включающей сонет «Любовь сама в очах мадонны светит...» («*Ne li occhi porta la mia donna Amore...*») (л. 7–8; чернила, правка карандашом); в ней Данте поначалу повествует, как он хотел написать больше о любви, и как Беатриче с помощью своих глаз и взгляда могла вызывать любовь не только у людей, в которых любовь дремлет, но и у тех, кому совершенно она не свойственна; сонет на эту тему, за которым следует прозаическое объяснение его значения, завершает главу.

¹⁰ Двойной сонет (*sonetto doppio*) является несколько упрощенной формой утроенного сонета (*sonetto rinterzato*), насчитывающего 22 стиха. Его наиболее яркие образцы дал в XIII веке Гвиттоне д'Ареццо.

¹¹ Данте написал в общей сложности три двойных сонета. Еще один находим в следующей, восьмой главе «Новой жизни» («*Morte villana, di pietà nemica...*»), а также среди его «Стихотворений» («*Se Lippo amico se' tu che mi leggi...*»).

¹² Лаппо-Данилевский 2021.

¹³ Данте 1934, 78–79; Данте Алигьери 1968, 11; Данте-Алигьери 1895, 56.

9. черновик сонета «Любовь и сердце высшее – одно...», содержащегося в главе XX (л. 8 об.; *БАП*, карандаш).

Таковы материалы, документирующие работу Вяч. Иванова над переводом «Новой жизни», которая, судя по всему, велась главным образом в 1913 году. Но, по-видимому, были и другие, до нас не дошедшие. В этом, к примеру, убеждает то, что никаких переводов из главы III в охарактеризованной выше единице не имеется. А ведь именно ее значительная часть (прозаический фрагмент из «Новой жизни», включающий перевод сонета «Всем данникам умильным, чистым слугам...») была опубликована в статье Вяч. Иванова «О границах искусства» (1914) на страницах журнала «Труды и дни», став для современников единственным свидетельством того, что поэт-символист обращался к «Новой жизни» как переводчик. В этом контексте заслуживает внимания и тот факт, что в «Автобиографическом письме» (1917) Вяч. Иванов писал, что летом 1917 года в Сочи он продолжал трудиться над переводом «Новой жизни»,¹⁴ но если это и имело место, то работа не продвинулась далеко, а материалы ее не сохранились.

Нетрудно заметить, что интерес Вяч. Иванова к первому крупному произведению Данте был весьма пристальным. Однако обилие других проектов и замыслов, как и деятельное участие в текущей литературной жизни, неизменно отвлекали Вяч. Иванова от перевода «Новой жизни», не давали возможности в него погрузиться. Все же особенное отношение к этому произведению дало знать в тот момент, когда уже после революции поэт волею судеб был принужден включиться в университетское образование. 19 ноября 1920 года Вяч. Иванов был единогласно избран ординарным профессором по кафедре классической филологии Азербайджанского государственного университета в Баку. В течение последовавших трех с половиной лет преподавания здесь Вяч. Иванов неоднократно обращался к «Новой жизни» как в своих лекциях по итальянской литературе, так и на занятиях по итальянскому языку.¹⁵

Завершая обзор архивной единицы, документирующей ход работы Вяч. Иванова над переводом «Новой жизни», приходится с сожалением констатировать, что несмотря на духовное родство, ощущаемое Вяч. Ивановым с великим средневековым поэтом, и желание перевести его тексты, все три больших переводческих проекта, связанных с именем Данте, в которых поэт намеревался участвовать (стихотворный перевод канцон «Пира»,¹⁶ полный перевод «Новой жизни» и «Божественной комедии»¹⁷), по разного рода внешним обстоятельствам прервались на начальном этапе, а известно о них стало лишь благодаря посмертным публикациям.

¹⁴ Иванов 1916, 96.

¹⁵ Котрелев 1968, 326; Иванов 1996, 9–13; Иванов 2016, 344, 348; Davidson 1989, 237; Альтман 1995, 310.

¹⁶ В 1914 году Вяч. Иванов хлопотал перед М. В. Сабашниковым о поддержке перевода «Пира» Данте. Поэт должен был перевести стихотворные части, Эрн – прозаические. Вяч. Иванов перевел лишь две канцоны из «Пира». Первую из них опубликовала П. Дэвидсон (Davidson 1982, 114–115). Вторая была «собрана» из двух различных источников с промежутком между публикациями в 15 лет: Иванов 1994, 13–14; Иванов 2011, 80. Скорее всего, тогда же (и, по всей видимости, также совместно с Эрном) задумывался перевод трактата Данте «Монархия» («De monarchia»), для которого Вяч. Иванов переложил с латыни несколько стихотворных цитат из римских поэтов (подробнее: Лаппо-Данилевский 2013, 178).

¹⁷ 14 мая 1920 года Вяч. Иванов заключил «Договор об издании „Комедии“ Данте» с акционерным обществом «Издательское дело бывшее Брокгауз-Эфрон», согласно которому обязывался перевести в течение трех лет три части «Божественной комедии» в двух редакциях: стихотворной и прозаической (Archivio italo-russo 1997, 547–548). Однако тогда этот замысел доведен до конца не был. Оказавшись в эмиграции, поэт искал вплоть до конца 1920-х годов финансирование для этого масштабного проекта как в эмигрантских кругах, так и в Советской России, но безуспешно. В связи с этим уже в Риме Вяч. Иванов перевел стихи 1–67 первой песни «Чистилища» (опубликованы П. Дэвидсон: Davidson 1982, 128–129).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вячеслав Иванов

<Перевод двух глав из «Новой жизни» Данте Алигьери>¹⁸

XX

Когда эта канцона получила некоторое распространение, довелось одному другу ее слышать, и желание узнать мой ответ побудило его просить меня, чтобы я высказался о том, что есть Любовь.¹⁹ Судя по слышанному, он возлагал на меня надежды, быть может, бóльшие, чем коих я был достоин.²⁰ Посему, полагая, что после такого славословия, как та канцона, прекрасно было бы сказать нечто о любви вообще, и, почитая должным угодить другу,²¹ я задумал сложить строки, в коих речь была бы о Любви, и сказал тогда нижеследующее:

СОНЕТ

Любовь и сердце высшее – одно:
 Был прав мудрец, сих слов провозвеститель.
 Вы мысль с душой разумной разлучите ль?
 Не разлучить и тех двоих равно.²²

Природою влюбленною дано
 Царю-Амуру сердце, как обитель.
 И долго ль, нет ли, спит в чертоге житель;
 Настанет срок – подвигнется оно.

10 Женой смиренномудрою предстанет,
 Взор мужеский пленяя, Красота.²³
 Желание родится. Не устанет

Тревожить сердце нежная мечта,
 Доколе не разбудит властелина.
 Так и жене достойный лишь мужчина.²⁴

Изъяснение

¹⁸ Текст глав XX и XXI «Новой жизни» Данте в переводе Вяч. Иванова публикуется по рукописи: [26]. Более ранние варианты текста вынесены в постраничные примечания.

¹⁹ Когда эта канцона в некоторой мере распространилась среди народа, случилось одному другу ее услышать и пришло ему на мысль просить меня, чтобы я *a* сказал *b* ответил, что есть Любовь.

²⁰ Судя по услышанным словам, он возлагал на меня надежды, бóльшие, чем коих я был достоин.

²¹ Посему, полагая, что после такого именованья прекрасно было бы сказать нечто о любви вообще, и, желая услужить другу,

²² Мудрец он был, сей правды возвеститель. / С душой разумной разум разлучите ль? / С любовью сердце также сроднено.

²³ Спит подолгу в своем жилище житель; / Настанет час – подвигнется оно. / Женою добронравной вдруг предстанет, / Чаруя взоры мужу, Красота.

²⁴ *a* Жену пленяет доблестный мужчина. *b* Жене приятен доблестный мужчина. *c* Так женщине отважный мил мужчина. *d* Жене любезен доблестный мужчина

Этот сонет делится на две части.²⁵ В первой я говорю о Духе Любви, поскольку он присутствует в человеке как скрытая сила;²⁶ во второй – поскольку его сила проявляется в действии. Вторая часть начинается словами: «Женою добронравною...»²⁷

XXI

После того, как я сложил о Любви выше записанные рифмы,²⁸ возжелалось мне во славу прекраснейшей²⁹ обрести и такие слова, в коих я показал бы, как пробуждается к ней эта любовь и как она не только там, где Амур спит, его будит, но и в сердце, над которым он не возобладал, чудодейственно его призывает.³⁰ И я сказал тогда нижеследующее:

Любовь сама в очах мадонны светит;
И на кого воззрит, – преображен.
К идущей мимо каждый притяжен;
Но обомрет, кого она приветит.³¹

Потупит взор, кто взор небесный встретит;³²
Укором тайным в сердце пристыжен,³³
Поник гордец. Как чтить ее? Из жен
Участливых, какая мне ответит?³⁴

10 Кто слышал дивной тихие слова,
Знал помыслов смиренномудрых сладость.³⁵
Блажен царицу видевший едва.

Кому ж цвела ее улыбки радость,³⁶
Любови чудо знал, что ни изречь³⁷
Устам нельзя, ни памяти – сберечь.

Этот сонет содержит³⁸ три части. В первой я говорю, как она жена переводит в действие присущую ей силу, согласно свойству благороднейшей части очей своих. В третьей я говорю то же самое по отношению и к благороднейшей части ее уст. И между этими двумя частями сонета, первую и третьей, поставлена вторая,³⁹ малая, как бы просительница о помощи для осуществления и предшествующей части, и последующей; начинается она словами: «Как чтить ее?...» Третья же часть начинается со слов «Кто слышал...» Первая часть подразделяется на три отдела. В первом я говорю, как внутренне преображается или в существе своем

²⁵ делится на три части

²⁶ ^a поскольку он в сила ^b поскольку он в силах

²⁷ Здесь Вяч. Ивановым приводится более ранний вариант перевода начала первого катрена (исправлено им в окончательной редакции сонета на: «Женой смиренномудрою...»; см. выше). – *Ред.*

²⁸ Как я говорил, о Любви в последних рифмах

²⁹ мне во славу благороднейшей

³⁰ где Любовь спит, ее будит, но и там, где любовь немощна, чудодейственно ее вызывает

³¹ Трепещет в том, кого она приветит.

³² Кого же, взор потупив, не приметит,

³³ Вины сознаньем тайным устыжен;

³⁴ ^a Какая мне поможет и ответит? ^b Как женщины, какая мне ответит?

³⁵ Изведал сладость умиления внове.

³⁶ Но кто ее улыбку зрел, Любви

³⁷ Тот чудо зрел! Его же ни изречь

³⁸ Этот сонет имеет

³⁹ И между этими двумя частями сонета находится вторая

высветляется⁴⁰ и⁴¹ благоустраивается все ею видимое,⁴² что равносильно воцарению Любви там, где ее нет. Во втором говорю я о том, как переходит в действие⁴³ Любовь в сердцах тех, коих она видит.⁴⁴ В третьем я говорю о благодетельном действовании Любви в их сердцах.⁴⁵ Второй отдел начинается словами «К идущей мимо...»; третий словами «Но обомрет...».⁴⁶ Когда потом я говорю: «Как чтить ее? Из жен / Участливых,⁴⁷ какая мне ответит?» – я даю понять, к кому вознамерился⁴⁸ обратиться с речью; ибо призываю жен, чтобы они помогли мне ее почтить. Когда, наконец, я говорю: «Кто слышал дивной тихие слова...», я опять высказываю то, что уже сказано в первой части, но по отношению к устам и в соответствии с двумя действиями ее уст: одно из этих действий – ее сладчайшая речь, другое – ее дивный смех. Только о последнем уже не говорю, как он бывает действенным⁴⁹ в сердцах других людей, потому что память не в силах сберечь ее улыбки и испытать от той улыбки воздействия.⁵⁰

Литература

- Альтман М.С. *Разговоры с Вячеславом Ивановым* / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица, К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995.
- Асоян А.А. *Данте Алигьери и русская литература*. СПб.: Алетейя, 2015.
- Голенищев-Кутузов И.Н. *Творчество Данте и мировая культура*. М.: Наука, 1971.
- Данте. *Vita Nova* / перевод с итальянского, введение и примечания Абрама Эфроса. [М.]: Academia, 1934.
- Данте Алигьери. *Малые произведения* / издание подготовил И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968.
- Данте-Алигьери. *Обновленная жизнь* / пер. с итальянского А.П. Федорова, с объяснительными примечаниями и вступлением. СПб., 1895.
- Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С.А. Венгерову. *Русская литература XX века (1890–1910)*. Т. 3. М., 1916, 81–96.
- Иванов Вяч. <Из черновых записей о Данте> / вступ. заметка и подгот. текста А.Б. Шишкина. *Вячеслав Иванов: Материалы и исследования* / ред. В.А. Келдыш, И.В. Корецкая. М.: Наследие, 1996, 7–13.
- Иванов Вяч. Лекции о Данте 1921 года / публ. Кристины Ланда. *Europa Orientalis*. Vol. XXXV. 2016, 343–353.
- Иванов Вяч. <Неизвестные стихотворения и переводы (из рукописей Римского архива)> / публ. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина. *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10, 7–20.
- <Иванов Вяч.> Пятая строфа второй канцоны «Пиршества» Данте в переводе Вячеслава Иванова / публ. А. Б. Шишкина. *Русская литература*. 2011. № 4, 80.
- Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых с авторами / публ. и примеч. С.В. Белова. Книга: Исслед. и материалы. Сб. XXXVIII. М., 1979, 143–147.
- Котрелев Н.В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета. *Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 209. Тарту, 1968, 326–339.
- Ланда К.С. «Божественная Комедия» в зеркалах русских переводов: *К истории рецепции дантовского творчества в России*. СПб.: Издательство РХГА, 2020.
- Лаппо-Данилевский К.Ю. «Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова. *Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019* / отв. ред. Н. Сегал-Рудник, ред.-сост. Д. Сегал, О. Левитан, А. Шишкин, М. Вахтель. М.: Водолей, 2021, 346–366.

⁴⁰ или делается потенциально

⁴¹ или

⁴² или благоустраивается все, что она видит,

⁴³ *Вместо*: делает действенную, *затем*: становится действенной.

⁴⁴ коих она видит

⁴⁵ В третьем я говорю о том воздействии ее в их сердцах.

⁴⁶ «Трепещет сердце...».

⁴⁷ Как чтить ее? Из милых жен,

⁴⁸ я даю понять, к кому имел намерение

⁴⁹ как он действует

⁵⁰ не в силах сберечь его и испытанного от оною.

- Лаппо-Данилевский К.Ю. Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова. *Русская литература*. 2013. № 2, 173–179.
- Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога. *Литературоведческий журнал*. 2015. № 37, 111–130.
- Топорков А.Л. Отзвуки Данте в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова. *Память литературного творчества*. М.: ИМЛИ РАН, 2014, 519–536.
- Силард Л. Дантов код русского символизма. Силард Л. *Герметизм и герменевтика*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002, 162–205.
- Шишкин А.Б. Пламенеющее сердце в поэзии Вячеслава Иванова и дантовское видение «Благословенной жены». *Дантовские чтения*. 1995. Вып. 10. М.: Наука, 1996, 95–114.
- Эсхил. *Трагедии* / пер. Вячеслава Иванова; отв. ред. Н.И. Балашов, изд. подготовили Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев и В.Н. Ярхо. М.: Наука, 1989.
- Archivio italo-russo* / a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. [Vol. I]. Trento, 1997.
- Davidson P. Vyacheslav Ivanov's Translation of Dante. *Oxford Slavonic Papers*. Vol. 15. 1982, 103–131.
- Davidson P. *The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. (2-е изд.: 2009).

Марк Алданов – эрудит серебряного века

А. И. Любжин

Марк Александрович Ландау (1886–1957; псевдоним-анаграмма – Марк Алданов) – крупный писатель и общественный деятель, и его фигура для истории античной рецепции интересна прежде всего тем, что он представляет собой идеальный продукт толстовско-катковской гимназической системы, продукт ровно такой, какой мыслили ее авторы; он любил свою гимназию, и взял от нее все, что она могла дать. Он окончил 5-ю Киевскую (Киево-Печерскую) гимназию¹ и два факультета – юридический и физико-математический – Киевского университета (Уральский 2018), а впоследствии – *Ecole des Sciences Sociales* в Париже. А. А. Чернышев отмечает: «Он принадлежал к поколению, которое выдвинуло младших символистов, акмеистов, футуристов, однако опыт их творческих исканий оказался ему совершенно чужд» (Чернышев 1991, 10). В связи с особенностями его литературных жанров – исторический роман и очерк – находится и форма выражения мыслей об античных персонажах; безусловно, оценки характеризуют не только писателей, но и произносящих их персонажей, и используются для сложной литературной игры в «лепке характеров». Даже учитывая, что Пьер Ламор – авторский рупор в цикле романов «Мыслитель», мы вынуждены не воспринимать произнесенные им суждения как прямое выражение авторской позиции (прежде всего потому, что его контрреволюционное а priori заставляет осуждать в том числе и «древнеримский» элемент в революции).

Ламор дает не слишком лестную характеристику автору «Катилины»: «Отъявленный негодяй Саллюстий давал вам уроки римской морали» (Алданов 1989, Д, 290), и цитирует *Nat. hist.* VIII, 157 в романе «Заговор»², намекая на подготовку к убийству Павла I. Светонию достается не меньше: «порнограф Светоний, не уступающий во многих отношениях гражданину де Саду» (Алданов 1989, Д, 290); в другом месте это у него «древний лгун» [Алданов 1989, 3, С. 193]³. Впрочем, в романе «Заговор» один из героев – несостоявшийся русский Декарт, масон Н. Н. Баратаев – напоминает командиру Преображенского полка П. А. Талызину, участнику заговора, слова о скорой насильственной смерти, постигшей убийц Цезаря (*Suet. Iul.* 89, 1–3) (Алданов 1989, 3, 249).

Отдельно имеет смысл рассмотреть роль цитат из Вергилия в романе «Девятое термидора». Их три – две из «Энеиды» и одна из «Георгик». Первая – самая знаменитая (*Aen.* II, 3 *Infandum, regina, iubes renovare dolorem, несказанно то горе, царица, которое ты велишь воскресить*). Ее произносит на приеме в Эрмитаже французский эмигрант, приступая к рассказу о революционных событиях. «Екатерина одобрительно улыбнулась, хотя не поняла ни слова из цитаты и даже не разобрала, на каком она языке (эмигрант произносил по-французски: энфандом режина)» (Алданов 1989, Д, 69). Разговор не складывается: Императрица тотчас перебивает гостя, нисколько не интересуясь его опытом; у не названного по имени старика это вызывает мучительные размышления о том, что Эрмитаж, глухой к опыту Версаля, может разделить его судьбу. Второй случай – разговор Э. Бёрка с У. Питтом младшим в салоне русского посла графа С. Р. Воронцова. Бёрк выражает словами из «Георгик» ((Алданов 1989, Д, 146), *Georg.* III, 420: *Cape saxa mani, cape robora, pastor, бери в руку камень, пастух, бери дубину*) восхищение речью Питта – и в разговоре с ним сознает превосходство своей учености над тощей образованностью премьер-министра⁴. Третья и последняя является

¹ В очерке «М. А. Осоргин» М. Алданов пишет о тягостных гимназических воспоминаниях своего героя, подчеркивая, что эти воспоминания – «прямо противоположные гимназическим воспоминаниям автора этих строк». Он задает вопрос: «Я был моложе Михаила Андреевича, но неужто нравы и обычаи могли так измениться за одно десятилетие?». – (Алданов 1999, О, 309).

² «Плиний говорит, что лошади льют слезы, когда их хозяевам грозит опасность» – (Алданов 1989, 3, 193).

³ Ср. ироничную характеристику в романе «Истоки»: «В характеристике министра профессор следовал литературному методу Светония, который для начала почтительно отмечал достоинства своего цезаря, а затем рассказывал о нем самые ужасные невероятные истории». (Алданов 1991, II, 184).

⁴ Источником для реплики Бёрка в целом и для цитаты из Вергилия в частности послужило, по-видимому, письмо Бёрка Уильяму Уиндгему от 23 августа 1793 г.: «Однако не следует допускать, чтобы эти богачи стали жертвой

самопредставлением Пьера Ламора: (Алданов 1989. Д, 186), «*Sum pius Aeneas fama super aethera notus*, – произнес он с насмешкой. – Помните, так Эней скромно представился Венере: „Я благочестивый Эней, знаменитый превыше небес“». Алданов комбинирует два полустиха из соседних стихов (*Aen. I, 378–379*): *Sum pius Aeneas raptos qui ex hoste penatis / classe ueho tecum, fama super aethera notus*, я благочестивый Эней, везущий на своих кораблях, вырванных из самых рук врага пенатов и знаменитый превыше эфира. Комбинация, не нарушая законов латинской метрики, – стих, получившийся из двух полустихий, вполне правилен, – подчеркивает иронию представления – хотя, как и в двух предыдущих случаях, собеседник не способен ни оценить, ни даже понять сказанное. Последняя цитата выводит на сцену одного из главных героев – на стороне его скептической мысли будут авторские симпатии, и в этом романе – как и в двух следующих – собеседники никогда не удостоят его своего согласия. Отметим, что обе цитаты не выходят за пределы «школьного» Вергилия.

Значительно сложнее вопрос с Овидием. Юлий Штааль видит в дневнике Баратаева эпиграф, который свидетельствует о пристрастии к эпикурейской мудрости в формулировке Овидия: *bene vixit bene qui latuit*, *хорошо прожил тот, кто хорошо затаился* (на первый взгляд – слегка искаженная цитата из *Trist. III, 4, 25*) (Алданов 1989. Ч, 438). Однако, как представляется, ни овидиевский, ни эпикурейский фон не имеют для Алданова значения: реплика для него важна в картезианском контексте, и перевод он дает с использованием активного, а не возвратного глагола: «хорошо жил тот, кто хорошо скрывал»⁵. В «Девятом термидора» в уста того же Ламора вложены такие слова: «Помнится, поэт, никогда ни о ком не пожалевший в жизни, величайший эгоист и циник литературы, писавший, по собственным своим словам, для публичных женщин, сказал: „*Solamen miseris socios habuisse malorum* (*Утешение для несчастных – обзавестись товарищами по несчастью*)“ (думаю, что вы понимаете по латыни, милостивый государь?); но я это утешение склонен считать весьма слабым – и близость собственной моей смерти не вызывает во мне особого желания сокращать жизнь дорогих „ближних“. А потому вы можете быть совершенно уверены, что я на вас доносить никому не стану» (Алданов 1989. Д, 177–178). Само по себе это место вызывает ряд вопросов, на которые еще придется отвечать будущим комментаторам; пока можно высказать только предположение. Источник цитаты неизвестен⁶. Какого поэта имел в виду Алданов? Скорее всего, это кто-то из античных поэтов: об этом говорит, в частности, и то, что неназванный автор должен быть – по

собственных безрассудства и глупости. Я верю в Бога, что найдется кто-то, кто лучше позаботится об их безопасности, нежели они сами. Эти белки околдованы гремучей змеей и прыгнули бы к ней в пасть, если бы не ваш сосед, *Capre saxa tani, capre robora, pastor, &c. &c.* Они спрашивают, что они получают от этой войны? Как! несчастные, они получают свое существование; при ней они получают возможность предаваться своей дурости безнаказанно, – а разве это пустяк?». (Burke 1844, 136).

⁵ (Алданов 1953, 14). Отметим, что в диалоге «Армагеддон» знаменитую реплику о книгах, имеющих свою судьбу, он цитирует в искаженной версии Л. Н. Толстого, который прочитал *capite* вместо *captu*: «*Habent sua fata libelli*. И даже не *pro capite lectoris*» (Алданов 1995, 458). Ср. «*Habent sua fata libelli pro capite lectoris*» – (Толстой 1983, 91).

⁶ Словарь А. Фрича (Fritsch 1996, 539) дает ссылку на *Этику* Баруха Спинозы (*Eth. IV, 57, 1677 г.*); там эти слова определены как «*пословица*» (*proverbium*). Но близкая реплика встречается за сто лет до того, в *The Tragical History of Doctor Faustus* Кристофера Марло (сцена V, слова Мефистофеля Фаусту). Разница в последнем слове – *doloris* вместо *malorum*, смысл остается практически прежним. В разного рода печатной продукции (совершенно случайной и необязательной к прочтению; вероятность того, что М. Алданов заглядывал в эти книги, весьма невелика) можно найти самые разнообразные указания авторства. *Приписано Вергилию*: (Anshelm 1826, 286); (Reche 1837, Sine p. (2-я стр. предисловия)); (Sanders 1844, 211). *Горацию, с метрическим искажением*: (Reuter 1869, 115). Французский вариант: «Что мы читаем у Горация? – *Est solamen miseris socios habuisse malorum*» (Reuter 1880, 191). *Овидию*: (Cicero 1850, 158); (Lucien 1860, 63). Современные инструменты поиска позволили найти этот стих в публикациях, предшествующих К. Марло, где он характеризуется как общеупотребительная пословица: *commune adagium*: (Giorgio 1575. F. 375v. (1536)); «обычно говорят», *dici enim solet* – так характеризует этот стих Джироламо Кардано в трактате *De utilitate ab adversis capienda*, опубликованном за несколько лет до рождения Марло (Cardano 1663, 206). Впервые книга вышла в 1561 г.: Hieronymi Cardani... *De vtilitate ex aduersis capienda, libri 4. Ex quibus in omni fortuna, rebus secundis & aduersis, diligens lector mirabilem ad tranquille feliciterque uiuendum (quantum in hac misera miserorum mortalium conditione fieri potest) utilitatem percipiet...* *Basilæ: per Henrichum Petri, 1561 mense Augusto.*

контексту разговора – фигурой, потенциально узнаваемой для собеседника и, кроме того, значимой.

Не исключено, что он в уме приписал цитату Овидию. Только к нему подходит характеристика «писавший, по собственным своим словам, для публичных женщин» (ср. *Trist.* II, 303: *scripta solis meretricibus Arte*, «*Наука любви*», написанная для одних только развратниц»). Тогда оценка, не уступающая по резкости вышеупомянутым, могла бы относиться к нему.

Для характеристики А. Гитлера Алданов использует знаменитую вергилиевскую цитату: «Ведь он в самом деле „поднял Ахерон“ – по любимой цитате политиков, получивших классическое образование»⁷.

Описывая самоубийство генерала Пишегрю, М. Алданов подчеркивает следующую деталь: «На камине в камере Пишегрю лежала корешком вверх книга Сенеки. Она была раскрыта на той странице, в которой древний мудрец говорит, что Божество умышленно, „для красоты зрелища“, заставляет великих людей бороться с тяжелой судьбою... (*dial.* I, 2, 7 слл. – А. Л.). Таинственная химия слова, сказавшаяся в этих удивительных фразах на самом благородном из языков, вероятно, в мрачной башне Тампля хватала за душу сильнее, чем в обычной обстановке» (Алданов 1991. ГП, 397.). Сенека (как автор трактата *De brevitae vitae*, *О краткости жизни*) является оселком самопознания и оппонентом для Байрона в последний – греческий период его жизни: «Слишком быстро? Может быть. Это всегда слишком быстро. Не успел ни как следует пожить, ни как следует подумать? Не первый, не последний. Вот то же иными словами сказано в этой книге Сенеки (далее цитируется в оригинале *dial.* X, 16, 1–5: *Если то, на что они надеются, является не сразу, им кажется длинной любая отсрочка; а то время, на которое хватает их любви, кратко и стремительно...*)⁸. В диалоге *О случае в истории* – третьем в философской работе *Ульмская ночь* – он дважды сочувственно обращается к Тациту, цитируя его в переводе В. И. Модестова (С. 92): «Наполеон читал Тацита и мог бы именно при этом случае вместе с ним сказать: „Что до меня касается, то чем больше перебираю я в уме новых или древних событий, тем больше я во всем замечаю какую-то насмешку над делами человеческими“»⁹, и позднее (с. 120): «Тот же Тацит говорит: „Я не могу решить, идут ли человеческие дела по закону судьбы и необходимости, или они подчинены случаю“»¹⁰. Подход историков древности, совпадающий с обычным здравым смыслом, для Алданова предпочтительнее иных научных концепций современности: «То, что ученые, якобы применяющие методы теории вероятности, гордо и тщетно, пытаются в истории понять или даже – задним числом – предсказать, сводится именно к неученым словам: „возможно“, „вероятно“, „сомнительно“, „нелепо“, которыми Фукидида и Тациты пользовались за тысячелетия до теории вероятностей» (с. 88; ср. на с. 71: «В философском отношении некоторые из них (общие положения теории вероятностей – А. Л.) все-таки недалеко ушли от простой неученой человеческой речи с простыми неучеными определениями: „верно“, „вероятно“, „похоже на правду“, „сомнительно“, „ложно“, „нелепо“»). Для Алданова Тацит оказывается, таким образом, одним из самых авторитетных историков: в его книге много ссылок на труды, которые рассматривают то или иное историческое событие, но мало – на формулировку (как в данном случае) общих положений. Отметим, что в *Ульмской ночи* есть и характеристика Цицерона (в рамках рассуждения о философском и риторическом даре Карнеада): «Цицерон, старый адвокат и политический делец, повидимому, испытывал нечто вроде профессиональной зависти» (с. 62). Используется – в рамках рассуждения о страсти народа к «новизне» – *Заговор Катилины* Саллюстия: «Да,

⁷ (Алданов 1999. Г, 240). Ср. в мемуарах П. Н. Милюкова: «В обиход даже вошло выражение латинского поэта: *flectere si nequeo superos Acheronta movebo...* Этот Ахеронт, под которым разумелись революционизированные народные массы, был тогда в большом употреблении, чтобы не вызывать излишнего внимания цензуры» (Милюков 1991, 221). Verg. *Aen.* VII, 312 цитировал, в частности, П. Б. Струве с статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», входящей в сборник «Из глубины» (Струве 1991, 467).

⁸ (Алданов 1991. МВ, 322); ср. 312–313.

⁹ *Сочинения Корнелия Тацита*, русский перевод и примечания В. И. Модестова, т. II, стр. 147. *Летопись*, кн. III, гл. 18 – прим. автора.

¹⁰ *Сочинения Корнелия Тацита*, русский перевод и примечания В. И. Модестова, т. II, стр. 271. *Летопись*, кн. VI, гл. 22 – прим. автора.

да, слышали, „чернь жадна к новому“ – „plebs cupida rerum novarum“. Только ничего в этих диктатурах не было нового и в пору Саллюстия, а в наше время тем меньше» (ср. *Cat.* 48, 1, 1–2). И чуть ниже, не без тонкой иронии: «Не будете же вы все-таки отрицать несомненный факт: где существует выборное начало, там торжествует часто свобода, – „illa quam saepe optasti, libertas“, как говорил Катилина» (*та свобода, коей ты так часто алкал*, – ср. *Cat.* 20, 14, 1–2; с. 313)¹¹. То, что Алданов говорит о латинской литературе от своего лица, не совпадает с тем, что говорят его герои. Это несовпадение позволительно экстраполировать – и предположить, что солидарность его с позицией, высказываемой Пьером Ламором, не является полной и всеобъемлющей. Делая эту фигуру рупором настроений, вообще свойственных для его исторической романистики (усталость и тяжелый цинизм умных и проницательных людей), он подчеркивает, что это – лишь одна сторона истины и одна из граней ума, а есть и другая – пусть даже она не была выражена положительно.

Школьная программа и гимназические воспоминания составляли значительную часть античного багажа М. Алданова. Но ими он не ограничивался. Можно с уверенностью утверждать, что в его лице, при отсутствии ярко выраженного интереса к античным древностям, латинская литература обрела замечательного, хотя и не чуждого скептицизму ценителя с самостоятельной и продуманной позицией.

Список использованной литературы

- Anshelm Valerius. *Valerius Anshelm's, genannt Rüd, Berner-Chronik, von Anfang der Stadt Bern bis 1526*. Herausgegeben von E. Stierlin... und J. R. Wyß; Bd. 2. Bern: Bey L. A. Haller, 1826.
- Burke E. *Correspondence of the Right Honourable Edmund Burke; Between the year 1744 and the period of his decease in 1797. Edited by Charles William, Earl Fitzwilliam, and Lieutenant-General Sir Richard Bourke, K.C.B.* In four volumes. Vol. IV. London: Francis & John Rivington, St Paul's Church Yard, & Waterloo Place, 1844.
- Cardano G. *Hieronymi Cardani Mediolanensis philosophi ac medici celeberrimi Operum tomus secundus...* Lugduni: Sumptibus I. A. Huguetan, & M. A. Ravaud. 1663.
- Fritsch A. *Index sententiarum ac locutionum. Handbuch lateinischer Sätze und Redewendungen*. Saraviponti – Saarbruecken: Verlag der Societas Latina, 1996.
- Giorgio F. *Francisci Georgii Veneti Minoritani, In Scripturam Sacram problemata...* V. I. Parisiis: Apud M. Sonnum, 1575.
- Pessouneaux E. *Choix des Dialogues des morts de Lucien*. Edition classique conforme au texte approuvé par le Conseil impérial de l'Instruction publique... Par E. Pessouneaux... Paris: L. Hachette, 1860.
- Reche R. *Dissertatio Inauguralis medica De delirio tremente...* Berolini: Typis Nietackianis, 1837.
- Reuter F. *Sämmtliche Werke von Fritz Reuter*. B. I. New York: Steiger, 1869.
- Reuter F. *En l'année 1813: Épisode de la vie militaire des française en Allemagne. Roman allemand traduit avec l'autorisation de l'auteur par E. Zeys...* Paris: Librairie Hachette, 1880.
- Sanders D. H. *Das Volksleben der Neugriechen dargestellt und erklärt aus Liedern, Sprichwörtern, Kunstgedichten, nebst einem Anhang von Musikbeilagen und zwei kritischen Abhandlungen von Dr. D. H. Sanders*. Mannheim: F. Bassermann, 1844.
- Tischer G. (erkl.) *M. Tullii Ciceronis Tusculanarum disputationum ad M. Brutum libri quinque. Erklärt von Dr. Gustav Tischer*. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1850.
- Алданов М. А. Армагеддон. Из записной книжки, in: *Тайны истории. Век XX. Алданов М. А. Самоубийство. Роман. Армагеддон. Из записной книжки. Исторические портреты и очерки*. М., «Терра». 1995, 443–538.
- Алданов М. А. Генерал Пишегрю, in: *Алданов М. Истоки. Избранные произведения в 2-х тт.* Т. 2. М.: «Известия», 1991, 368–400.
- Алданов М. А. Гитлер, in: *Марк Алданов. Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого*. СПб., 1999, 223–242.
- Алданов М. А. Девятое термидора, in: *Марк Алданов. Девятое термидора. Чертов мост*. М.: Московский рабочий, 1989, 17–318.

¹¹ В оригинале множественное число глагола, optastis.

- Алданов М. А. Заговор, in: *Марк Алданов. Заговор. Святая Елена, маленький остров*. М.: Московский рабочий, 1989, 5–322.
- Алданов М. *Истоки. Избранные произведения* в 2-х тт. Т. 2. М., «Известия», 1991.
- Алданов М. А. Могила воина (Сказка о мудрости), in: *Алданов М. Истоки. Избранные произведения* в 2-х тт. Т. 2. М., «Известия», 1991, 206–330.
- Алданов М. А. М. А. Осоргин, in: *Марк Алданов. Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого*. СПб., 1999, 307–321.
- Алданов М. А. *Ульмская ночь*. Нью-Йорк, Издательство имени А. П. Чехова, 1953.
- Алданов М. А. Чертов мост, in: *Марк Алданов. Девятое термидора. Чертов мост*. М.: Московский рабочий, 1989, 319–621.
- Милюков П. Н. *Воспоминания*. М., Политиздат, 1991.
- Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи, in: *Вехи. Из глубины*. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., «Правда», 1991, 459–477.
- Толстой Л. Н. Что такое искусство? in: *Толстой Л. Н. СС в 22 тт. Т. 15. М., Художественная литература*. 1983, 41–221.
- Уральский М. Молодой Алданов. Глава I. Счастливые годы, in: *Новый журнал*. № 292. 2018: <https://magazines.gorky.media/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html>. 12.10.2021.
- Чернышев А. Гуманист, не веривший в прогресс, in: *Алданов М. А. СС в 6 тт. Т. 1. М., «Правда», 1991, 3–32.*

Мотив Прометея в поздних воронежских стихах Мандельштама. набросок

В. Т. Мусбахова

Образ Прометея в советской поэзии 1930-х гг.

В советской поэзии 30-х годов появляется коллективный образ советского народа – освобожденного Прометея-преобразователя (Якуб Колас, Павло Тычина),¹ но привязка Прометея к образу Сталина, судя по всему, осуществляется в грузинской поэзии, и прежде всего в кругу утонченных поэтов-символистов старой школы из объединения Голубые роги, хорошо знакомых Мандельштаму по его контактам с Грузией в 1920–21 гг. (Нерлер 1990 а, 376–384). Виднейшие представители группы – Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Николо Мицишвили, Валериан Гаприндашвили – все отметились разработкой темы Сталин – Прометей, используя как благодатную почву факт рождения вождя в Грузии, на Кавказе, где, согласно античному мифу, был прикован Прометей.

Исходной точкой и здесь, видимо, является Прометей как коллективный образ освобожденного народа.² У Гаприндашвили («Моя страна») в качестве такового выступает, наряду с Прометеем, Геракл: «...О, страна моя, часто лицо твое закопчено, / Геркулес молодой, <...> Крепкомускульным ты Прометеем, / Страна моя, стала...» (Мицишвили и др. 1937).³ Однако то, что говорится о народе как коллективе равных единиц, легко может быть перенесено на ее вождя, ибо он создал из страны единое, новое тело и – *pars pro toto* – олицетворяет его как голова:

Отряды от Памира до Чороха / Готовы встать по слову твоему, / Чтоб заселить виденьями эпоху, / Явившуюся взору твоему (П. Яшвили. «Сталин»); Спаяны мы, словно звенья, / Волей вождя непреклонной (П. Яшвили. «Песня о Сталине»).

В последних стихах Яшвили, в дважды повторяющемся рефрене, Сталин предстает новым Прометеем: «Новые всходы лелея, / Соединяя народы, / С новым огнем Прометея / Стал ты на страже свободы».

Николо Мицишвили пошел дальше, написав целую поэму – «Прометей торжествующий», в которой создал миф о том, как Сталин стал новым Прометеем. В ней Прометей страдает, согласно древнему мифу, прикованный к скале на Кавказе и ежедневно терзаемый орлом, и освобождается по прошествии времени, когда приходит конец самому старому миру богов. Странствуя по миру, он наполняется состраданием к людям, видя, что их рабская участь не изменилась. Тогда Прометей решает вновь направиться в Колхиду, где его кровь, «столетиями журча, будила ясные колхидские просторы». И вот, что он узнал, оказавшись вновь на Кавказе:

Слова о мщении бросал я с этих скал,
Мой зов в сердца сынов Колхиды проникал.
Под эти возгласы мужали здесь герои,
Равно отважные в труде и в ратном строе.
Средь них отважнейший, кого народ взрастил.
Он мир бесправия с народом победил.
Он победил, свободы луч лелея,
Он торжествующим был назван Прометеем.
Да, вижу, – он пришел. Его столетия ждали,

¹ В стихотворении Я. Коласа «Освобожденный Прометей» (1935 г.) Прометей олицетворяет преобразующую силу советского народа, конкретно в деле электрификации страны: «...Расправляет плечи-крылья / Прометей на воле. / Стали дни поэмой-быльем, / Сказочною долей...». У П. Тычины Прометей представляет бунтующую коллективную силу народа в противовес лжецу-индивидуалисту Фаусту («Ходит Фауст», 1935 г.)

² В стихотворении А. Гомиашвили «Приход Амирани» (Амирани – герой грузинского фольклора, аналог Прометея) сказано: – Разорвали мы цепь, Амирани навек расковали. – Где ж теперь Амирани? – Он всюду, он в каждом из нас.

³ Все тексты грузинских поэтов приводятся по этому изданию без дальнейших ссылок и указания страниц.

Ему свои мечты народы поверяли,
 Он правду возродил – и люди равны стали,
 Мне слышен голос их – то звон победной стали,
 О нем поют – земля и вод бескрайних дали,
 Он – брат мой! И в веках он будет вечно – Сталин!

Сталин – лишь лучший из героев народа, возвращенных зовом Прометея, и составляет с людьми своего народа одно целое. Таков генезис нового Прометея, в котором важнейшую роль играет принадлежность к месту подвига древнего героя.

Уместно задаться вопросом, в какой мере Мандельштам был знаком со сталинскими панегириками своих давних знакомых. Почти несомненно ему было известно стихотворение Мицисвили «Сталин», опубликованное в переводе Б. Пастернака в мартовском номере «Нового мира» за 1934 г. Прометеевский мотив в нем выступает ослабленно, но в тесной связи с родиной героя (Своей страной ты выкован, как меч, / Как мысль без сна, как вечное исканье, / Как скрытых мук прорвавшаяся речь / На потрясенье старым основаниям. / Твой край соединил в одну слезу / Все слезы толп, и ей, как горной соли, / Алмаза твердость дал в твоём глазу, / Чтоб растоплять, как солнце, лёд неволи. / *Он Прометеевым огнём согрел / Тебя...*), напрямую же он уподобляется Орфею (...и ты, по старой сказки слову, / Из зуб дракона нижешь тучи стрел, / Орфей, с рабов сдвигающий оковы).

Прежде чем обратиться к Мандельштаму, приведем ещё один любопытный фрагмент из стихотворения Тициана Табидзе «Родина Сталина»:

Сорок мне стукнуло. Смог бы я выстоять
 Сорок ещё с ремеслом стихотворца,
 Лишь бы страну освещало лучистое
 Счастье и слава её ратоборца.
 Светоч вселенной. Он нами сегодня, –
 Образ огня Прометеева, – выстрадан.
 Клятвой над нами огонь этот поднят,
 Знаменем красным полощется, – выстрадан.

Здесь присутствует весь набор уже знакомых образных поименований объекта восхваления: ратоборец страны, светоч вселенной, т.е. огонь Прометея, а значит сам новый Прометей, олицетворяющий этот огонь и, в свою очередь, олицетворяемый красным знаменем.

Сорок Тициану Табидзе стукнуло в 1935 г. Из возможных ещё сорока «с ремеслом стихотворца» страной и её светочем ему было отпущено только два года. Из упомянутых поэтов 1937 год пережил только Валериан Гаприндашвили, и то ненадолго (застрелился в 1941 г.).

Мотив Прометея в Оде и её окружении

Среди общепонятных для современников – потенциальных читателей большого стихотворения Мандельштама, посвященного Сталину (далее *Ода*), панегирических аллюзий, связанных с образом вождя (Лекманов 2016, 368–388), упоминание Прометея наиболее энигматично. Оно сопровождается прямым обращением к Эсхилу, что указывает на то, что здесь подразумевается не просто всем знакомый образ Прометея-огненосца – благодетеля угнетенного человечества, а непосредственно герой Эсхила (напомним, что это подразумевает противостояние героя и тирана, разворачивающееся в трагедии «Прометей Прикованный»). Соответствующий текст завершает первую строфу, в которой поэт выражает свое намерение в качестве «высшей похвалы» написать портрет того, «кто сдвинул мира ось»:

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –
 Для радости рисунка непреложной, –
 Я б воздух расчертил на хитрые углы

И осторожно, и тревожно,
 Чтоб настоящее в чертах отозвалось,
 В искусстве с дерзостью гранича,
 Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
 Ста сорока народов чтя обычай.
 Я б поднял брови малый уголок
 И поднял вновь и разрешил иначе:
Знать, Прометей раздул свой уголек, –
Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу! <...>

Отметим сразу стилистическую инаковость интересующих нас последних двух строк. Они выбиваются из торжественного, монументального движения предыдущих стихов. Игра слов уголь – уголек ведет к снижению пафоса (намеренному, или нет – вопрос); в том же направлении работает просторечное «знать... раздул». Большинство исследователей сходятся в том, что Прометей здесь – это один из ликов Сталина в хвалебном каноне 1930-х гг. Тогда почему такое снижение, почти сарказм? И почему поэт плачет? Один из ответов – на первый взгляд, наиболее простой и естественный: поэт плачет от восторга и благодарности к своему герою.⁴ Но при чем здесь Эсхил, который мог скорее оплакивать своего героя? И вообще при таком подходе вся коллизия эсхилевского Прометея исчезает, что делает вовсе бессмысленным обращение поэта к трагику. Другое объяснение дал Г. Фрейдин, который, наоборот, исходит из отсылки Мандельштама к конфликту в *Прометее Прикованном* (и тогда присутствие Эсхила вполне оправдано), согласно которой Сталин должен мыслиться в роли отца богов (Freidin 1987, 261; 268–270). Однако предложенная им интерпретация интересующих нас стихов кажется переусложненной: превозмогая боль (со слезами?), поэт создает хвалу Сталину в виде долгожданного возмещения за преступление Прометея, которое некогда рассердило Зевса, аналога Сталина в пантеоне греческих божеств.⁵ В таком случае, поэт оказывается в роли Прометея, признающего правоту Зевса и отказывающегося от всех своих деяний. И тогда его слезы означают горечь раскаяния? Или он делает это, «превозмогая боль», только ради спасения? Трудно допустить, что Мандельштам пошел бы на такое обесценивание эсхилевского сюжета.⁶

Тема Прометея появляется еще в двух текстах, связанных с *Одой*, с особой интенсивностью в стихотворении «Где связанный и пригвожденный стон...».

Оду Сталину Мандельштам написал во второй половине января 1937 г., в самый отчаянный, заключительный период воронежской ссылки (Лекманов 2016, 361–363). Это второе по объему (после «Стихов о неизвестном солдате») и, пожалуй, самое дискутируемое произведение поэта этого периода. Существует несколько направлений интерпретации этого текста. От Н. Я. Мандельштам идет представление о том, что стихотворение было написано как панегирик Сталину вынужденно, как способ выживания поэта в сгустившейся безнадежности (Мандельштам 2014 а, 288–289).⁷ М. Л. Гаспаров отстаивает ровно обратную позицию: понимание Оды как искренних стихов, по настрою соответствующих «Стансам» 1935 г. (войти в мир, «как в колхоз идет единоличник», «жить, дыша и большевея»), где, после первой ссылки, поэт заявлял, что он не ограблен и не надломлен, «но только что всего переогромен»

⁴ «...Горящий уголь, дар Прометея – источник чувств, от которых, как от дыма, на глазах выступают слезы, и «задыхаешься», и хочешь «благодарить» героя – за что? за подлинность...» (Гаспаров 1996, 102).

⁵ «In an unspoken competition, Mandelstam invited Aeschylus to watch him weep as [he is] drawing “with the flaming coal of Prometheus. Transcending pain, the poet will offer a pictorial tribute to Stalin in the form of a long-overdue atonement for the transgression of Prometheus that has once angered Stalin’s counterpart in the pantheon of Greek deities» (Freidin 1987, 261).

⁶ У Эсхила Прометей, прикованный за кражу огня, угрожал Зевсу знанием тайны его будущего свержения, которую не выдал несмотря на угрозу новых пыток (*Прометей Прикованный*); в следующей драме (*Освобождение Прометея*) происходило смягчение режима Зевса и примирение сторон: Прометей был освобожден и только после этого открыл Зевсу, какая угроза его ожидает.

⁷ Ср. характерные выражения Н. М.: «насильственная Ода», «Попытка насилия над собой упорно не удавалась».

(Гаспаров 1996, 87–88).⁸ Противоположность этих позиций прямо отражается на интерпретации группы стихотворений, которые обрамляют *Оду* и составляют среду, в которой она возникла, т.н. цикла *Оды*. Н. М. считала, что «из “Оды” вышло множество стихов, совершенно на нее непохожих, противоположных ей, как будто здесь действовал закон об отдаче пружины» (Мандельштам 2014 а, 288); Гаспаров, наоборот, стремится показать, «что стихотворения этого цикла подготавливают или развивают мотивы “Оды” в едином с нею направлении – как бы являются заготовками и вариациями ее большого целого» (Гаспаров 1996, 89).

Выделенный Н. М. цикл *Оды* составляют стихотворения, написанные Мандельштамом с 16 января по 12 февраля 1937 г. Гаспаров придерживается тех же хронологических рамок, но отбирает для анализа в связи с *Одой* только стихи, написанные сходным с ней размером – 6–4-стопными ямбами с чередованием мужских и женских окончаний, общим числом 16, т.н. метрическое сопровождение *Оды* (Гаспаров 1996, 81), обосновывая это тем, что у Мандельштама единство размера говорит о единстве замысла, а перемена размера, соответственно, о его перемене.⁹ Однако, как мы надеемся показать, в стихах «метрического окружения» не наблюдается стабильного развития настроения, подготавливающего *Оду*. Что касается стихотворений этого времени, написанных другими размерами, – а их не много, – то они демонстрируют сосредоточенность на той же задаче и те же колебания в настроении поэта, которые характеризуют цикл в целом. В связи с интересующей нас темой мы будем рассматривать главным образом первый полуцикл *Оды*, завершающийся рубежным стихотворением «Где связанный и пригвожденный стон».

В стихах первого полуцикла метрического окружения *Оды* Гаспаров отмечает появляющееся и нарастающее противопоставление равнинности, в какой-то момент становящейся мучительной и пугающей, и горности, в высшем своем выражении – Эльбрус – предстающей как нечто спасительное и едва ли достижимое для поэта. В четырех стихотворениях, написанных 15–16 января, восприятие равнины, поначалу восхищенное, меняется на полярно противоположное:

Еще не умер ты, еще ты не один, / Покуда с нищенкой-подругой / Ты наслаждаешься
величием равнин / И мглой, и холодом, и вьюгой.

В лицо морозу я гляжу один: / Он – никуда, я – ниоткуда, / И все уютится, плоится без
морщин / Равнины дышащее чудо.

О, этот медленный, одышливый простор! – / Я им пресыщен до отказа, – / И отдышав-
шийся распахнут кругозор – / Повязку бы на оба глаза!

И наконец:

Что делать нам с убитостью равнин, / С протяжным голодом их чуда? / Ведь то, что мы
открытостью в них мним, / Мы сами видим, засыпая, зрим, / И все растет вопрос: куда они,
откуда / И не ползет ли медленно по ним / Тот, о котором мы во сне кричим, – / Пространств
несозданных Иуда?

Вариант: Народов будущих Иуда.¹⁰

М. Л. Гаспаров интерпретирует эти стихи, опираясь на комментарий А. Г. Меца:¹¹ «Там, где горизонтальная мучительность достигала предела, появлялся страшный образ – “пространств

⁸ Промежуточными являются интерпретации, видящие в *Оде* зашифрованную эзоповым языком инвективу против Сталина (Гаспаров 1996, 88). Мы не рассматриваем их здесь из соображений экономии, поскольку исходим из того, что Ода может быть понята только в контексте окружающих ее стихотворений, в котором подобные намерения не прослеживаются.

⁹ «У Мандельштама не было обычая менять размер на ходу. Единство размера всякий раз говорит здесь о единстве замысла; и наоборот, перемена размера – о перемене замысла» (Там же, 82).

¹⁰ Гаспаров 1996, 120.

¹¹ «...В основном тексте речь идет о пространствах, создаваемых творческим воображением. Образ явился реминисценцией из программного стихотворения Д. Мережковского «Дети ночи»: Устремляя наши очи / На

несозданных Иуда»: поэт сам должен пересоздать плоскость в пространство, и неудача этого равносильна предательству» (Гаспаров 1996, 120). Но в таком случае приходится считать, что в этом страшном образе поэт видит самого себя, а значит только он сам мешает себе созидать пространства? Это довольно странно, особенно если исходить из настроенности поэта в духе «Стансов», как, собственно, и считает автор.

Однако равнинность, как следует из развития этой темы, может быть понята почти буквально, как господствующий пейзаж и создаваемая на его просторах культура, от которых поэт и его творчество неотделимы. Его мучает убитость равнин и их голод, хотя сами по себе они являются чудом («голод их чуда» допускает и объектное толкование генетива: голод по их чуду, т.е. по их чудесному превращению, что кажется менее вероятным, см. выше «равнины дышащее чудо» как факт). Убитость и голод характеризуют устройство жизни на этих объективно чудесных равнинах. Физическая, видимая глазом открытость равнин оказывается в этом смысле мнимой, что особенно зримо в момент перехода ко сну, когда мы более уязвимы для страхов. Это подозрение далее, в кошмарном сне, порождает вопрос-крик об Иуде, т.е. предателе того, что должно быть создано на этих пространствах. Сам Иуда принимает облик кошмарной рептилии, медленно ползущей по равнине и, очевидно, удушающей на ней все живое. Кажется очевидным, что на роль этого Иуды никто не годится лучше человека, возглавившего происходивший на чудесной равнине невиданный социально-политический эксперимент. Иудой он назван, возможно, как предатель дела Ленина и первых большевиков, над очередной частью которых как раз во время написания этих стихов совершался показательный процесс (см. ниже). Эти события не сулили ничего хорошего и самому поэту.¹² Не в пользу интерпретации Гаспарова – Меца говорит и вариант чтения «народов будущих Иуда», который восходит к Мандельштаму.¹³ Очевидно, что оба чтения должны были передавать примерно одинаковое содержание. Но даже если понимать «пространства» в духе «миров» Мережковского, естественнее думать, что поэт боится некой силы, которая лишит его способности к творчеству и вместе с ним жизни. Этот страх, преобразовавшись в приятие судьбы, материализуется позже в отождествлении себя с Христом, которое появляется в одном из стихотворений, второго полуцикла *Оды* («Как светотени мученик Рембрандт...»). Т. о. в образе Иуды – орудия и провозвестника судьбы – мы вновь обнаруживаем Сталина и утверждаемый им порядок.

Горная тема сопряжена с темой воздуха, неба и небесного хлеба. Появляется она в стихотворении от 16 января, где равнина возникает как «медленный, одышливый простор»: «Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав / На берегах зубчатых Камы...». Затем 18 января в стихотворении с ясной отсылкой к Данте (Не сравнивай: живущий несравним...) под влиянием всечеловеческих тосканских холмов равнина претворяется в сознании поэта в молодые воронежские холмы:

Где больше неба мне – там я бродить готов, / И ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

бледнеющий восток, / Дети скорби, дети ночи, / Ждем, придет ли наш пророк. / И, с надеждою в сердцах, / Умирая, мы тоскуем / О неведомых мирах. / Мы неведомое чужим» (Мец 1995, 621–622).

¹² О предчувствии гибели, отразившейся в этих стихах, свидетельствует Н. М.: «Наконец, О. М. написал стихи про равнины... и увидел все с такой ясностью, что перед ним стала дилемма: пассивно дожидаться гибели или сделать попытку спастись» (Мандельштам 2014 а, 288).

¹³ «Можно думать, что оба варианта восходят к Мандельштаму, что он выбрал из них «Пространств...» и этот вариант закрепился в альбомах, а вариант «Народов...» остался в памяти Н. Я. М. и лишь потом был осмыслен ею как более политически острый (?), а стало быть, главный» (Гаспаров 1996, 120). Согласно Н. Мандельштам, «Пространств несозданных Иуда» – цензурный вариант стиха «Народов будущих Иуда» (Мандельштам 2014 б, 787).

Тоска, не отпускающая от воронежских холмов, читается как желание Мандельштама выполнить в их отношении миссию, сходную со сделанным Данте для своих холмов. Речь идет, очевидно, о поэтической миссии.¹⁴

Сопоставление с Данте появляется в явном виде в стихотворении от 21–22 января «Слышу, слышу ранний лед...», на котором остановимся чуть позже. В хронологически следующем стихотворении от 19 января светлая тоска по творчеству во благо воронежских холмов достигает некоего апогея осознания:

Я нынче в паутине световой – / Черноволосой, светлорусой, – / Народу нужен свет и
воздух голубой, / И нужен хлеб и снег Эльбруса. <...>
Народу нужен стих таинственно-родной, / Чтоб от него он вечно просыпался / И льня-
нокудрою, каштановой волной – / Его звучаньем – умывался.

Речь здесь, несомненно, идет о необходимости прославить Сталина, о чем сигнализирует появление Эльбруса, который является отсылкой к связи Прометея-Сталина (см. выше) с Кавказом.

Хлеб и снег впервые были упомянуты в стихотворении от 16 января «В лицо морозу...», где образ равнины еще дышит приятием со стороны поэта:

А солнце щурится в крахмальной нищете – / Его прищур спокоен и утешен... <...> И
снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен.

Теперь же поэт приходит к пониманию того, что народу нужен хлеб и снег Эльбруса, и признается в срединной строфе, что он едва ли способен справиться с этой задачей:

И не с кем посоветоваться мне, / А сам найду его едва ли: / Таких прозрачных, плачущих
камней / Нет ни в Крыму, ни на Урале.

Отметим на будущее, что камни Эльбруса названы прозрачными и плачущими, а это, как кажется, отсылает к древней трагедии о Прометее. Поэт, по всей видимости, сомневается в возможности отождествления Сталина с Прометеем.

Несмотря на неуверенность в своей способности создать нужный народу стих, Мандельштам, тем не менее, в январе, без точной даты, но, очевидно, не ранее 19 числа, пишет стихотворение – «Средь народного шума и сбега», которое обладает поразительной песенной интонацией. Его звуковая стихия как нельзя лучше отвечает пожеланию поэта создать стих «таинственно родной» народу, звучанием которого можно умываться. Начинается оно с набросанного несколькими штрихами портрета вождя, который смотрит на поэта отовсюду в народной гуще, и завершается повинной преодолевшего расстояние и вернувшегося в родное лоно блудного сына:

Средь народного шума и сбега, / На вокзалах и пристанях / Смотрит века могучая вежа,
/ И бровей начинается взмах <...>
И к нему, в его сердцевину / Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний
холстину, / Головою повинной тяжел...

¹⁴ Необъяснимой аберрацией представляется интерпретация этих стихов у Гаспарова: «...“Ясная тоска”, понимание того, что это тяга не к иной природе, а к иной культуре, от “молодой еще” среднерусской к “всечеловеческой” средиземноморской» (Гаспаров 1996, 89). Дело обстоит ровно наоборот: тоска *не отпускает* от воронежских холмов к тосканским, и, следовательно, именно они, молодая русская культура, удерживает поэта, ожидая его вклада. Ср. иронический комм. Н. Мандельштам: «Записав эти стихи, О. М. шутя сказал: “Теперь, по крайней мере, понятно, почему я не могу поехать в Италию...”» Его, оказывается, не отпускала “ясная тоска» (Мандельштам 2014 б, 788).

Не является ли «расстояний холстина» отсылкой к полотну Рембрандта «Возвращение блудного сына» (Эрмитаж), несомненно, хорошо знакомому поэту? Думать в этом направлении позволяет прямое обращение Мандельштама к художнику во вскоре написанном стихотворении «Как светотени мученик Рембрандт...», хотя темой его является страдающий Христос (см. ниже). Образы эти, как увидим, у поэта дwoятся.

Видение Эльбруса ведет прямоком к начатому в тот же день, 19 февраля, стихотворению о Прометее, которое является переломным во всем рассматриваемом цикле *Оды*. Завершается оно, однако, 4 февраля, ко времени, когда *Ода*, весьма вероятно, уже была создана. За это время, помимо стихов о покаянном слиянии с вождем и народом («Средь народного шума и спеха») пишется примечательное стихотворение, в котором настроение поэта вновь откатывается на периферию («Слышу, слышу ранний лед...», 21–22 января). В центре него отрицательное сравнение себя с Данте:

С черствых лестниц, с площадей / С угловатыми дворцами / Круг Флоренции своей /
Алигьери пел мощней / Утомленными губами.
Так гранит зернистый тот / Тень моя грызет очами, / Видит ночью ряд колод, / Днем
казавшихся домами.
Или тень баклуши бьет / И позевывает с вами,
Иль шумит среди людей, / Греясь их вином и небом,
И несладким кормит хлебом / Неотвязных лебедей.

Это стихотворение своим трохаическим ритмом вновь выбивается из метрического контекста *Оды*, но находится в теснейшей смысловой связи со стихами о воронежских холмах: светлая тоска о дантовской задаче в отношении своих холмов покидает поэта, зато выступает образ самого Данте, напоминающий, что задача поэта все-таки говорить своему городу некую правду, и находясь в изгнании. Но поэт лишь «грызет очами» свой город, видит в тяжелых снах, как его гранитные дома оборачиваются рядом колод, т.е. колодок, в которых стреножены люди, но не в силах дать ход этим страшным видениям. Оттого и хлеб здесь у него несладкий, а сам он оказывается «среди народного шума» тенью. «Неотвязные лебеди» также отсылают к истинному предназначению поэзии. Настроение Мандельштама в рассматриваемом промежутке зримо раздваивается, точнее развивается неким зигзагом. Из этого стихотворения удержим на будущее также слово «губы» как орган поэта.

Здесь мы подошли к прометеевскому стихотворению, начатому 19 января и законченному 4 февраля:

Где связанный и пригвожденный стон? / Где Прометей – скалы подспорье и пособие? /
А коршун где – и желтоглазый гон / Его когтей, летящих исподлобья?
Тому не быть: трагедий не вернуть, / Но эти наступающие губы – / Но эти губы вводят
прямо в суть / Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба.
Он эхо и привет, он веха, нет – лемех. / Воздушнокаменный театр времен растущих /
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех – / Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

Итак, в современности нет больше ни Прометея, прикованного к скале, ни терзающего его коршуна (образ коршуна с когтями, летящими исподлобья, отсылает к направляющему его оку тирана). А посему «трагедий не вернуть». Обозначен новый герой – его наступающие губы, вводящие прямо в суть происходящего новых Эсхила и Софокла(?). О нем же, видимо, сказано: «он веха, нет – лемех». И тут возникает серия дилемм: губы у Мандельштама – как будто бы, атрибут поэта (Данте, см. выше), хотя настораживает эпитет «наступающие», а вождя характеризует рот (*Ода*: И я хотел бы... указать / На твердость рта Отца речей упрямых); веха и лемех, напротив, – характеристики Сталина (в «Средь народного шума и спеха»: века могучая веха; в *Оде*: До солнца борозды от плуга-исполины), хотя можно допустить, что плуг

и здесь символизирует поэзию¹⁵. С другой стороны, герой – «эхо и привет», а это указывает на то, что происходящее сейчас является отзвуком древней драмы. Не ясно также, являются ли Эсхил-грузчик и Софокл-лесоруб объектами при «вводит», и тогда это новые поэты (см. выше), или же это Gen. S. при «суть», и в таком случае «наступающие губы» вводят в суть произведений древних трагиков о противостоянии героя и тирана.¹⁶ При таком понимании эпитеты грузчик и лесоруб, возможно, отсылали бы к демократическому характеру древней драмы и к ее первопрородческой сущности. На то, что поэт держит в голове критический для мироустройства конфликт с противоборством неких сил, характерный для древней трагедии, особенно Эсхила, указывает последний стих. Исход разворачивающейся ныне, прямо на глазах у всех драмы, где все хотят увидеть всех, и даже роли участников, за исключением «рожденных», несомненно представляющих народ (βροτοί «Прометея Прикованного»), еще не определены. Прямо сейчас решается, кто – гибельный, а кто – смерти не имущий. Место действия нынешней драмы – «воздушнокаменный театр времен растущих» – несомненно, находится в переключке с прозрачными и плачущими камнями Эльбруса (как эхо и привет), т.е. местом действия древней драмы, где поэт искал хлеба и снега новой поэзии в предыдущем стихотворении. Но замечен перелом в настроении: от нерешительности перед предстоящей задачей к определенности здесь и сейчас (театр «встал на ноги, и все хотят увидеть всех»).

Можно представить себе две возможные интерпретации этих стихов, имея в виду прежде всего разрешить загадку «гибельных и смерти не имущих». 1) Происходящее ныне как отзвук древней трагедии, наступающие губы, если относить их к поэту, ставят его в конфликт с тираном, в котором он может погибнуть, но смерти не подвластен. Однако довольно отчетливые характеристики Сталина – вежа, лемех – заставляют искать другое решение.¹⁷ 2) Можно допустить, что в этих стихах нашла отклик общественно-политическая обстановка конца января 1937 г., когда в Москве проходил громкий процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра», в ходе которого был вынесен смертный приговор тринадцати обвиняемым, а советская литературная общественность как в лице Союза писателей, так и персональными публикациями в центральной прессе выступила в первых рядах широкой кампании клеймения предателей и заговорщиков (Лекманов 2016, 389–390). Тогда они и являются теми, кто несет гибель советскому государству и его бессмертному вождю. В таком контексте древний конфликт трансформируется: в центре его – восторжествовавший и не имущий смерти новый Прометей и вместе с ним неотделимый от него народ, которому грозят гибелью враги-заговорщики. Именно на них нацелены наступающие «губы» нового героя. Тем самым более ранняя констатация – тому не быть, трагедий (с конфликтом тиран – его оппонент) не вернуть – становится полновесной. Место трагедии занимает апофеоз Сталина-Прометея, пробуждающего к творчеству новых Эсхил и Софоклов (Гаспаров 1996, 97). В пользу второй интерпретации «губительных» могут, пожалуй, свидетельствовать «враги» из третьего стихотворения, отчетливо связанного со Сталиным – «Если б меня наши враги взяли», которое было написано в феврале – марте 1937 г. и, по сути, представляет собой клятву на верность вождю.

Поразительный эффект прометеевского стихотворения в том, что ни одно из предложенных прочтений полностью не отменяет другого. Как в переливающейся картинке, за первой, казалось бы, более убедительной картиной со Сталиным – новым Прометеем в центре, проступает в более слабом свете образ Прометея – поэта, безнадежно оппонирующего тирану.

Если резюмировать настроение поэта, ограничившись только мотивом Прометея (что, безусловно, дает неполную картину без подробного прочтения всего цикла *Оды* и самой *Оды*, но выявляет некий нерв в развитии его поэтической мысли этого периода), возникает следующая картина. Мандельштам, несомненно, желал влиться своим творчеством в новую советскую жизнь, идти «в ногу со всей ротой» (Гаспаров 1996, 88), но она входила в слишком резкий

¹⁵ На это указывает Н. М., ссылаясь на статью «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху» (Мандельштам 2014 б, 791).

¹⁶ Таково понимание Н. М. (Мандельштам 2014 а, 289–290).

¹⁷ Интерпретацию с фигурой Сталина в центре отстаивал М. Л. Гаспаров, не объясняя, однако, кого поэт подразумевал под «гибельными» и «смерти не имущими» (Гаспаров 1996, 90).

конфликт с поэтическим и политическим мировоззрением сложившегося поэта, требуя не служения, а сервильности и поклонения вождю. Сформировавшееся к 1937 г. оптимистическое отождествление Сталина с Прометеем, как бы его не пытались отразить грузинские поэты, должно было создавать у Мандельштама кричащий диссонанс с тем образом Прометея-тираноборца, который мы находим у Эсхила. О том, что он воспринимал образ Прометея именно через трагедию Эсхила, говорят все три связанных с ним контекста. В соответствии с Эсхилом, на роль Прометея мог претендовать сам поэт, а тираном, посылающим «исподлобья» «желтоглазый гон» «коршуна», несомненно, был Сталин. Но Мандельштам не чувствовал в себе способности к активному противостоянию этого рода (отсюда: «Алигьери пел мощней»), что, при невозможности отказаться от себя, обрекало его на положение тени, как поэт признает в том же стихотворении («Слышу, слышу ранний лед...»). С последним он тоже не мог примириться, отсюда крик-мольба в письме к Тынянову от 21 января 1937 г.: «Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень...». В ситуации этой раздвоенности отсылка к Прометею и обращение к Эсхилу в конце первой строфы *Оды*, звучат мучительным сарказмом: современность стечением обстоятельств назначила на роль Прометея того, кто на самом деле является ярким типологическим образцом его оппонента Зевса, установившего тиранию и устраняющего оппонентов, включая тех, кто помог ему прийти к власти (Aesch. PV 224–225: ἔνεστι γάρ πως τοῦτο τῇ τυραννίδι / νόσημα, τοῖς φίλοις μὴ πέλοθ' εἶναι [ибо врожденная присуща тирании / болезнь – друзьям не верить]). Осознавая это, поэт плачет от бессилия и стыда перед древним трагиком.

С помощью так понятого мотива Прометея может быть частично объяснена и сложная тема близнечества поэта и вождя (Freidin 1987, 262–264), возникающая во второй строфе:

И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца, / Какого, не скажу, то выраженье, близясь
/ К которому, к нему, – вдруг узнаешь отца...

Поэт как потенциальный Прометей эсхилевского толка и вождь, в небрежении Эсхилом нареченный новым Прометеем, – близнецы (они близнецы и по своему подлинному имени Осип/Иосиф), но это близнечество ложно, ибо, вглядываясь в глаза своего близнеца поэт узнает в нем отца. Отца богов? Бога-отца? В пользу первого говорит упоминающееся в той же строфе «все моложавое его тысячелетье» (Эсхил неоднократно подчеркивает, что Зевс установил новый режим и является новым, молодым тираном). В пользу второго – образ блудного сына, который к отцу «с повинной пришел головой» («Средь народного шума и спеха...»), и обожествленный образ Сталина-отца в Сталиниане 1930-х гг. И все эти ассоциации работают вместе, вновь создавая переливающуюся картинку.

Однако практически одновременно, отчуждаясь от роли Прометея, требующей активного противостояния, и вместе с тем освобождаясь от морока Сталина-Прометея, поэт прямо отождествляет себя с другим страстотерпцем – Христом на картине Рембрандта¹⁸ и с самим художником, мучеником светотени:

Как светотени мученик Рембрандт, / Я глубоко ушел в немеющее время, / И резкость
моего горящего ребра / Не охраняется ни сторожами теми, / Ни этим воином, что под
грозою спят.

Стихотворение написано в день, когда было завершено «Где связанный и пригвожденный стон...», знаменуя некий перелом в теме равнинности – псевдогорности. В написанном в тот

¹⁸ Речь идет о картине «Шествие на Голгофу» ученика художника Якоба Виллемса де Вета, которая находилась в Воронежском музее и атрибутировалась Рембрандту. По свидетельству Н. Мандельштам, «О. М. часто ходил ее смотреть» (Нерлер 1990 б, 559). Живописным подтекстом Христа в этом стихотворении мог быть совокупный образ, возникший на основе впечатлений от целого ряда картин Рембрандта (Лангерак 1991, 84–85) с подачи воронежского полотна.

же день другом стихотворении («Разрывы круглых бухт...») поэт смиренно принимает данную ему равнину как судьбу:

<...> Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье / Иль этот ровный край – вот все мои права, – / И полной грудью их вдыхать еще я должен.

А вместо Эльбруса его посещает мягкое и светлое воспоминание о Тифлисе и господствующей над ним Давид-горе:

Еще он помнит башмаков износ – / Моих подметок стертое величье, / А я – его: как он разноголос, / Черноволос, с Давид-горой гранича. <...>

И букв кудрявых женственная цепь / Хмельна для глаза в оболочке света, – / А город так горазд и так уходит в крепь / И в моложавое, стареющее лето.

То самое лето 1921 г., когда Мандельштам тесно общался с грузинскими поэтами-голуборожцами и создал ряд замечательных переводов из грузинской поэзии. «Моложавое» по понятным причинам лето (общавшиеся поэты были примерно ровесниками 25–26 лет) контрастно переключается с «моложавым» тысячелетием отца народов из *Оды*, и этот обратный отскок к себе составляет единственную связь этих стихотворений.¹⁹ Вместо морока вождя с поэтом здесь вновь Данте («моих подметок стертое величье», ср. Разговор о Данте, II: «Мне не на шутку приходит в голову вопрос, сколько подметок, сколько воловьих подошв, сколько сандалий износил Алигьери за время своей поэтической работы, путешествуя по козым тропам Италии»).

И последнее замечание, в связи с саркастичностью упоминания Прометея в *Оде*. В ней есть и другие элементы, диссонирующие с задуманным панегирическим содержанием, в частности не иначе как сатирический образ вождя, который «свесился с трибуны, как с горы, в бугры голов». Плодотворной представляется мысль Бродского о том, что «это стихотворение Мандельштама – одновременно и ода, и сатира», а также его наблюдения о двойственности поэта в этом тексте (Волков 2000, 33; Павлов 2000, 36–49). Основа этой двойственности и разнотипности стилистических элементов – двоение отношения к самой фигуре вождя (насаждаемое пропагандой и все более уязвимое собственное восприятие поэта), которое мы попытались продемонстрировать на примере мотива Прометея. Подробное рассмотрение *Оды* и ее цикла в этом ключе – отдельная задача.

Список литературы

- Волков С. *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва, Издательство Независимая Газета, 2000.
- Гаспаров М. Л. «Ода» Сталину и ее метрическое сопровождение, в: Гаспаров М. Л. *О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 г.* Чтения по истории и теории культуры 17. Москва, РГГУ, 1996, 78–121.
- Мандельштам Н. Воспоминания, в: Василенко С. В., Нерлер П. М. Фрейдин Ю. Л. (сост., комм.) *Надежда Мандельштам. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1*. Екатеринбург, ГОНЗО (при участии Мандельштамовского общества), 2014 а, 79–583.
- Мандельштам Н. Комментарий к стихам 1930–1937 гг., в: Василенко С. В., Нерлер П. М. Фрейдин Ю. Л. (сост., комм.) *Надежда Мандельштам. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2*. Екатеринбург, ГОНЗО (при участии Мандельштамовского общества), 2014 б, 705–830.
- Мец А. Г. (сост., комм.) *Осип Мандельштам. Полное собрание стихотворений*. Санкт-Петербург, «Академический проект», 1995.
- Мицишвили Н., Абашели А., Гаприндашвили В. (сост.) *Грузинские стихи и песни о Сталине*. Тбилиси, 1937.
- Лангерак Т. «Как светотени мученик Рембрандт...» (Разговор поэта с художником), в: *Осип Мандельштам. Поэтика и текстология*. Материалы научной конференции 27–29 декабря 1991 г. Москва, 1991, 83–86.

¹⁹ Совершенно непостижимо предположение Гаспарова о том, что в этих стихах «скрещиваются воспоминания о себе... и неминуемые для каждого читателя – о молодости Сталина» (Гаспаров 1996, 95).

- Лекманов О. *Осип Мандельштам: ворованный воздух*. Москва, Издательство АСТ, 2016.
- Нерлер П. М. «Мне Тифлис горбатый снится...». Осип Мандельштам и Грузия, в: *Осип Мандельштам. Стихотворения, переводы, очерки, статьи*. Тбилиси, «Мерани», 1990 а, 376–386.
- Нерлер П. М. (сост., комм.) *Осип Мандельштам. Сочинения в двух томах*. Т. 1. Москва, «Художественная литература», 1990 б.
- Павлов М. Бродский в Лондоне, июль 1991, в: *Сохрани мою речь*, 3, 2. Москва, РГГУ, 2000, 12–62.
- Freidin G. *A Coat of Many Colors. Osip Mandelstam and his Mythologies of Self-Presentation*. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, 1987.

ПОИHTИKA

English poems

Hava Brocha Korzakova

* * *

I do believe that you are still involved,
You're watching me and carefully reading,
So I can write. It's otherwise too cold,
For the eternal inkwell has no bleeding.

Whenever you are ready - don't be late,
It may be late from one sight to another.
I cannot wait, but still, I cannot hate
Myself and you for playing any farther.
26.05.2013

* * *

The queen for whom I have been named was great
With men, and some of them were younger, thinner,
But always weaker. Don't be afraid,
I'm not a second Catherine, not a sinner.

I'm the righteous one. I changed the name
To even greater, ancient one. I managed
To overcome her vices. What a shame,
Sometimes I want some, but the pattern's damaged.
30.05.2013

* * *

It's kind of creepy. Sorry, kind of creepy?
It's creepy, period. I know what you think -
I totally depend on him, I stink
Of eyes and ears, I'm blind, and deaf, and weepy.

He's everything. What can I do for freedom?
It's not to be, remember, not to be,
That's all, for all the rest is number B,
Since being - with him - is my hell and Eden.
23.03.2014.

* * *

I'm literally wasted,
 Eventually lost,
 He hasn't even tasted
 What if. What does it cost?

Oh, freedom, our sweet freedom
 To choose some option worse.
 The loving ones - who needs 'em?
 It's time to intersperse.
 02.06.2014

* * *

You can't just underestimate my love
 And go away, you're walking like a cipher.
 I didn't want it, you gave me a shove
 By saying so, by going all's gone *faifer*.

You are a man when I can say that much,
 When you're in flash, that's where all this dwells,
 It's simply since I cannot be in touch
 With nobody, it should be you, or else.
 3.06.2014

* * *

He wasn't nice to women. It is true,
 But he was him, and that's what really matters,
 He had all those groupies to come through,
 For us to have those poems, those letters.

And you're not nice to me. Oh, what a shame,
 Since being one I am the one in my place,
 And all the poems, letters, all the fame
 Is mine. I am the first in our time-race.
 26.06.2014

* * *

The city's poisoned, and its lights are cold,
 Its flesh's a stone, and its spirit's rotten,
 Its people are strangers, streets I have forgotten,
 Its beauty isn't my sight to behold.

So why without being reminded, told
 Or even thought it's here as if brought then?
 It's in my dreams, as if I was besotten.
 No, but for what I am it was a mold.

I'm here though, but here when it's a winter,
 I'm reminded. There it was bitter
 And colder, darker, darker was the worst.

I'm free of you, supposed to be, I'm not though,
 I'm whole, or am I? Traded pain for throe,
 I'm here with you, a nightmare, not the first.
 06.01.2019

* * *

There's no eternal love and no eternal bliss,
 And most unblissfully there's no eternal beauty,
 If in Oxyrynchos your board would dehisce,
 Turns white and fades away whatever bright and sooty.

But some who wanted more - so they were taught and raised -

We wouldn't care but for the undying glory,
 Just for a while that too appears to be unglazed,
 Abandoned, then unearthed, like Troy which turns a quarry.
 24.06.2019

“Nestor’s cup”

I’m Nestor’s cup, the cozy one to drink from.
 Whoever does it, on the spot is caught by
 The lust of nicely crowned Aphrodite.
 Well, actually skyphos or kotyle,
 And not of Nestor. I was made in Rhodes,
 And then donated to a dead in Ischia,
 And then... And then they’ve dug me from the grave,
 And then discussed me, almost to the shred -
 Why am I called so? Fools, it was a joke.
 I’m for the wine, and Nestor drunk his liquor
 From splendid golden goblet, and he had
 Young mistress by the name of Hecamede.
 Like, wine is a known aphrodisiac?
 Me and my humble clay – and Nestor’s grail?
 The only common feature is the wine,
 Which I don’t have, since I am in the museum,
 And it could never have, since it was pictured
 By poet in a text, without texture,
 So, I am more than the mighty beaker.
 02.06.2020

Summer hut

Those farms, erased and broken,
 Those desecrated woods,
 Blackened memories awoken,
 Ever devastated moods,

Bushy hill, once proud house,
 Grannies speaking riddles and spells,
 Voiceless whispering to douse,
 Endless strata, empty shells,

Tales of treason, death and plunder,
 Sights of wasting and decay,
 Dismal breed being torn asunder
 Lived as only to convey.

So, I’ve got some resistiveness,
 Wouldn’t be standing where I stood...
 But forgiveness? What forgiveness?
 Never heard of. Never should.
 7-8.08.2020

ΔΕΞΙΟΝΙ¹

3. А. Барзах

I. Троянский цикл.
1. Протагонист.

Ножны для гекторова меча.
Точку поставить и вновь начать.

Ночь накрывает ахейский стан.
Ночь разрывает бессонный стон.
Сон не идёт. Будь ты проклят, сон!

Войско скучает десятый год.
В бреши стены обитает гид –
Красноречивый и умный гад.

Битва идёт и внутри, и вне.
Греки не видят троян давно.
Топят герои вину в вине.

Кто там скотов собирался бить?
Всех, блядь, Елен не переебать!
Хочется пить... Пересохло... Пить!

Эту войнушку пора кончать.
Видишь - воздвигся герой в ночи,
Ножны для гекторова меча.

2. Хор

Утони в небесах, погрузись в Аид,
Кто мечи научил разрубать щиты,
Кто поставил врагам и друзьям на вид:
В поединке сливаются «я» и «ты».
Нет, не мне тебя клясть. Погрузись в эфир,
Где над схваткой взвивается дикий бог,
Что на поприще бранном дарует мир
Тем, кто воином стать и смириться смог.

3. Коммос

Гекторов меч пронзает ахиллов щит.
Смерть превосходит жизнь: постоянство – в ней.
Что же вы, разглагольствуйте – он молчит.
Что же вы, мерьтесь силою – он сильней.

Кто там по крови низок, а кто высок,
Кто дерзновенен, кто не умеет сметь...
Выше других та кровь, что ушла в песок.

¹ Дексион – имя, под которым был героизирован Софокл.

Выше рождением тот, кто родился в смерть.

4. Девтерагонист

Человек является тенью тени,
Но желает быть при делах и в теме,
Что, конечно, смешно вдвойне.
Я сказал тогда своей гордой Даме,
Что его бодания со стадами
Были скверным подарком мне.

Изворотливый, расторопный парень,
Выносивший тело с покойным в паре,
Ах, какую я речь сказал!
Как уверен был я в своём успехе!
Погребите воина и доспехи
И покиньте зрительный зал.

II. После войны

1. Стасим Первый

Открыл ли воздух, изобрел ли речь,
Поймал ли птицу на лету рукой,
Вот всё, что удалось ему сберечь:
Сырой рассвет, надтреснутый покой.

Понт пересек и в плуг запряг вола.
Строфу с антистрофою соотнёс.
У письменного вечного стола,
Найдя ответ, не смог задать вопрос.

2. Агон

Не проще ли вздохнуть и промолчать?
Не проще.
Незнание от незнания отличать
Наощупь.

А правда, что была не с ним, не с ней,
Награда,
Не правда ли, становится ясней?
Неправда.

Нас смерть роднит, вражда и брань пред ней —
Пустое.
Она ль не стоит нарождённых дней?
Не стоит.

III. Дом Кадма

1. Парод. Перикл.

Коснется ли Зевсово слово благое

Столицы больной за спиною твоей,
И в гибели ты не отыщешь покоя
И тьма твоей кары не станет светлей.

Твой демон – твой демос, велящий остаться,
Зовущий на помощь, велящий уйти.
Твой город – твой голос, младенца и старца
И зрелого мужа, единый в пути².

Все силы болезнь и все муки собрала,
Аресом вторым без оружия губя,
Когда, беззащитный, ты поднял забрало,
Чтоб ветер проклятья коснулся тебя.

2. Стасим Второй. Курос из Птоона
(Археологический музей города Фивы)

Определение иронии –
Окаменевшее движение.
Как бы продление агонии –
Улыбки головокружение.

Не торс – учебник анатомии.
Не лик – цитата из трагедии.
Как страшен Бог! В кадмейском доме я
Того, Кого хотела, встретила.

3. Эксод. Парфенон.

Расстрелян, разграблен, достроен,
Заучен, почтен, изувечен,
Твой остов, как прежде, спокоен,
Прозрачный размер безупречен.

Зияешь пропорцией голой,
Метрической схемой белея,
Как связь обращения с глаголом,
Иль как разрешение трохея.

Пусть небо бессмертное видит
Цезуры, зияния, раны...
Ты знаешь, кто твой покровитель.
Бессильны и взрывы, и краны.

² Есть на земле существо, что двуного и четвероного,
И двуного, а голос имеет один; не умеет
Так на земле, ни на море, ни в небе никто изменяться.
Впрочем, чем более ног имеет создание это,
Тем оттого быстрота его шага становится меньше.
Фрагмент из поэмы «Эдиподия» («Песнь об Эдипе»)

IV. Дом Атрея Коммос

Локон ли на могиле?
Может ли быть ответом?
Заповеди ли в силе –
Все они не об этом.

Нету следа на камне,
Страха, стыда, сомненья.
Хватит одной пока мне
Нашего преступленья.

V. Берег Лемноса 1. Агон

Словно лодка на дне, словно волны над ней, туча брызг – пеленой на глазах,
Так причаливший к берегу боли твоей забывает, что должен сказать,
Так ломается анапестический метр и на ямб переходит прибой,
Поднимается буря, спасения нет, не уплыть, не остаться с тобой.

– Но послушайте, Неоптолем, не за тем, не затем мы приплыли сюда.
Неужели своих не хватает проблем, что нужна вам чужая беда.
Натянуть тетиву и канат размотать, бросить якорь, покинуть причал –
Се Гермеса-творца, хитреца, благодать, он начальник дорог и начал.

Захлебнулась прибоем разумная речь и снастями опутан ответ.
Ни канат удержать, ни сюжет уберечь, потому что спасения нет.
Только боль говорит, и прибой говорит, а слова – корабли на мели.
Но фигура героя над сценой парит и теряется берег вдали.

2. Deus ex machina

Ты обречен на бога своего,
Что с театрального вещает крана,
На вечность, где зажить не вправе рана,
На лук его и на костер его,

На въевшуюся в тело зверя кровь,
На чёрный яд, струящийся по жилам.
Ты, кто боролся с ними и служил им –
Не радуйся, не вой, не прекословь.

VI. Роща Эвменид 1. Эпейсодий последний

От наших глаз расходятся лучи,
Касающиеся предметов чуждых.
Так Демиург устроил наши чувства.
Не прерывай. Не отвечай. Молчи.

Ни криком, ни мольбой, ни покаяньем,
 Как тем лучом, не тронешь ты Творца.
 ...Так свет бессветный трогает слепца
 В последний раз – перед иным сияньем.

2. Вестник

Он ждёт тебя – зачем ты медлишь?
 Ты слишком долго ждал Его,
 Неведомого в шлеме медном,
 Божественного Никого.

Нечаявшееся прощенье,
 Прощанье ближних и врагов,
 Последнее прикосновенье
 Верней, чем общество богов.

3. Эксод

Свете бессмертного Элевсина,
 Гадес откроет свои глубины
 Только пред ясным твоим лучом,
 Выпустит деву и впустит старца
 И не позволит душе остаться
 Собственным адом и палачом.

Свет за пределом земного света,
 Отблеск загадки и тень ответа,
 Блик на летеиской живой воде,
 Ведший слепого святой тропею
 Мимо героона Перифоя
 В место, о коем никто нигде.

ΔΙΔΑΚΤΙΚΑ

Dum docemus... ludimus*С. К. Егорова*

Когда много лет провел в роли *homo docens* (в просторечье – доцента), можно, а иногда просто нужно, вспоминать, как быть *homo ludens*.⁵³⁶ Часть описанных ниже игр придумана автором, часть адаптирована для нужд преподавания древних языков в высшей школе (апробация проводилась на студентах Филологического и Юридического ф-тов СПбГУ [жалоб не поступало]; в одном случае – также и в ЛША [2019]).

Mures vs Leones

Вам понадобится: 2 игрушки или любые предметы, которые удобно передавать друг другу; белая доска и магниты; лист с заданием; лист цветной или плотной бумаги, через которую не просвечивает задание.

Описание: 2 команды садятся так, чтобы внутри команды было удобно передавать льва/мышь – отвечает строго тот, у кого он/она находится. Задания (примеры см. ниже) написаны на листе, закрепленном на доске, и показываются по одному – оставшиеся закрыты листом цветной бумаги. Одна из команд начинает, и, если выигрывает балл, он отмечается на доске со стороны мышьиной или львиной команды. Если нет – отвечает игрок ДРУГОЙ команды (стратегически важно этого не допускать! Это как в теннисе проиграть очко на своей подаче!). Выигрывает команда, набравшая больше баллов. Плюшевые звери нужны, собственно, для того, чтобы все игроки участвовали, а не один кто-то за всех работал.

Методрекомендации: поскольку мотивация довольно высокая – никому не хочется подвести свою команду – игру стоит задействовать для проверки тем, где действительно надо учить и называть БЕЗ ОШИБОК, например, *числительные* или *основные формы глаголов*.

-Casa, quam Iacōbus aedificavit

Игрокам в виде простых предложений предлагается история, связный рассказ о которой изобилует *относительными местоимениями*. Например, на окне дома, который построил Джек,⁵³⁷ вполне мог лежать тот самый сыр, который... Фраза постепенно растет, и ее каждый раз нужно произносить полностью.

I praeter... или Объясни дорогу

⁵³⁶ Об игре как составляющей мировой культуры см. одноименный труд Йохана Хёйзинги: *Homo ludens. Человек играющий*. Пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб., «Азбука», 2019.

⁵³⁷ Мне показалось более удобным трактовать этого конкретного Джека как Джеймса, а не Джона, что дало бы трудное Ioannes.

Игра похожа на предыдущую, подходит для прилагательных, например, *цветовых обозначений*: заранее написаны существительные, мимо которых пролегает описываемый маршрут (например, villa, casa, taberna, porta, саурона), а игроки по очереди добавляют к ним определения, повторяя с начала.

Объясни туристу...

Фигура путника/туриста удобна еще и тем, что он, раз уж прибыл в Древний Рим, знает простые латинские слова, но ему приходится объяснять более редкие, например, кто такой avunculus – это попросту говоря frater matris etc.

Следопыты

Игра только для одной темы – *названия животных*. Игроки обращаются друг к другу по кругу с сообщением «Vestigia *генетив животного* video!». Отвечающий решает, какой совет дать: «Fuge *аккузатив животного*!» или «Cape *аккузатив животного*!» (небольшую логическую трудность представляет желание современного человека избегать даже безобидных животных – например, в городских условиях и columba способна доставить неприятности))).

Игра пандемийная «Мыть или не мыть?»

Принцип заимствован на Радио Energy⁵³⁸ в 2020 г.: ведущий называет существительные, а игроки по очереди определяют – и сразу согласовывают – lavandus, a, um (если вещественное) или illavabilis, e (если абстрактное).

Методрекомендации: проверять так слова на одну определенную тему плохо – они будут все одной категории. Зато для слов «из главы такой-то» игра как раз подходит: даже если автор больше использует абстрактные понятия, какая-то часть слов все равно будет обозначать предметы и людей: aedes, arbiter, manus, tetrarcha, natio, stipendium, lar, toreuma (Sall. Cat. 20). Все это безусловно надо помыть.

Что? Где? Когда?

Вам понадобится: только ваше воображение и громкий выразительный голос

Описание: Игра хороша для налаживания общения между обучающимися до или после лекции.⁵³⁹ Ведущий зачитывает вопрос дважды и засекает минуту, по окончании которой собирает ответы команд на бумажках.

Методрекомендации: в случае применения в рамках курса вопросы должны быть с ним как-то связаны (а еще лучше иметь воспитательное значение: Петя помнит не только домашнее задание на сегодня, но и на прошлый раз => Петя звезда команды!). Но главная трудность при создании вопросов для чгк – понять, что относится к пресловутому «общему знанию» ...

⁵³⁸ Авторы игры в эфире не называли, но ведущими утреннего шоу тогда были Дарья Аникина, Екатерина Калинина и Акбалаумери Укуланжа (ака Диджей Саймон). Дозвонившимся предлагались редкие русские слова – например, меропланктон – МЫТЬ, тетрахорд – НЕ мыть и т.д.

⁵³⁹ Казалось бы, можно играть и онлайн – ан нет, ведь игрокам не успеть, если они не будут говорить одновременно...

После долгих раздумий я решила, что поступившие на Юридический ф-т (т.е. практически цвет нации) знают содержание басни «Квартет», музыкальный термин «фуга» и английские слова *run* и *rabbit*, а то, что бумага изобретена в Китае и в Древнем Риме не применялась, прозвучало при разборе предложения «*Charta non erubescit*». И действительно часть команд, вооружившись словарем из учебника Розенталя–Соколова, дала правильные ответы в том числе на следующие вопросы:

1. В басне Крылова «Квартет» упоминаются три музыкальным инструмента, и название одного из них пришло из латинского языка. Как ни странно, в квартете он не самый _____. Заполните пропуск.
2. Джазовая песенка «*Run, rabbit, run*» не имеет ничего общего с быстрым классическим произведением для органа. Но термин для обозначения этого произведения поможет вам перевести совет кролику на латынь.
3. Если бы Цицерон услышал, как мы читаем его изречение,⁵⁴⁰ он бы удивился не только тому, как мы произносим слово *erubes[Ц]it*, но и спросил – что такое _____? Заполните пропуск.

Ключи от Форта Боярд

Вам понадобится: 7 ключей;⁵⁴¹ стеклянная банка для специй и наполнитель – желательно стремного вида – ракушки, сухие растения, камушки, песок или его имитация (подойдет манная или ячневая крупа); 7 бумажек с заданиями; белая доска; цветные фломастеры – для каждой команды свой цвет (соответственно играют от 2 до 4 команд).

Описание: так как дистанционное обучение, как известно, бедно эмоциями и совершенно лишено тактильных впечатлений, возвращение к очному обучению можно сопроводить такой имитацией известного телешоу. Участник от каждой команды достает из банки свернутую бумажку с заданием, которое команда сообща выполняет. Когда ответ готов, команда пишет его на доске фломастером и, если правильно, получает ключ! И тянет следующую бумажку, пока они есть. В конце ключи подсчитываются (если что, на доске тоже все видно). Идеальное число команд – 2 или 3, тогда гарантированно есть победитель.

Методрекомендации: задание должно занимать какое-то время, но иметь относительно краткий ответ. В нашем случае юристы ставили в указанный падеж монструозное сочетание, например, *permutatio + fortuītus > Abl. Sg.*, а филологи определяли функцию падежа в незнакомом предложении.

Цель настоящей⁵⁴² статьи конечно же не в том, чтобы навязать кому-либо использование именно этих игр именно с этими темами и словами, а в призыве научного и преподавательского сообщества ко всякого рода творчеству.⁵⁴³

⁵⁴⁰ Конечно, точной цитатой было бы «*Epistula non erubescit*» (*Fam. V, 12, 1*), однако большая часть учебников дает укоренившиеся в традиции *charta*, которое переводится не менее укоренившимся «бумага».

⁵⁴¹ Ключ от аудитории убирается как можно дальше.

⁵⁴² Вернее, как все уже убедились, совершенно не настоящей.

⁵⁴³ Ответы к вопросам чгк: высокий, *fuge*, бумага. Слова *altus* и *fugio* есть в учебном словаре, в одном случае достаточно его найти, в другом – еще и поставить в *Imper. Sg.*! А это, отмечу, 3b спряжение, не что-нибудь! Правильный ответ дала только одна команда с бойким названием «Декан, подними стипендию!», что еще раз подтверждает слова Петрония: «*Nescio quo modo bonae mentis soror est paupertas*» (*Sat. 84*).

Жили два слона

Александра Костюковская

